

Озарение

ОШО

И цветы

расцвели...

ББК 84,5 Ид
096

ОШО
096 И цветы расцвели. Озарение.
Москва, «Нирвана», 2004, 288 с.
ISBN 5-94726-026-0

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш – просветленный Мастер нашего времени.

«Ошо» означает «подобный океану», «Благословенный».

В этой книге представлены два цикла бесед. Первый - «И цветы расцвели» - посвящен притчам дзен. Второй - ответы на вопросы учеников Ошо.

«Единое – это ваша мать. Единое не безразлично к вам. Позвольте этой истине проникнуть в ваше сердце как можно глубже, потому что одно осознание, что Единое радуется вместе с вами, изменит вас. Тогда вы не изолированы, тогда вы здесь не чужестранец. Тогда вы не бездомный скиталец, тогда здесь ваш дом. И Единое окружает вас материнской заботой и любовью. Поэтому это естественно: что, когда кто-нибудь становится буддой, когда кто-нибудь достигает высшей точки, все существование танцует, все существование поет, все существование празднует. И это буквально так. Это не метафора, запомните, иначе вы упустите весь смысл».

Редактор: Свами Вит Праяс
Перевод: Валерия Миняева, Иван Богатов

And the Flowers Showered; Come, Come, Yet Again Come
© OSHO RAJNEESH, INDIA 1988
© Солдатов А. В., русский перевод 2004

Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3449.
Лицензия № ИД № 01174 от 20.02.2000 г.
Издательство ® «Нирвана», 125422, Москва, до востребования

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

04030300 - 062

7П16(03) - 99 без объявления

ББК 84,5 Ид

ISBN 5-94726-026-0

Содержание

И цветы расцвели

1. Цветок расцветает.....	4
2. Рьяный ученик.....	22
3. Вспыльчивый.....	41
4. Каков путь?.....	62
5. Он мертв?.....	83
6. Искусство стрельбы из лука.....	104
7. Пожар в храме.....	122
8. Пять фунтов тозана.....	142
9. Глухой, немой и слепой.....	158
10. Видя дважды.....	184
11. Не ум, не Будда, не мир.....	203

Озарение

1. Азы любви.....	222
2. Из Италии в нирвану.....	233
3. Трава растет сама собой.....	245
4. Забыто, но не потеряно.....	260
5. Отсутствие вопросов это тоже ответ.....	276

ЦВЕТОК РАСЦВЕТАЕТ

Беседа 1. 31 октября 1974 года

Субхути был одним из учеников Будды. Он смог понять силу пустоты – то есть ту точку зрения, что все существует лишь в соотношении субъективного или объективного.

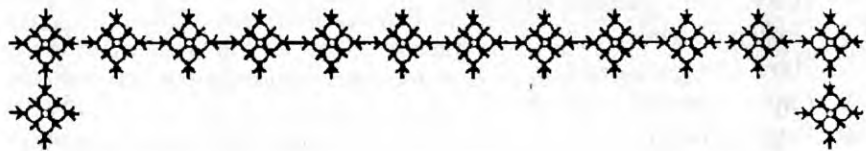
Однажды, когда Субхути сидел под деревом в состоянии возвышенной опустошенности, на землю вокруг него начали падать цветы.

«Мы славим тебя за беседу о пустоте», – шептали ему боги.

«Но я не говорил о пустоте», – сказал Субхути.

«Ты не говорил о пустоте, мы не слышали пустоту, – ответили боги. – Это и есть истинная пустота».

И лепестки осыпали Субхути дождем.

Да, такое случается. Это не метафора, это факт – поэтому не воспринимайте эту историю образно. Все буквально так и было. Потому что все существование переживает счастье, блаженство, восторг, когда всего одна душа достигает Высшего.

Мы часть Единого, и Единое не безразлично к нам, не может быть. Как может мать быть безразличной к ребенку – к своему собственному ребенку? Это невозможно. Ребенок растет, и мать растет вместе с ним. Когда ребенок счастлив, мать счастлива вместе с ним. Когда ребенок танцует, что-то внутри матери тоже танцует. Когда ребенок болеет, болеет и мать. Когда ребенок несчастен, несчастна и мать. Потому что они не двое разных людей; они – одно. Их сердца стучат в унисон.

Единое – это ваша мать. Единое не безразлично к вам. Позвольте этой истине проникнуть в ваше сердце как можно глубже, потому что одно осознание, что Единое радуется вместе с вами, изменит вас. Тогда вы не изолированы, тогда вы здесь не чужестранец. Тогда вы не бездомный скиталец, тогда здесь ваш дом. И Единое окружает вас материнской заботой и любовью. Поэтому это естественно: что, когда кто-нибудь становится буддой, когда кто-нибудь достигает высшей точки, все существование танцует, все существование поет.

все существование празднует. И это буквально так. Это не метафора, запомните, иначе вы упустите весь смысл.

Лепестки осыпаются, они всегда осыпаются дождем – никогда не прекращая.

Лепестки, что осыпали Субхути, все еще осыпаются.

Вам они не видны – не потому, что они не осыпаются, но потому, что вы не способны видеть их.

Существование бесконечно празднует всех, кто когда-либо стал буддой, всех, кто становится буддой, всех, кто еще станет буддой – потому что для Существования нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Это протяженность. Это вечность. Существует лишь сейчас, бесконечное сейчас.

Они все еще осыпаются, но вы их не видите. Вы не увидите их, пока они не осыплют вас, и как только вы увидите их осыпающимися вас, вы увидите, что они осыпали каждого будду, каждую просветленную душу.

Первое: Существованию безразлично, что происходит с вами. Существование возносит молитвы, чтобы Высшее случилось с вами. На самом деле, вы не что иное, как рука Единого, которой оно тянется к Высшему. Вы просто волна, которой Единое хочет достать луны. Вы лишь распускающийся бутон, через который Единое наполнится благоуханием.

Если вы сможете отбросить себя, эти лепестки осыплют вас этим же утром, в этот самый миг. Боги всегда готовы. Их ладони полны лепестков. Они просто смотрят и ждут. Как только кто-нибудь, как Субхути, становится пустым, отсутствующим, лепестки начинают сыпаться на него дождем.

Это один из основных фактов. Без этого нет возможности доверия. Без этого нет возможности для вас достигнуть Истины. Без помощи Единого у вас нет возможности достигнуть – как вы достигнете? И обычно наш ум размышляет совсем наоборот. Мы думаем о Едином как о враге, не как о друге и никогда как о матери. Мы думаем о Едином, как будто оно стремится уничтожить нас. Мы смотрим на Единое через врата смерти, не через врата рождения. Все выглядит так, будто Единое против вас, воюет с вами, мешает вам достигать ваших целей и задач, мешает вам реализоваться. И вы беспрестанно ведете с ним войну. И чем больше вы воюете, тем больше подтверждается ваше заблуждение – потому что, если вы боретесь, ваша собственная борьба отражается через Единое.

Единое поддерживает вас, помните это. Даже когда вы боретесь, Единое поддерживает вас. Даже когда вы боретесь и вы неправы, Единое поддерживает вас. Это вторая истина, которую нужно хорошо понять. Если вы не поймете, вам будет трудно идти дальше.

Даже если вы боретесь против Единого, оно поддерживает вас – потому что оно не знает ничего другого, кроме как поддерживать вас. Если вы ошибаетесь, Единое все равно заботится о вас. Даже если вы ошибаетесь, Единое идет с вами. Если ребенок ошибается, мать все равно любит его. Если ребенок стал вором или заболел, мать все равно не оставит его. Она не сможет навредить ребенку. Если ребенок совсем собьется с пути истинного, мать все равно будет молиться за него. В этом суть рассказа Иисуса о двух братьях.

Один из них ушел от отца, но не только от отца, но и с праведного пути, истратил впустую свою часть наследства, стал нищим, картежником и пьяницей. Другой остался с отцом, помогал в делах, работал в саду и на ферме, приумножил состояние, помогал отцу как мог и служил ему в духе смирения. Потом они вдруг получили вести о том, что другой брат стал нищим, что он просит подаяния на улицах, и все сердце отца изболелось за него, и все его молитвы были только о нем. Он совсем забыл о том сыне, что был рядом; он помнил лишь о том, который был далеко. Тот сын снился ему по ночам, а не тот, что был рядом, работал для него и был хорош во всех отношениях.

И однажды блудный сын вернулся, и отец устроил большой праздник. Хороший сын возвращался домой с фермы, и кто-то сказал ему: «Посмотри на несправедливость твоего отца! Ты любишь его, заботишься о нем, служишь ему, и ты был все время с ним, был добрым, порядочным, не делал ничего наперекор ему, но ни разу пира не устраивали в твою честь. Самого жирного барашка зарезали для твоего брата, который ушел из дома и возвращается нищим, и весь дом празднует!»

Сын, хороший сын, почувствовал обиду. Это было абсурдом. Он пришел домой рассерженным. «Что ты делаешь? Ни разу пира не устроили для меня, а ведь я служил тебе... а что он сделал для тебя? Промотал наследство, проиграл все в карты, вернулся бродягой!»

Отец сказал: «Да, мне не нужно беспокоиться за тебя, потому что ты рядом, ты добр, и ты счастлив. Но он блудный сын – и с ним мои молитвы, и с ним моя любовь».

Иисус рассказывал эту историю своим ученикам снова и снова, потому что, по его словам, Бог может позабыть о святых, нет нужды помнить о них, но Бог не может забыть о грешниках.

Если Он отец – а я скажу вам, что Он не отец, Он мать; отец не такое глубокое явление, как мать, поэтому индуисты называют Его матерью: Бог – это мать, это материнство. И Иисус говорил, что если пастух по дороге домой обнаружит пропажу овцы, он бросит все стадо в лесу темной ночью и пойдет искать заблудшую овцу. И когда он находит заблудшую овцу, он несет ее на плечах, он ликует и

возвращается домой счастливым, потому что потеря нашлась. Когда бы это ни случилось – все мы заблудшие овцы – когда заблудшая овца находится, пастух ликует. Лепестки начинают осыпаться.

Боги, божества на Востоке воплощают не люди, а природные стихии. Все, что только возможно, получило определенное олицетворение, было наделено сердцем, сердцебиением, чтобы было более душевным. Поэтому индусы, буддисты превратили все природные стихии в богов, и они правы! Когда Субхути достиг пустоты, боги устроили дождь из цветов.

Смысл всего этого прекрасен: солнце – это бог для индусов и буддистов, небо – тоже бог; у каждого дерева есть свой бог, божество. Воздух – Бог, земля – Бог. У всего есть душа – вот в чем смысл. Ничто не безразлично к вам – вот в чем смысл. И когда вы достигаете, все сущее празднует. Тогда и солнце светит по-другому; качество изменилось.

На взгляд невежественных, ничего не изменилось. Солнце светит по-старому, потому что перемена в качестве настолько тонка, что заметна лишь тому, кто пуст. Перемена не масштабна, эго не может ощутить ее. Масштабы – поле для эго. Тонкое можно почувствовать лишь тогда, когда эго отсутствует, потому что это настолько тонко, что если там будете присутствовать вы, вы точно упустите это. Одно ваше присутствие создаст уже достаточную помеху.

Когда вы полностью пусты, солнечный свет тут же становится другим. Он приветливо поэтичен. Его тепло уже не просто тепло, оно стало любовью – теплом любви. Воздух другой, он льнет к вам, он касается вас более нежно, как будто у него есть руки. Прикосновение совершенно другое; теперь в прикосновении есть чувственность. Дерево расцветает, но не так, как раньше. Цветы появляются на дереве так, будто они выпрыгивают изнутри.

Говорят, что когда Будда проходил по лесу, деревья начинали цвести, даже если для этого был не сезон. Так и должно быть. Человек может ошибиться и не узнать Будду, но как могут ошибиться деревья? У человека есть ум, который может упустить, но как могут упустить деревья? – у них нет ума! И когда Будда проходит по лесу, они расцветают. Это естественно, так и должно быть! Это не чудо. Но вы, возможно, не увидите эти цветы, потому что они не совсем материальны. Эти цветы – чувства деревьев. Когда мимо проходит Будда, дерево дышит по-другому, пульсирует по-другому, оно преображается. В этом суть. Единое заботится о вас, Единое – ваша мать.

Теперь попытайтесь понять эту притчу – одну из лучших.

Субхути был одним из учеников Будды.

У Будды были тысячи учеников. Субхути был лишь одним из них, он не был кем-то особенным. И действительно, о самом Субхути мало что известно, это, пожалуй, единственная история. Были и великие ученики, известные, знаменитые; великие ученые, принцы. Они правили большими королевствами, и когда они отрекались и покидали их, чтобы стать учениками Будды, у них уже было имя. Но цветы не сыпались на них. Цветы выбрали Субхути, который был просто одним из учеников, он ничем не выделялся.

Только на таких осыпаются цветы; иначе вы тоже можете стать кем-то особенным при Будде – и вы упустите. Приближенность к Будде может вызвать в вас чувство самодовольства, и вы создадите себе иерархию, и будете говорить: «Я не простой ученик, я особенный. Я правая рука Будды. Все остальные – обычные ученики, толпа, но я не толпа, у меня есть имя, есть своя собственная личность. Еще до того, как я пришел к Будде, я уже был кое-кем». И так и остался кое-кем.

Шарипутта пришел к Будде. Когда он пришел, у него самого уже было пятьсот учеников. Он был мастером. Непросвещенным мастером, разумеется, который ничего не знал – и все же считал себя знающим, потому что был великим ученым. Он знал все священные писания. Он родился брамином и был очень талантлив, гениален. С самого детства он славился удивительной памятью: он мог запомнить все что угодно. Ему было достаточно один раз прочитать священный текст, чтобы запомнить его. Он был знаменит на всю страну; когда он пришел к Будде, он уже был кем-то. Он стал учеником Будды, но он все же был кем-то. Эта мнимая избранность стала препятствием.

Эти боги ведут себя очень нелогично: выбрали ученика, Субхути, который был просто одним из толпы, он ничем не выделялся. Эти боги, должно быть, сумасшедшие! Они должны были выбрать Шарипутту, он должен был быть избранным. Но они не выбрали его. Они не выбрали и Ананду, двоюродного брата Будды, который был тенью Будды сорок лет – сорок лет, ни на секунду не покидал Будду. Он спал с ним в одной комнате; он везде следовал за Буддой, все время был рядом с ним. Он был самым известным учеником. Все истории, что Будда рассказывал, он начинал с обращения к Ананде. Он говорил: «Ананда, это было так...», «Ананда, однажды...» – все «Ананда» да «Ананда», он постоянно повторяет это имя, – но боги сошли с ума, они выбрали Субхути – никого!

Помните, избранным будет только никто – потому что тот, кто был кем-то в этом мире, станет никем в другом мире. Если *здесь* вы никто, вы станете кем-то в другом мире. Ценности отличаются.

Здесь ценится все внушительное; там ценится тонкое. И самое тонкое, тончайшее, что только возможно – это *не быть*. Субхути был человеком в толпе – никто даже не знал его имени – и когда узнали, что лепестки осыпали Субхути, все стали спрашивать: «А кто такой этот Субхути? Мы никогда о нем не слышали. Это произошло случайно? Боги избрали его по ошибке?» – потому что много было таких, кто был выше по иерархии. Субхути, наверное, был в ней последним.

Это единственная история о Субхути.

Постарайтесь как следует ее понять. Вблизи великого Мастера будьте никем. Боги безумны и выберут вас лишь в том случае, если вас нет. И если вы пытаетесь быть кем-то, то чем больше вы преуспеваете в этом, тем больше упустите. Мы делаем это в своем мире и пытаемся продолжать в том же духе, когда мы рядом с Буддой. Вы жаждете богатств. Почему? Потому что с богатствами вы становитесь кем-то. Вы жаждете престижа и власти. Почему? Потому что престиж и власть делают вас особенным. Вы жаждете учения, учености, знаний. Почему? Потому что знания дают вам повод для гордости.

Но в таком случае вы не будете избранником богов. Они выбирают по-своему. Если вы сами слишком громко бьете в свой барабан, богам нет смысла осыпать вас цветами: вы сами забрасываете себя цветами; смысла нет. Когда вы перестаете гордиться чем-либо, то вдруг все Существование начинает гордиться вами. Иисус говорит: «И первые этого мира станут последними в Царствие Божьем. И последние станут первыми».

Однажды случилось так, что в одном городе умерли в один день богач и нищий. Нищего звали Лазарь. Богач попал напрямую в ад, а Лазарь – прямо в рай. Богач поднял глаза и увидел Лазаря, сидящего рядом с Богом, и воскликнул в небеса: «Это какая-то ошибка. Я должен быть там, а этот бродяга Лазарь должен быть *здесь!*»

Бог рассмеялся и сказал: «Последние станут первыми, и первые станут последними. Ты вволю побыл первым, теперь пусть и Лазарь этим насладится».

Богачу было очень жарко – в аду пока не установлены кондиционеры – жар обжигал. Он хотел пить, но не было воды. Он снова позвал: «Боже, пожалуйста, пусть хоть Лазарь принесет мне попить, я умираю от жажды».

И Бог сказал: «Лазарь страдал от жажды много раз, чуть не умирал у твоего порога, и ты ни разу не дал ему ничего. Он умирал от голода у твоей двери, а у тебя в доме каждый день был пир, много гостей, но твои слуги всегда прогоняли его, потому что приезжали гости, важные гости, политики, дипломаты, богатые люди, и тебе

было неловко за попрошайку у своей двери. Твои слуги гнали его прочь, и он был голоден, а твои гости не были голодны. Ты ни разу не взглянул на Лазаря. Теперь это невозможно».

И, говорят, Лазарь рассмеялся.

Для многих христианских мистиков эта история стала поводом для глубоких раздумий. Она стала чем-то наподобие дзенского *коана*, и в монастырях христианские мистики снова и снова задавались вопросом: *почему Лазарь рассмеялся?*

Он смеялся над абсурдностью вещей. Он никогда не знал, что человек-никто, как Лазарь, прокаженный, бродяга, сможет когда-нибудь попасть в рай. Он не мог поверить, что это и вправду случилось. И ему не верилось в другое: что богатый человек, самый богатый в городе, попал в ад. Он смеялся.

И Лазарь до сих пор смеется. И будет смеяться, когда и вы умрете: если вы были кем-то, он будет смеяться, потому что вы будете низвергнуты. Если вы никто, простой человек, он будет смеяться, потому что вы будете приняты.

В этом мире, поскольку эго существует, все оценки принадлежат ему. В другом мире, в другом измерении, эго не участвует в оценках. Отсюда акцент Будды на неличность – *анатту*. Он говорил: «Не надо думать даже “Я – душа”, потому что и это может стать тонким эго. Не надо говорить “Ахам Брахмасми – я есть Брахма, я есть Высшее Я”. Не говорите даже этого, потому что Я очень коварно. Оно может обмануть вас. Оно и так обманывало вас многие и многие жизни. И будет продолжать обманывать. Просто скажите: “Меня нет” – и пребывайте в этом “нет”, оставайтесь в этой пустоте – освободитесь от Я».

Нужно избавиться от Я. Как только отброшено Я, больше ничего не нужно. Вы переполняетесь, и лепестки начинают осыпаться вас.

*Субхути был одним из учеников Будды – помните, одним из.
Он смог понять силу пустоты.*

Он был просто одним из многих, поэтому ему удалось понять силу пустоты. О нем никто не говорил, о нем никто не знал. Он следовал за Буддой, прошел с ним множество дорог в его странствиях. Никто не знал, что он был там; если бы он умер, никто бы этого не заметил. Если бы он сбежал, никто бы даже не спохватился, потому что никто и не знал о его существовании. Он узнал, постепенно, потому что был никем, – он узнал *силу пустоты*.

Что это значит? Потому что чем более несуществующим он становился, тем больше он ощущал приближение Будды. Никто не замечал этого, кроме самого Будды. Когда цветы осыпались на Субху-

ти, для всех это было неожиданностью, но не для Будды. Когда ему сообщили, что что-то произошло с Субхути, Будда сказал: «Я ждал этого. Это могло произойти в любое мгновение – потому что он сделался настолько незаметным; это могло случиться в любой день. Для меня это неудивительно».

Он смог понять силу пустоты –

потому что сам был пуст! Вам неизвестна сила пустоты. Вам не знакома сила тотального внутреннего отсутствия. Вам знакома лишь немощь эго.

Но попытайтесь понять. Давало ли вам когда-либо эго почувствовать себя по-настоящему сильным? С эго вы всегда чувствуете себя беспомощно. Поэтому эго говорит: «Расширь немного свою империю, и ты почувствуешь свою власть; нет, этот дом маловат, нужен побольше; нет, такого счета в банке мало, нужен счет побольше; нет, столько славы недостаточно, нужно немножко еще». Эго всегда требует большего – почему? Если оно и так сильно, зачем требовать большего? Сама жажда большего свидетельствует о том, что эго чувствует себя беспомощным. У вас миллион рупий, и вы беспомощны. Эго говорит: «Нет, одного миллиона мало, у тебя должно быть десять миллионов». И вот что я вам скажу: с десятью миллионами рупий вы будете чувствовать себя в десять раз беспомощнее, вот и все. И эго снова скажет: «Нет, этого мало».

Эго *все* мало. Все лишь подтверждает, что вы беспомощны, бессильны. Чем больше власти вы получаете, тем, наоборот, беспомощнее чувствуете себя. Чем богаче вы становитесь, тем беднее себя ощущаете. Чем больше у вас здоровья, тем сильнее страх смерти; чем вы моложе, тем сильнее ощущаете приближение старости.

Противоположность стоит прямо за углом, и если у вас есть хоть немного понимания, вы увидите, как она настигает вас из-за спины. Чем вы красивее, тем больше ощущаете свое внутреннее уродство.

Эго никогда не было сильным. Оно лишь мечтает о силе, думает о силе, размышляет о ней – но это лишь мечты, ничего более. А мечты приходят лишь для того, чтобы скрыть ваше внутреннее бессилие. Но мечты не могут скрыть реальность. Что бы вы ни делали, реальность откуда-нибудь да придет, найдет лазейку и разрушит все мечты.

Эго – самое беспомощное, что есть в этом мире. Но никто этого не понимает, потому что оно постоянно требует большего; оно не успокаивается ни на секунду, чтобы вы могли спокойно взглянуть на ситуацию. Не успеваете вы осознать происходящее, как оно сно-

ва вас куда-то толкает, все дальше и дальше. И цель всегда где-то на горизонте. «Уже близко, – думаете вы. – К вечеру я дойду».

Вечер не наступит никогда.

Горизонт всегда остается на одном и том же расстоянии. Горизонт – это иллюзия. Все цели эго – одни лишь иллюзии. Но они дают надежду, и вы думаете: «Рано или поздно я стану могущественным». Сейчас вы все еще бессильны, беспомощны, неполноценны, но в будущем, в мечтах, в надеждах вы станете могущественным. Вы должны осознать, что много раз, просто сидя на стуле, вы начинали грезить наяву: вы становились повелителем всего мира или президентом Соединенных Штатов и тут же начинали наслаждаться этим. Все взгляды прикованы к вам, вы стали центром всеобщего внимания. Уже сама мечта об этом воодушевляет, опьяняет вас. Когда вы так мечтаете, у вас даже меняется походка. *Так происходит со всеми.*

Ваша сила остается в мечтах, вы сами остаетесь бессильными.

Истина совсем в обратном: когда вы не ищете, это приходит; когда вы не просите, вам дают; когда вы не жаждете, это появляется; когда вы не стремитесь больше к горизонту, внезапно вы понимаете, что это всегда было вашим, просто вы не умели этим жить. Оно внутри вас, но вы ищете его где-то вовне. Это внутри вас, а вы идете за ним наружу. Вы *носите* это. Высшая сила – само Божественное находится внутри вас. А вы ищете то там, то здесь, как нищий.

Он смог понять силу пустоты.

Просто будучи пустым, вы поймете – другого способа понять нет. Когда вы захотите что-нибудь понять, будьте этим, потому что это единственный путь. Попробуйте стать простым человеком, никем, без имени, без личности, без претензий, без власти над другими, без стремления господствовать, без желания обладать, просто перестать быть чем-либо. Попробуйте это – и увидите, насколько вы станете сильны! Насколько энергичны и переполнены! Насколько сильны, что можете делиться своей силой. Насколько наполнены благодатью, что можете дарить ее многим, миллионам. И чем больше вы отдаете, тем больше это обогащает вас. Чем больше вы делитесь с другими, тем больше становится силы. Вы становитесь потоком.

Он смог понять силу пустоты – просто будучи никем – ту точку зрения, что все существует лишь в соотношении субъективного или объективного.

Это одна из самых глубоких медитаций, открытых Буддой. Он говорит, что все сущее относительно; это относительное явление – это не что-то абсолютное, фундаментальное.

Например: вы бедны, я богат. Это нечто существенное – или это просто соотношение? Я могу быть бедным по отношению к кому-то другому, а вы по отношению к кому-то еще – богатыми. Даже нищий может быть богат по сравнению с другим нищим; есть богатые нищие и бедные нищие. Богатого человека можно назвать бедным по сравнению с тем, кто богаче его. Вы бедны: ваша бедность присуща вам – или она просто соотношение? Это относительное явление. Если не с кем будет сравнить, кем вы будете? Богатым или бедным?

Представьте себе: все человечество внезапно исчезает, и вы остаетесь один на земле. Тогда каким вы будете: богатым или бедным? Вы будете просто *вы*, не богатый и не бедный – потому что с кем сравнить? Нет Рокфеллера, с которым можно было бы сравнивать. Нет и бедняка, с которым можно было бы сравнивать. Если вы один, вы красивы или безобразны? Ни то, ни другое. Вы – просто вы. Когда не с кем сравнить, как вы можете быть красивым или некрасивым?

Как с красотой и уродством, как с богатством и бедностью, так и со всеми остальными вещами.

Вы умны или глупы? Глупы или умны? Ни одно из двух! Поэтому Будда говорит, что все эти понятия относительны. Они не принадлежат никому. Они всего лишь понятия.

А мы настолько озабочены вещами, которых на самом деле нет. Если вы некрасивы, вас это сильно беспокоит. Если вы красивы, вы слишком озабочены этим. Беспокойство создается чем-то несуществующим.

Все, что относительно, не существует. Это просто соотношение, как если бы оно было нарисовано в воздухе, как цветок из воздуха. Даже пузырек воздуха в воде более реален, чем все относительности. Кто вы, если вы один? Никто. *Быть кем-то возможно только по отношению к кому-то еще.*

Это значит, что просто быть никем означает слиться с природой; просто быть никем значит слиться с существованием.

Вы один, помните. Общество существует только вне вас. Глубоко внутри вы один. Закройте глаза и посмотрите, красивы вы или уродливы: оба понятия исчезают; внутри нет ни красоты, ни уродства. Закройте глаза и задумайтесь, кто вы есть. Уважаемый, неуважаемый? Нравственный, безнравственный? Молодой, старый? Черный, белый? Хозяин или раб? Кто вы? Закройте глаза, и в вашей уединенности понятия один за другим отпадают. Вы не можете быть ни-

чем из них. Тогда возникает пустота; все понятия отменены. Осталось только ваше существование.

Это одна из самых глубоких медитаций, открытых Буддой: БЫТЬ НИКЕМ. *Не нужно принуждать себя к этому.* Не нужно думать, что вы никто, вы должны просто понять это, иначе это состояние будет обременять вас. Вы не должны *думать*, что вы никто, вы просто должны осознать, что все, чем вы себя считаете, относительно.

А Истина абсолютна, она не относительна. Истина не относительна, она ни от чего не зависит, она просто есть. Итак, найдите Истину внутри себя и не беспокойтесь об относительных вещах. Они непостоянны, непостоянны и их оценки. По мере того как меняются их оценки, меняетесь вы.

Допустим, что-то модно: если вы пользуетесь этим, вы современны, вы нравитесь. Если что-то вышло из моды, но вы этим пользуетесь, вы отстали от жизни, вас не уважают. Пятьдесят лет назад это было модно, и тогда вы выглядели бы современно. Пятьдесят лет спустя, возможно, это вернется в моду, и тогда вы снова будете современны. Прямо сейчас вы старомодны. Но кто же вы, среди меняющейся моды? Меняющихся понятий, оценок?

Один мой друг был коммунист, но очень состоятельный человек – он никогда не ощущал в этом противоречия. Он был буржуа, не знал, что такое голод и физический труд. У него было много слуг; он принадлежал к старому королевскому роду. И в 1940 году он побывал в России. Вернувшись, он рассказывал мне: «Куда бы я ни поехал, везде у меня возникало чувство вины. Потому что кому бы я ни пожал руку, я сразу чувствовал, что этот человек заметил, что у меня не “рабочие” руки. Это не руки пролетария. Это руки буржуа – нежные! женственные! Человек сразу менялся в лице и выпускал мою руку, как будто я был неприкасаемым». Он говорит: «В Индии, когда я здороваюсь за руку, людям нравятся мои руки. Они красивые, женственные, ухоженные. В России мне было так стыдно за свои руки, что я начал подумывать о том, как бы избавиться от их нежности, чтобы никто не смотрел на меня как на эксплуататора – буржуа, богача».

Все потому, что там труд считался ценностью.

В России трудиться – значит быть человеком. Быть богатым – грех. Так что все может быть относительным.

В Индии всегда почитали *бхиккху, свами, саньясинов*. И так же было в Китае – до прихода Мао. Человек, отрекшийся от мира, был *наиболее* уважаемым, и общество заботилось о нем. Он был вершиной человечества. Потом в Китай пришел коммунизм, и тысячи монашеских монастырей были стерты с лица земли, и все монахи – уважаемые люди прошлого – стали вдруг грешниками, потому что не работать

нельзя. Кто не работает, тот не ест, а просить подаяние – это эксплуатация. Просить подаяние стало запрещено законом.

Если бы Будда родился в Китае, сейчас ему пришлось бы нелегко. Ему не позволили бы просить подаяния, его бы считали эксплуататором. Даже если бы сам Маркс родился в Китае или в России, ему пришлось бы тяжело, потому что всю свою жизнь он только и делал, что занимался в библиотеке Британского Музея. Он не был пролетарием, не был тружеником, а его друг и соратник, Фридрих Энгельс, был очень богатым человеком. Там им поклоняются как богам, но если бы Фридрих Энгельс приехал в Россию, ему пришлось бы нелегко. Он никогда не работал; он жил трудом других – и помогал Марксу; без его помощи Маркс не написал бы свой *Капитал* или *Коммунистический манифест*. В сегодняшней России ему пришлось бы тяжело. Меняется мода – меняются взгляды.

Запомните это: то, что меняется, относительно, а то, что остается неизменным, абсолютно – и ваше бытие абсолютно; оно не принадлежит к относительному.

... ту точку зрения, что все существует лишь в соотношении субъективного или объективного.

Если вы хорошо поймете эту точку зрения, поразмыслите над ней, помедитируете на нее, вы испытаете внутреннее озарение и увидите, что все суть пустота.

Однажды, когда Субхути сидел под деревом в состоянии возвышенной опустошенности...

Запомните слова *возвышенной опустошенности*, потому что иногда вы тоже чувствуете опустошенность – но не возвышенную. Иногда вы также ощущаете внутри пустоту, но это вызывает в вас не восторг, а депрессию, гнетущую опустошенность вместо положительной – и это различие очень важно запомнить.

Негативная опустошенность означает, что вы переживаете поражение, а не осознание. Вы пытались достичь чего-то в этой жизни, но вам не удалось. Вы чувствуете опустошенность, оттого что не получили желаемого; не получили женщину, которую желали – вы ощущаете пустоту. Мужчина, который вам нравился, исчез – вы ощущаете пустоту. Успех, который был в ваших мечтах, не пришел – вы ощущаете пустоту. *Эта* пустота негативна. Это разочарование, депрессия, безрадостные мысли. Если у вас внутри *такая* пустота, помните, лепестки не осыплются на вас. Ваша пустота не позитивная, не настоящая. *Вы все еще гонитесь за чем-то* – отсюда ваше

ощущение пустоты. Вы пытаетесь угнаться за эго: вы хотели стать тем-то и тем-то, но не смогли. Это поражение, а не осознание.

Итак, помните, если вы отрекаетесь от мира из-за поражения, это не истинное отречение, не саньяса, это не настоящее. Если вы отрекаетесь от мира через осознание, это совершенно иное. Вы не должны отрекаться, опустив руки, с разочарованием в душе и сплошными неудачами вокруг. Это не должно быть похоже на самоубийство, помните. Если ваша саньяса – самоубийство, тогда на вас не посыплется цветочный дождь – тогда вы уходите из жизни. Наверное, вы слышали следующую басню Эзопа.

Пробегая мимо, лиса увидела гроздь винограда, но лоза была высоко на дереве. Она прыгала и так, и эдак, но не могла достать до винограда. Пришлось ей уйти со словами: «Он все равно никуда не годится. Он еще не поспел. Кислый виноград». Она не смогла до них достать, но эго трудно признать «Я неудачник». Эго, скорее, скажет: «Он ни на что не годится», чем признает: «Я не смог достать, он был слишком высоко».

Много таких саньясинов, так называемых святых, которые в точности как эта лиса у Эзопа. Они отреклись от этого мира не потому, что осознали его тщетность, а потому, что были неудачниками и не смогли чего-то достичь – и они все еще полны зависти и недовольства. Пойди к ним – и они будут все отрицать, говоря: «Деньги – грязь; а что такое красивая женщина? – та же кровь и плоть!» Кого они пытаются убедить? Они пытаются убедить самих себя, что виноград кислый и горький.

К чему говорить о женщинах после того, как вы оставили мир? И к чему разговоры о богатстве, если оно вас не волнует? Значит, в глубине эта привязанность еще существует. Вы еще не приняли свое поражение, и понимание не возникло.

Когда вы *против* чего-либо, помните, что осознание к вам еще не пришло – потому что в осознании растворяются все *за* и *против*. В осознании вы не враждебны по отношению к миру. В осознании вы не осуждаете мир и людей в нем. Если вы осуждаете, ваше осуждение говорит о том, что вы задеты за живое, и вы завидуете – потому что не бывает осуждения без зависти. Вы осуждаете людей, потому что каким-то образом, бессознательно вы чувствуете, что они наслаждаются жизнью, а вы упустили. Вы говорите, что этот мир лишь сон, но если он и вправду лишь сон, то зачем настаивать, что это сон? Никто не настаивает по поводу снов. Просыпаясь утром, вы знаете, что ваш сон был только сном – и он закончился. Вы же не пойдете рассказывать людям, что все, что они делают – это сон.

Помните об одной уловке ума: вы пытаетесь убедить в чем-то людей лишь для того, чтобы убедить в этом самих себя, потому что когда другие в это поверят, вы успокоитесь.

Если вы всем говорите, что секс – это грех, и они соглашаются с вами, или им нечего вам возразить, вы радуетесь. Вы убедили себя. Ища поддержки в глазах других, вы пытаетесь прикрыть свое поражение.

Негативная опустошенность бесполезна. Это просто отсутствие чего-либо. Позитивная опустошенность – это присутствие чего-то, не отсутствие – поэтому позитивная опустошенность становится силой. Негативная опустошенность превращается в разочарованное, угнетенное состояние души: вы просто загоняете себя внутрь, вот и все. Чувствуя поражение, чувствуя себя отвергнутым, ощущая вокруг себя стену, за которую вы не можете выйти, чувствуя себя бессильным, вы начинаете осуждать и обвинять.

Но это не есть рост, а движение вспять. И в глубине своей вы не сможете расцвести, потому что только осознание расцветает, но не депрессия, а если вы сами не можете расцвести, Существование не будет осыпать вас цветами. Существование просто отражает вас: чем бы вы ни были, Существование даст вам этого еще и еще. Если ваше существо цветет множеством цветов, в миллион раз больше цветов упадет на вас. Если вы в глубокой депрессии, Существование поддержит вас и в этом – в миллион раз большая депрессия достигнет вас. *То, чем вы живете, будет продолжать стучаться в вашу дверь. Чем бы вы ни были, это будет прибавляться.*

Итак, будьте осторожны и бдительны. И помните, *возвышенная опустошенность – явление положительное.* Человек не неудачник, он просто смотрит на вещи и понимает, что мечты не могут осуществиться. И от этого он не разочаровывается, *он радуется, что пришел к осознанию того, что мечты не могут осуществиться.* Он никогда не испытывает подавленности, безнадежности, *он просто счастлив и доволен тем, что пришел к пониманию:* «Я больше не буду тратить силы на невозможное. Я перестану тратить силы на тщетное». И он никогда не скажет, что объект желания плох; пребывая в состоянии позитивной, возвышенной опустошенности, вы скажете, что плохо само желание, а не его объект – вот в чем разница.

В негативной опустошенности вы говорите, что объект желания плох, нужно его сменить! Если объект желания – богатство, деньги, власть – отбросьте его! Пусть объектом желания будет Бог, освобождение, рай – смените объект!

Если опустошенность совершенна, возвышенна, позитивна, вы не осуждаете объект желания, вы просто понимаете, что само желание

тщетно; объекты хороши, но желание бессмысленно. Тогда вы не переключаете свое желание с одного объекта на другой, вы просто отбрасываете само желание.

Став не-желающим, вы расцветаете. Продолжая желать, вы становитесь все более парализованным и безжизненным.

Однажды, когда Субхути сидел под деревом в состоянии возвышенной опустошенности...

Опустошенный, но счастливый, опустошенный, но наполненный; опустошенный, но не лишенный чего-то, опустошенный, но переполненный; опустошенный, но чувствующий себя легко, как дома...

вокруг него начали падать цветы.

Он был удивлен – потому что он был никем. Он никогда не ожидал такого. Если ждешь, цветы никогда не посыплются. Если не ждать, они посыплются – и удивят вас. Почему? Должно быть, Субхути подумал, что здесь что-то не так. Цветы для Субхути, человека-никто, да еще тогда, когда он был опустошен? Когда он даже не думал ни о Боге, ни об освобождении, даже не медитировал (потому что в медитации вы не можете быть опустошены, вы чем-то заняты и полны усилий), ничего не делал? Субхути, должно быть, насторожился, что здесь что-то не так: боги сошли с ума. Откуда эти цветы, ведь сейчас не весна? Наверное, он посмотрел на дерево, потом снова на себя: «На меня падают цветы?» Он не мог в это поверить.

Помните, когда Высшее случится с вами, вы будете удивлены – потому что вы не ожидали этого; вы не ждали и даже не надеялись. А те, кто предвкушает, и ждет, и надеется, и молится, и желает этого – с ними никогда такого не случается, они слишком напряжены. Они не бывают пусты, не бывают расслаблены.

Вселенная приходит к вам, когда вы расслаблены, потому что тогда вы открыты и восприимчивы – все двери настежь. Отовсюду Бог приветствуется. Но вы не молитесь ему, не просите Его прийти – вы ничего не делаете. Когда вы ничем не заняты, просто пребываете в возвышенной опустошенности, вы становитесь храмом, и Он приходит.

В состоянии возвышенной опустошенности на землю вокруг него начали падать цветы...

Он оглянулся вокруг – что происходит?

«Мы славим тебя за твою беседу о пустоте», – шептали ему боги.

Это было невероятно. Он такого не ожидал. Он не верил, что достоин, или что способен, или что уже созрел.

«Мы славим тебя за твою беседу о пустоте», – шептали ему боги.

Им пришлось говорить шепотом. Наверное, они увидели изумление в глазах Субхути, настолько он был удивлен. Они сказали: «Мы славим тебя. Не нужно удивления, не нужно изумления. Расслабься! Мы просто славим тебя за твою беседу о пустоте».

«Но я не говорил о пустоте, – сказал Субхути. – Я вообще ничего не говорил!»

«Ты не говорил о пустоте, мы не слышали пустоту, – ответили боги. – Это и есть истинная пустота».

И лепестки дождем осыпали Субхути.

Попытайтесь понять. Они сказали: «Мы славим тебя за беседу о пустоте», а ведь он ни с кем не говорил, никого рядом не было. Он не говорил и сам с собой, потому что он был пуст, всецело. Он не говорил вообще. Он просто был. От него не исходило никакого действия – ни единого облака мысли на небе его сознания, ни единого чувства в его сердце: *его словно вообще не было*. Он был просто пуст. А боги сказали: «Мы славим тебя за беседу о пустоте». Он был тем более удивлен и сказал: «Что? Я не говорил о пустоте, я вообще ничего не говорил!» Они ответили: «Ты не говорил, а мы не слышали. Это и есть истинная пустота» – ведь о пустоте нельзя беседовать, можно только быть пустым; вот и вся беседа. Все остальное может быть темой для разговора, может быть темой проповеди, предметом проповеди, все остальное можно обсуждать, оспаривать – но только не пустоту. Потому что сама попытка сказать что-то о ней разрушает ее. Стоит вам сказать, и ее больше нет. Одного слова достаточно, и пустота исчезнет. Одного единственного слова может быть достаточно, чтобы *заполнить* вас, и пустота исчезнет.

Нет, о ней ничего не скажешь. О ней-никто никогда не говорил. Можно только быть пустым, и в этом весь рассказ о пустоте.

Бытие – это рассказ. Пустота никогда не может быть предметом размышления. Сама ее природа – в отсутствии мыслей. Поэтому боги сказали: «Ты не говорил ничего, а мы не слышали. В этом и есть

вся красота! Поэтому мы славим тебя. Такое случается редко: чтобы кто-то был просто пуст. Это есть истинная пустота». – И он даже не осознавал, что это пустота, потому что, если вы начинаете отдавать себе отчет, в это вторгается нечто постороннее: вы разделяетесь, вы раздваиваетесь. *Когда вы по-настоящему пусты, нет ничего, кроме пустоты, нет даже осознания пустоты. Нет даже внутреннего свидетеля.* Вы совершенно бдительны, вы пробуждены – но внутренний свидетель отсутствует. Это выходит за пределы внутреннего наблюдения, потому что, наблюдая, вы сохраняете легкое напряжение, прикладываете едва уловимое усилие, и получается, что пустота – это одно, а вы – другое. Вы присутствуете при этом; вы не пусты; и пустота снова лишь *мысль* в вашем уме.

Люди приходят ко мне и говорят: «Я пережил мгновение пустоты». А я говорю им: «Если вы пережили его, забудьте об этом, потому что кто же его переживает? Если есть кому его переживать, это уже само по себе достаточное препятствие. Кто же будет его переживать?» Пустоту нельзя пережить, это не опыт, потому что того, кто переживает, нет: он слился со своим переживанием. Это переживание-процесс.

Позвольте мне создать для этого новое слово: это переживание-процесс. Это процесс, неразделенный: оба полюса исчезли, оба берега исчезли, и осталась только река. Вы не можете сказать: «Я это пережил», потому что вас в этот момент не было – как вы могли это переживать? И, войдя в это однажды, вы уже не сможете превратить это в опыт прошлого, вы не сможете сказать: «Я пережил», потому что тогда это станет лишь воспоминанием.

Нет, пустота никогда не сможет стать воспоминанием, потому что она не оставляет следов. Ее шаги не оставляют следов. Как может пустота стать воспоминанием? Как вы можете сказать: «Я пережил»? Это всегда происходит сейчас, это *процесс* переживания. Оно ни в прошлом, ни в будущем, это непрерывный процесс. Войдя в него однажды, считайте, что вы вошли навсегда. Вы не сможете даже сказать: «Со мной это было» – поэтому Субхути даже не понимал, что происходит. *Он отсутствовал.* Между ним и вселенной отсутствовали какие бы то ни было границы. Никаких границ. Все преграды растворились. Вселенная начала растворяться в нем, он слился со вселенной: слияние, растворение, единение. И боги сказали: «Это и есть истинная пустота».

И лепестки осыпали Субхути дождем.

Эту последнюю строчку нужно понять очень и очень хорошо, потому что как только кто-то подтвердит вам, что вы пусты, это может

вернуться – потому что вы *начинаете отдавать себе отчет*, чувствуете, что достигли чего-то. Внезапно боги дают вам понять, что вы пусты.

Но Субхути – редкий случай, необыкновенно редкий. Несмотря на то, что боги шумели вокруг него, шептали ему в уши, осыпали его дождем из цветов, ему было все равно. Он просто молчал. Они сказали: «Ты говорил, ты беседовал!» Он слушал, не возвращаясь из пустоты. Они сказали: «Ты не говорил, мы не слышали. Это и есть истинная пустота». Но это не вернулось со словами: «Со мной случилось истинное счастье. Наконец-то я стал просветленным» – иначе он упустил бы в самый *последний* момент. И цветочный дождь прекратился бы в тот же миг, если бы он вернулся. Нет, он должно быть, закрыл глаза и подумал: «Эти боги сошли с ума, и эти цветы тебе снятся – не обращай внимания».

Пустота была настолько прекрасна, что теперь *ничто* не могло быть прекраснее ее. Он просто оставался в своей возвышенной опустошенности – поэтому лепестки продолжали осыпать Субхути как дождь. Они уже не просто падали то тут, то там, теперь они сыпались *дождем*.

Эта история – единственное, что известно о Субхути. Больше он нигде не упоминается. Но я скажу вам – те цветы до сих пор осыпаются. Субхути уже не сидит ни под каким деревом, потому что, достигнув настоящей, полной пустоты, человек растворяется во вселенной.

Но вселенная все еще празднует это. И цветы все осыпаются.

Но вы узнаете их лишь тогда, когда они будут осыпаться в честь вас. Лишь тогда, когда Бог постучит в вашу дверь, вы узнаете, что Бог есть, но не ранее.

Все споры напрасны, все разговоры бессмысленны, пока Бог не постучит в вашу дверь. Пока это не случится *с вами*, ничто не может стать доказательством. Я рассказываю о Субхути, потому что то же самое случилось со мной, и не образно, а буквально. Я читал о Субхути прежде, но я думал: «Это аллегория – красивая, поэтическая. Я не допускал ни малейшей возможности, что это может произойти *на самом деле*. Я никогда не думал, что это существующее явление, что такое бывает *в жизни*».

Но теперь я могу сказать вам, что это правда. Это случилось со мной, это может случиться и с вами – только нужна возвышенная опустошенность.

И не перепутайте. Не думайте, что ваша негативная опустошенность может стать возвышенной. Ваша негативная опустошенность похожа на тьму; возвышенная опустошенность подобна свету, подобна восходящему солнцу. Негативная опустошенность подобна

смерти. Возвышенная – подобна жизни, вечной жизни. Она благодатна.

Позвольте этому состоянию проникнуть в вас глубже и глубже. Сидите под деревьями. Просто сидите, ничего не делая. Все остановилось! Стоит остановиться вам, как останавливается все. Время остановит свой ход, как если бы весь мир достиг высшей точки и замер. Но не нужно при этом фиксировать: «Я пуст», иначе вы упустите. И даже если боги начнут осыпать вас цветами, не особенно обращайтесь на это внимание.

Теперь вы знаете, как это бывает – даже не спрашивайте, почему. Сбухути мог спросить, вам же это не нужно. И даже если они начнут шептать: «Мы слышали истинную пустоту и разговор о ней», – не отвлекайтесь. И цветочный дождь осыплет и вас тоже.

РЬЯНЫЙ УЧЕНИК

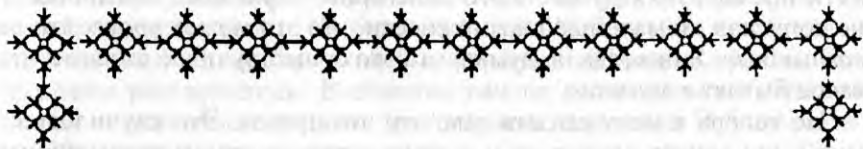
Беседа 2. 1 ноября 1974 года

Будучи рьяным учеником, Ямаока посетил Мастера Докуона. Желая произвести впечатление на Мастера, Ямаока произнес: «Ума нет, тела нет, будды нет. Нет лучшего, нет худшего. Нет Мастера, нет ученика. Нельзя дать, нельзя получить. То, что, как нам кажется, мы видим и чувствуем, ненастоящее. Ни одной из этих иллюзий, в действительности не существует».

Докуон молча сидел, покуривал трубку и ничего не говорил. Вдруг он схватил свой посох и хорошенько огрел им Ямаоку.

Ямаока в гневе подпрыгнул.

Докуон сказал: «Если ничего этого на самом деле не существует и все есть пустота, откуда взялся твой гнев? Подумай об этом».

От знания пользы мало. Только бытие может стать тем паромом, который перевезет вас на другой берег.

Вы можете сколько угодно думать, накапливать знания – но все это лишь бумажные кораблики; они не годятся для дальнего плавания. Если вы собираетесь оставаться на берегу, можете продолжать

разговаривать о них – бумажные кораблики ни в чем не уступают настоящим, если вы не собираетесь в путешествие; но, отправившись в плавание на бумажном кораблике, вы утонете. А слова – не что иное, как бумажные кораблики; даже кораблики – и те более существенны.

А когда мы приумножаем свое знание – что мы делаем? Внутри ничего не изменяется. Существо нисколько не затрагивается.

Информация оседает на вас пылью – подобно тому, как пыль оседает на зеркале; при этом зеркало остается прежним, разве что теряет свое свойство отражать. На самом деле, зеркало портится, потому что накопленное знание – как пыль на зеркале вашего сознания: оно отражает все меньше, меньше и меньше.

Чем больше вы знаете, тем вы менее осознанны. Когда вы до конца полны обучением, заимствованными знаниями, вы уже мертвы. Тогда ничего не приходит к вам как истинно ваше. Все перенято у других, как у говорящего попугая.

Ум и есть попугай. Я слышал одну историю времен Иосифа Сталина – о том, как один человек, выдающийся коммунист, обратился в московское отделение милиции с заявлением о пропаже попугая.

Поскольку человек был известным коммунистом, розыск его попугая был делом важным, и следователь стал расспрашивать про попугая. Он спросил в том числе: «Ваш попугай говорящий?» Коммунист почувствовал легкий испуг и сказал: «Да, он говорящий. Но вы должны себе отметить: его политические взгляды являются целиком его собственными».

Но откуда у попугая могут быть собственные взгляды? Их у него быть не может – как не может быть и у ума, потому что ум – это механизм. Даже попугай более живой, чем ум. Ум – это компьютер, биокомпьютер. Он накапливает. Он не оригинален, да и не может таким быть. Все, чем он богат, заимствовано, взято у других.

Вы можете стать подлинными, лишь превзойдя ум. Когда ум отброшен, существование предстает перед сознанием таким, какое оно есть, немедленно; каждое мгновение лицом к лицу с существованием делает вас подлинным. Тогда вы впервые по-настоящему станете теми, кто вы есть.

В противном случае, все идеи заимствованы. Вы можете цитировать священные писания, можете знать наизусть все Веды, Коран, Гиту, Библию, но это не имеет значения: ведь эти слова не принадлежат вам. Любое знание, которое не является вашим собственным, опасно, оно еще более опасно, чем невежество, потому что это *скрытое* невежество, вы даже не сможете заметить, как обманываете себя. Вы носите с собой фальшивые монеты и думаете, что бога-

ты, носите простые камни, считая их самородками. Рано или поздно ваша нищета раскроется. Тогда вы будете потрясены.

То же самое происходит, когда вы умираете, когда смерть близка. Внезапная близость смерти заставляет вас задуматься о том, что за свою жизнь вы не приобрели *ничего*, потому что вашим становится только то, что вы приобрели вы бытии.

Вы накопили отрывки знаний отовсюду, возможно, стали большой энциклопедией – но суть не в этом; и, в особенности для тех, кто в поиске Истины, это препятствие, а не помощь. Знания нужно превзойти.

Когда нет знаний, вы можете почувствовать момент знания, потому что знание – ваше собственное качество, качество сознания. Оно как зеркало: отражает все, что перед ним; сознание отражает Истину, которая всегда перед вами, прямо у вас под носом.

Но вдруг возникает ум – и начинается его болтовня, а Истина прямо перед вами, но ум все равно занимается болтовней. И вы идете за умом. Вы упускаете. *Ум – это великое упущение.*

Еще несколько слов, прежде чем мы перейдем к этой красивой истории. Во-первых: знания заимствованы, поймите это. Одно только понимание этого позволяет отбросить их. Вам даже не надо ничего делать, просто понять, что все, что вы знаете, вы где-то услышали, вы не познали это; вы где-то это прочли, но не осознали этого; это не было откровением, это было обусловливанием ума. Не *вы* узнали это – вас этому *научили*. Истину можно познать, но ей нельзя научить.

Познавать значит откликаться на все, что вокруг вас: если это есть, откликаться на него. Это и есть великое познание, но не знание.

Нет способа обрести Истину – кроме как обретая ее. К ней нет короткой дороги. Ни заимствование, ни обман, ни кража не способны приблизить вас к ней. Просто нет другого пути, кроме как внутренне освободиться от ума, потому что ум – это волнение, ум – это постоянная дрожь; ум не бывает неподвижным, он – само движение. Ум подобен ветерку, который постоянно дует и заставляет пламя дрожать. Ум уходит, словно ветер стихает, и пламя горит ровно.

Когда ваше сознание станет как ровно горящее пламя, вы познаете Истину. Вы должны научиться не идти на поводу у ума.

Никто не в силах дать вам Истину, никто, ни даже Будда, Иисус или Кришна, не сможет дать вам ее. И это прекрасно, что никто не может дать вам ее, иначе она стала бы товаром на рынке. Если бы ее можно было дать, ее можно было бы и продать. А также и украсть, и одолжить у друга на время. В этом и красота Истины, что она не пе-

редается никаким способом. Ее нельзя постичь, иначе как *самоу*. Ее нельзя получить, иначе как *став* ею.

На самом деле, она *не* является чем-либо, что можно *иметь*. Это ни товар, ни вещь, ни мысль. Вы можете быть ей, но не можете владеть ей.

В мире, в этом мире, мы можем иметь все – все может стать частью нашего достояния. Но Истиной невозможно обладать, потому что есть только два вида благ, которыми можно обладать – мысли и вещи; можно иметь мысли, можно иметь вещи. Истина не является *ни тем, ни другим*. *Истина – это бытие*. Вы можете стать ею, но не можете приобрести ее. Не можете держать ее в сейфе. Или в книге. Или в руке. Когда она у вас есть, вы сами есть она. Вы становитесь Истиной. Это не какое-то понятие, это само бытие.

Во-вторых, помните: людям свойственно пытаться показать, что у них есть нечто, чего на самом деле у них нет. Если у вас что-то есть, вы не выставляете это напоказ, это бессмысленно. Если у вас чего-то нет, вы пытаетесь делать вид, будто оно у вас есть. Итак, помните: если вы что-либо пытаетесь показать другим людям, это значит, что на самом деле у вас этого нет.

Если вы придете в дом богатого человека, будете его гостем – в доме ничего не изменится; если он действительно богат, он не будет ничего менять, просто примет вас. Пойдите в гости к бедному человеку – он все переделает. Он одолжит мебель у соседа, ковер еще у кого-нибудь, шторы еще у кого-нибудь. Он захочет произвести на вас впечатление, что он богат. Если вы небогаты, вы хотели бы выглядеть богатым в глазах других людей. И если вы не знаете, вы хотели бы, чтобы другие думали, что вы знаете.

Как только вам захочется произвести впечатление на кого-либо, вспомните эти слова: человеку свойственно производить впечатление, поскольку никто не хочет выглядеть бедным – тем более, когда это касается благ другого мира.

Вы можете быть бедным в понятиях этого мира; невелика бедность; но что касается Бога, души, освобождения, Истины – это слишком тяжело; быть бедным в этом отношении невыносимо.

Вы хотели бы поразить людей тем, что имеете, но это трудно сделать с помощью благ этого мира, поскольку они видимы. Легко произвести впечатление благами другого мира, поскольку те невидимы. Вы можете сойти за знающего, не зная.

Возникает и другая проблема: пытаюсь произвести впечатление на людей, вы можете и сами поверить их взглядам и убежденности в том, что у вас есть это нечто. Если многие поверят в то, что вы знаете, постепенно в это начнете верить и вы – и это самое опасное, потому что ввести в заблуждение других далеко не так страшно. Но

если вы обмануты своими собственными усилиями, то вас уже практически невозможно пробудить от этого сна, ведь вы уверены, что это никакой не сон! Вам кажется, что вы бодрствуете. Будет очень трудно вывести вас из неведения, если вы уже считаете себя просветленным. Будет трудно излечить вашу болезнь, если вы уже считаете себя полностью здоровым и цельным!

Величайшее препятствие между вами и Истиной в том, что через других вы убедили себя в том, что уже нашли ее. Получается порочный круг. Во-первых: вы пытаетесь убедить других – и это нетрудно, потому что здесь не может быть видимых доказательств. Во-вторых: другие сами в этом ничего не понимают, потому что у них этого нет. Если вы пойдете и станете говорить о Боге, и будете говорить и говорить, рано или поздно люди поверят, что вы знаете о Боге, потому что сами они не знают. Они не знают о нем ничего, кроме самого слова «Бог», и вы можете казаться очень умным и находчивым, находчивым в отношении теорий и учений, убедительным. И если вы будете все говорить и говорить, то просто от скуки они вам скажут: «Хорошо, мы верим, что ты знаешь, только *хватит* об этом».

Я слышал одну историю: жил когда-то великий мистик Баал Шем, еврей, хасид, и пришел к нему ученый, притворщик – а все ученые притворщики, потому что под ученым я подразумеваю того, кто учился по книгам, с помощью слов, языка, кто не встречался с реальностью вживую, – и он начал говорить о древних пророках, о Ветхом Завете, комментировать их – несомненно, все это было лишь повторением чьих-то слов, ничего оригинального; и это было глупостью с его стороны, ведь он говорил *со знающим*.

Баал Шем слушал его из сочувствия и в конце сказал: «Как жаль, как жаль; вот если бы великий Маимонид знал тебя...»

Маимонид был еврейским философом, великим философом, так что притворщик очень обрадовался этому комплименту, что, дескать, знал бы его великий Маимонид... И он сказал: «Я так счастлив, что вы признали меня и дали мне это понять. Я вот только хотел спросить – почему вы говорите “Как жаль, как жаль; вот если бы великий Маимонид знал тебя”? Что вы имеете в виду? Скажите, пожалуйста, что это значит?»

И ответил Баал Шем: «Тогда ты наскучил бы ему, а не мне».

Просто из-за того, что людям скучно вас слушать, они скажут: «Да, мы верим, что ты знаешь – только замолчи». Более того, вы не знаете, вы настолько же невежественны, насколько и они. Вся разница в том, что вы более красноречивы; более начитаны; немного больше покрыты пылью, и им не с чем поспорить – вам легко поставить их на место и заставить замолчать. Им приходится верить, что

вы знаете – для них не имеет никакого значения, так ли это на самом деле.

Будьте счастливы, если вы считаете себя знающими, но имейте в виду, что этим вы возводите вокруг себя каменную стену, которую нелегко будет разрушить. Потому что, убедив других, вы и сами убеждаетесь, «Да, я знаю». Вот почему так много так называемых «Мастеров». Они ничего не знают, но у них есть последователи, которые и заставляют их считать себя знающими. Лишите их последователей – и их уверенность улетучится на глазах.

Глубоко внутри, считают глубинные психологи, люди окружают себя последователями лишь для того, чтобы самим убедиться, что они знают. Если нет последователей, как вы можете быть уверены в своем знании? Никак – ведь вы один на один с собой. Напрямую обманывать себя *трудно*, но легко это делать через других. Если, говоря с кем-то, вы видите свет в его глазах, вы начинаете думать, что в вас есть нечто, ведь иначе откуда свет в его глазах, на его лице? Он был потрясен. Вот почему мы изо всех сил стараемся поразить окружающих. Ум хочет поразить других людей, чтобы через них самому поверить в свое заимствованное знание как в откровение.

Остерегайтесь этого. Это одна из самых хитрых ловушек. Попадете в нее однажды – и вам будет уже нелегко из нее выбраться.

Грешнику может оказаться легче достичь Истины, чем ученому, потому что глубоко в душе грешник испытывает чувство вины, он может покаяться, он чувствует, что ошибся. Нет такого грешника, который в душе был бы счастлив. Он чувствует свою вину; он совершил ошибку и бессознательно раскаивается; он хотел бы исправить все то, что он сделал не так, чтобы вернуть в свою жизнь утраченное равновесие, и рано или поздно ему это удастся. Но если вы ученый, человек слов, теорий и учений, великий ученый муж, тогда это трудно, потому что вы никогда не ощущаете вины за свою ученость, она делает вас счастливым и самодовольным.

Помните одно: когда что-либо вызывает в вас чувство собственной значимости, оно является препятствием; когда же что-либо заставляет вас терять ощущение своего эго, оно есть Путь.

Если вы грешны и чувствуете вину, значит, ваше эго подорвано. Грех не дает развития эго. Такое случалось много раз, что грешник совершил скачок в одно мгновение и стал святым. Например, это произошло с Валмики, индийским святым, который первым рассказал историю Рамы. Валмики был разбойником и убийцей, и преображение произошло с ним *за одно мгновение*. Такого никогда не случалось с учеными мужами – а Индия – великая страна ученых мужей: брахманов, ученых. Индийские ученые непревзойденны с их

многовековым наследием, все это время они жили одними словами. Но не известно ни одного случая, чтобы какой-нибудь ученый за одно мгновение совершил скачок, взорвался, порвался с прошлым и стал совершенно новым. Такого никогда не было. Но такое не раз случалось с грешниками, в одно мгновение, потому что глубоко внутри они никогда не совершали сделок со своим эго по поводу того, что они делали. Все, что они делали, наоборот подрывало их эго, а эго – это стена, каменная стена.

Если вы считаете себя высоконравственным, пуританином, вы создаете тонкое эго. Если вы считаете себя знающим, вы создаете тонкое эго. Помните, нет греха помимо эго, так что не развивайте эго; а оно всегда растет на фальши, потому что настоящее всегда подрывает эго. Если вы *действительно* знаете, эго исчезает; если вы не знаете, оно растет, становясь все больше и сильнее. Если вы *по-настоящему* чисты, религиозны, эго исчезает, но если вы моралист и пуританин, эго усиливается. Этот критерий всегда позволит вам узнать, хорошо ли то, что вы делаете, или нет: судите по эго. Если это укрепляет эго, это неправильно: отбросьте это как можно скорее, отбросьте это немедленно! Если эго не подкрепляется, это хорошо.

Если вы ходите в индуистский храм каждый день или в церковь каждое воскресенье, и ваше эго при этом укрепляется, не ходите в церковь – перестаньте; не ходите в храм, это не помогает вам, это отравляет вас. Если благодаря тому, что вы ходите в церковь, вы чувствуете себя религиозным человеком, чувствуете себя кем-то выдающимся, чувствуете себя лучше и чище других, святее другого, если у вас появляется это отношение – «святее другого», тогда откажитесь от этого, потому что такое отношение – единственный грех, возможный в этом мире. Все остальное лишь детская игра. Это единственный грех: отношение «святее другого».

Делайте только то, что не укрепляет в вас чувство эго, и рано или поздно вы станете просветленным, потому что, когда эго нет, когда оно оставит вас хоть на мгновение – ваши глаза вдруг откроются, и вы увидите Это. Увиденное однажды, Это уже никогда не забудется. Увиденное одним глазком, Это становится в вашей жизни таким мощным магнитом, что тянет вас все ближе и ближе к центру мира. Рано или поздно вы сольетесь с Этим.

Но эго сопротивляется, эго не сдается. Оно сопротивляется любви, сопротивляется молитве, сопротивляется медитации, сопротивляется Богу. Эго – это сопротивление, борьба против Целого. Поэтому оно грех.

Эго всегда заинтересовано в том, чтобы произвести впечатление на окружающих. Чем больше вы можете впечатлить людей, тем лучше чувствует себя эго. Это факт. Если вы не можете обратить на

себя внимание, опора эго исчезает, и оно начинает дрожать. У него нет основы в действительности. Оно зависит от мнения других.

Теперь задумайтесь об этой истории:

Рьяный ученик.

Название уже само по себе противоречие: ученик не может быть рьяным; а если он рьян, он не может быть учеником. Ученик не может быть дерзким, не может быть грубым, не может быть эгоистом. А если он такой, он не может быть учеником, потому что быть учеником значит быть восприимчивым, быть готовым учиться. А что такое готовность учиться? Готовность учиться значит: «Я знаю, что я не знаю». Если я «знаю», что я знаю, как я могу учиться? Дверь закрыта, я не готов учиться; скорее наоборот: я готов учить.

Однажды в дзенский монастырь пришел человек; пришел за посвящением. Мастер сказал ему: «У нас есть две категории учеников. В ашраме, в монастыре живет пятьсот человек, они делятся на две категории: учеников и Мастеров. К какой бы ты хотел присоединиться?»

Человек был полным новичком; и все же он сомневался. Он ответил: «Если это возможно, я бы хотел получить посвящение как Мастер».

Мастер просто пошутил. Он просто пошутил – он хотел заглянуть глубже в бессознательное этого человека.

Каждый хотел бы быть Мастером, и даже становясь учеником, вы становитесь им лишь в качестве ступени к тому, чтобы быть Мастером: вы обязательно должны пройти через это – иначе как вы можете стать Мастером? Итак, вы должны быть учеником, но эго стремится к тому, чтобы быть Мастером. Эго хочет учить, а не учиться, и даже если вы учитесь, вы учитесь с мыслью о том, чтобы потом учить других.

Вы слушаете меня – у слушания также есть две разновидности: вы можете слушать как ученик, вы можете слушать как будущий Мастер. Если вы слушаете как будущий Мастер, вы упустите, *потому что с таким отношением невозможно слушать*. Если вы только ждете, готовитесь и думаете, как бы вдруг стать Мастером и учить других, вы не можете быть восприимчивым. Вы можете учиться, только будучи учеником без всякой мысли о том, чтобы стать Мастером.

На Востоке это было одной из старейших традиций: что человек не начинает учить до тех пор, пока его Мастер не скажет ему делать это.

У Будды был ученик, который провел с ним много лет; его звали Пурна. Он стал просветленным – и все равно оставался с Буддой. Уже достигнув просветления, он, тем не менее, приходил каждое утро слушать Будду. Он сам уже был Буддой. У него было все: он был сам по себе, но все равно продолжал приходить.

Тогда в один из дней Будда спросил: «Пурна, почему ты продолжаешь приходить? Можешь уже перестать?».

И Пурна сказал: «Как я могу перестать, если ты мне не сказал? Теперь, раз ты сказал, могу».

Тогда он перестал приходить на лекции Будды, но продолжать следовать как тень за сангхой, его учениками. Спустя еще несколько лет Будда сказал: «Пурна, почему ты продолжаешь следовать за мной? Иди и учи людей! Тебе не нужно быть здесь со мной».

И Пурна сказал: «Я ждал. Когда ты скажешь, я уйду. Я ученик, поэтому, что ты скажешь, я сделаю. Если ты говоришь уйти, я уйду. Итак, куда мне идти? В каком направлении? Кого мне учить? Только направь меня, и я последую! Я последователь».

Должно быть, этот человек внимал Будде всем своим существом, потому что, даже став просветленным, он оставался учеником.

Но есть еще люди, которые абсолютно невежественны – и они уже «Мастера». Даже когда они слушают, они настроены на то, чтобы потом учить. Вы слушаете, чтобы потом рассказать другим, что вы узнали. Отбросьте полностью такое отношение, потому что если оно присутствует, если в вас присутствует будущий Мастер, в вас не может быть ученика: они никогда не уживаются вместе.

Ученик – это просто ученик. Однажды случится так, что он станет Мастером – но это не есть цель, а лишь следствие. Просто будучи в состоянии ученика, человек становится мудрым – это следствие, а не цель. Если вы учитесь с целью поумнеть, вы не сможете научиться, потому что стать мудрым – это цель эго, путь эго. И если вы только ждете, чтобы дойти до этого, созреть, и стать Мастером, если ученичество для вас лишь переходное состояние, которое нужно пережить – чем раньше, тем лучше; оно должно закончиться, вы не счастливы в нем, вы хотите, чтобы оно закончилось – тогда вы не ученик, и вы никогда не станете Мастером. Потому что, когда ученик созревает, он становится Мастером спонтанно. Это не цель, которую он преследует, это приходит как побочный продукт.

Рьяный ученик – дерзкий, грубый, считающий, что он уже все знает: и это единственная дерзость, которая может прийти вам на ум: что вы уже «знаете».

«Желая произвести впечатление на Мастера, Ямаока произнес...»

Такие Ямаоки приходят ко мне чуть ли не каждый день. Я повидал таких множество. Ямаока – это целый типаж. Иногда их визиты меня даже развлекают.

Был один случай: пришел ко мне человек; он говорил целый час – рассказал всю Веданту, а ведь он так долго добивался встречи со мной, писал мне письма, приехал издалека; он говорил, что хотел бы задать мне несколько вопросов. Когда он пришел, то забыл про свои вопросы; он говорил мне ответы – а ведь я *ничего* не спрашивал. Целый час он все говорил и говорил, я не мог вставить ни слова, чтобы прервать его. Нет, он даже слушать бы не стал, так что мне пришлось лишь говорить «Да, да, да». И я слушал его с удовольствием, и через час он сказал: «Ну, мне пора; мое время вышло, но я столько узнал от вас. И я запомню эту встречу навсегда. Я буду дорожить памятью о ней – и вы решили все мои проблемы».

Действительно, это было его проблемой: он хотел поговорить и дать свое знание мне. И он был счастлив, потому что я слушал его. Он остался прежним, но ушел счастливым.

Люди приходят ко мне и говорят, что да, конечно, они знают, что «все есть Брахма». Индия слишком обременена знаниями, и из-за этого бремени глупцы стали еще большими глупцами, потому что они «знают» и говорят с видом «знающих». Они говорят, что все есть Брахма, что реальность недвойственна, но в конце они просят: «Посоветуйте мне что-нибудь, мой ум очень беспокоен».

Если вы знаете, что существование недвойственно; если вы знаете, что второй стороны не существует, как вы можете быть озадачены и напряжены? Если вы знаете это, беспокойство исчезает, волнение растворяется, страдание проходит! Но если им сказать «Вы не знаете», они не станут слушать. А если вы будете продолжать слушать их, в конце вся правда откроется сама по себе.

Был такой случай в суде: человеку предъявили обвинение в краже карманных часов. Человек, у которого украли часы, был слегка близорук, и из-за слабого зрения видел только в очках. В тот день, когда пропали его часы, он где-то оставил свои очки, и уличный вор просто разрезал его карман и вытащил часы. Когда судья спросил: «Узнаете ли вы этого человека, это он взял ваши часы?», потерпевший ответил: «Трудно сказать, потому что у меня слабое зрение, и без очков я плохо вижу, все как будто размыто. Поэтому я не могу сказать с уверенностью, что это тот самый человек, но мои часы украдены, и я чувствую, что это он».

Но поскольку других свидетелей не было, равно как и улики, судье пришлось отпустить обвиняемого. Он сказал ему: «Можете идти, вы свободны».

Человек выглядел несколько озадаченным. Судья повторил: «Можете идти, вы свободны!» Человек все равно был озадачен. Тогда судья спросил его: «Вы хотите что-то спросить?»

Он сказал: «Да, а можно мне оставить часы себе? Они мои?»

Вот что получается... Люди все говорят и говорят, и если вы слушаете их, то в конце концов обнаружите, что вся их Веданта для них бесполезна, в конце концов они все равно выдадут себя каким-нибудь вопросом. Все, что они говорили, было лишь речью, пустыми словами.

Ямаока посетил Мастера Докуона.

Докуон был просветленным человеком, одним из самых любимых в Японии, одним из самых уважаемых.

Желая произвести впечатление на Мастера, он произнес...

Если вы пытаетесь произвести впечатление на Мастера, вы глупец, полный глупец. Можете пытаться поразить весь мир, но только не Мастера; хотя бы ему откройте свое сердце! Не говорите ерунды; хотя бы с ним – будьте искренними!

Если вы идете к врачу, вы открываете ему все свои болезни, позволяя ему осмотреть, обследовать вас, вы рассказываете ему все как есть, ничего не утаивая. Если вы скрываете от *врача*, тогда зачем вообще идти к нему? Продолжайте скрывать! Но, в таком случае, какой помощи вы можете от него ожидать?

Врачу вы рассказываете все о своем теле; Мастеру вы должны рассказать все о своей душе – иначе он не сможет вам помочь. Когда вы идете к Мастеру, *идите весь!* Не создавайте между ним и собой барьер из слов. Говорите лишь то, что знаете. Если не знаете ничего, так и скажите: «Я не знаю».

Когда П. Д. Успенский пришел к Гурджиеву, он был великим ученым, известным на весь мир – более известным во всем мире, чем сам Гурджиев. Гурджиев был в то время безвестным факиром; он стал известным благодаря Успенскому. До встречи с Гурджиевым Успенский написал большую книгу. Это редкая книга, в ней он говорит так, будто знает, и он настолько красноречив, что может ввести в заблуждение. Книга называется «Терциум Органум» – третий канон мысли, и это действительно одна из редчайших книг в

мире. Даже невежество иногда способно на многое; если вы искусны, вы многое можете, даже будучи незнающим.

В этой книге Успенский заявляет – и его заявление *справедливо* – что в мире существует только три настоящие книги: «Органум» Аристотеля, первый канон мысли; «Новум Органум» Бэкона – новый, второй канон мысли; и, наконец, его «Терциум Органум» – третий канон мысли; и действительно, все три – очень редкие книги. Все три автора невежественны, ни один из них не знает ничего об Истине, но все они очень красноречивы. Они действительно сотворили чудеса: не зная Истины, они написали красивые книги. Они почти поняли, они практически достигли.

Успенский был знаменитостью; когда он пришел к Гурджиеву, Гурджиев был никем. Конечно, он пришел, зная, что Гурджиев был *человеком бытия*, человеком не такого великого знания, но человеком сущностного бытия. Что же сделал Гурджиев? О, он сделал нечто очень прекрасное: он молчал. Успенский все ждал и ждал, уже начал ерзать и потеть, сидя перед этим человеком, который молчал и смотрел на него, и его взгляд был пронизывающим – если бы он захотел, он мог бы обжечь вас своим взглядом; и его лицо было таким, что, стоило ему захотеть, он мог бы просто вытрясти из вас душу выражением своего лица. Если бы он вглядывался в вас, вы бы почувствовали себя очень неудобно. Он был неподвижен, как статуя, и Успенский начал дрожать, его бросило в жар. Тогда он спросил: «Но почему вы молчите? Скажите хоть что-нибудь».

Гурджиев сказал: «Во-первых, прежде чем я скажу хоть слово, нужно решить одну вещь, решить наверняка. Пойди в другую комнату, там ты найдешь лист бумаги; напиши на нем все, что ты знаешь, а также то, что ты не знаешь. Сделай две колонки: одну о твоём знании, другую твоём неведении, потому что о том, что ты знаешь, мне нет нужды говорить, с этим покончено; ты знаешь это, и говорить об этом излишне. Но о том, что ты не знаешь, я поговорю».

Успенский рассказывал позднее, что пошел в другую комнату, сел на стул, взял бумагу и карандаш и впервые за всю свою жизнь понял, что он ничего не знает. Этот человек уничтожил все его знание, потому что впервые он должен был написать с полной осознанностью: «Я знаю Бога». Как это написать? – ведь он не знал. Как написать: «Я знаю Истину»?

Успенский был честен. Вернувшись через полчаса, он отдал Гурджиеву свой чистый лист со словами: «Начинайте. Я не знаю ничего».

Гурджиев сказал: «Как же ты смог написать «Терциум Органум»? Ты не знаешь ничего – и ты написал третий канон мысли!»

Люди пишут словно во сне, словно в мечтах; как будто они не знают, что делают, не знают, что происходит благодаря им.

Желая произвести впечатление на Мастера, Ямаока произнес: «Ума нет, тела нет, будды нет. Нет лучшего, нет худшего. Нет Мастера, нет ученика. Нельзя дать, нельзя получить. То, что, как нам кажется, мы видим и чувствуем, ненастоящее. Ни одной из этих иллюзий, в действительности, не существует».

Это высшее учение, Высшая Истина. Это сущность всего учения Будды – когда Будда говорит, что все есть пустота. Именно об этом шла речь в моих беседах о Сосане: все пусто, все лишь относительно, ничего абсолютного не существует. Это высшее понимание, но его нельзя прочесть в книге. Если вы прочтете его в книге и повторите, это будет просто глупо.

Ума нет, тела нет, будды нет.

Будда сказал: «Меня нет». В устах Будды это кое-что значит. В устах Ямаоки это не значит ничего. Сказанное Буддой, это полно смысла: «Меня нет». Он говорит: «Даже *меня* нет, так что будьте еще бдительнее – вас не может быть».

«Это мое понимание, – говорит он. – Личность – всего лишь волна или линия на воде. Это форма, а форма постоянно изменяется. Истина не в форме. Только бесформенное может быть истинным. Только неизменное может быть истинным». И Будда говорит: «Возможно, вашей форме потребуется семьдесят лет, чтобы исчезнуть, но она все же исчезает – тогда то, чего однажды не было и однажды снова не станет, не может *быть* в середине. Было время, когда меня не было; придет время, когда меня не станет. На двух концах – ничего, а в середине – я есть? Это невозможно. Как между небытием и небытием может существовать бытие? Как между пустотой и пустотой может возникнуть нечто осязаемое? Это, должно быть, обманчивый сон».

Почему наутро вы говорите, что сны обманчивы? Это действительно так, но почему вы так говорите? Каков критерий их правдивости или обманчивости? По чему вы судите? Наутро все говорят: «Я видел сон, и он был обманчив». Сон и так означает «обман», – но почему? Критерий таков: вечером его не было; когда я засыпал, его не было, когда я проснулся, его не было, – как же он мог *быть* посередине? Комната реальна, сон – нет, потому что, когда вы засыпали, комната была, и когда вы проснулись, она тоже была. Комната реальна, сон нереален, потому что его окружают два ничто, а между

двумя ничто не может ничего быть. Комната же никуда не исчезает, поэтому она реальна, мир реален, а сон обманчив.

Будда – это тот, кто пробудился ото сна этого мира, и он видит, что, подобно сну, ваш мир тоже фальшив. Он проснулся от этого великого сна, который мы зовем «мир», и говорит: «Его не было, теперь его снова нет, так как он мог быть посередине?» Поэтому будды, Шанкары говорят: «Мир иллюзорен, это сон». Но вы не можете сказать того же, не можете просто взять и повторить эти слова.

Наш Ямаока, должно быть, слушал, узнавал, читал, изучал. Он повторяет как попугай: «*Ума нет, тела нет, будды нет, нет лучшего, нет худшего* – все они относительны». Помните, все относительное Будда называет *фальшивым*, все абсолютное – *истинным*. Абсолютность – признак Истины, относительность – признак сна.

Постарайтесь понять это, потому что это *основа*. Например, вы говорите, что ваш друг высок. Что вы имеете в виду? Можно сказать только, что он *выше*, но не *высок* – выше кого-либо. По сравнению с кем-нибудь другим он может быть пигмеем, так что высота не присуща ему. Высота – всего лишь соотношение, это явление относительное. *По сравнению с кем-либо* он высокий, по сравнению с кем-нибудь другим он, возможно, пигмей. Так кто он – пигмей или великан? Нет, все это относительные величины. Кто он по своей сути – великан или пигмей? В своей сущности он ни то, ни другое. Вот почему Будда говорит: «Нет лучшего; нет худшего».

Кого считать грешником, а кого – святым? Смотрите! – если бы во всем мире были только святые, был бы хоть кто-нибудь из них святым? Если бы все люди на земле были грешниками, был бы хоть кто-нибудь из них грешником? Грешник возможен благодаря святому, святой возможен благодаря грешнику – они относительны. Значит, если вы хотите быть святым, вы создаете грешников; вы не можете быть святым, если вокруг нет грешников. Так что будьте бдительны, не становитесь святым, потому что иначе вы этим создадите свою противоположность.

Святых не бывает, грешников не бывает. *Кто вы есть внутри?* Если вы один, вы святой или грешник? Тогда вы ни то, ни другое. Загляните в ту реальность, которой вы являетесь на самом деле, вне зависимости от чего-то еще; загляните в себя, не сравнивая – тогда вы придете к абсолютной Истине; иначе любая характеристика лишь относительна.

Противоположности – это сны. Реальность не относительна, она абсолютна. Кто есть *вы*?

Если, заглянув в себя, вы скажете: «Я – свет», тогда вы снова спите, ведь что может значить свет, если нет тьмы? Свету нужна тьма – просто *чтобы быть*. Если вы говорите: «Внутри я чувствую

блаженство», вы снова спите, потому что блаженство не может существовать без страдания. Ни одной из характеристик нельзя пользоваться, потому что все они относительны. Поэтому Будда говорит, что мы не можем использовать понятия – потому что внутри всего пустота. Кстати, эта «пустота» не означает противоположность «наполненности»; это значит лишь, что *все* понятия пусты; в абсолютной Истине ни одно понятие не применимо, словами ничего не выразить.

Будда не согласился бы с индуистами в их утверждении, что реальность есть *сам-чит-ананда*, потому что *сам* существует благодаря *асат*, *чит* – благодаря *ачит*, *ананда* – благодаря *дуккха*. Сат есть существование; Бога нельзя назвать существованием, потому что тогда должно было бы существовать и не-существование, но где это возможно? Бога нельзя назвать сознанием (чит), потому что тогда должно существовать бессознательное, но где оно может существовать? Бога нельзя назвать блаженством (ананда), потому что тогда должно существовать и страдание (дуккха).

Будда говорит, что любое слово, какое бы вы ни употребили, бесполезно, потому что оно не может существовать без своей противоположности. Загляните внутрь себя – для этого вам не нужен язык, только тишина. Только тишиной Реальность может быть обозначена, и когда он говорит: «Все понятия пусты, все слова пусты, все вещи пусты, все мысли пусты», он говорит это серьезно, потому что все они относительны – они лишь сон.

Ума нет, тела нет, будды нет. Нет лучшего, нет худшего. Нет Мастера, нет ученика. Нельзя дать, нельзя получить. То, что, как нам кажется, мы видим и чувствуем, на самом деле не существует. Ни одной из этих иллюзий, в действительности, не существует».

Это самая глубокая вещь в учении Будды, поэтому важно помнить одно: вы можете повторять самые глубокие изречения, когда-либо произнесенные, и, тем не менее, оставаться глупцом.

Этот Ямаока и есть глупец. Он повторяет за Буддой слово в слово.

Слова несут вашу сущность. Когда те же слова произносит Будда, они несут другой смысл, другой аромат. Эти слова несут в себе частицу Будды, частицу его бытия: аромат, вкус, его внутреннего бытия. Этими словами передается музыка его внутренней гармонии. Повторенные Ямаокой, они мертвы, черствы, они не несут никакого аромата. Хотя нет, кое-что они несут: Ямаоку и его дурной запах.

Не думайте, что если вы будете цитировать Гиту, произойдет нечто, хотя те же самые слова, что повторяете вы, когда-то произнес Кришна. Тысячи христианских миссионеров по всему миру повторяют слова Иисуса. Их слова мертвы. Лучше не повторять эти слова, потому что, чем больше вы их повторяете, тем более застылыми они становятся. Лучше не касаться их, потому что само ваше прикосновение губительно для них. Лучше подождать: когда *вы* достигнете такого сознания, какое было у Христа, у Кришны, у Будды, тогда вы сами расцветете, и это будет исходить от вас – но не раньше. Не будьте граммофонной пластинкой! Потому что тогда вы можете только повторять, но это ничего не значит.

«Докуон молча сидел, покуривая свою трубку...»

Прекрасный человек. Его даже не волновало. Он не перебивал, просто продолжал курить свою трубку.

Помните, только дзенские Мастера могут курить трубку, потому что они не притворщики. Их не волнует, что вы о них думаете – их это не волнует! Они живут в согласии с самими собой. Невозможно представить себе курящим трубку джайнистского *муни* или индуистского саньясина – невозможно. Они люди правил, предписаний, они пришли в учение через силу. Нет надобности курить трубку, если вам этого не хочется, но если хочется, то не нужно пытаться убить в себе желание, потому что оно станет подавленным и будет не давать вам покоя. Но почему? Если вам хочется курить трубку, то почему бы не курить ее? Что в этом плохого? *Вы столь же фальшивы, сколько трубка и дым. А трубка и дым так же правдивы, как вы.*

Но почему нет? В глубине души вы хотите быть особенными, а не обыкновенными. Курение трубки делает вас обыкновенным человеком – все обыкновенные люди делают это: курят трубку, пьют чай или кофе, смеются и шутят – это занятия простых людей. Вы же великий святой – как можете вы делать простые вещи простым способом? Вы же необычны.

Чтобы казаться непохожим на других, вы отказываетесь от многого. Нет ничего плохого в отказе от этого, если вам действительно так хочется. Нет никакой необходимости курить трубку ради того, чтобы быть как все – это логика ума! Не нужно делать что-либо против своей воли, но если желание есть, то не притворяйтесь, надевая маску серьезности, будьте проще. Нет ничего плохого в том, чтобы быть простым; не быть простым – вот *это* плохо.

Этот человек, Докуон, должно быть, был очень простым:

Докуон сидел молча, покуривая свою трубку – очень медитативным, он просто отдыхал, слушая этого притворщика – и ничего не говорил. Вдруг он схватил свой посох и больно огрел им Ямаоку.

Дзенские Мастера носят посох специально для таких людей. Они очень мягкие люди, но очень непосредственные, а встречаются люди, которые не понимают слов, а понимают только удар посохом. Когда с ними говорят, они не слушают – они начинают сами говорить еще больше. Им нужна шоковая терапия.

Вдруг он схватил свой посох и больно огрел им Ямаоку. Ямаока в гневе подпрыгнул. Докуон сказал: «Если ничего этого на самом деле не существует и все – пустота, откуда взялся твой гнев? Подумай об этом».

Докуон создал ситуацию, ведь только ситуации способны открыть глаза. Он мог бы сказать: «Все, что ты говоришь, ты повторяешь со слов других». Это ничего бы не изменило, поскольку перед ним был человек, погруженный в глубокий сон. Слова не смогли бы его пробудить; возможно, они заставили бы его заснуть еще крепче, он мог начать спорить. Вместо того чтобы говорить, Докуон сделал правильную вещь: сильно ударил посохом, внезапно. Он застал Ямаоку врасплох; это произошло неожиданно. Это было так внезапно, что тот не успел соответствующим образом приспособиться, не успел принять фальшивую позу. На один миг – удар был молниеносным – маска слетела, показалось настоящее лицо. Разговорами сделать это было бы невозможно.

Докуон умел сопереживать.

На один короткий миг вырвался гнев, показалось настоящее лицо, потому что, если все есть пустота, как ты можешь гневаться? Откуда взяться гневу? Кто будет гневаться, если даже будды нет, вас нет, ничего нет, есть лишь пустота? Как в пустоте может появиться гнев?

Своими действиями Докуон возвращает Ямаоку из знаний в бытие; вот для чего он его ударил. Нужна ситуация, потому что в ситуации – внезапно вы становитесь настоящим, кем бы вы ни были. Если дать волю словам, если Докуон будет говорить: «Это хорошо, а это плохо», он будет поощрять ум. Получится диалог, но он бесполезен. Он шокирует, он возвращает тебя в твою реальность; на мгновение ты прекращаешь думать, Ямаока – это Ямаока, а не будда. Он говорил как будда, но всего один удар – и будда исчезает, и появляется Ямаока – рассерженный.

Докуон сказал: «Если ничего этого на самом деле не существует и все – пустота, Ямаока, откуда взялся твой гнев? Подумай об этом».

«Не говори о Будде, и не говори о реальности, и не говори об Истине – подумай о своем гневе и о том, откуда он берется».

Если вы действительно подумаете о гневе и о том, откуда он приходит, вы достигнете пустоты.

В следующий раз, когда вы рассердитесь... а если у вас не получится, приходите ко мне – я вас ударю. Я делаю это постоянно, но мои удары тоньше ударов Докуона. Я бью не настоящим посохом; вы сами настолько ненастоящие, что настоящий посох не нужен. Мне не нужно ударять вас физически, но я все время делаю это духовным образом. Я постоянно создаю ситуации, которые вернули бы вас из вашего состояния Будды в состояние Ямаоки, потому что Ямаока реален внутри вас. Будда – это ваша маска. И помните: живет Ямаока, а не маска; дышит Ямаока, а не маска; переваривает пищу Ямаока, а не маска; Ямаока влюбляется, Ямаока сердится, Ямаока когда-то умрет, но не маска – поэтому лучше, чтобы вы сняли маску и вернулись в свое состояние Ямаоки.

Помните, будда не может быть маской. Если Ямаока будет продолжать путь в свои глубины, он найдет там будду. А как найти свои глубины? Следуйте за тем, что пришло изнутри; проследите его путь в обратную сторону, вернитесь назад. Пришел гнев? – закройте глаза; это прекрасное мгновение, потому что гнев пришел изнутри, он приходит из самого центра вашей сущности: просто посмотрите, что позади него, следуйте, посмотрите, откуда он появляется, откуда.

Вашей обычной реакцией, равно как и реакцией Ямаоки, было бы думать, что причиной гнева стал Докуон: он вас ударил, и это вызвало гнев. Вы считали бы Докуона источником гнева. Докуон не источник; возможно, он ударил вас, но источник гнева не он – если бы он ударил Будду, гнев бы не возник – источник Ямаока.

Оглянитесь назад, не ищите источник вовне, иначе это прекрасное мгновение гнева уйдет: ваша жизнь настолько фальшива, что через мгновение вы вновь наденете маску и, улыбаясь, скажете: «Да, Мастер, вы поступили совершенно правильно».

Фальшь быстро вернется, поэтому не упустите момент! Когда возник гнев, это лишь на долю секунды, пока вновь не вернулась фальшь. И гнев правдив: он более правдив, чем все, что вы говорите – слова Будды фальшивы в ваших устах. Ваш гнев правдив, потому что принадлежит вам; все, что принадлежит вам, правдиво. Итак, найдите источник своего гнева, откуда он приходит! Закройте глаза

и двигайтесь внутрь; пока он не ушел, вернитесь к его источнику – и вы достигнете пустоты. Вернитесь дальше, идите глубже, еще глубже, и настанет миг, в котором гнева нет. Внутри, в центре, гнева нет. Теперь Будда уже не будет маской. Вы уже проникли в нечто настоящее.

Откуда берется гнев? Он никогда не приходит из вашего центра; он приходит из эго – эго есть фальшивая сущность. Углубившись, вы увидите, что он появляется не из центра, а на периферии. Он *не может* идти из центра: в центре пустота, абсолютная пустота. Он приходит только из эго, а эго – это ложная сущность, сотворенная обществом, это определенное отождествление, оно относительно. Когда вас внезапно ударяют, эго больно, возникает гнев. Когда вы помогаете человеку, или улыбаетесь ему, или кланяетесь ему, и он улыбается в ответ, эта улыбка идет от эго. Когда вы хвалите, говорите комплименты кому-нибудь, когда вы говорите женщине: «Как вы красивы!», и она улыбается, эта улыбка идет от эго. Потому что в центре нет ни красоты, ни уродства, в центре абсолютная пустота, анатта, отсутствие Я – и этого центра нужно достичь.

Познав его, вы станете не-сущностью. *Никто* не сможет рассердить вас; *никто* не сможет сделать вас счастливым, несчастным, глубоко несчастным. Нет! В той пустоте все двойственности растворяются; счастье, несчастье, блаженство, страдание – все растворяется. Это состояние Будды. Именно это произошло под деревом Бодхи с Гаутамой Сиддхартхой: он достиг пустоты. Тогда приходит молчание. Вы вышли за пределы противоположностей.

Мастер нужен для того, чтобы помочь вам прийти к своей внутренней пустоте, внутренней тишине, к храму внутри вас; и Мастер изобретает способ. Только дзенские Мастера бьют учеников; иногда они выбрасывают их в окно или напрыгивают на них. Вы стали настолько фальшивы, что требуются экстремальные меры – особенно в Японии, которая так фальшива.

В Японии улыбка – это нарисованная улыбка. Улыбаются все – это привычка, милая привычка, когда дело касается общества, потому что в Японии, если вы едете по улице Токио и врежетесь в другую машину, произойдет нечто, чего не может произойти больше нигде в мире: другой водитель улыбнется, поклонится и скажет вам спасибо. Такое может быть только в Японии, нигде более. Он скажет: «Это я виноват», и вы скажете: «Нет, это я виноват», если вы из Японии. Оба скажут: «Это моя вина», улыбнутся, поклонятся друг другу и пойдут своей дорогой. По-своему это хорошо, потому что какой смысл сердиться, ругать друг друга и создавать столпотворение – какой смысл?

С самого детства японцев приучают всегда улыбаться – поэтому на Западе их считают очень хитрыми: на них нельзя положиться, потому что невозможно понять, что они на самом деле чувствуют. Чувства японца узнать невозможно, он никогда их не показывает.

Это одна крайность: все фальшиво, приукрашено. Поэтому дзенским Мастерам пришлось изобрести эти экстремальные методы, которые единственные могут заставить японца сбросить маску; иначе она не спадет, она практически стала его второй кожей, как трансплантант лица.

Сейчас это происходит во всем мире, не только в Японии. Может быть, в разной степени, но теперь это касается всего мира. Все смеются, улыбаются: но ни смех не настоящий, ни улыбка. Все говорят друг о друге приятные вещи: никто в них не верит, никто так на самом деле не думает; это превратилось в правила хорошего тона.

Ваша личность – социальное явление. Ваша сущность похоронена глубоко под этой личностью. Вам нужен шок, чтобы личность раскрылась или чтобы вы на какое-то время перестали отождествлять себя с ней – и вы достигаете центра, где все есть пустота.

Все искусство медитации – в том, чтобы легко покинуть личность, двигаться к центру и быть *не-личностью*. Просто *быть*, а не *быть личностью*, и есть целое искусство медитации, целое искусство во внутреннего экстаза.

ВСПЫЛЬЧИВЫЙ

Беседа 3. 2 ноября 1974 года

Ученик дзен пришел к Банкею и сказал: «Мастер, у меня взрывной характер – как мне это исправить?»

«Покажи мне его, – сказал Банкей, – звучит интригующе».

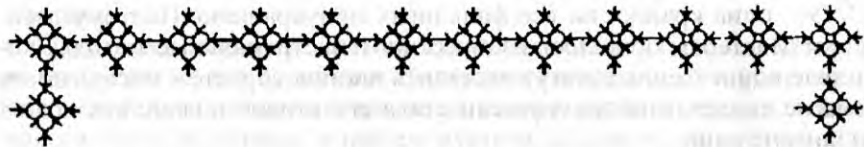
«Но сейчас у меня его нет, – сказал ученик, – и я не могу его вам показать».

«Ну что ж, – сказал Банкей, – приходи ко мне с ним, когда появится».

«Но я не смогу донести его, когда он вдруг появится, – возразил ученик. – Он возникает неожиданно, и он наверняка пройдет, не успею я дойти до вас».

«В таком случае, – сказал Банкей, – он не может быть частью твоей истинной природы. Если бы он ей был, ты мог бы показать мне его в любое время. Ты не родился с ним, он не достался тебе от

родителей – поэтому, скорее всего, он проникает в тебя извне. Попробуй, как только почувствуешь его внутри, бить себя палкой до тех пор, пока характеру не станет невозможно и он не убежит».

Истинная природа – это ваша вечная природа. Ее нельзя то иметь, то не иметь, она непреходяща, она – это вы.

Разве она может исчезать и появляться? Это ваша сущность. Эта самая ваша основа. Она не может то быть, то не быть; она есть всегда.

Именно это должно быть критерием для того, кто ищет истину, природу, дао: мы должны найти в своем существовании то, что не исчезает никогда – то, что было до нашего рождения, то, что остается и после нашей смерти. Это и есть центр.

Периферия изменяется; центр всегда абсолютно вечен: он вне времени, ничто не в силах ни повлиять на него, ни изменить его, ни даже затронуть его; он недоступен для внешнего мира.

Придите к морю и посмотрите на него. Вы увидите миллионы волн, но глубоко в своих глубинах море пребывает спокойным и тихим, погруженным в медитацию; волнение лишь на поверхности, лишь на поверхности, где море соприкасается с внешним миром, с ветрами. В глубине же, само по себе, оно неизменно; нет ни ряби; ничего не меняется.

Так же и вы. Лишь на поверхности, где вы соприкасаетесь с другими, есть волнение, беспокойство, гнев, привязанность, жадность, похоть – лишь на поверхности, где ветра встречают и касаются вас. Оставаясь на поверхности, вы будете не в силах остановить это вечное волнение; оно будет всегда.

Многие люди пытаются внести изменения там, на периферии. Они борются с этим, пытаясь не допустить ни единой волны. Но от их борьбы волны лишь усиливаются, потому что когда море борется с ветром, волнение на его поверхности усиливается: теперь уже не только ветер способствует этому, но и само море: на поверхности будет царить полный хаос.

Все моралисты пытаются изменить человека на поверхности. Ваш характер – это периферия: вы не привносите в этот мир никакого характера, вы приходите в него без характера, как чистый лист, и все то, что вы зовете своим характером, было написано на этом лис-

те другими. Ваши родители, общество, учителя, учения – все это обусловливание. Вы приходите в мир чистым листом, и все, что написано на вас, исходит от других; поэтому единственный путь узнать, что такое природа, что такое Брахма, что такое Дао – снова стать чистым листом.

Итак, проблема не в том, чтобы обладать сильным характером, не в том, чтобы научиться достигать состояния не-гнева, не в том, чтобы стать непоколебимым – нет, проблема не в этом. Проблема в том, чтобы обратить ваше сознание с периферии в центр.

Тогда вы вдруг увидите, что вы всегда были спокойны. Тогда вы сможете наблюдать периферию на расстоянии, и это расстояние будет таким безбрежным, просто бесконечным, что вам покажется, что все происходит не с вами. На самом деле, это никогда и не происходит с вами, даже в те моменты, когда вы полностью теряетесь в этом, это происходит не с вами: что-то в вас остается незатронутым, оно остается за пределами всего этого, оно лишь свидетель.

Вся проблема для искателя состоит в том, чтобы переключить свое внимание с периферии в центр; как слиться с неизменным и перестать отождествляться с тем, что является лишь границей.

На этой границе окружающие очень влиятельны, потому что на границе изменение естественно. Периферия будет постоянно меняться – даже периферия Будды меняется.

Отличие между Буддой и вами не в отличии характеров – помните об этом; это и не отличие в нравственности, не отличие в добродетели или пороке, это отличие ваших основ.

Ваша основа на периферии, основа Будды – в центре. Он может смотреть на свою собственную периферию со стороны: если ударить его, он может увидеть это так, будто ударили кого-то другого, потому что центр настолько далеко, насколько далек наблюдатель с вершины холма от того, что происходит в долине. Это первое, что нужно понять.

Второе: это легко контролировать, но трудно преобразить.

Это легко контролировать: вы можете контролировать свой гнев – но как? – вы будете подавлять его. Что происходит, когда вы подавляете что-то? – меняется направление его движения: оно рвалось наружу, но вы подавили его, и оно обращается вовнутрь – меняется лишь направление.

А выпустить гнев было бы полезно, потому что яд должен выйти. Это вредно, если гнев уходит вовнутрь, потому что тогда все ваше тело, ум, организм будет отравлено им. А если вы делаете так постоянно – как все это делают, потому что общество учит людей самоконтролю, а не преобразению, общество требует: «Держи себя в руках», поэтому из-за сдерживания все негативное было заброшено

глубоко-глубоко в бессознательное, и это поселилось внутри вас – поэтому вы уже не просто сердитесь время от времени – вы просто стали сердитыми. Иногда вы взрываетесь, иногда – нет, потому что нет повода, или его нужно искать, и помните это: повод можно найти везде!

Один мой друг захотел развестись со своей женой, он обратился к адвокату, специалисту по семейным делам, с вопросом: «Какое основание нужно для развода с женой?»

Адвокат посмотрел на него и спросил: «Вы женаты?»

Мужчина ответил: «Разумеется, женат».

Тогда адвокат сказал: «Сам брак – уже достаточное основание для развода. Не нужно искать другого. Если вы хотите получить развод, тогда все, что для этого нужно – это быть женатым, потому что невозможно развестись с женщиной, если вы не женаты на ней. Если женаты – этого достаточно!»

И таково положение дел: вы злы; из-за того, что вы столько раз подавляли гнев, теперь вы злы постоянно; в лучшем случае иногда вы менее злы, иногда более.

Все ваше существо отравлено подавлением. Вы *едите* со злостью – а человек, у которого нет злости, ест совсем по-другому: на него приятно смотреть, потому что он ест неагрессивно. Он может есть мясо, но делать это неагрессивно; вы можете есть фрукты и овощи, но если в вас подавлен гнев, вы едите агрессивно.

Во время еды ваши зубы, ваш рот высвобождают гнев. Вы разрываем пищу на части так, как будто она ваш враг. Вспомните, что делают животные, если их разозлить? Возможны лишь два пути – ведь у них нет ни оружия, ни атомных бомб. Что они могут сделать? Либо когтями, либо зубами они смогут причинить вам зло.

Это естественное оружие тела – когти и зубы. В нашей ситуации ногтями трудно что-либо сделать, потому что люди скажут: «Ты что, животное?» Итак, у вас остается один способ выразить свой гнев или злобу – через рот, и то его нельзя использовать для того, чтобы укусить кого-нибудь. Поэтому в языке появились выражения: «кусочек хлеба», «кусочек пищи», «перекусить».

Вы принимаете пищу агрессивно, как будто она ваш враг. Но помните: когда еда ваш враг, она не питает вас по-настоящему, она вскармливает все то нездоровое, что в вас есть.

Люди с загнанным вглубь гневом едят много; они накапливают в своем теле бесполезный жир – а приходилось ли вам замечать, что полные люди почти всегда улыбаются? Безо всякой необходимости, даже если на то нет причины, они постоянно улыбаются – почему? Это их лицо, их маска: они так боятся своего гнева и своей злости,

что вынуждены постоянно прикрываться улыбкой на лице. И постоянно много есть.

Есть много *уже* агрессия, уже злость. И потом это распространяется на все остальное, на все сферы вашей жизни: вы занимаетесь любовью, но это больше напоминает насилие, чем любовь, настолько вы агрессивны. Ведь вы не наблюдаете друг за другом; занимаясь любовью, вы не знаете, что происходит, и не знаете, что происходит с вами самими, потому что вы практически всегда полны агрессии.

Вот почему достижение глубокого оргазма во время любви становится невозможным, потому что в глубине души вы боитесь, что если позволите себе потерять контроль, то можете убить свою жену или любимую, либо женщина может убить своего мужа или любовника. Вы настолько боитесь своей собственной злости!

В следующий раз, когда будете заниматься любовью, понаблюдайте: ваши движения будут такими же, как в моменты агрессии. Наблюдайте за выражением лица, пусть напротив будет зеркало, чтобы вы смогли увидеть, что творится с вашим лицом! – вы увидите все гримасы злости и агрессии.

Даже принимая пищу, вы злитесь; взгляните на человека, который занимается любовью – гнев загнан так глубоко, что даже любовь, занятие, полностью противоположное злости – даже она отравлена; еда, занятие совершенно нейтральное – и она отравлена.

И вот вы уже просто открываете дверь, и в этом гнев, кладете книгу на стол, и *там* гнев, снимаете туфли, и *там* гнев, пожимаете руку, и *там* гнев – потому что теперь вы – гнев во плоти.

Вследствие подавления ум раздваивается. То, что вы принимаете, становится сознательным, то, что отвергаете, становится бессознательным. Это разделение неестественно, оно происходит из-за подавления. Вы постоянно выбрасываете в бессознательное весь мусор, который общество отвергает – но помните: все, что вы туда бросаете, становится все больше частью вас: проникает в ваши руки, в ваши кости, в вашу кровь, в ваше сердцебиение. Современные психологи считают, что почти восемьдесят процентов всех заболеваний – результат подавленных эмоций: большое количество сердечных приступов означает, что столько гнева подавлено в сердце, столько ненависти, что сердце отравлено.

Почему? Почему человек столько подавляет в себе и становится больным? Потому что общество учит сдерживать себя, а не преобразовать, а путь преобразования совершенно другой – хотя бы потому, что он вообще не путь сдерживания, а как раз наоборот.

Во-первых: контролируя, вы подавляете, преобразуя, вы выражаете. Но не нужно давать гневу выход на ком-то другом, потому что «кто-то другой» здесь ни при чем.

В следующий раз, когда разозлитесь, пробегите вокруг дома семь раз, а потом сядьте под деревом и посмотрите, куда ушел гнев. Вы не подавили его, вы не сдержали его, не выместили его на ком-то другом – потому что, если вы вымещаете его на ком-то другом, возникает цепная реакция, потому что этот другой так же глуп, как вы, так же неосознан, как вы. Если вы вымещаете гнев на другом человеке и этот другой – просветленный человек, проблемы не возникнет: он поможет вам дать выход гневу, высвободить его и пройти катарсис, но обычно другой человек такой же невежественный, как вы: если вы срываете на нем свой гнев, он ответит вам тем же! Он выместит еще больше злости на вас, в нем она так же подавлена, как и в вас! Тогда возникает цепь: вы вымещаете на нем, он вымещает на вас, и вот вы уже враги друг другу.

Не выбрасывайте свой гнев на окружающих. Это так же, как когда вы чувствуете приступ рвоты: вы не идете тошнить на других людей. Гневу нужно вырваться. Вы идете тошнить в ванную. Это очищает все тело – сдерживать рвоту опасно, и если вас вырвало, вы чувствуете свежесть, облегчение, вам легко и хорошо, вы здоровы. Что-то было не так с пищей, которую вы приняли, и тело отвергает ее – не глотайте ее насильно.

Гнев – это ментальная рвота. Вы впустили внутрь что-то плохое, и вся ваша психика отторгает это; но не надо выбрасывать это на кого-то другого. Поскольку люди склонны выбрасывать это на других, общество велит им сдерживать себя.

Нет необходимости выбрасывать свой гнев на кого-то еще. Можете сходить в ванную, можете прогуляться – это значит, что внутри есть нечто, требующее двигательной активности, для того чтобы оно могло высвободиться. Совершите небольшую пробежку, и вы почувствуете облегчение, или возьмите подушку и бейте ее, деритесь с ней, кусайте ее, пока не почувствуете, что из рук и зубов ушло напряжение. Пятиминутный катарсис принесет вам чувство освобождения от ноши, и, почувствовав это однажды, вы уже не будете срывать гнев на других, потому что это *полная* глупость.

Таким образом, преобразование состоит в первую очередь в том, чтобы дать выход гневу, но не на ком-то другом, потому что в этом случае гнев не выйдет полностью. Возможно, вам захочется убить, но это невозможно; возможно, вам захочется укусить, но это невозможно. Но это можно сделать с подушкой; потому что подушка реагирует как просветленный, Будда. Подушка не будет реагировать, не подаст на вас в суд, не станет вам мстить, подушка не сделает ничего; подушка будет счастлива. И посмеется над вами.

Во-вторых: будьте осознанны. Сдерживание не требует осознанности; вы делаете это автоматически, как робот: возникает гнев, и

срабатывает механизм – все ваше существо вдруг сжимается и закрывается, потому что, если вы бдительны, контролировать себя не так легко.

Общество никогда не учит бдительности, потому что быть бдительным значит быть открытым всему. Это часть состояния осознанности – быть открытым, и если вы хотите подавить что-то – и при этом вы открыты, одно противоречит другому, и вы можете не сдержаться. Общество учит вас замыкаться в себе, уходить в себя – не оставляйте даже маленького окошка, чтобы ничего не выпустить!

Но помните: если ничего не выходит, ничего и не приходит. Когда гнев не может выйти, вы закрыты; вы гладите красивый камень – но ничего не происходит, вы смотрите на цветок – и ничего: ваши глаза закрыты и мертвы. Вы целуете кого-нибудь – и ничего не чувствуете, потому что вы закрыты. Вы живете бесчувственной жизнью.

Чувствительность растет вместе с осознанностью. Самоконтроль делает вас тупыми и мертвыми – это часть механизма контроля: если вы тупы и мертвы, на вас ничего не подействует, как будто ваше тело превратилось в крепость. На вас ничего не действует: ни оскорбление, ни любовь.

Но этот контроль дается высокой ценой, неоправданно высокой: ваша жизнь становится одним сплошным усилием: держать себя в руках – и потом умереть! Стремление контролировать себя забирает всю вашу энергию, а потом вы просто умираете! И ваша жизнь протекает тупо и мертво; вы влачите вялое существование.

Общество учит вас контролировать и осуждать, потому что ребенок начинает сдерживать себя только тогда, когда он чувствует осуждение. Гнев – это плохо; секс – это плохо; все то, что нужно контролировать, преподносится ребенку как грех, как зло.

У Муллы Насреддина подрастал сын. Когда ему исполнилось десять лет, Мулла подумал: «Ну вот, время пришло. Он уже достаточно взрослый, чтобы узнать все тайны жизни». Он позвал сына к себе в кабинет и рассказал ему в подробностях, как это бывает у птичек и пчелок. И в конце добавил: «Расскажешь об этом своему младшему брату, когда почувствуешь, что он дорос до этого».

Несколькими минутами позже, проходя мимо детских комнат, он услышал, как старший, десятилетний сын, уже взялся за дело: он рассказывал младшему: «Слушай! Знаешь, что люди делают, чем они занимаются, когда хотят завести ребенка, маленького? В общем, папа говорит, что то же самое делают птички и пчелки».

Все, что есть живого, наполняется чувством глубокого осуждения. А секс – это самое живое. Так должно быть! Это источник! Гнев также очень живая вещь, потому что он служит *защитной си-*

лой. Если ребенок *совсем* не умеет злиться, он не сможет выжить. Бывают моменты, когда злиться нужно; ребенок должен показать свою сущность, в определенных ситуациях он должен стоять на своем, иначе у него не будет внутреннего стержня!

Гнев прекрасен, секс прекрасен; но прекрасное иногда становится уродливым. Все зависит от вас. Если вы их осуждаете, они становятся уродливыми; если вы преображаете их, они становятся Божественными.

Гнев, преображенный, становится сопереживанием – потому что энергия сохраняется. Будда сопереживает – откуда берется это сопереживание? Это та же самая энергия, которая двигалась в гневе – теперь она не движется в гневе; она преобразовалась в сопереживание.

Откуда происходит любовь? Будда любит, Иисус – сама любовь. Та самая энергия, которая течет в сексе, становится любовью.

Итак, запоминайте: если вы осуждаете естественное явление, оно становится отравленным, оно разрушает вас, оно ведет к самоуничтожению. Если вы преображаете его, оно становится Божественным, оно становится Божественной силой, становится эликсиром; через него вы достигаете бессмертия. Но преображение необходимо.

На пути преображения вы ничего не сдерживаете, вы просто станете более осознанным. Гнев возникает: вы должны осознавать, что гнев возникает – наблюдайте его! Это прекрасное явление: энергия течет внутри вас, накаляясь!

Это напоминает электричество в грозовых тучах. Раньше люди боялись электричества; в давние времена они думали, что электричество – это гнев богов, угроза их кары, попытка вселить в людей страх и добиться их поклонения; люди должны были почувствовать присутствие бога и возможность кары.

Но теперь мы приручили этого бога. Теперь он живет у вас в вентиляторе, в кондиционере, в холодильнике: обеспечивает все, что вам нужно. Этот бог стал ручным, он больше не сердится и не пугает. С помощью науки мы подружились с природной силой.

Религия делает то же самое с внутренними силами.

Гнев подобен электричеству в теле. Вы не знаете, что с ним делать. Выхода два: убить кого-нибудь – или убить себя. Общество говорит, что если вы убьете себя – это нормально, это ваше личное дело, но не убивайте никого другого – и это тоже нормально, по крайней мере, с точки зрения общества. Итак, вы становитесь либо агрессивным, либо начинаете подавлять себя.

Религия говорит, что плохо *и то, и другое*.

Самое основное, что требуется – стать осознанным и узнать тайну этой энергии, этого гнева, этого внутреннего электричества. Это

электричество, потому что вы становитесь горячим, когда вы злитесь, у вас повышается температура, и вы не можете понять прохлады Будды, потому что, когда гнев преобразуется в сопереживание, везде прохлада. Возникает глубокая прохлада. Будда не бывает горячим. Он всегда прохладный, центрированный, потому что теперь он знает, как пользоваться этим внутренним электричеством.

Электричество горячо – оно становится источником кондиционирования воздуха. Гнев горяч – он становится источником сопереживания.

Сопереживание – это внутренний кондиционер. Раз – и все стало прохладным, и прекрасным, и ничто не может вас потревожить, *и все существование стало вам другом*. Теперь больше нет врагов, потому что, когда вы смотрите глазами гнева, вы видите в ком-то врага; когда вы смотрите глазами сопереживания, каждый человек вам друг, сосед. Когда вы любите, то везде – Бог; когда вы ненавидите, то везде – дьявол. Именно ваша точка зрения проецируется на реальность.

Необходима осознанность, а не осуждение – и через осознанность преображение происходит спонтанно.

Когда вы осознаете свой гнев, приходит понимание; просто смотрите, без суждения, не говоря «хорошо» или «плохо», просто смотрите на свое внутреннее небо; вдруг молния, гнев, вам жарко, вся нервная система сотрясается и ходит ходуном, и вы чувствуете дрожь по всему телу: это прекрасное мгновение, потому что когда энергия в действии, ее легко наблюдать, когда она бездействует, ее не видно.

Закройте глаза и медитируйте на нее. Не сопротивляйтесь, просто смотрите, что происходит – все небо наполнено электричеством; столько молний, такая красота – просто лягте на землю и смотрите на небо, наблюдайте; потом сделайте то же самое внутри.

На небе тучи, потому что без туч не бывает молнии – темные тучи, мысли. Кто-то оскорбил вас, кто-то посмеялся над вами, кто-то что-то сказал – много туч, темных туч на внутреннем небе и много молний. Наблюдайте! Это прекрасная сцена!

И ужасная одновременно, потому что вы не понимаете. Она таинственна, но если тайну не понимают, она становится ужасной и пугает вас. Но когда тайна понята, она становится благословением, даром, потому что теперь у вас в руках ключи – а с ключами вы хозяин.

ВЫ НЕ КОНТРОЛИРУЕТЕ ЕЕ, вы просто станете Мастером, как только осознаете. А чем более осознанным вы становитесь, тем глубже проникаете внутрь, ведь осознанность – это движение внутрь, она всегда смотрит внутрь; более осознанны – более углуб-

лены; полностью осознанны – совершенно внутри; менее осознанны – более вовне; бессознательны – полностью вовне, скитаетесь вне своего дома.

Бессознательность – это плутание снаружи; сознательность – это углубление внутрь.

Итак, смотрите! – но когда гнева нет, смотреть будет трудно: на что тогда смотреть? Небо такое пустое, а вы еще не умеете смотреть на пустоту. Когда возникает гнев – смотрите, наблюдайте, и скоро вы заметите перемену. *Как только* появляется наблюдатель, гнев стихает, жар уходит – и вы можете понять, что жар нагнетаете вы сами; ваше отождествление себя с этим вызывает жар, и как только вы почувствуете, что жара нет, страх исчезает, и вы чувствуете себя отдельным от всего этого, другим, отдаленным. Молнии никуда не исчезли, они вокруг вас, но *вы перестали быть ими*. Вдруг из земли вырастает холм. Вы становитесь наблюдателем: внизу в долине множество молний... вы все дальше и дальше от них... и наступает мгновение, когда вы больше уже не связаны с ними. Отождествление разорвано, и в тот момент, когда это произошло, все накаленные страсти остывают – гнев превращается в сопереживание.

Секс – это горячий процесс, любовь – нет; но по всему миру люди говорят о тепле любви. Любовь – не тепло; любовь – совершенная прохлада, но не холод, потому что холод – это смерть. Любовь прохладна, как легкий бриз! Но она не может быть горячей или теплой. По причине отождествления с сексом в уме создается представление, будто любовь должна греть.

Секс действительно горяч. Он само электричество, и вы отождествляетесь с ним. Чем больше любви, тем прохладнее – вы можете даже воспринимать прохладную любовь как холодную: это ваше заблуждение, потому что, в вашем представлении, любовь должна быть горячей. Но так быть не может!

Та же самая энергия, если с ней не отождествляться, становится прохладной. Сопереживание прохладно, а если ваше сопереживание до сих пор горячо, поймите, что это не сопереживание.

Есть слишком горячие люди, которые считают себя глубоко сопереживающими. Они хотят преобразовать общество, изменить его структуру, многое сделать, хотят претворить в жизнь утопию: революционеры, коммунисты, утописты – это *очень горячие* люди.

Они думают, что в них много сопереживания. Нет, в них только гнев; изменился его объект, теперь у их гнева появился новый объект, сильно обезличенный – общество, общественная структура, государство. Они очень горячие люди. Ленин, Сталин, Троцкий – это очень горячие люди; но они не против кого-то конкретно, они против структуры в целом. Ганди был горячим человеком – против Бри-

танской Империи. Объект его гнева безличен, поэтому вы не можете почувствовать его гнев, но этот гнев присутствует. Он хочет что-то изменить во внешнем мире, и хочет этих перемен немедленно, что приводит к нетерпеливости и борьбе. Борьба может избрать себе ненасильственные методы, но борьба уже сама по себе насилие. Борьба как таковая есть насилие! Вы можете использовать в борьбе ненасильственные методы – как это делают женщины; Ганди и не предпринимал ничего другого – он просто использовал женскую хитрость.

Если муж хочет бороться, он побьет свою жену; а если жена хочет бороться, она причиняет боль себе. Это старо, как сама женщина – а женщина древнее мужчины! Она будет бить себя – это ее способ бороться. Она агрессивна – агрессивна по отношению к самой себе! И помните, ударив женщину, вы начнете испытывать чувство вины, и рано или поздно вам придется попросить прощения и прийти к компромиссу. Но у женщины, которая сама причиняет себе страдания, чувства вины не возникает. Но у вас оно возникает в любом случае – либо за то, что ударили ее, либо за то, что создали ситуацию, в которой она сама заставляет себя страдать. И в том, и в другом случае выигрывает женщина.

Британская Империя потерпела поражение, поскольку была мужской агрессивной силой и не понимала Ганди, боровшегося поженски: он будет голодать до смерти и этим заставит все британское сознание чувствовать себя виноватым. К тому же, такого человека невозможно убить, потому что он не оказывает вам никакого сопротивления, он просто очищает свою душу – старый женский трюк, но он сработал. Был только один способ победить Ганди, нереальный способ – Черчилль должен был тоже объявить смертельную голодовку, но это было невозможно.

Вы можете разгорячиться против кого-то в частности, либо против структуры в целом, но в любом случае вы разгорячены.

Ленин не есть сострадание, не может быть им. Будда есть сострадание – он не сопротивляется ничему; он просто находится в бытии и позволяет вещам быть такими, какие они есть – они движутся сами по себе. Общества меняются сами по себе – нет необходимости их изменять. Их перемены подобны тем, что происходят с деревом в разные времена года. Общества меняются сами по себе.

Старые общества умирают сами по себе, нет необходимости их разрушать! И новые общества также рождаются, как дети, как младенцы, сами по себе. Нет необходимости торопить их появление на свет.

Все происходит автоматически само по себе. Все движется и меняется. И в этом парадокс: они находятся в постоянном движении и

изменении – и все же, в определенном смысле, остаются неизменными, потому что всегда будут бедные и богатые; всегда будут беспомощные и власть имущие. Классы не могут исчезнуть – это не в природе вещей. Человеческое общество никогда не станет бесклассовым.

Классы могут меняться. В современной России нет богатых или бедных, но есть правящие и управляемые. Возникло новое классовое деление: на бюрократов и простых людей; на управляющих и управляемых – но все повторяется! Никакой разницы! Если бы Тамерлан родился в наше время в Советской России, он стал бы премьер-министром. Если бы Форд родился в Советской России, он стал бы Генеральным Секретарем коммунистической партии и управлял бы и в этом случае.

Ситуации могут меняться, но на тонком уровне они остаются прежними. Управляющие, управляемые; правители, подданные; богатые и бедные – они остаются. Это невозможно изменить, потому что общество построено на противоречии. Человек, который по-настоящему сопереживает, спокоен; он не смог бы стать настоящим революционером, потому что для революции требуется очень горячий ум, сердце и тело.

Отсутствие контроля, отсутствие внешнего проявления гнева, больше осознанности – и сознание переключается с периферии на центр.

Теперь постарайтесь понять эту прекрасную историю.

Ученик дзен пришел к Банкею и сказал: «Мастер, у меня взрывной характер – как мне это исправить?»

Он признал то, что у него взрывной характер; теперь он хочет излечиться от этого. Если вы заболели, в первую очередь выясните, действительно ли это болезнь – или просто ваше заблуждение, потому что, если это на самом деле болезнь, то ее можно вылечить, но если это не болезнь, а лишь заблуждение, то никакое лекарство не поможет. Скорее, даже наоборот: любое лекарство в этом случае пойдет вам лишь во вред. Итак, в первую очередь определитесь, есть болезнь или нет, или вы просто ее вообразили, или вы просто думаете, что больны. Может быть, никакой болезни и нет; и это всего лишь заблуждение. Если учесть, насколько человек запутан в своих мыслях, то многие его болезни на самом деле не существуют – он просто поверил в них.

Итак, вы в одной с ними лодке. Поэтому постарайтесь хорошенько понять эту историю. Это может вам пригодиться.

Ученик сказал: «Мастер, у меня взрывной характер – как с мне это исправить?»

Он признает болезнь, он в ней не сомневается; он просит о лечении. Никогда не просите о лечении; сначала попытайтесь выяснить, есть болезнь или нет.

Загляните вглубь своего состояния, диагностируйте болезнь, расшифруйте ее, изучите ее внимательно; загляните вглубь болезни, прежде чем просить о лечении. Не принимайте болезнь такой, какая она на поверхности, потому что как раз на поверхности другие люди соприкасаются с вами, на поверхности они отражаются в вас, на поверхности они окрашивают вас. Возможно, это и не болезнь вовсе. Возможно, это лишь отражение других.

Представьте себе спокойную гладь озера. Вы стоите на берегу этого озера в оранжевом платье, и вода около вас кажется оранжевой, отражает вас. Озеро может подумать, что стало оранжевым. Как же от этого избавиться? Где найти средство? Кого спросить?

Не спешите обращаться к специалистам – попытайтесь сначала выяснить, действительно ли это болезнь – или всего лишь отражение. Простая бдительность может сделать многое: большинство ваших болезней пройдет безо всякого лечения. Никакого лекарства не понадобится.

«Покажи мне этот характер, – сказал Банкей, – звучит интригующе».

Такой человек, как Банкей, немедленно начинает работать над болезнью, а не над лечением. Он не психоаналитик; психоаналитик направляет свои усилия на лечение – и в этом все отличие. В современной психиатрии появляются новые направления, которые работают над болезнью, а не над лечением. Новые направления развиваются: они ближе к действительности, ближе к дзен, ближе к религии. В течение этого столетия психиатрия приобретет более религиозный оттенок, и тогда она перестанет быть просто терапией – она станет *настоящей* целительной силой, потому что терапия думает о том, как вылечить, а целительная сила стремится обратить ваше сознание на болезнь.

Из ста заболеваний девяносто девять исчезнут благодаря осознанию – это ложные заболевания; они существуют, потому что вы отвернулись от них. Посмотрите на них, и они уйдут, они исчезнут.

В этом смысл принятия: возможно, вам стоит пройти группу принятия, потому что весь смысл в том, чтобы принимать вещи такими, как есть. Не думайте о лечении, не думайте о лекарстве, не

думайте о том, что делать; самое главное, в первую очередь, узнать, с чем вы имеете дело.

Ум уже столько раз вас обманывал, что на поверхности появилась болезнь, хотя в глубине никакой болезни нет; или же болезнь появляется на поверхности, но, углубившись внутрь, вы обнаруживаете другие болезни, и это было лишь попыткой ввести вас в заблуждение; это была не настоящая болезнь.

Однажды ко мне пришел человек и сказал: «Мой ум очень неспокоен. Я постоянно напряжен, обеспокоен, плохо сплю. Пожалуйста, научите меня какой-нибудь технике медитации – как достичь тишины и умиротворения».

Я спросил его: «А в чем твоя настоящая проблема? Ты действительно хочешь быть в согласии с самим собой?»

Он ответил: «Да, я искатель, я был в ашраме Шри Ауробиндо, был в ашраме Шри Рамана, я был везде, но ничего не помогает».

Тогда я спросил его: «Ты когда-нибудь задумывался об этом: если ничего не помогает, может быть, болезнь ложна? Или, может быть, ты неправильно ее определил? Или, может быть, содержимое не соответствует надписи на коробке? Ты с легкостью признал, что Шри Ауробиндо был бессилён, что Шри Раман был бессилён, что ты уже побывал везде...» Казалось, он торжествует из-за того, что все потерпели неудачу, что никто не смог ему помочь, что все оказались шарлатанами. И я сказал ему: «Рано или поздно ты пойдешь и станешь говорить то же самое обо мне, потому что я не вижу, чтобы ты был духовным искателем, чтобы ты действительно стремился к согласию с самим собой. Скажи мне одно: о чем твое беспокойство? Отчего ты напряжен? Просто говори мне, какие мысли приходят тебе в голову и почему ты продолжаешь думать о них».

Он сказал: «Их немного, всего одна мысль: у меня был сын, и он все еще жив – но он больше не сын мне. Я выгнал его».

Я богатый человек, а он влюбился в девушку не моей касты и ниже меня по материальному положению, необразованную. И я сказал моему мальчику: «Если ты собираешься жениться на этой девушке, можешь больше не возвращаться в мой дом». И он так и не вернулся».

Теперь я старею. Мой мальчик живет в бедности с этой девушкой, и я постоянно о нем думаю, и в этом моя беда – так подскажите мне какую-нибудь технику медитации».

Я спросил: «И чем же эта техника медитации тебе поможет? Ведь техника медитации не вернет твоего сына домой! И это настолько просто, что не нужно ходить ни к Ауробиндо, ни к Шри Раману, ни ко мне. Чтобы решить твою проблему, не нужен меч, достаточно иглы! Ты ищешь мечей, но мечи оказываются бессильны, потому что

тебе нужна всего лишь иголка! Это не духовная проблема, это проблема эго. Почему человеку нельзя влюбиться в девушку, менее обеспеченную, чем он сам? Разве любовь – это что-то материальное? Что-то, о чем говорят в терминах финансов, экономики, денег, богатства, статуса?»

Я рассказал ему одну историю.

К одному молодому человеку пришел брачный агент и говорит: «У меня есть одна очень красивая девушка, она идеально вам подойдет».

Парень ответил: «Не надо. Меня это не интересует».

Тогда агент говорит: «Я понял, но не волнуйтесь, у меня есть другая девушка, с приданным в пять тысяч рупий».

Молодой человек сказал: «Перестаньте говорить ерунду. Деньги меня тоже не интересуют! Оставьте меня в покое».

Человек сказал: «Я понял. Не волнуйтесь! Если пяти тысяч мало, у меня есть девушка с приданным в двадцать пять тысяч рупий».

Парень говорит: «Убирайтесь из моей комнаты, потому что если я когда-нибудь соберусь жениться, то займусь этим сам, без помощи агента. А вы не лезьте в это! Не злите меня!»

Агент сказал: «Хорошо, теперь я понял. Вас не интересует красота, вас не интересуют деньги. У меня есть девушка из семьи старинного происхождения, очень известной семьи – ее все знают, из нее в свое время вышло четыре министра. Вас интересует семья, так?»

На этот раз парень не на шутку рассердился и решил выставить этого человека силой; он вытолкнул его за дверь со словами: «Если я когда-нибудь и женюсь, это будет только по любви и никак иначе».

Тогда агент говорит: «Так что же вы мне сразу не сказали? Такие девушки у меня тоже есть».

Эту историю я и рассказал тому человеку.

Любовь неуправляема, она просто случается; и как только вы пытаетесь ей управлять, все идет не так. Поэтому я сказал тому человеку: «Просто походи к своему сыну и попроси у него прощения! Вот и все. Ни медитационная техника, ни Ауробиндо, ни Раман, ни Раджниш – никто не сможет тебе помочь. Просто походи к своему сыну и попроси у него прощения! – вот что тебе нужно. Прими и пригласи его домой! Тебя беспокоит твое эго. А если тебя беспокоит эго, то это уже другая болезнь. Ты ищешь медитации, полагая, что через нее обретешь тишину? Нет».

Медитация может помочь только тому, кто пришел к правильному пониманию своих внутренних болезней, кто наконец понял, какая из его болезней ложна, какая из них неправильно определена, а какой нет вовсе – емкость пуста.

Когда человек приходит к пониманию, к глубокому пониманию со всеми своими внутренними болезнями, то девяносто девять процентов болезней исчезает – потому что можно сделать так, чтобы они исчезли!

Тогда остается единственная вещь, и эта единственная вещь – духовный поиск.

Глубокая обеспокоенность, не связанная с этим миром, не связанная ни с чем в этом мире: ни с отцом, ни с сыном, ни с престижем, ни с властью – ни с чем; она не связана с этими вещами – она просто экзистенциальна; в глубине души, если вы можете ее обнаружить, она звучит как *познать самого себя*: Кто я? – тогда эта обеспокоенность становится духовным поиском. Тогда может помочь медитация – но не ранее.

Пока этот момент не наступил, вам необходимо другое: если достаточно иголки, зачем зря носить с собой меч? И там, где достаточно иголки, меч окажется бессилён. Именно так происходит с миллионами людей по всему миру.

Банкей, о котором шла речь – Мастер. Он сразу перешел к сути, сразу перешел к делу.

«Покажи мне этот твой характер, – сказал он, – звучит интригующе».

Звучит действительно интригующе. Почему это Банкей заинтригован? Потому что все это фальшь. Этот парень, этот ученик никогда не пытался заглянуть внутрь. Он ищет способ вылечиться, но он еще не определил свою болезнь.

«Сейчас у меня его нет, – сказал ученик, – поэтому я не могу вам его показать».

Вы не можете преднамеренно вызвать в себе гнев, не так ли? Если я скажу вам: «Рассердитесь прямо сейчас», что вы сделаете? Даже если вы будете играть, если вы сможете притвориться, это не будет гневом, потому что, несмотря на притворство, в глубине души вы сохраните спокойствие.

Гнев возникает! Что это значит – «он возникает»? Это значит, что он возникает лишь тогда, когда вы бессознательны. Если вы пытаетесь вызвать его намеренно, вы сознательны. Он не возникает, когда вы сознательны, он может возникнуть лишь тогда, когда вы бессознательны. Бессознательность – обязательное условие, без него гнев не сможет возникнуть. Но, тем не менее, молодой человек сказал:

«Но сейчас у меня его нет, и я не могу его вам показать».

«Ну что ж, – сказал Банкей, – приходи ко мне с ним, когда появится».

«Но я не смогу донести его, когда он вдруг появится, – возразил ученик. – Он возникает неожиданно, и он наверняка пройдет, не успею я дойти до вас».

Таким образом, Банкей подсказал ему правильный путь. Он уже шел по нему, он уже приближался к цели, потому что он начинал осознавать то, чего прежде никогда не осознавал. Первое, что он понимает – это то, что он не может продемонстрировать это прямо сейчас: это невозможно продемонстрировать; это случается тогда, когда случается – это бессознательная сила, ее невозможно вызвать сознательно. Это значит, что если он пойдет дальше, то следующим шагом будет сохранять сознательность – *но если вы сознательны, ничего не произойдет*.

Даже в момент гнева, если вы внезапно вернетесь в состояние осознанности, он стихнет. Попробуйте! Посреди вспышки гнева, когда вы так взведены, что готовы на убийство, резко верните свою осознанность, и вы почувствуете некую перемену: как будто внутри есть переключатель – вы услышите щелчок. Что-то изменилось, стало не так, как прежде: ваша внутренняя сущность расслабилась. Возможно, вашей внешней оболочке потребуется некоторое время, чтобы расслабиться, но ваша внутренняя сущность уже расслабилась. Взаимодействие нарушено; теперь вы больше не связаны с этим.

Гурджиев иногда разыгрывал со своими учениками красивую шутку. Вы сидите рядом, и он создает ситуацию: «Сейчас придет некто А., и когда он войдет, я буду вести себя с ним грубо, очень грубо, а вы все должны будете мне подыграть».

Когда входит А., Гурджиев смеется и говорит: «Ты выглядишь как полный дурак!» – и все смотрят на этого человека и дают ему понять, что они согласны. Потом Гурджиев говорит гадости про этого человека, и все кивают в знак согласия. Человек злится все сильнее и сильнее, но Гурджиев продолжает, и все кивают, выражая полное согласие, человек кипит от гнева – и тут он взрывается. И как только он взрывается, Гурджиев вдруг говорит: *«Остановись и посмотри!»*

Что-то внутри расслабляется. В то же мгновение человек понимает, что ситуация была ему навязана; он разозлился – но как только он понимает, что это всего лишь ситуация, что Гурджиев сыграл шутку, переключатель срабатывает: он становится бдительным, осознанным. Телу потребуется некоторое время, чтобы остыть, но в

самом центре все уже остыло. И теперь он может взглянуть на самого себя.

Ученик стоит на Пути – Банкей сразу наставил его на Путь. Впервые, он осознал следующее: «Я не могу показать вам его прямо сейчас, потому что его нет».

«Ну что ж, приходи ко мне с ним, когда появится».

Сделан второй шаг.

«Но я не смогу донести его, когда он вдруг появится, – возразил ученик. – Он возникает неожиданно...»

Я не знаю, когда он появится. Возможно, я буду в этот момент далеко от вас, возможно, вас не будет, и даже если я принесу его вам, то к тому времени, когда я до вас доберусь, он уже пройдет». Здесь он уже пришел к глубокому пониманию.

Вы не сможете принести мне свой гнев, не так ли? Потому что само усилие донести что-то вернет вам осознанность. Если вы осознанны, хватка ослабевает; гнев притупляется; когда вы придете ко мне, от него уже не останется и следа.

К тому же, добраться до Банкея было проще; добраться до меня трудно – сначала вам придется пройти через Мукту. К тому времени, когда вам назначат встречу и вы на нее придете, все уже пройдет. Для этого и существует предварительная запись! Потому что иначе вы бы напрасно приходили со своими проблемами. Они отпадают автоматически, сами по себе – но если они не исчезают, тогда они стоят того, чтобы вы пришли ко мне.

К тому времени, как вы придете ко мне, вы уже переживете это; и, возможно, вы поймете – что на преходящие вещи не стоит обращать внимание – что они приходят и уходят! Вы остаетесь всегда, они приходят и уходят! Большого внимания заслуживаете вы, а не то, что приходит и уходит, как смена времен года и погоды: утром одно, вечером другое: все меняется! *Найдите то, что неизменно!*

Ученик уже достиг прекрасного понимания – он сказал:

«Он возникает неожиданно, и он наверняка пройдет, не успею я дойти до вас».

«В таком случае, – сказал Банкей, – он не может быть частью твоей истинной природы».

– потому что ваша истинная природа присутствует всегда; она не появляется и не исчезает – она есть всегда! Гнев возникает, прохо-

дит; ненависть возникает, проходит; ваша так называемая любовь возникает, проходит. Ваша природа остается всегда.

Итак, не будьте слишком обеспокоены и озабочены преходящим, иначе эта забота не покинет вас долгие годы, долгие жизни, и вы никогда не достигнете смысла.

Именно поэтому фрейдистский психоанализ приносит мало пользы. Пациент может лежать на кушетке годами – три года, четыре года, пять лет – и все говорить о том, что приходит и уходит: помните, весь психоанализ по Фрейду работает с тем, что приходит и уходит: что случилось с вами в детстве, что случилось с вами в юности, что происходило в вашей интимной жизни, как складывались ваши отношения с людьми – и так далее! Речь идет о том, *что случилось, а не С КЕМ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ* – в этом отличие Банкея от Фрейда.

Если вы озабочены тем, что произошло, тогда – да, произошло столько всего! Даже за двадцать четыре часа происходит так много, что если это рассказывать, уйдут годы – а вы все рассказываете! Это все равно что всю свою жизнь говорить о погоде, какой она была: иногда очень жаркой, иногда пасмурной, иногда дождливой, иногда такой, иногда другой; но в чем смысл всего этого?

Что же происходит? Каким образом психоанализ помогает пациенту? Его помощь невелика. Он просто позволяет выговориться, вот и все. Два года подряд вы непрерывно рассказываете о том, что с вами было. Эти два года, или один год, или больше, просто дает вам время – и рана затягивается сама по себе, вы перенастраиваетесь. Несомненно, приходит и некоторое понимание: понимание как результат мысленного возврата в прошлое и обратно в настоящее, подобно челноку в вашей памяти; приходит определенное понимание, потому что вам приходится наблюдать за своими воспоминаниями, оно появляется из наблюдения – но это не главное.

Фрейда не интересует ваше присутствие. Он считает, что просто рассказывая о своем прошлом, высвобождая его с помощью слов, вербализации, вы изменяете что-то глубинное. Ничто в глубине не изменилось. Просто вы выбросили немного мусора. Вас никто не хотел слушать, а Фрейд и его последователи слушают вас так внимательно. Конечно, не бесплатно. Они профессиональные слушатели. Иногда они помогают, потому что вам бывает достаточно просто поговорить с кем-нибудь по душам. Вот почему люди рассказывают о своих несчастьях – они чувствуют облегчение; они нашли терпеливого, участливого слушателя. Но обычно никто не хочет их слушать, ни у кого нет на это времени.

У Бертрана Рассела есть небольшой рассказ. В наступающем двадцать первом столетии появится важная профессия профессиональных слушателей. В каждом районе, через каждые четыре или

пять домов, будет стоять дом с вывеской «Профессиональный слушатель». Психианализ в этом и заключается – потому что ни у кого не будет времени, все будет жить в спешке: жена не сможет поговорить с мужем, муж не будет успевать говорить с женой, любовью будут заниматься по телефону или при помощи видеосвязи. Это неизбежно наступит, потому что какой смысл встречаться с другом, если можно увидеть его на экране монитора? И он тоже видит вас. У телефонов будут экраны, чтобы вы могли видеть своего друга во время разговора, и он мог видеть вас, – тогда какой смысл встречаться? Найдете ли вы чем заняться, просто сидя напротив друг друга? Это происходит уже сейчас: расстояния сокращаются с помощью телефона и телевидения. Контакты будут утеряны, и потребуются услуги профессиональных слушателей.

Вы идете к психианалитику, и он слушает вас, как друг; конечно, вам приходится за это платить – а психианализ – самая дорогостоящая вещь в современном мире, только богатые могут себе это позволить. Люди хвастаются: «Я проходил психианализ пять лет. А вы сколько?» Бедным людям это недоступно.

Восточные же способы медитации отличаются другим отношением: их интересует не что произошло, а с кем это произошло. Узнать: с кем?

Лежа на кушетке Фрейда, вы озабочены тем, что у вас на уме. Сидя в дзенском монастыре, вы думаете о том, с кем это происходит – думаете не об объектах, а о субъекте.

«В таком случае, – сказал Банкей, – он не может быть частью твоей истинной природы. Если бы он ей был, ты мог бы показать мне его в любое время. Ты не родился с ним, он не достался тебе от родителей – поэтому, скорее всего, он проникает в тебя извне. Попробуй, как только почувствуешь его внутри, бить себя палкой до тех пор, пока характеру не станет невозможно и он не убежит».

Он просто шутит – не надо это делать, не надо буквально брать палку в руки.

В дзен осознанность называют палкой, которой вы бьете себя. Нет другого способа побить себя, потому что, взяв обычную палку, вы побьете тело, а не себя. Можно убить тело, но не вас. Бить себя палкой значит вот что: когда вы разгневаны, станьте осознанны; верните себе осознанность, бдительность, сознательность и бейте палкой осознанности внутри до тех пор, пока характер не сдастся и не убежит. Единственное, чего не выносит характер – это осознанности.

Физическое избивание не годится. Люди и так делают это постоянно: бьют других или себя! Банкей говорит не об этом – он просто шутит, используя дзенский символ осознанности: *палка, которой бьют себя*.

В дзенской традиции, когда Мастер умирает, он передает свой посох старшему ученику, которого он выбирает своим преемником, тем, кто его заменит. Он отдает ему посох, который носил с собой всю жизнь. Значение этого действия в том, что тот, кто получает посох, обрел *внутренний* посох – осознанность. Получить посох Мастера – величайший дар, потому что тем самым он выражает согласие, признание того, что в вас теперь есть внутренний посох; вы осознали все, что происходит с вами, с кем это происходит. Возникло разграничение, пропасть, пространство, теперь периферия и ваш центр уже не одно и то же.

И сказал Банкей: «Я полагаю, что этот гнев, который вселяется в тебя, приходит извне. Когда ты родился, его не было; ни родители, ни кто-либо другой не преподнесли тебе его в качестве подарка, – так откуда он берется? Скорее всего, он приходит извне, твоя периферия соприкасается с другими; от них тебе передаются волны и рябь. Поэтому будь осознан – в то самое мгновение, когда ты осознан, тебя бросает в центр.

Будь неосознанным – и живи на периферии. Будь осознанным – и лети к центру.

Из центра ты можешь увидеть, что происходит на периферии. Тогда, если два человека соприкоснутся на периферии, они создадут волнение, но оно не затронет тебя. Ты можешь смеяться; можешь получать удовольствие от этого; можешь говорить «Звучит интригующе».

Было так: Будда проходил мимо одной деревни, подошли люди и стали грубо оскорблять его, говорить гадости – а он просто стоял на месте. Они были несколько озадачены тем, что он никак не реагировал. Тогда кто-то из толпы спросил: «Что ты молчишь? Ответь нам!»

Будда сказал: «Вы слегка опоздали. Надо было прийти десять лет назад, тогда бы я ответил. Но теперь меня нет там, где вы меня оскорбляете; возникла дистанция. Я переместился в центр, где вам не достать меня. Вы слегка опоздали. Мне жаль вас, но, одновременно, мне это нравится. Сейчас я спешу, потому что меня ждут в другой деревне. Если вы еще не закончили, то я буду возвращаться этим же маршрутом. Приходите еще, это забавно».

Они были озадачены. Что делать с таким человеком? Кто-то из толпы спросил: «Ты что, действительно ничего не скажешь в ответ?»

Будда сказал: «В деревне, откуда я иду, люди принесли мне в подарок много сладостей, но я принимаю что-то только тогда, когда голоден, а голоден я не был – и отдал им сладости обратно. Как вы думаете, что они с ними сделают?»

Ему ответили: «Конечно, пойдут в деревню и раздадут сладости людям как прасад (освященную пищу)».

Будда засмеялся и сказал: «Да, вы действительно в беде, вы запутались, – а что бы вы сделали? Вы принесли мне эти ругательства, а я говорю, что не голоден – так возьмите их назад! И мне жаль вашу деревню, потому что люди получают такие неприятные вещи, такие неприятные слова в качестве прасада».

Когда вы в центре, это забавно, вы можете этим наслаждаться. Когда вы прохладны, вы можете наслаждаться целым миром. Когда вы разгорячены, вы не можете им наслаждаться, потому что вы слишком вовлечены; вы потеряны, вы отождествляетесь с ним. Вы запутываетесь в нем – как же он может быть вам в радость?

Возможно, это звучит парадоксально, но я скажу вам – только Будда может наслаждаться этим миром: для него все забавно.

КАКОВ ПУТЬ?

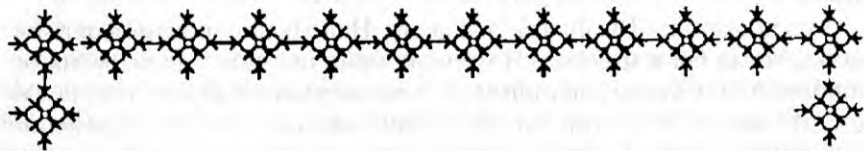
Беседа 4. 3 ноября 1974 года

Мастера, который жил отшельником в горах, спросил один монах: «Что есть Путь?»

«Какая красивая гора!» – сказал мастер в ответ.

«Я не о горе спрашиваю тебя, – сказал монах, – а о пути».

Мастер ответил: «Пока ты не перейдешь гору, сынок, тебе не достичь пути».

Путь легок – но вы как гора; путь лежит за пределами. Трудно превзойти себя. Как только вы окажетесь на Пути, это не будет проблемой, но вы еще очень далеки от него.

Вы такой клубок противоречий! Одна ваша часть движется на восток, другая – на запад – вы не идете в одном направлении. В ва-

шем нынешнем состоянии это невозможно, потому что для движения в одном направлении требуется внутренняя целостность, кристаллизованная сущность. Сейчас ваша сущность представляет собой толпу, в которой множество личностей – и отсутствует целостность.

В лучшем случае, если вы сумеете организовать себя, что приходится делать всем, – если вы сможете контролировать себя, то, в лучшем случае, вы превратите толпу в собрание; и даже тогда это будет, скорее, похоже на собрание индийцев, а не британцев: большинство будет двигаться в одном направлении, но всегда найдется меньшинство, которое пойдет в другую сторону.

Итак, даже очень сдержанный, дисциплинированный человек, человек с характером, думающий – даже такой человек никогда не достигает Пути. Возможно, он умеет приспособливаться в обществе, но он так же неспособен достичь Пути оттуда, откуда открывается дверь в Божественное.

Вы действительно как гора.

Первое, что следует понять – это то, что толпа должна исчезнуть. Полипсихическое существование должно стать монопсихическим; вы должны быть кем-то одним. Это означает, что вы должны не иметь мыслей, потому что мысли – это толпа, множество мыслей разрывает вас на части. Они порождают внутри вас хаос, они противоречат одна другой. Даже когда вы принимаете решение, вы отвергаете мнение какой-либо одной своей части – решение не бывает единогласным.

Мне рассказывали такой случай: Мулла Насреддин сильно заболел на нервной почве, у него обнаружили какое-то психическое заболевание. Болезнь проявлялась в том, что он постепенно терял всякую способность принимать решения – и не только серьезные решения, а даже малозначительные: принимать ванну или нет, надеть этот галстук или тот, ехать на работу на такси или на своей машине – он не мог принять даже такое простое решение и попал из-за этого в психиатрическую больницу. Полгода лечения – и все успокоилось; врачи решили, что он в порядке. В один прекрасный день они сказали: «Теперь, Насреддин, ты совершенно здоров. Возвращайся обратно в мир, принимайся за работу, действуй. У нас нет никаких сомнений в том, что все в порядке». Но, заметив со стороны Насреддина определенную нерешительность, врач спросил: «Ну как, ты чувствуешь себя готовым вернуться в мир, продолжать жить и работать?»

Насреддин ответил: «И да, и нет».

Таково положение дел. Вопрос не в том, больны вы или нет; в большей или меньшей степени – но глубоко внутри остается эта проблема: и да, и нет, и то, и другое.

Вы любите кого-то? – да, но где-то в глубине прячется *нет*. Рано или поздно, когда да вам наскучит и надоест, откуда ни возьмись появится *нет*, и вы возненавидите человека, которого сами же любили. Вам нравится что-то, но в глубине есть скрытое недовольство; рано или поздно это перестанет вам нравиться.

Вы сходили с ума от любви, от удовольствия; вы будете так же безумны в своей ненависти и неприязни. Такие, как вы есть сейчас – со своими и да, и нет, и всем сразу – как вы можете приблизиться к Божественному?

Божественному требуется полная отдача – на меньшее оно не согласо; но как вы можете посвятить себя чему-либо целиком? Ведь вы не целостная сущность! Поэтому вы – как гора.

Путь легок, но вы не стоите на Пути; и никакие техники, никакие методики, никакие Мастера, по правде говоря, не дают вам Пути – Путь уже существует. Их методики и техники лишь подводят вас к Пути; они сами не есть Путь. Они – как горные тропинки, чтобы вы могли пройти дальше – потому что Путь уже есть; нет никакой необходимости прокладывать Путь, потому что он уже есть. Но вы заблудились в лесу. Вас нужно вернуть на Путь.

Итак, первое: чем более вы разрозненны, тем дальше вы от Пути; чем более целостны, тем ближе к нему.

Мысли разрывают вас на части, потому что каждая из них несет в себе противоположность: любовь несет в себе ненависть, дружба – вражду, симпатия – антипатию. Сосан прав, когда говорит: «Легкое движение, едва заметный шаг внутри вас от любви к ненависти – и небо ополчится против земли». Если нет никакого разделения – вы достигли, потому что при отсутствии разделения вы едины.

Итак, первое, что нужно запомнить – как отбросить мысли. – но при отсутствии мыслей оставаться бдительным, потому что мысли могут отсутствовать и в глубоком сне, но это не то. Это полезно для тела, вот почему после глубокого сна тело ощущает себя помолодевшим, но ум чувствует усталость даже утром, потому что деятельность ума не прекращается. Тело расслабляется, хотя ум мешает ему расслабиться полностью; но, тем не менее, оно расслабляется; поэтому наутро тело в форме, по крайней мере, оно работоспособно – но ум не чувствует себя отдохнувшим даже утром.

Вы ложитесь спать уставшим, а просыпаетесь еще более уставшим, потому что ум не переставал работать, мечтать, думать, строить планы, грезить; ум не переставал работать.

В глубоком сне, когда вы на несколько мгновений полностью погружаетесь в бессознательное, вы переживаете единение. То же самое единение необходимо в состоянии осознанности и бдительности. Когда вы погружены в глубокий сон – никаких мыслей, никакого деления на хорошее и плохое, на рай и ад, на Бога и Дьявола, вообще никакого деления; вы просто есть, но вы бессознательны. Того же самого состояния нужно достичь, когда вы бдительны и осознанны. Самадхи, кульминация, Высшее, высшая медитация – это не что иное, как глубокий сон при полной осознанности.

Вы умеете погружаться в глубокий сон; все, чего остается достичь – это все большей и большей осознанности. Если вы сможете добавить осознанности к своему глубокому сну, вы станете просветленным. Вы превзошли горы, и Путь открылся – это первое.

Второе: вы несете в себе свое прошлое – это порождает разрозненность. Когда-то вы были ребенком, и этот ребенок все еще живет в вас, и иногда он все еще шалит, давая о себе знать. Бывают моменты, когда вы снова впадаете в детство. Когда-то вы были молоды, теперь вы стары; этот юноша все еще живет в вас, и иногда даже старики ведут себя по-юношески глупо.

Вы носите в себе все свое прошлое, каждое его мгновение, а вы ведь многое пережили! Начиная с утробы матери и до настоящего мгновения, вы перебивали множеством личностей, и все они накапливались в вас, слой за слоем. Вы выросли, но прошлое никуда не исчезло; оно может быть скрыто, но оно есть – и следы его не только в уме, но и в теле. Если вы когда-то в детстве разозлились, и кто-то сказал вам: «Перестань! Не будь злым», и вы остановились, то ваша рука до сих пор носит в себе эту злость. Это неизбежно, потому что энергия неразрушима, и, если вы только не расслабите руку, она никуда не уйдет. Если вы не сделаете сознательных усилий, чтобы завершить цикл этой энергии, которая стала гневом пятьдесят или шестьдесят лет тому назад, вы будете продолжать носить ее в себе, и ей будет окрашено все, что вы делаете.

Когда вы прикоснетесь к кому-либо, прикосновение не будет чистым, потому что ваша рука несет в себе все ваше прошлое: весь подавленный гнев, всю подавленную ненависть. Даже ваше прикосновение к любимому не может быть чистым, любовь невозможна – потому что куда денется гнев, который помнит рука?

Вильгельм Рейх много исследовал соматическое подавление. Тело загружено прошлым; ум загружен прошлым; это загруженное состояние мешает вам быть здесь и сейчас – вы должны прийти к согласию со своим прошлым.

Поэтому медитация нужна не просто для того, чтобы делать что-то здесь и сейчас; прежде, чем это станет возможным, вы должны прийти к согласию со своим прошлым: вы должны развязать все узелки – а их миллионы.

Даже состарившись, человек продолжает оставаться ребенком, юношей и всем, кем он когда-либо был, потому что не умеет умирать каждое мгновение.

В этом все искусство жизни: умирать мгновение за мгновением, чтобы не оставалось узелков.

Отношения закончились – не носите их в себе, просто умрите для них! Что поделаешь? Что-то происходило в прошлом, но сейчас его уже нет. Примите его и умрите для него – просто отбросьте его с полной осознанностью, и вы будете обновлены для нового мгновения. Вы перестанете носить в себе прошлое.

Вы уже не ребенок, но наблюдайте за собой – и вы заметите, что ребенок в вас все еще жив – и он причиняет беспокойство! Если бы вы действительно были ребенком, никакой проблемы бы не было, но ведь вы уже выросли.

Однажды Мулла Насреддин попал в больницу. В это же время пришел его день рождения – ему было восемьдесят лет – и он ждал своих троих сыновей с подарками. Они пришли, разумеется, но не принесли ничего в подарок – ведь ему уже было восемьдесят лет! Подарку радуется ребенок, но старик? Восемьдесят лет! Его старшему сыну было шестьдесят. Поэтому они совершенно об этом не подумали, но, когда они пришли и Мулла увидел их с пустыми руками, он очень обиделся, рассердился и сказал: «Ну и ну! Вы совсем забыли своего старика, забыли про день рождения своего старого бедного отца? Ведь сегодня мой день рождения!»

Какой же ребенок! Стоило только видеть в этот момент его глаза – это был не восьмидесятилетний старик, а ребенок, который ждет игрушек.

Один из сыновей сказал: «Прости нас, мы совсем забыли».

Мулла Насреддин сказал: «Придется вас простить, потому что, похоже, забывчивость – это у нас семейное. Кажется, я тоже забыл жениться на вашей матери». Он был не на шутку зол.

Все трое хором вскрикнули: «Что?! Ты хочешь сказать, что мы...?»

Он сказал: «Вот именно! – и причем жадные!»

Ребенок продолжает жить в вас: он там, когда вы плачете, он там, когда вы смеетесь, он там, когда вам дарят подарок, он там, когда об этом забывают, он там, когда вас хвалят, он там, когда вас осуждают, – трудно быть по-настоящему зрелым. Вы не сможете полностью повзрослеть, пока ребенок не умрет в вас, пока не перестанет

быть вашей частью – иначе он будет продолжать влиять на ваши действия и отношения.

И это относится не только к ребенку, а к каждому мгновению вашего прошлого, которое продолжает оказывать влияние на ваше настоящее – поэтому ваше настоящее перегружено. Миллионы голосов, живущих у вас в уме и в теле, без конца манипулируют вами – как же вы можете достичь Пути?

Вы – гора. Гору нужно растворить. Как это сделать? Сознательно: во-первых, прожить снова свое прошлое, прожить осознанно.

Таков механизм осознанности: когда вы проживаете что-то осознанно, оно не остается лежать на вас грузом; поймите это. Ничто не ляжет на вас бременем, если вы проживете это осознанно.

Если вы пойдете на рынок за покупками и будете передвигаться осознанно, ходить осознанно, покупать осознанно, полностью отдавая себе отчет, и потом осознанно вернетесь домой, это никогда не станет частью вашей памяти. Я не имею в виду, что вы забудете об этом – просто это не будет грузом. Если вы хотите об этом помнить, вы будете помнить, но это не будет постоянно притягивать ваше внимание, это не будет бременем.

Все, что проживается сознательно, становится прожитым и не остается узелком. Все, что проживается бессознательно, становится узелком, потому что прожито не до конца – осталась незавершенность. Все, что не завершено, будет оставаться с вами, ожидая своего завершения.

К примеру, когда вы были ребенком, кто-то сломал вашу игрушку, и вы плакали; мама пыталась вас утешить, занять чем-нибудь другим, давала сладости, рассказывала сказку – одним словом, отвлекала; вы собирались плакать и рыдать – и забывали об этом. Это осталось незавершенным; это живет в вас – и теперь, когда кто-нибудь отнимает у вас игрушку – это может быть любая игрушка, например девушка – и вы начинаете плакать и рыдать. В этом можно обнаружить незавершенность из детства. Игрушкой может быть пост. Вы мэр города, и кто-то захватывает ваш пост – и вы опять плачете и рыдаете.

Выясните... вернитесь в прошлое и пройдите через него еще раз – потому что теперь у вас нет другого выхода; прошлое ушло, и если что-то осталось незавершенным, единственный способ – это пережить его в уме, мысленно вернуться в прошлое.

Возьмите себе за привычку каждый раз, засыпая, мысленно возвращаться на час назад с полным осознанием, как будто вы проживаете это еще раз. Многое всплывет на поверхность, многое привлечет ваше внимание – поэтому не торопитесь и не будьте полувнимательны, потому что это опять создаст незавершенность.

Уделяйте полное внимание всему, что приходит. Проживите это снова. И когда я говорю «проживите это снова», это значит именно «проживите», а не «вспомните», потому что, вспоминая, вы будете лишь сторонним наблюдателем; это не поможет. Перепроживите это!

Вы снова ребенок. Не делайте вид, что вы стоите в стороне и смотрите, как у ребенка отнимают игрушку. Нет! Будьте этим ребенком. Не вне ребенка, а в ребенке – будьте ребенком снова. Проживите это снова: кто-то отнимает игрушку, ломает ее, и вы начинаете плакать – и плачьте! Мама пытается вас успокоить – пройдите через это снова, но не позволяйте ничему себя отвлечь. Пусть процесс завершится. Когда он завершится, вы почувствуете на сердце облегчение; что-то отпустило.

Вы хотели что-то сказать своему отцу; теперь его уже нет в живых, и вы не можете ему сказать. Возможно, вы хотели попросить у него прощения за то, что когда-то расстроили его, но тогда ваше эго помешало вам извиниться; теперь его нет, и ничего не вернешь. Что делать? – ведь это не ушло! Это будет продолжать отравлять ваши отношения.

Мне это очень понятно, ведь быть Мастером – значит быть в каком-то смысле отцом – конечно, быть Мастером включает в себя многое, но среди наиболее важного – это быть, в определенном смысле, отцом. Если люди, которые ко мне приходят, отягощены своими отношениями с отцом, им трудно общаться со мной, потому что присутствие их отца всегда чувствуется. Если они ненавидели своего отца, они будут ненавидеть и меня, если они хотели его ударить, они начнут драться; если они любили своего отца, они полюбят и меня, если они уважали его, они будут уважать и меня, если они лишь демонстрировали свое уважение, а в глубине души презирали его, то же самое отношение будет и ко мне – это запускает целый механизм.

Если вы сознательны, вы можете это наблюдать. Вернитесь мысленно в прошлое; возможно, вашего отца уже нет в живых, но в памяти он жив всегда: закройте глаза; станьте снова ребенком, который провинился перед отцом и хочет быть прощенным, но не может набраться смелости попросить прощения – теперь вы можете набраться смелости! Вы можете сказать все, что хотите, можете снова упасть ему в ноги, а можете разозлиться и ударить его – только покончите с этим! Сделайте так, чтобы процесс завершился.

Запомните главный закон: все, что завершено, отпадает, потому что носить его в себе теряет смысл; все, что не завершено, живет с вами, ожидая своего завершения.

Вечное стремление Существования – стремление к завершению. Его основная тенденция – приводить все к завершению. Оно не любит незаконченных дел – они висят, они ждут; а Существованию некуда спешить, – это ожидание может длиться миллионы лет.

Возвращайтесь в прошлое. Каждую ночь, засыпая, возвращайтесь на час назад, проживайте его снова. Постепенно на поверхность будет всплывать множество воспоминаний. Вы будете удивлены, что даже не осознавали их присутствия – а они настолько живы и свежи! Как будто это случилось только что! Вы снова переживете детство, юность, влюбленность и многое другое. Не торопитесь, чтобы все могло завершиться. Ваша гора будет все уменьшаться и уменьшаться; гора – это ваш груз. Чем она меньше, тем свободнее вы себя чувствуете. К вам придет определенное ощущение свободы, и вы почувствуете, будто прикоснулись к источнику жизни.

Вы станете полны жизни: даже окружающие заметят, что ваша походка изменилась, стала танцующей; что изменилось ваше прикосновение – это уже не мертвое прикосновение, а живое; блоки, которые мешали течению жизни, исчезли; теперь в руке нет гнева, который отравляет любовь, и она может течь свободно, во всей своей чистоте. Вы станете более чувствительными, открытыми, уязвимыми.

Если вы пришли к согласию со своим прошлым, внезапно вы окажетесь в настоящем, здесь и сейчас, потому что необходимость возвращаться пропадет.

Совершайте прогулку в прошлое каждый вечер. Воспоминания, одно за другим, будут представлять перед вами и завершаться. Переживайте их заново; вы почувствуете, как, завершившись, они уходят. Теперь все возможное уже сделано, доведено до конца. С течением времени будет оставаться все меньше и меньше воспоминаний. Появятся провалы: вам хотелось бы вызвать воспоминания, а их нет – эти провалы прекрасны. Наступит день, когда вы не сможете вернуться в прошлое, потому что там все будет завершено. Только тогда, когда пути назад нет, появляется путь вперед.

По-другому не может быть. ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД ОЗНАЧАЕТ ДОСТИЧЬ ПУТИ: каждое мгновение сознание движется вперед, в Неизвестное.

Прошлое мешает вам идти вперед; прошлое висит на вас грузом – как вы можете двигаться в будущее и как вы можете быть в настоящем? Эти горы прошлого огромны, как Гималаи, нет ни маршрутов, ни карт; никто не знает дороги через них – и поскольку каждый из нас – это разные Гималаи, составить карту невозможно, она не подойдет всем. Вы несете на себе свои Гималаи, другие несут

свои, и встречи заканчиваются только столкновениями и конфликтами.

Вся жизнь становится борьбой, ожесточенной борьбой, и эта борьба видна, слышна и ощутима повсюду. При приближении другого человека вы напрягаетесь, напрягается и он – каждый из вас несет свои Гималаи напряжения, и рано или поздно произойдет столкновение. Вы можете называть это любовью, но знающие люди скажут вам, что это тоже столкновение. И все заканчивается печально.

Покончите с прошлым. Чем больше вы освобождаетесь от прошлого, тем меньше гора. В конце концов вы достигнете унисона, постепенно вы станете едины.

Теперь попытайтесь понять эту притчу: Что есть Путь?

Мастера, который жил отшельником в горах, спросил один монах: «Что есть Путь?»

Каждое слово заслуживает понимания, потому что каждое слово несет в себе смысл:

Мастера, который жил отшельником в горах...

Так было всегда: Будда уходил в горы, Иисус уходил в горы, Махавира уходил в горы, – для чего они уходят в горы, туда, где одиночество? Для чего они становятся одиночками?

Так они могут быстро и напрямую встретиться с теми горами, что у них внутри. Живя в обществе, это сделать трудно, потому что энергия расходуется на повседневную работу, рутину и взаимоотношения; у вас не хватает времени, не хватает сил на то, чтобы встретиться с самим собой – вы растрчиваете себя на встречи с другими! Вы такой занятой человек – а для того, чтобы встретиться с самим собой необходимо жить ничем не занятой жизнью. Встреча лицом к лицу с самим собой – это настолько невероятное явление, что вам потребуется вся ваша энергия. Это настолько всепоглощающее занятие, что ему нельзя отдаваться только наполовину.

Искатели всегда стремились к одиночному существованию, чтобы остаться наедине с самим собой. Куда бы они ни отправились – это лишь для того, чтобы остаться наедине с самим собой; для того, чтобы жить проще, потому что отношения только все усложняют: другой человек привносит свои несчастья, свои горы; вы и так достаточно отягощены – а тут еще и другой! И тогда вы сталкиваетесь. И все становится еще сложнее. Две болезни, встречаясь, порождают еще более серьезную болезнь.

Все переплетается, превращаясь в головоломку. Вы уже головоломка – так лучше сначала разрешить ее, а потом уже вступать в отношения, потому что если хотя бы вы не будете горой, вы сможете помочь другому человеку.

И помните, для того, чтобы хлопнуть в ладоши, нужны две руки, для того, чтобы произошло столкновение, нужны две горы. Если вы перестанете быть горой, вы станете способны на отношения. Теперь, даже если другой попытается столкнуться с вами, ничего не выйдет, потому что одной рукой невозможно сделать хлопок. Другой человек почувствует себя глупо – и это рассвет мудрости.

Вы можете помочь лишь в том случае, если сами не отягощены. Вы можете стать кому-то мужем, отцом, матерью, и вы будете перекладывать свое бремя на других. Даже маленьким детям приходится нести на себе ваши горы; они бывают раздавлены под вашей тяжестью – и это неизбежно, поскольку вы не утруждаете себя достижением ясности собственного бытия, прежде чем вступить в отношения.

Это должно быть основной ответственностью каждого сознательного существа: «Прежде чем вступить в отношения, я должен освободиться от своего бремени. Я не должен нести на себе груз; только тогда я могу помочь другому расти. В противном случае, я буду его использовать, а он будет использовать меня! В противном случае, я буду пытаться доминировать, а он будет пытаться доминировать надо мной». И это нельзя назвать отношениями, и это не может быть любовью, это будет тонкой политикой. Ваш брак – это тонкая политика доминирования. Ваше отцовство, материнство – это тоже тонкая политика.

Посмотрите на матерей, просто наблюдайте! – и вы почувствуете, что они пытаются контролировать своих маленьких детей. Они срывают на детях свою агрессию, свою злость – они делают их объектами катарсиса; и дети становятся отягощены этим с самого начала. Их жизнь начнется уже с горами на плечах, и они никогда не узнают, что возможна жизнь с легким сердцем; и они никогда не узнают свободы, которую дает необремененное существование. Они никогда не узнают, что от освобождения вырастают крылья, и можно улететь в небо, улететь в Неизвестное.

Бог доступен лишь тогда, когда вы ничем не обременены. Но они этого не узнают. Они будут стучать в двери храмов, но так никогда и не узнают, где настоящий храм. Настоящий храм – это свобода: каждое мгновение умирать для прошлого и жить настоящим; свобода двигаться, свобода идти в темноту, в Неизвестное – это и есть врата в Божественное!

Мастера, который жил отшельником в горах...

совсем один. Следует различать эти два слова: «одинок» и «один». Их словарные значения могут совпадать, но те, кто когда-либо медитировал, понимают разницу. Это не одно и то же, они настолько отличаются друг от друга, насколько это только возможно. Одиночество безобразно; одиночество угнетает: это печаль; это нехватка кого-то рядом. Одиночество – это отсутствие кого-то рядом: вам хотелось бы, чтобы кто-то был рядом, но никого нет, и вы это чувствуете и грустите. В одиночестве присутствует не ВЫ, а отсутствие кого-то рядом.

Один? Это совсем другое. Есть ВЫ; это присутствие вас; это положительное явление. Вы не скучаете по кому-то, вы встречаете самого себя. Тогда вы один, один, как вершина, и невероятно прекрасны! Иногда вас охватывает ужас – но и в нем есть своя прелесть.

Основное – это присутствие: вы присутствуете для самого себя. Вы не одиноки, у вас есть вы. Когда вы один, вы не одиноки, вы с самим собой.

В одиночестве вы просто одиноки – нет никого. Вы не с самим собой и не с кем-то другим. Быть в одиночестве негативно, это означает отсутствие; быть одному позитивно, это означает присутствие.

Если вы один, вы растете, потому что вам позволяет пространство – никто не ограничивает вас, никто не ставит препятствий, никто не создает новых проблем. Когда вы один, вы растете, и растете настолько, насколько хотите; вы можете расти, потому что нет ограничений, и вы счастливы наедине с самим собой, появляется благодать. Нет никакого сравнения, потому что в отсутствие рядом другого вы ни красивы, ни безобразны, ни богаты, ни бедны, ни то, ни другое, ни белы, ни черны, ни мужчина, ни женщина – наедине с собой как вы можете быть мужчиной или женщиной? В одиночестве вы либо мужчина, либо женщина, потому что вам недостает другой половины. Когда вы один, вы никто, пусты, совершенно пусты от другого.

И помните, это не может существовать в отсутствие другого: оно существует только по отношению к другому. Это нуждается в другом, присутствующем или отсутствующем. Для того чтобы почувствовать «Я», нужен другой, нужна граница другого. Отгороженный от соседей забором, я ощущаю свое «Я». Без соседей и заборов – откуда взяться чувству «Я»?

Вы будете, но безо всякого это. Это – это отношение, оно существует только по отношению к другому.

Мастер жил один – отшельник означает «один» – в горах, наедине с самим собой, встречая самого себя на каждом углу. Куда бы он ни пошел, он встречает только себя, не обремененного никем другим, и поэтому хорошо знает, каков он, кто он.

Проблемы разрешаются сами собой, если вы можете быть один – даже такие проблемы, как сумасшествие. Пару дней назад мы говорили об этом с друзьями. На Западе, если человек сходит с ума или заболевает неврозом, его усиленно лечат; даже слишком усиленно – годами! И в результате – практически ничего. Человек остается таким же, как был.

Мне рассказывали такой случай: один психиатр лечил пациентку, страдающую клептоманией – болезненной одержимостью красть. Она была богата, в кражах не было никакой необходимости, это просто было психологической одержимостью. Она не могла не красть – она не упускала ни одной возможности украсть – даже какую-нибудь мелочь, иголку, пуговицу. Ее лечили несколько лет. После пятилетней терапии – тысячи долларов на ветер – через пять лет ее психиатр, практикующий по Фрейду, сказал: «Кажется, теперь все в порядке, нет надобности продолжать лечение. Вы можете его бросить. Как вы себя чувствуете?»

Она сказала: «Я чувствую себя превосходно. Отлично. Все хорошо. До того, как вы начали лечение, я испытывала чувство вины за воровство – теперь, когда я ворую, я никогда не испытываю чувства вины. Замечательно! Все прекрасно. Вы молодец. Вы мне очень помогли».

И на этом все. Вы просто приспосабливаетесь, подстраиваетесь под свою болезнь, вот и все.

На Востоке, в особенности в Японии – благодаря дзен – вот уже тысячу лет практикуется совершенно другой метод лечения. В дзенских монастырях... они ни в коем случае не являются лечебницами, специально для больных людей, но если в деревне есть дзенский монастырь, это единственное место для таких больных; если кто-то сходит с ума или заболевает неврозом, куда еще пойти? Такого человека приводят к Мастеру, ведь если он занимается с нормальными людьми, то почему бы не заниматься невротиками? Отличие лишь в степени. Больного неврозом приводят в дзенский монастырь, к Мастеру, и говорят: «Что делать? Уж вы присмотрите за ним». И Мастер присматривает.

И лечение там невероятное! Лечение состоит в следующем – никакого лечения вообще. Человеку дают одиночную келью где-нибудь в глубине монастыря, в уголке; и он должен там жить. У него будет питание и все необходимое – но и только. И он должен

жить сам по себе. За три недели, всего за три недели, безо всякого лечения, невроз проходит.

Многие западные психиатры исследуют это явление как чудо – но никакого чуда нет! Просто человека ненадолго оставляют в покое, чтобы он мог разобраться, вот и все! Ведь он когда-то был нормальным, значит, может стать нормальным снова. На него что-то давит, ему нужна передышка, вот и все. В монастыре ему не будут уделять особого внимания, потому что если невротику уделять слишком много внимания, как это делается на Западе, он никогда не выздоровеет, потому что раньше, когда был здоров, он никогда не получал столько внимания. На Западе этим занимаются великие психоаналитики – великие доктора, мировые «светила», и они слушают этих пациентов: пациент лежит на кушетке и отдыхает, а «светило» сидит у изголовья и внимательно слушает каждое слово – столько внимания! Невроз становится выгодным, потому что людям недостает внимания.

Некоторые люди преднамеренно ведут себя глупо, потому что это привлекает внимание общества. В любом захолустье, в любой деревне найдется местный дурачок – и это не посредственный, а очень умный человек. Шуты, как правило, умные люди, освоившие некий трюк; этим они добиваются внимания окружающих. Их везде угощают, все их знают, им не нужно занимать никакой пост, чтобы прославиться – вся деревня заботится о них. Они ведут за собой толпу, как великие лидеры, их любят дети – и им это нравится! Они известны во всем городе, и они знают, что их дурачество прибыльно! Вся округа заботится о них: они сыты и хорошо одеты – они усвоили трюк. Можно не работать, можно ничего не делать – просто будь шутком, и этого достаточно!

Если же невротик... и помните, эго – это невроз, эго необходимо внимание: получая внимание, оно чувствует себя хорошо. Много было таких преступников, которые совершили убийство для того, чтобы привлечь внимание журналистов, потому что убийство – для них единственный способ попасть в заголовки газет. Они просыпаются знаменитыми – повсюду их фотографии, имена, биографии: они вдруг перестали быть никем и стали кем-то.

Невроз – это болезненная потребность во внимании, и уделять ему внимание – значит подпитывать его: вот почему психоаналитики оказались здесь бессильны.

В дзенском монастыре невротик выздоравливает за три недели; психоаналитики, практикующие по Фрейдю, не могут вылечить его за тридцать лет, потому что они упускают главное. В дзенском монастыре никто не уделяет невротичному человеку особенного внимания, никто не относится к нему как к важной персоне – его просто

оставляют в покое, и в этом состоит все лечение. Он должен разобраться сам с собой; никому нет до этого дела. Через три недели он выходит оттуда абсолютно здоровым.

Одиночество имеет целительный эффект, это исцеляющая сила. Когда вы чувствуете, что запутались, не пытайтесь разобраться с этим на месте – устройте себе небольшой отдых от общества, хотя бы на три недели, проводите его в тишине, наблюдайте за собой, чувствуйте себя будьте сами с собой – и вы откроете невероятную исцеляющую силу.

Поэтому на Востоке многие люди ушли в горы, в леса, в безлюдные уголки, где не о ком беспокоиться, кроме самого себя; там можно почувствовать себя самого напрямую, увидеть, что происходит у тебя внутри.

Вы один в ответе за самого себя, и никто другой, помните об этом. Если вы сошли с ума – значит, сошли с ума – и сами должны с этим разобраться: это ваше дело! Это то, что индуисты назвали бы вашей кармой. У этого очень глубокий смысл. Это не какая-то теория. Они говорят, что все, чем вы являетесь, вы создали сами, – сами и разбирайтесь! Никто другой не в ответе за вас, только вы сами.

Устройте себе одиночное заключение! – чтобы со всем разобраться, чтобы помедитировать на свою жизнь и свои проблемы, и это прекрасно: если вы сможете хотя бы просто побыть молчаливым, пожить наедине с собой несколько дней, все уляжется само по себе, потому что взволнованное состояние противостоит естественному. Взволнованное состояние неестественно, и оно не может длиться долго. Поддерживать его таким требует усилий. Просто расслабьтесь и позвольте событиям развиваться; помните: если вы пытаетесь что-то изменить, вы останетесь прежним, потому что, прикладывая усилия, вы способствуете сохранению беспокойства.

Представьте, что вы сидите на берегу реки: река течет, грязь оседает на дне, опавшие листья уносятся в море; постепенно река полнотью очищается. Вам не нужно входить в реку для того, чтобы очистить ее – от того, что вы войдете, она станет еще более мутной. Просто наблюдайте, и все будет происходить само собой. Об этом говорится в теории кармы: вы запутались в самом себе; теперь вам следует остаться одному.

Не нужно перекладывать свои проблемы на других, не нужно заражать других своими болезнями – просто идите один; переживайте их молча, наблюдайте за ними. Просто сядьте на берегу реки вашего ума; все уляжется. Когда все уляжется, к вам придет ясность, способность воспринимать. Потом можете вернуться в мир – если вам этого хочется! Это также не является необходимостью, и это не

должно быть навязчивой идеей – ничто не должно быть навязчивой идеей, ни этот мир, ни горы.

Все, что дарит вам ощущение естественности, целостности, неразделенности, все, что действует на вас благоприятно и исцеляюще – это и есть Путь. Гора преодолена. Вы достигли Пути – теперь следуйте по нему, влейтесь в него!

Гора – это препятствие. Путь открывается, когда вы преодолеваете гору; эту гору вы накопили за многие жизни – в ней все ваши кармы, все, что вы когда-либо сделали. Теперь это отягощает вас.

Мастера, который жил отшельником в горах, спросил один монах – искатель – «Что есть Путь?»

«Какая красивая гора!» – сказал Мастер в ответ.

Это выглядит абсурдом, потому что вопрос был о Пути, а Мастер говорит о какой-то горе. Это кажется полной бессмыслицей, тарбарщиной, потому что в вопросе речь не шла ни о какой горе.

Обратите внимание, я нахожусь в таком же положении. Вы спрашиваете об А, я отвечаю о Б; вы спрашиваете о Пути, а я говорю о горе. Если вы любите меня, только в этом случае вы сможете почувствовать; если вы просто слушаете меня, я покажусь вам нелепым – потому что я говорю бессвязные вещи. Если я буду говорить связно, я не смогу помочь вам; и в этом проблема. Если то, что я говорю, покажется вам логичным, от этого будет мало пользы, потому что проблема – это вы; и если мои слова кажутся связными, значит, я подстраиваюсь под вас. Если даже вам я кажусь последовательным, значит, что-то здесь не так. По самой природе этого явления я должен казаться непонятым.

Я буду выглядеть нелепым, неразумным. И мост через эту пропасть между вопросом и ответом может привести только доверие. Иначе моста не может быть – как его построить? Пропасть между искателем и учителем, между учеником и Мастером, пропасть между вопросом и ответом – как построить через нее мост?

Именно это делает доверие очень важным; не знание, не логику, не способность отстаивать свою точку зрения – нет, не это, а глубокое доверие, которое поможет понять бессмысленный ответ, которое может смотреть глубоко сквозь бессвязность и уловить проблемский смысл.

«Какая красивая гора!» – сказал Мастер в ответ.

«Я не о горе спрашиваю тебя, – сказал монах, – а о Пути».

Он настаивает на своем вопросе. Если вы будете настаивать, вы упустите – потому что вы ошибаетесь, ваш вопрос не может быть правильным; это невозможно!

Как вы можете задать правильный вопрос? Если вы можете задать вопрос правильно, за ответом не нужно далеко ходить, он скрыт в самом вопросе! Если вы можете задать правильный вопрос, вы уже правы! Если ум – изначально правильный, как может ответ быть скрыт от него? Нет – все, о чем вы спрашиваете, все, что вы говорите, несет в себе вас.

Был один случай: Мулла Насреддин сильно располнел, становился все тучнее и тучнее; доктор посоветовал ему диету. Два месяца спустя Мулла снова пришел к доктору. Доктор сказал: «Боже мой! Ну и чудеса! Я не верю своим глазам – ты стал еще толще! Ты строго следовал той диете, что я тебе прописал? Ты уверен, что ешь только то, что я прописал, и ничего другого?»

Насреддин сказал: «Ничего такого я не ем! Я соблюдаю вашу диету!»

Доктор не мог в это поверить. Он сказал: «Насреддин, скажи мне честно, совсем ничего не ешь?»

Насреддин сказал: «Конечно, ничего! Кроме моей обычной еды».

Обычная еда плюс диета, которую прописал доктор. Но по-другому и быть не могло!

Ваш ум присутствует во всем, что вы делаете, говорите, думаете – он придает всему свою окраску. Вы не можете задать правильный вопрос. Если вы можете задать правильный вопрос, в таком случае нет необходимости спрашивать, потому что «правильно» – это качество, это не вопрос и не ответ. Если вы правы, вы задаете правильный вопрос – и у вас сразу же есть правильный ответ. Если вы можете задать правильный вопрос, вам просто не нужно никуда ходить за ответом: просто закройте глаза, задайте правильный вопрос, и правильный ответ придет сам.

Проблема не в правильном ответе, проблема не в Пути; проблема в горе, проблема в уме, проблема в ВАС.

«Какая красивая гора!» – сказал Мастер в ответ.

«Я не о горе спрашиваю тебя, – сказал монах, – а о Пути».

Мастер ответил: «Пока ты не перейдешь гору, сынок, тебе не достичь Пути».

Многое здесь нужно понять – даже, скорее, прочувствовать.

Мастер ответил: «Пока ты не перейдешь гору, сынок, тебе не достичь Пути».

Почему вдруг «сынок»? Мастер никогда прежде не говорил ласковых слов – и почему вдруг «сынок»? Потому что в этот момент необходимо доверие, которое нельзя вызвать в человеке просто словами, будь они даже абсолютной истиной. Доверие возникает лишь в том случае, если Мастер любящ, потому что только любовь рождает доверие. Со стороны ученика необходимо доверие, шраддха, необходима сильная вера. Но вера возникает лишь тогда, когда Мастер говорит «сынок».

Теперь между ними другие отношения. Это уже не интеллектуальное общение, а более душевное. Мастер становится больше отцом, чем Мастером, Мастер приближается к сердцу ученика. Он строит сердечные отношения.

Если вы задаете вопросы, которые идут из головы, и Мастер на них отвечает, на поверхности это может выглядеть как диалог, но это не может быть диалогом. Таким способом можно пересечься, но нельзя встретиться. Когда люди разговаривают, наблюдайте за ними: они обмениваются репликами, но они никогда не встречаются. Это не диалог! Оба они остаются укорененными в самих себе: они не прилагают усилий к тому, чтобы достичь другого человека. «Сынок» – это попытка Мастера достичь монаха. Он подготавливает почву для доверия со стороны ученика.

Но тогда снова может возникнуть проблема, потому что ученик может подумать: «Ну, это уж слишком! Я не за любовью пришел сюда, я пришел за знанием». Но Мастер не может дать вам знания, он может дать вам мудрость, а мудрость приходит только посредством любви. Поэтому ни с того, ни с сего Мастер говорит:

«Сынок, пока ты не перейдешь гору, тебе не достичь Пути».

И еще одно – он сказал: *«Какая красивая гора».*

Для просветленного человека прекрасно даже безумие. Для непросветленного человека даже просветление не прекрасно. Меняется все отношение. Он говорит: *«Какая красивая гора!»* Для просветленного человека прекрасен даже ваш невроз: он принимает и это; это нужно не уничтожить, а превзойти. Человек должен это превзойти, но, пока оно живо, оно прекрасно. У человека другое предназначение, но цель – это еще не все. Главное – это каждое мгновение, главное – жить этой целью здесь и сейчас.

Для просветленного человека все прекрасно, а для непросветленного все безобразно. Для непросветленного человека существуют две характеристики: более безобразно и менее безобразно. Красоты не существует. Когда вы говорите кому-то: «Вы прекрасны», на са-

мом деле, вы говорите: «Вы не так уж некрасивы». В следующий раз, когда будете говорить эти слова, наблюдайте за собой, и вы поймете, что вы, на самом деле, имеете в виду. Вы действительно имеете в виду красоту? – потому что для вашего ума она невозможна; ваш ум не может видеть красоту, вы не настолько восприимчивы. В лучшем случае, вы способны сказать, что этот человек не так уж уродлив, по сравнению с другими, – а менее уродливый может в ту же минуту стать более уродливым лишь по прихоти вашего настроения!

Ваш друг – это не кто иной, как наименее враждебный по отношению к вам человек. Это не может быть по-другому, потому что ваш ум настолько запутан, в нем царит хаос; все в нем взбудоражено, затуманено, вы не можете видеть ясно – на ваших глазах миллионы наслоений. Это настоящее чудо, что вам вообще удается видеть – вы совершенно слепы.

Вы не можете слышать, не можете видеть, не можете чувствовать запах и прикосновение: все, что вы делаете, загрязнено, к нему пришивается много постороннего. Вы любите, но к этому примешивается много другого: вы ведете себя собственнически, даже не догадываясь о том, что собственничество относится к ненависти, а не к любви. Любовь не может обладать. Любовь означает освобождение другого. Любовь – это бескорыстный дар, это не сделка. Но для вашего ума любовь – это лишь меньшая степень ненависти, и только. В лучшем случае, вы думаете: «Я могу терпеть этого человека; того человека я терпеть не могу, поэтому я не могу его любить. Этого человека я могу терпеть». Но в любом случае оценка отрицательная.

Когда вы становитесь просветленным, оценка меняется на положительную. Тогда прекрасно все; даже ваша гора, ваш невроз прекрасен, даже сумасшедший – это нечто прекрасное. Возможно, эта красота немного несовершенна, но все же это прекрасно! Возможно, Бог немного сбился с пути и согрешил, но, тем не менее, это Бог!

Для просветленного человека не существует ничего неправильного. Все правильно – что-то больше, что-то меньше. Между Богом и Дьяволом нет разницы: отличие лишь в степени. Бог и Дьявол – это не два полюса, не два противника.

В языке индусов есть прекрасные слова. Ни в одной другой стране не было такого понимания слов: санскрит – это нечто уникальное; очень восприимчивый народ! Слово *дьявол* (англ. Devil) происходит от того же корня, что и *дева*; *дева* значит «бог». Дьявол и бог происходят от одного корня: дев. *Дев* значит «свет»; от этого *дев* происходит *дьявол*; и от этого же *дев* происходит *девата*, то есть Божественное (англ. Divine). Английские слова *divine* и *devil* произошли от одного санскритского корня *dev*. Это одно явление. Ваше

видение может отличаться, ваша точка зрения может отличаться, но это одно и то же явление. Просветленный человек даже о дьяволе скажет: «Как прекрасно! Как божественно! Как чудесно!»

Был такой случай: одна мусульманская женщина-мистик, Рабия Аль-Адавия, исправила много строк в своем Коране. Она зачеркнула все слова «ненавидьте дьявола». Однажды у Рабии остановился проездом другой мистик, Хасан, по дороге он забыл где-то свой Коран, и, когда утром пришло время молитвы, он ему понадобился. Он попросил у Рабии ее книгу; она дала ему свой Коран. Сначала его удивило то, что Коран был пыльный – значит, его не использовали каждый день. Впечатление было такое, что его не читали вовсе, не читали многие месяцы – но он подумал, что сказать что-либо по этому поводу было бы невежливо, и, открыв Коран, он начал молиться.

Тут он был удивлен еще больше, даже потрясен: ведь никто не может править Коран, а здесь было столько исправлений! Все места, в которых говорится «ненавидьте дьявола», Рабия просто зачеркнула, она это отвергла.

Он так разнервничался, что не мог молиться: что, Рабия стала еретичкой, атеисткой – или как это понимать? Для мусульманина просто непостижимо, чтобы кто-нибудь исправил Коран: это слово Божье! Никто не может его исправлять. Поэтому они говорят, что пророков больше не будет, потому что, если придет новый пророк и будет говорить то, чего нет в Коране, это создаст путаницу. Поэтому после Магомета двери закрылись – он был последним пророком!

Это очень умно с их стороны. Они говорят, что в прошлом было много других пророков: он не первый, но он последний. От Бога больше не будет посланий – свое последнее он передал с Магометом.

Так как смеет эта Рабия? Она правит Коран? Хасан не мог даже молиться, настолько он разволновался. Кое-как он все же закончил и пошел к Рабие.

Рабия была просветленной женщиной. Во всем мире только несколько женщин стали просветленными; и одна из них – Рабия. Глядя на Хасана, она произнесла: «Похоже, ты не мог молиться. Похоже, тебе не давал покоя пыльный Коран. Так ты все еще привязан к вещам, подобным пыли? И должно быть, мои исправления в Коране потрясли тебя до глубины души».

Хасан сказал: «Но откуда... откуда ты знаешь?»

Рабия ответила: «Я проходила мимо, когда ты молился, и почувствовала вокруг тебя сильное напряжение; твоя молитва совсем не была похожа на молитву! Они были такими нервными, эти вибрации; так в чем дело? Скажи мне, и покончим с этим!»

Хасан сказал: «Раз уж ты сама заговорила об этом, не сочти меня невежливым, но я не мог поверить, чтобы такая женщина, как ты, могла исправлять Коран!»

Рабия сказала: «Но пойми и ты меня: с того мгновения, когда я Осознала, когда я встретилась лицом к лицу с Божественным, с тех самых пор в каждом лице я вижу то лицо. Другого лица не может быть. Даже если передо мной предстанет дьявол, я буду видеть то же лицо. Так как я могу ненавидеть дьявола теперь, когда я увидела лицо Божественного; теперь, когда я познала его? Теперь в каждом лице Он. Мне пришлось сделать исправления, и, если я когда-нибудь встречу Магомета, то скажу ему честно, что эти слова неправильны. Они могут быть правильны для невежд, потому что они разделяют; но они не могут быть правильными для тех, кто знает, потому что эти слова не должны разделять!»

Итак, Мастер говорит: «*Какая красивая гора*». Для человека, который знает, все прекрасно и Божественно.

«Я не о горе спрашиваю тебя, – сказал монах, – а о Пути».

Приходилось ли вам замечать, что вы никогда не спрашиваете о себе, то есть о горе; вы всегда спрашиваете о Пути. Люди приходят ко мне и спрашивают: «Что мне делать? Как прийти к Богу? Как стать просветленным?» Они никогда не спрашивают о самих себе, как будто с ними самими все в порядке – не хватает только Пути. Как вы рассуждаете? Вы в полном порядке, не хватает лишь Пути? Тогда кто-нибудь может вам подсказать: «Пойдите направо, а потом поверните налево, и вы на Пути»?

Все не так просто. Путь прямо перед вами. Вы не упускаете его. Вы никогда не упускали его, как и никто другой – просто вы не можете его увидеть, потому что вы – гора.

Речь идет не о том, чтобы найти Путь, а о том, чтобы обрести самого себя, такого, как есть. Когда вы знаете самого себя, это и есть Путь; когда вы не знаете себя, Пути нет.

Люди спрашивают о Пути – и им их предлагается множество, но ни один из них не годится. Есть только один Путь. Тот же Путь лежит перед взором Будды, тот же Путь лежит перед Лао-цзы, тот же Путь – перед Иисусом. Путников миллионы, но Путь – один, один и тот же. Это и Дао, и Дхамма, и Логос Гераклита – ЭТО ОДНО И ТО ЖЕ!

Путников миллионы, но Путь – Единственный. Нет миллиона Путьей, один из которых – свой – вы упускаете; но вы всегда спрашиваете о Пути, и вы всегда запутываетесь в направлениях, потому что на каждого глупца, кто спрашивает, найдется еще больше глуп-

цов, которые ему ответят. Если вы спрашиваете и настаиваете на ответе, кому-то придется дать вам его – это закон экономики. Спрос рождает предложение. Вы задаете глупый вопрос – и получите глупый ответ, потому что не думайте, что вы самый большой глупец – есть глупцы и побольше. Мелкие глупцы становятся учениками, а крупные – «учителями». Вы спрашиваете, а они снабжают вас ответами.

Тогда будет миллион Путей, противоречащих друг другу. Так, мусульмане будут говорить: «Этим путем ты не достигнешь, потому что он ведет в никуда. Иди к нам! – а если не пойдешь, мы убьем тебя». Христиане убеждают: «Иди к нам!» – они умнее мусульман, они никого не убивают, они, скорее, подкупают, соблазняют, они дают вам хлеб, они дают вам больницы, они дают вам медицину, и они говорят: «Куда же ты? Иди к нам!» Они купцы и знают цену людей; они обратили в свою веру миллионы, просто давая им что-то. Есть и индуисты, они говорят: «Нам известна Истина»; и они настолько дерзки, что даже не утруждают себя попытками кого-то убедить, помните: «Вы глупцы, нет смысла вас обращать в эту веру». Они очень высокого мнения о себе, они думают: «Мы знаем Путь. Можешь идти с нами, если хочешь. Мы не станем ни подкупать, ни убивать тебя – ты не настолько ценен. Можешь присоединиться, если хочешь, но мы не приложим никаких стараний».

Таким образом, в мире существует триста религий, каждая из которых считает: «Это единственный Путь, тот самый Путь. Все прочие ложны».

Но вопрос не в Пути, вопрос не в том, который Путь верный. Вопрос стоит так: «Преодолели ли вы гору? Превзошли ли вы себя самого? Можете ли вы наблюдать себя на расстоянии, как свидетель?» Тогда – это и есть тот Путь.

И Магомет, и Махавира, и Кришна, и Иисус – все они шли по одному Пути. Все они разные, но они идут одним Путем – потому что путей не может быть множество – как множество может привести к Единственному? К Единственному ведет только Единственное.

Поэтому не спрашивайте о Пути и не спрашивайте о способе. Не спрашивайте о лекарстве, прежде спросите о своей болезни. Сначала нужно поставить диагноз, и никто не сделает этого за вас. Вы создали это сами, и только создателю известны все углы и закоулки. Вы создали это сами, поэтому только вам известно, как возникают эти трудности, и только вы можете их разрешить.

Настоящий Мастер просто помогает вам прийти к самому себе. Как только вы там оказываетесь, Путь открывается. Нельзя дать вам Путь, но можно столкнуть вас лицом к лицу с самим собой. И тогда происходит настоящее превращение: не христианина в индуиста или

наоборот, а обращение энергии, уходящей вовне, внутрь – это и есть превращение. Вы становитесь «внутри смотрящим». Все ваше внимание направлено вовнутрь, вам открывается вся сложность – та самая гора. И если вы просто наблюдаете за ней, она начинает рассеиваться.

В начале это похоже на гору; в конце вы почувствуете, что это была всего лишь кочка. Но вы никогда не замечали ее, потому что она была у вас за спиной и выросла до таких размеров. Когда вы поворачиваетесь к ней лицом, она тут же уменьшается, превращается в кочку, над которой можно только посмеяться. Тогда это перестанет быть бременем. Вы даже сможете наслаждаться этим и иногда совершать туда прогулку по утрам.

ОН МЕРТВ?

Беседа 5. 4 ноября 1974 года

После смерти одного из прихожан Мастер Дого, в сопровождении своего ученика Зенгена, навестил семью покойного.

Не потрудившись высказать хоть слово соболезнования, Зенген подошел к гробу, постучал по нему и спросил Дого: «Он действительно мертв?»

«Не скажу», – ответил Дого.

«Скажи», – настаивал Зенген.

«Не скажу, и все», – сказал Дого.

По дороге обратно в храм разъяренный Зенген повернулся к Дого и пригрозил: «Ради Бога, если ты не ответишь на мой вопрос, я побью тебя».

«Ладно, – сказал Дого. – Давай бей».

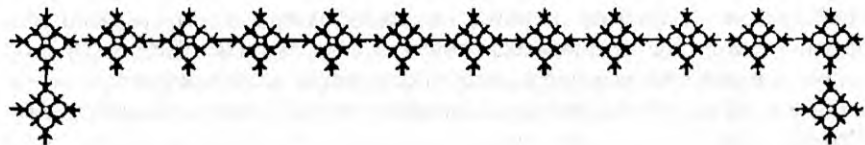
Будучи человеком слова, Зенген сильно ударил своего Мастера.

Через некоторое время Дого умер, и Зенген, которому все еще не терпелось получить ответ на свой вопрос, пошел к Мастеру Секисо и, рассказав, как все было, задал ему тот же вопрос. Секисо, будто сговорившись с покойным Дого, отказался отвечать.

«Боже! – воскликнул Зенген. – И ты тоже?»

«Не скажу, – ответил Секисо, – и все».

В то самое мгновение Зенген пробудился.

Жизнь можно познать. И смерть тоже. Но о них ничего нельзя рассказать. Ни один ответ не будет истинным; это следует из самой природы вещей. Жизнь и смерть – две величайшие тайны.

Лучше было бы сказать, что они не две тайны, а две стороны одной тайны, две дверцы к одному секрету. Но о них нельзя сказать ничего. Что бы вы ни сказали, вы упустите суть.

Жизнь можно прожить. И смерть тоже можно прожить. Каждое из них – это переживание, через которое нужно пройти, чтобы узнать. Никто не ответит вам на эти вопросы. Как можно ответить на вопрос о жизни? А о смерти? Если только вы сами не поживете, не умрете, кто вам расскажет об этом?

Несмотря на это, было дано множество ответов, и имейте в виду, все они ложные. Выбирать нечего. Дело не в том, что один из них верный, а все остальные – нет; все ответы неверны. Выбирать нечего. Только опыт, а не слова, может быть ответом.

Это первое, о чем нужно помнить, когда вы приближаетесь к настоящей тайне, а не к загадке, придуманной человеком.

Если загадка придумана человеком, на нее можно найти ответ, потому что в этом случае это игра, игра ума: вы придумываете вопрос, вы же придумываете ответ. Но если перед вами нечто, созданное не вами, как вам найти на это ответ, как может человеческий ум найти ответ на такое? Для человеческого ума это непостижимо. Часть не может постичь целое. Целое возможно постичь, лишь став целым. Можно прыгнуть в него и раствориться – вот это и будет ответом.

Я расскажу вам любимую историю Рамакришны. Он часто рассказывал: «Однажды на берегу моря, на пляже, устроили большой фестиваль. Народу собралось несколько тысяч, и вдруг все они задались вопросом: можно ли измерить море; есть у него дно, или оно бездонно; можно ли достать до дна? По случайности, там оказался человек, состоящий из одной соли. Он сказал: «Вы ждите, обсуждайте, а я войду в океан и узнаю, потому что как иначе узнать, если не войти в него?»

Итак, человек из соли нырнул в океан. Прошло несколько часов, потом несколько дней, а затем и месяцев, люди начали расходиться по домам. Они прождали уже достаточно долго, а человек из соли все не возвращался.

Человек из соли, как только он оказался в воде, начал растворяться, и к тому времени, как он достиг дна, его уже не было. Он узнал ответ, но он уже не мог вернуться. А те, кто не узнали, обсуждали это еще долгое время. Они могли сделать определенные выводы, которые так любит ум.

Как только вывод сделан, ум испытывает облегчение – поэтому существует так много учений. Все учения существуют для удовлетворения одной потребности: ум спрашивает, и он не может долго оставаться с вопросом, он не находит себе места; состояние вопроса создает причину для беспокойства. Нужен ответ – подойдет даже ложный, лишь бы он был; тогда ум успокаивается.

Нырнуть в океан опасно. И помните, Рамакришна прав: все мы состоим из соли, если речь идет об океане – океане жизни и смерти. Мы люди из соли, мы растворимся в нем, потому что мы вышли из него. Мы сотворены им, сотворены из него. Мы растворимся!

Поэтому ум всегда боится нырять в океан: он сделан из соли, он непременно растает. Он боится, и поэтому сидит на берегу, обсуждая что-то, споря, придумывает теории: все они фальшивы! – потому что построены на страхе. Смелый человек совершит прыжок, и он не примет ни одного ответа, которого не познал сам.

Мы трусливы, и поэтому принимаем ответы других: Махавиры, Будды, Христа – мы принимаем их ответы.

Но их ответы не могут быть нашими. Ничье знание не может быть вашим знанием – возможно, они знали, но для вас их знание может быть только информацией. Познать должны вы. Знанием оно будет лишь в том случае, если будет вашим, иначе ему не дано вас окрылять; иначе оно будет висеть у вас на шее камнем, поработит вас. Вы не освободитесь, оно не сделает вас свободным.

Слова Иисуса: «Истина освобождает». Видели ли вы хотя бы одного человека, освобожденного теориями? Переживание освобождает, да, но как насчет теорий по поводу этого переживания? Нет, никогда! Но ум боится совершить прыжок, потому что ум сделан из той же материи, что и вся вселенная; если прыгнуть, можно потеряться. Вы познаете, но познаете лишь тогда, когда вас уже не будет.

Тот человек из соли познал. Он прикоснулся к самой глубине. Он достиг самого центра, но не мог вернуться. И даже если бы смог, как бы он рассказал об этом?.. Даже если он вернется, он будет говорить на языке центра, на языке глубины; а вы говорите на языке берега, на языке периферии.

Взаимопонимание между ними невозможно. Он не сможет сказать ничего, что несло бы смысл, он может просто хранить многозначительное молчание. Даже сказав что-то, он испытает чувство

вины, потому что поймет, что ничего из его знания не было передано словами; его переживание осталось между строк. До вас дошли только слова, мертвые, черствые, пустые. Можно передать слова, но не Истину. Ее можно лишь обозначить.

Человек из соли может сказать вам: «Идем со мной». Он может позвать вас: «Нырять за мной следом».

Но вы ведь умны. Вы скажете ему: «Сначала ответь мне на вопрос. Иначе откуда мне знать, что ты прав? Позволь мне сначала поразмыслить, подумать, взвесить, только потом я пойду за тобой. Когда мой ум будет убежден, я прыгну».

Но ум невозможно убедить. Ум – не что иное, как сомнение; он не бывает ни в чем уверен, он может бесконечно спорить, потому что на любые ваши слова у него найдется аргумент.

Однажды я путешествовал с Муллой Насреддином. На одной из станций в купе вошел новый пассажир. Возможно, он был знаком с Насреддином. Он сказал: «Привет». Они поздоровались, и человек спросил: «Как дела, Насреддин?»

Насреддин ответил: «Отлично, просто замечательно!»

Тогда человек спросил: «А как поживает жена?»

Насреддин сказал: «У нее тоже все прекрасно, спасибо».

«А как дети?»

Насреддин говорит: «И у них все хорошо, спасибо».

Я был удивлен. Когда этот человек вышел на другой станции, я спросил Насреддина: «Что происходит? Ведь я прекрасно знаю, что ты не женат. И детей у тебя нет».

Насреддин сказал: «Я тоже об этом знаю. Но к чему лишний раз спорить?»

Они сказали не так много, но даже то, что они сказали, вызвало достаточно споров. Так же и вы. Вы плетете теории, изобретаете учения и в конце концов оказываетесь настолько ими поглощены, что забываете о том, что океан совсем рядом. Вы вообще забываете о его существовании.

Философы окончательно забывают, что такое жизнь. Они все думают и думают, забираются в дебри, потому что ум – это удаление от Истины. Чем вы больше в уме, тем вы дальше от Истины; чем меньше в уме, тем ближе. Если ума нет, пусть даже на короткое мгновение, вы совершаете прыжок – но тогда вы сливаетесь с океаном.

Итак, первое, что нужно запомнить: если вопрос создан вами и не относится к тайне существования вселенной, на него найдется ответ.

На самом деле, ответы существуют только в математических задачах. Математика – наука настолько точная именно потому, что целиком создана человеком. Во вселенной математики не существу-

ет, и именно поэтому она – чистейшая наука, вы можете быть в ней уверены; эта игра полностью придумана вами.

Существуют деревья, но не одно дерево, два, три дерева, четыре дерева – чисел не существует. Вы придумываете числа, придумываете основу, а потом спрашиваете: «Сколько? Если к двум прибавить два, сколько получится, какой будет результат?» Вы можете ответить «Четыре», и это будет верный ответ, ведь это вы придумали игру и все ее правила: дважды два – четыре.

Но для существования это неверно, потому что существование неподвластно арифметике, арифметика создана человеком. Можно и дальше продолжать и придумать столько математик, столько арифметик, сколько душе угодно.

Когда-то люди знали, что существует только одна математика; теперь они знают, что их может быть несколько, что их можно придумать.

Когда-то людям была известна только одна геометрия – Евклидова; теперь мы знаем, что геометрий может быть бесконечно много, потому что их создают люди. Поэтому теперь существует Евклидова и неевклидова геометрия.

Многие математики устраивали игры с числами. Лейбниц работал с тремя числами: один, два, три. В математике Лейбница два плюс два не равно четырем, потому что числа «четыре» не существует: один, два, три – есть только три знака, поэтому в математике Лейбница два плюс два дает десять, потому что после трех сразу следует десять. Цифры «четыре» нет.

Эйнштейн использовал две цифры – один и два, поэтому в математике Эйнштейна два плюс два будет одиннадцать.

И каждый из них прав, потому что сама игра придумана человеком. Выбор за вами.

Нет никакой внутренней необходимости верить в девять или десять цифр, но поскольку у человека десять пальцев, люди стали считать по пальцам. Именно поэтому десять стало основной единицей по всему миру, другого основания нет.

Математика – продукт мысли: вы можете задать вопрос и получить на него правильный ответ – но во всем остальном, кроме математики, царит тайна. Если что-то касается жизни, никакого ответа быть не может. И все, что вы скажете, будет разрушительным, потому что Целое невозможно описать. Слова настолько ограничены, подобны туннелю; вы не можете загнать в них небо, это невозможно.

Второе, что нужно помнить: когда вы спрашиваете что-то у Мастера – Мастер не философ, не мыслитель, он знает, он видит, – когда вы спрашиваете что-то у Мастера, не ищите и не ждите его ответа...

потому что ответ – это он сам. Он не даст вам никаких ответов; его присутствие – вот ответ, но здесь-то мы и упускаем.

Вы приходите и задаете вопрос; весь ваш ум занят вопросом, и вы ждете ответа – но Мастер, все его существо, его присутствие и есть ответ. Если вы посмотрите на него, если понаблюдаете за ним, вы получите знак. Его молчание, то, как он смотрит на вас в этот момент, его походка, его поведение, то, как он говорит или молчит – Мастер и есть ответ, потому что ответ сокрыт в знаке. Мастер может показать вам истину, но не может сказать ее. А ваш ум поглощен вопросом: «Что же он скажет?»

Если вы придете к Мастеру, научитесь быть внимательны к его присутствию; не слишком увлекайтесь словами – и не настаивайте, потому что каждый ответ придет в свое время, и здесь ваша настойчивость ничего не решает; вы получите свое только тогда, когда будете готовы к этому, когда созреете. Поэтому, когда вы рядом с Мастером, вы можете задать вопрос – но потом ждите. Вы спросили, и он об этом знает. Даже если вы не задаете вопросов, ему известно, что тревожит вас внутри. Но он ничего не может вам дать прямо сейчас – вы можете быть не готовы к этому; и если дать вам что-то, пока вы еще не готовы, это не достигнет вас, потому что только в определенной готовности вы можете проникнуться этим.

Когда вы созреете, вы сможете понять. Когда вы готовы, вы открыты и восприимчивы. Ответ придет, но не в словах; у Мастера много способов открыть его. Он это умеет. Он знает множество способов подать вам знак, но вы должны быть готовы.

Сам факт того, что вы задали вопрос, не означает, что вы готовы. Вы можете спрашивать... дети иногда задают такие загадочные вопросы, что даже Будда не смог бы на них ответить. Но одно то, что вы задали вопрос, что вы смогли его сформулировать, не означает, что вы готовы, потому что у вопросов бывают разные источники. Иногда вам просто любопытно. Но Мастер здесь не для того, чтобы удовлетворять ваше детское любопытство. Иногда вы спрашиваете просто так. Одним тем, как вы задали свой вопрос, вы показали, что на самом деле в нем не заинтересованы – и ответ будет вам просто бесполезен.

Человек умер, а вы просто спрашиваете: «Что такое смерть?» – и через минуту вы уже забудете об этом. Любопытство – это одно, и ни один Мастер не станет тратить время на то, чтобы его удовлетворить. Когда вы спрашиваете о чем-то, то интерес может быть и чисто умственным, философским; вы проявляете интерес, но это интерес умственный – ответ вам нужен лишь для того, чтобы стать более сведущим; но ваша сущность останется незатронутой. И этот случай Мастеру не будет интересен, потому что ему интересно только ваше

бытие. Но когда вы задаете вопрос так, будто от этого зависит ваша жизнь или смерть, тогда, если вы не получите ответ, вы упустите, и все ваше существо будет жаждать его. Вы жаждете, все ваше существо готово принять ответ, и если вы его получите, то сможете и усвоить – он станет вашей кровью и плотью, он проникнет в ваше сердце; только тогда Мастер будет готов дать вам ответ.

Вы задаете вопрос – после этого Мастер постарается помочь вам подготовиться к тому, чтобы принять ответ. Между вашим вопросом и ответом Мастера может пройти много времени: вы спросили сегодня, а он ответит вам через двенадцать лет, потому что вы должны быть готовы получить ответ; вы должны быть открыты и готовы к тому, чтобы впитать его до самой глубины своего существа.

Теперь постарайтесь понять эту притчу:

После смерти одного из прихожан Мастер Дого, в сопровождении своего ученика Зенгена, навестил семью покойного.

Не потрудившись высказать хоть слово соболезнования, Зенген подошел к гробу, постучал по нему и спросил Дого: «Он действительно мертв?»

Во-первых: к присутствию смерти нужно относиться очень уважительно, потому что смерть – не обыденное явление, она – самое необычное явление в мире. Нет ничего более таинственного, чем смерть. Смерть достигает самого сердца существования, и, находясь рядом с умершим, вы ступаете по священной земле, это самое священное мгновение, какое только возможно. Праздное любопытство здесь недопустимо. Оно – проявление неуважения.

На Востоке особенно, смерть почитается больше жизни – и Восток прожил достаточно долгую жизнь, чтобы прийти к такому заключению. На Западе жизнь почитают больше смерти; отсюда столько напряжения, столько беспокойства, столько страдания и столько безумия.

Почему? Если вы больше цените жизнь, вы будете бояться смерти, и смерть будет казаться противником, врагом; и если смерть – ваш враг, то всю свою жизнь вы проведете в напряжении, потому что смерть может прийти в любой момент. Вы не принимаете ее, вы отвергаете ее – но вы не можете ее предотвратить.

Смерть невозможно предотвратить! Можно ее отвергать; можно отрицать; можно ее бояться, но она есть, она стоит за углом, всегда рядом, как тень. Вы будете дрожать от страха всю жизнь – вы уже дрожите; и в страхе, в любом страхе, в его истоках, вы найдете страх смерти.

Если вы боитесь, значит, что-то напомнило вам о смерти. Если ваш банк обанкротился и вас переполняет ужас и дрожь, страх – это тоже страх смерти, потому что ваш банковский счет был не чем иным, как страховкой против смерти. Теперь вы более открыты, более уязвимы. Теперь кто защитит вас, если смерть постучится в двери? Если вы заболаете, состаритесь, кто будет заботиться о вас? Прежде гарантия была в банке, но теперь он разорился.

Вы привязываетесь к престижу, власти, положению в обществе, потому что они делают вас значимыми и дают поддержку другим людям. Если вы не у власти, вы настолько беспомощны, что никому до вас нет никакого дела. Когда вы у власти, вас окружает семья, друзья, последователи; когда вы не у власти, все вас покидают. Раньше была защищенность, кто-то заботился о вас; теперь никому нет дела. Каким бы ни был ваш страх, в глубине у его истоков вы непременно найдете тень смерти.

Вы держитесь за своего мужа, боитесь, что он может уйти; или вы привязаны к жене, боясь, что она может оставить вас. Что это за страх? Это страх развода или страх смерти? Это страх смерти, потому что развод оставляет вас в одиночестве. Другой человек дает вам чувство защищенности, чувство, что вы не один, что кто-то есть рядом. Когда вам кто-то нужен, он всегда будет рядом. Но жена ушла, или муж ушел, и вы остались в одиночестве. Кто защитит вас? Кто будет ухаживать за вами, если вы заболаете?

В молодости потребность в супруге не так велика, но к старости она становится острее. В молодости отношения строятся на сексуальной связи. Чем старше вы становитесь, тем более жизненно важными становятся эти отношения, потому что теперь уход близкого человека грозит приближением смерти. Когда вы испытываете страх, попробуйте его исследовать, и где-то в тени вы обнаружите смерть. Любой страх – страх смерти. Смерть – единственный источник страха.

На Западе люди очень напуганы, беспокойны, взволнованы, потому что приходится постоянно бороться против смерти. Вы любите жизнь, вы почитаете жизнь – вот почему на Западе пожилые люди не в почете. В почете молодые, потому что пожилые люди ближе к смерти, чем вы; она уже стоит у них за спиной. На Западе ценят молодость – а молодость преходяща. Она уже ускользает от вас.

На Востоке почитают пожилых людей, поскольку почитают смерть; и поскольку к смерти относятся с уважением, то отсутствует и страх смерти. Жизнь – это всего лишь период; смерть – кульминация. Жизнь – это процесс; смерть – крещендо. Жизнь – это движение; смерть – достижение. И оба они – одно! Тогда к чему вы испы-

тываете больше уважения – к пути или к цели? К процессу или к цветению?

Смерть – это цветок. Жизнь – лишь дерево. Не цветок для дерева, а дерево для цветка. Дерево должно радоваться, должно танцевать, когда распускается цветок.

Поэтому на Востоке смерть принимают; даже более того, она желанна. Она – Божественный гость. Когда она стучится в дверь, это означает, что вселенная готова принять вас обратно.

У нас на Востоке уважают смерть. А этот молодой человек, Зенген, придя в дом, даже не выразил соболезнований. Он пришел просто из любопытства. Более того, он проявил неуважение тем, что постучал по гробу и спросил Дого: «Он действительно мертв?» Это прекрасный вопрос, но момент неподходящий. Вопрос правильный, но время задать его выбрано неправильно. Проявлять любопытство перед смертью несерьезно, следует вести себя почтительно и тихо: это единственный путь контакта с этой ситуацией.

Когда кто-то умирает, происходят нечто очень глубокое. Если вы можете при этом просто сесть и медитировать, многое откроется вам. Задавать вопросы глупо. Когда приходит смерть, почему бы не медитировать? Вопросы могут быть просто уловкой, чтобы избежать серьезности ситуации, мерой предосторожности, чтобы не смотреть смерти в лицо.

Мне приходилось видеть людей, собравшихся для кремации умершего – они при этом слишком много говорят. На площадке для кремации они обсуждают философские темы. В детстве я любил всех провожать. Кто бы ни умер, я приходил на похороны. Мои родители даже боялись; они говорили: «Зачем тебе идти? Мы даже не знаем этого человека. Не нужно туда ходить».

А я отвечал: «Дело не в этом. Дело не в человеке. Смерть – это так прекрасно и так таинственно. Такое нельзя пропускать». Поэтому стоило мне услышать, что кто-то умер, я шел туда, смотрел, ждал, наблюдал, что происходит.

Я смотрел, как люди обсуждают философские темы, например: Что такое смерть? – кто-нибудь обязательно говорил: «Никто не умирает. Душа бессмертна». Они обсуждали Упанишады, Гиту, цитировали духовных учителей. У меня возникало чувство: «Они избегают этого. Погружаясь в беседу, они уходят от того, что происходит. Они даже не смотрят на покойника. А ведь он здесь! Смерть здесь, а вы ее обсуждаете! Глупцы!»

Молчите. Если вы можете молчать в присутствии смерти, вам откроются многие вещи, потому что смерть – это нечто большее, чем просто остановка дыхания. Происходит многое. Когда человек умирает, то его аура начинает ослабевать. Если вы будете сидеть тихо,

то сможете это почувствовать – энергетическая сила, поле жизненной энергии ослабевает, стягивается, возвращаясь в центр.

Когда рождается ребенок, происходит прямо противоположное. Когда ребенок рождается, аура начинает расширяться; она идет из пупка. Точно так же, когда вы бросаете камушек в спокойное озеро, по его глади расходятся круги, они расходятся и расходятся, – так и первый вздох новорожденного ребенка – как камушек, брошенный в озеро. Первый вздох – это удар по пупочному центру. В спокойное озеро брошен первый камень – и рябь по воде начинает распространяться.

Всю свою жизнь вы продолжаете распространяться. К возрасту тридцати пяти лет ваша аура перестает расти и достигает своего пика. После этого она начинает уменьшаться. Когда человек умирает, аура возвращается в пупок. Сосредоточившись в пупке, она становится концентрированной энергией, концентрированным светом. Если сидеть тихо, то можно это почувствовать, почувствовать тягу. Если сидеть рядом с умершим, то можно ощутить легкий холодок, веющий в его сторону, притягивающий вас. Умерший человек стягивает к себе всю свою жизнь, все поле, которым он был.

Вокруг мертвого человека происходит множество вещей. Если он сильно любил кого-то, то есть отдал этому человеку часть своей жизненной энергии, то, когда он умирает, эта энергия покидает того человека и возвращается к умершему. Если в тот момент, когда вы умрете, ваш возлюбленный будет далеко, то он немедленно почувствует, как что-то его покидает – потому что вы посвятили ему часть своей жизни – и она возвратится к вам. Поэтому, когда умирает близкий человек, вы чувствуете утрату физически, как будто и в вас что-то тоже умерло.

Останется глубокая пропасть, глубокая рана.

Когда умирает любящий человек, что-то в его возлюбленном тоже умирает, потому что между ними существовала глубокая связь. А если человек любил многих и многих людей – например, когда умирает такой человек, как Дого, или умирает Будда – энергия возвращается в центр со всего мира. Это вселенское событие, потому что он был вовлечен в жизни стольких людей, миллионов людей, и отовсюду его энергия будет возвращаться. Вибрации, которые он передал многим людям, покинут их и вернуться к своему первоначальному источнику, они снова станут сгустком энергии в месте пупка.

Если вы понаблюдаете, то сможете почувствовать волны, которые возвращаются в обратную сторону, и когда они собираются в пупке, можно увидеть сильнейшее поле энергии, сильнейшее излучение. Потом это поле покидает тело.

Когда человек «умирает», это просто остановка дыхания, и вы думаете, что он мертв. Он не мертв: это происходит постепенно. Иногда, если человек был вовлечен в миллионы жизней, его смерть длится несколько дней: именно поэтому тела мудрецов, святых, особенно на Востоке, никогда не сжигают. Не сжигают только святых, всех остальных сжигают, потому что их связи не настолько многочисленны; энергия концентрируется за несколько минут, и они перестают быть частью этого существования; но у святых это происходит долго. Иногда это не прекращается совсем – поэтому, если вы окажетесь в Ширди, на родине Саи Бабы, вы почувствуете, что здесь до сих пор что-то происходит; энергия все еще возвращается; у него было настолько много связей, что для многих он все еще жив. Могила Саи Бабы не мертва. Она до сих пор жива. Но около большинства могил вы такого не почувствуете – они мертвы. Под словом «мертвы» я подразумеваю, что они вернули всю свою энергию. Они исчезли.

Когда я умру, не хороните мое тело, не сжигайте его, потому что я окажусь связан с вами, со многими из вас. И если вы способны это почувствовать, мудрец продолжает жить долгие годы, иногда тысячелетия, потому что жизнь – это не только жизнь тела. Жизнь – это энергетический процесс. Все зависит от связей, от энергетических связей с жизнями других людей. А такой человек, как Будда, связан не только с людьми, он связан даже с деревьями, птицами, животными; его вовлеченность настолько глубока, что если он умрет, его смерть будет длиться пятьсот лет.

Говорят, Будда сказал: «Моя религия будет живой силой только пятьсот лет». И в этом есть смысл, потому что он сам будет живой силой пятьсот лет. Ему понадобится пятьсот лет для того, чтобы полностью освободиться от связей.

Когда наступает смерть, молчите. Наблюдайте!

Во всем мире, отдавая дань уважения умершему, принято молчать, хранить молчание две минуты – даже не понимая причину. Эта традиция существует во всем мире. Почему следует молчать?

Эта традиция имеет смысл. Вы можете не знать причины, можете не осознавать, ваше молчание может быть наполнено внутренней болтовней, или вы можете просто выполнять ритуал – это ваше дело. Но суть остается.

После смерти одного из прихожан Мастер Дого, в сопровождении своего ученика Зенгена, навестил семью покойного.

Не потрудившись высказать хоть слово соболезнования, Зенген подошел к гробу, постучал по нему и спросил Дого: «Он действительно мертв?»

Вопрос правильный, но время выбрано неудачно. Он воспользовался не той возможностью. Тогда было не время говорить об этом, тогда было время быть с этим. И умерший человек, должно быть, был очень дорог Дого, иначе он не пришел бы почтить его память. Дого – просветленный. Умерший ученик, наверное, был кем-то особенным.

И Дого пришел для того, чтобы сделать что-то еще для него. Мастер может помочь тебе, когда ты жив; когда ты мертв, Мастер может помочь тебе еще больше – потому что со смертью наступает глубокое непротivление.

При жизни вы постоянно сопротивляетесь, боретесь, даже со своим Мастером; не уступаете, либо уступаете наполовину – что не меняет сути. Но когда вы умираете, уступить проще, потому что умирать и сдаваться – по сути, одно и то же. Когда умирает тело, вам легче уступить. Борьба трудно, сопротивляться трудно. Ваше сопротивление прекращается; ваше тело отходит в мир иной – вот что такое смерть.

Дого пришел туда с определенной целью, а этот ученик задает вопросы. Сам вопрос правильный, неправильно выбрано время.

«Не скажу», – ответил Дого.

«Скажи», – настаивал Зенген.

«Я не скажу, и все», – сказал Дого.

Во-первых: что можно сказать о смерти? Как можно сказать вообще что-либо о смерти? Ни одно слово не способно нести на себе значение смерти. Что значит слово «смерть»? Ничего не значит, на самом деле. Что вы имеете в виду, когда произносите слово «смерть»? Это просто дверь, а что за ней – нам неизвестно. Мы видим, как человек исчезает за дверью. Нам видна дверь, но за ней он просто исчезает. Слово «смерть», которое вы используете, может обозначить только дверь. Но что происходит на самом деле там, за дверью? – ведь дверь здесь ни при чем.

В дверь нужно войти. Тогда что происходит с теми, кто исчезает за дверью, дальше которой мы не видим? Что с ними случается? И что такое эта дверь? Всего лишь остановка дыхания? Разве дыхание и есть вся жизнь? Разве ничего, кроме дыхания, нет? Дыхание останавливается... тело умирает... если вы всего лишь тело и дыхание, тогда проблемы нет. Тогда смерть – ничто. Тогда она не дверь во что-то еще. Она просто остановка, а не исчезновение. Как остановка часов.

Часы тикают – они идут, а потом вдруг останавливаются; вы же не спрашиваете, куда делось тикание – в этом нет смысла! Никуда оно не делось. Оно просто остановилось; просто что-то неисправно в механизме – можно его починить, и он снова будет тикать. Разве смерть похожа на остановку часов? И ничего больше?

Если это так, она никакая не тайна. Она вообще ничто. Но как может жизнь исчезнуть так легко? Жизнь не механична. Жизнь осознанна. Часы ничего не осознают. Вы можете послушать тикание – часы никогда его не слушают. Вы можете послушать собственное сердцебиение. Кто этот слушатель? Если жизнь – это только сердцебиение, тогда кто этот слушатель? Если жизнь только в дыхании, тогда как можно осознавать собственное дыхание? Именно поэтому все восточные техники медитации используют осознанное дыхание в качестве тонкого приема – ведь если вы начинаете осознавать свое дыхание, тогда в ком эта осознанность? Это должен быть кто-то за пределами дыхания, потому что тот, кто смотрит, не может быть одновременно тем, на кого смотрят. Вы можете наблюдать его; можете закрыть глаза и ошутить свой вдох и выдох. Кто этот наблюдатель, этот свидетель? Это должна быть самостоятельная сила, не зависящая от дыхания. Остановка дыхания подобна остановке часов, но куда исчезает этот свидетель? Куда он перемещается?

Смерть – это дверь, это не остановка. Осознанность переходит, но ваше тело остается у двери – так же, как вы снимаете туфли, когда входите в дом. Тело остается за пределами храма, а осознанность входит в храм. Это тончайшее явление – жизнь ничто по сравнению с этим. На самом деле, жизнь – это только подготовка к смерти, и мудры лишь те, кто за свою жизнь научится тому, как умереть. Если вы не знаете, как умирать, вы упустили весь смысл жизни: это подготовка, это тренировка, это дисциплина.

Жизнь – это не конец, это лишь дисциплина, позволяющая постичь искусство смерти. Но вы боитесь, вам страшно. От одного слова «смерть» вас бросает в дрожь. Это означает только то, что вы до сих пор не познали жизни, потому что жизнь никогда не умирает. Жизнь бессмертна.

Каким-то образом вы стали отождествлять себя со своим телом, то есть с механизмом. Механизм обречен умереть, механизм не может быть вечным, потому что он подвержен влиянию извне; он обусловлен. Осознанность же безусловна: она ни от чего не зависит; она подобна облаку, плывущему по небу, у нее нет корней, нет причин, она не была рождена и поэтому никогда не умрет.

Когда кто-то умирает, рядом с этим человеком нужно быть медитативным, потому что храм близко, и вы ходите по священной земле – не будьте несерьезными. Не давайте выход своему любопытству.

молчите и наблюдайте, чтобы вы смогли увидеть: происходит нечто очень важное – не упустите момент. Когда смерть рядом, к чему о ней спрашивать? Почему бы просто не смотреть на нее? Почему не понаблюдать ее? Почему не пройти немного рядом с ней?

«Не скажу», – ответил Дого.

«Скажи», – настаивал Зенген.

«Не скажу, и все», – сказал Дого.

По дороге обратно в храм разъяренный Зенген повернулся к Дого и пригрозил: «Ради Бога, если ты не ответишь на мой вопрос, я побью тебя».

В дзен это возможно – чтобы ученик побил Мастера, потому что в дзен все искренне и по-настоящему. Мастер дзен не окружает себя ореолом «Я более свят, чем ты». Он не скажет: «Я выше тебя». Как может тот, кто достиг, сказать: «Я выше, а ты ниже»? Ученик может считать себя выше, но Мастер не может претендовать ни на какое превосходство, потому что на превосходство может претендовать только неполноценность. На превосходство претендует только эго, которое беспомощно и неполноценно. На силу претендует только слабость; когда вы неуверенны, вы изображаете уверенность; когда вы больны, вы притворяетесь здоровым; когда вы не знаете, вы претендуете на знание. Ваши претензии нужны лишь для того, чтобы скрыть правду. Мастер ни на что не претендует. Он не может сказать: «Я выше». Это глупо. Разве может мудрый человек сказать «Я выше»?

Поэтому Мастер дзен позволяет даже такое – чтобы ученик его ударил, и он может даже получить от этого удовольствие. Такого не делает больше никто в мире, поэтому Мастера дзен такая редкость: трудно найти более редкий цветок, чем они. Этот Дого на самом деле настолько превосходит, что позволяет себя ударить: его превосходству это не угрожает. Ему вообще ничего не может угрожать, и ничто не может расстроить его. Его здесь больше нет. Он как пустой дом. И ему известно, что ученик может быть лишь глупым. Ничего другого нельзя и ожидать, потому что ученик невежествен.

Необходимо сопереживание. И в своей невежественности ученик обречен на повторение таких поступков, поступков неправильных, потому как неправильный человек неспособен на правильные поступки. И если заставлять неправильного человека вести себя должным образом, это ограничение свободы покалечит его. А Мастер должен помочь человеку быть свободным – поэтому ударить его разрешается. На самом деле, это не проявление непочтительности; на самом деле, ученик любит Мастера так сильно, так глубоко, что

он способен подойти так близко. Даже ударить человека является близостью – вы не сможете ударить просто кого-нибудь.

Иногда бывает, что ребенок ударит отца или шлепнет мать. Здесь нет никакой враждебности, просто ребенок воспринимает мать настолько глубоко и близко, что он не стесняется в своих действиях. И ребенок знает, что его простят, и поэтому не боится.

Прощение Мастера безгранично, безусловно.

Ученик разозлился потому, что он задал очень важный вопрос – по крайней мере, ему он казался важным. Он не мог понять, почему Дого так упорно отказывается отвечать: «Нет!» и не просто «нет», он сказал: «Это все. Больше я не скажу ни слова».

Когда вы задаете вопрос, вы задаете его ради своего эго, и если не получаете ответа, эго становится обидно. Ученику было обидно: его эго было задето, он не мог этому поверить – и, должно быть, это произошло на глазах у многих людей. Они не были одни, рядом были еще люди, непременно были – на похоронах всегда собирается много людей. И перед всеми этими людьми Дого сказал: «Нет, и хватит об этом! Я ничего не скажу». Все они, наверное, подумали: «Какой глупый ученик, задает бессмысленные вопросы». Зенгена это, должно быть, разозлило. Он весь кипел. Когда по пути обратно в монастырь они с Мастером остались наедине, он сказал:

«Ради Бога, если ты не ответишь на мой вопрос, я побью тебя».
«Ладно, – сказал Дого. – Давай бей. Покончи с этим. Если ты зол, так покончи с этим».

Мастер всегда готов выпустить то, что внутри вас, наружу – даже ваш негативизм. Даже если вам вздумается ударить его, он позволит и это. Кто знает? Возможно, ударив Мастера, вы осознаете свой негативизм; возможно, вы осознаете свою болезнь, свое безумие. Ударить Мастера может стать мгновенным просветлением – кто знает? И Мастер здесь для того, чтобы помочь вам в этом.

Все Мастера состоят в тайном сговоре. Если они вообще Мастера, они всегда вместе – даже если они противоречат друг другу, они все в одном сговоре; даже если иногда один из них говорит, что другой неправ, они все равно в сговоре.

Будда и Махавира жили в одно время и путешествовали по одной и той же провинции, Бихар – она стала известна как Бихар благодаря им: Бихар означает «земля, по которой они ходят». Они исходили этот край вдоль и поперек. Иногда они оказывались в одной деревне.

Однажды им случилось остановиться в одной придорожной гостинице. Половина гостиницы была занята Буддой, половина – Маха-

вирай. Но они никогда не встречались – и постоянно опровергали друг друга. Ученики переходили от одного Мастера к другому. Это оставалось проблемой – почему? Будда, бывало, даже смеялся, подшучивал над Махавирой. Он говорил: «Тот человек! Так он утверждает, что он просветленный? Делает вид, что все знает? Но я слышал, он сам рассказывал, как однажды он постучался в двери дома, чтобы попросить еды, но дома никого не было. И он говорит, что он всезнающ? Не знал даже такой малости – что дом был пуст?»

Он шутил, говоря: «Шел как-то Махавира и наступил на хвост собаке. Только когда собака вскочила и залаяла, понял он, что она была там, потому что было раннее утро и еще темно. И этот человек называет себя всезнающим?» Так он и шутил. Он откалывал много шуточек про Махавиру. Они замечательные.

Они сговорились, Будда и Махавира, но ни джайны, ни буддисты этого не поняли – они упустили весь смысл. Считая, что их учителя были против друг друга, буддисты и джайны враждуют вот уже две тысячи лет.

Они не против друг друга! Они играют роли, они пытаются помочь людям. Это два разных типа. Кому-то может помочь Махавира, кому-то другому может помочь Будда. Человеку, которому может помочь Будда, не может помочь Махавира – этому человеку не нужно быть рядом с Махавирой. А человеку, которому может помочь Махавира, не может помочь Будда – и такому человеку не нужно быть рядом с Буддой. Вот почему они противоречат друг другу. Это сговор. Но помочь нужно каждому, и они просто два разных человека, совершенно разных.

Как они могут быть против друг друга? Ни один человек, который когда-либо стал просветленным, не может быть против другого просветленного, это невозможно. Он может делать вид, будто это так, потому что он знает, что другой это поймет. Махавира ни разу не сказал ничего по поводу шуток Будды в его адрес. Он просто молчал на этот счет. Это был его способ. Он хранил полное молчание, даже не пытался опровергнуть, и этим как будто говорил: «Предоставьте этого глупца самому себе!» – он просто молчал, не говорил ни слова. Каждый день ему сообщали: «Он сказал то-то и то-то», и Махавира даже не хотел это обсуждать. И это было ему к лицу, ведь он был очень стар – на тридцать лет старше Будды; не пристало ему опускаться до того, чтобы спорить с молодыми: молодозелено! Но он вел себя так же, как Будда, по отношению к другим учителям, которые были старше его. Он их обсуждал, возражал им, спорил с ними.

Они сговорились. Так и должно быть – иначе вы не сможете понять. Они должны разделить путь, потому что вы не можете понять.

что жизнь проявляется в противоположностях. Они должны выбрать одну из противоположностей. Они должны придерживаться чего-то одного и говорить, для вас: «Помните, все остальные неправы». Потому что, если они будут говорить, что правы все, вы еще больше запутаетесь. Вы и так уже достаточно запутались; если бы они говорили: «Да, я прав. Махавира тоже прав, и Будда тоже прав – все правы», вы бы немедленно ушли от них, вы бы подумали: «От этого человека никакой помощи – ведь мы уже запутались. Мы не знаем, что хорошо, а что плохо, и мы пришли к нему как раз за тем, чтобы узнать, что хорошо, а что плохо».

Итак, Мастера придерживаются чего-то одного и говорят: «Это правильно, а все остальное – нет», и все это время знают, что есть миллионы способов найти ПУТЬ; знают, что есть много путей, ведущих к конечной цели. Но если они скажут, что миллионы дорог приводят к цели, вы будете только сбиты с толку.

Этот ученик, Зенген, не знал, что ему делать, ведь его Мастер Дого умер. Он не ожидал, что это случится так скоро. Ученикам всегда тяжело, когда Мастера умирают. Когда Мастер рядом, они валяют дурака и теряют время. Когда Мастер умирает, они оказываются в тупике и думают: что теперь делать? Вопрос Зенгена по-прежнему не был решен, загадка оставалась загадкой. Ученик так и не узнал, что такое смерть, а Дого уже не стало.

Он пошел к другому Мастеру, Секисо, и, рассказав ему всю историю, задал тот же самый вопрос.

Секисо, будто сговорился с покойным Дого, отказался отвечать. «Боже! – воскликнул Зенген. – И ты тоже?» «Не скажу, – ответил Секисо, – и все».

Они делают это не просто так. Они создают ситуацию. Они говорят: «Будь молчалив перед лицом смерти. Не задавай вопросов, потому что, спрашивая, ты поднимаешься на поверхность, становишься поверхностным. Эти вопросы нужно не задавать! Ими нужно проникнуться, прожить их, помедитировать на них. Нужно углубиться в них. Если ты хочешь узнать смерть – умри! Это единственный способ узнать. Если ты хочешь узнать жизнь – живи!»

Вы живы, но не живете.

И вы умрете, но вы не умрете.

Потому что в вас все наполовину.

Живете ли вы? – не совсем; вы просто плететесь. Кое-как вы владите свое существование.

Живите настолько интенсивно, насколько возможно! Жгите свечу своей жизни с обоих концов! Пусть она горит так сильно... и если

сгорит за одну секунду, это хорошо. По крайней мере, вы узнали, что это такое, потому что только интенсивность действительна. И если вы можете жить интенсивной жизнью, то и смерть ваша будет другого качества, вы и умрете интенсивно. Какова жизнь, такой будет и смерть. Если вы плететесь по жизни, то и умирать вы будете так же. Вы упустите жизнь, и смерть упустите тоже. Проживайте свою жизнь как можно более интенсивно. Ставьте на карту все. К чему беспокойство? Зачем беспокоиться о будущем? У вас есть *это* мгновение. Так вложите в него все свое существование! Живите интенсивно, тотально, целостно, и этот момент станет откровением. И если вы знаете жизнь, вы познаете смерть.

В этом секретный ключ: если вы знаете жизнь, вы познаете смерть. Если вы спрашиваете о том, что такое смерть, это означает, что вы не жили – потому что по своей сути они – одно целое. В чем секрет жизни? Секрет жизни – это смерть. Если вы любите, в чем секрет любви? В смерти. Если вы медитируете, в чем секрет медитации? В смерти.

Все, что происходит прекрасного и интенсивного, происходит через смерть. Вы умираете. Вы настолько полно отдаетесь этому, что умираете для всего остального. Вы настолько интенсивны, что вас больше нет, потому что, если вы есть, интенсивность не может быть полной; тогда будет раздвоение. Если вы любите и возлюбленный присутствует, то любовь не может быть интенсивной. Любите так глубоко, так всепоглощающе, чтобы возлюбленный исчез. Тогда вы станете потоком энергии. Тогда вы узнаете любовь, узнаете жизнь, узнаете смерть.

Эти три слова очень значимы: любовь, жизнь и смерть. У них один и тот же секрет, и если вы поймете их, не будет необходимости медитировать. Именно из-за того, что вы их не понимаете, и необходима медитация. Медитация – это просто запасное колесо. Если вы действительно любите, это становится медитацией. Если вы не любите, тогда вам приходится медитировать. Если вы действительно живете, это становится медитацией. Если вы не живете, тогда вам придется медитировать; тогда нужно дополнять это чем-то еще.

Но вот в чем проблема: если вы не можете глубоко любить, как вы сможете глубоко медитировать? Если вы не можете жить интенсивно, как вы сможете интенсивно медитировать? Потому что проблема не в любви, не в медитации, не в смерти. Проблема в том – КАК ДВИГАТЬСЯ ВГЛУБЬ? Все дело в глубине.

Если вы погрузитесь глубоко во что бы то ни было, жизнь останется на периферии, а в центре будет смерть. Даже если вы полностью погрузитесь в созерцание цветка и забудете обо всем на свете,

то в своем созерцании вы умрете. Вы испытаете слияние, единение. Вы вдруг почувствуете, что вас нет, что только цветок есть.

Живите каждое мгновение так, будто оно последнее. И кто знает – возможно, оно и есть последнее.

Оба Мастера пытаются передать Зенгену осознание. После того как Секисо услышал весь рассказ ученика, он тоже сказал: «Нет, я ничего не скажу, и все». Он повторил точь-в-точь слова Дого.

В первый раз ученик упустил, но не во второй.

В то самое мгновение Зенген пробудился.

Случилось сатори... внезапная вспышка... он осознал. В первый раз он упустил. Так бывает почти всегда. В первый раз вы упускаете, потому что не понимаете, что происходит. В первый раз старые привычки ума не позволяют вам увидеть; поэтому второй Мастер, Секисо, просто повторил слова Дого – просто повторил. Он не изменил ни слова. Он просто повторил: «Я не скажу. И все». Он снова создал такую же ситуацию.

Легко было спорить с Дого, но нелегко спорить с Секисо. Он не Мастер Зенгена. Легко было ударить Дого; ударить Секисо – исключено. Достаточно, чтобы он ответил. В этом его соперничество: он не должен отвечать. Между Дого и этим учеником существовала определенная близость, и, бывает, именно из-за этой близости вы упускаете – потому что принимаете все как должное. Иногда необходима дистанция. Но это зависит от человека.

Некоторым для того, чтобы научиться, необходима дистанция с учителем, некоторым она мешает, – люди делятся на эти два типа. Те, кто учится на расстоянии, могут упустить Мастера; они упустят своего собственного Мастера, но он подготовит их. Среди вас здесь много таких, кто работал в других жизнях с другими Мастерами. Вы упустили их, но они приготовили вас к встрече со мной. Многие из вас упустят меня, но я подготовлю вас к встрече с кем-то еще. Поэтому ничего не пройдет напрасно. Ни одно усилие не будет потрачено впустую.

Дого создал ситуацию, Секисо реализовал ее.

В то самое мгновение Зенген пробудился.

Что произошло? Услышал опять те же самые слова? Здесь какой-то заговор? Почему опять те же слова? Внезапно он осознал: «Мой вопрос абсурден. Я спрашиваю то, на что нет ответа. Дело не в том, что Мастер отказывает в ответе, а в самом моем вопросе, в его сути».

Молчание необходимо перед лицом смерти, перед лицом жизни, перед лицом любви. Если вы любите человека, вы просто молча сидите с ним рядом. Вам не хочется болтать, вам хочется просто держать его за руку, и жить, и быть молчаливым в этот момент. Если вы болтаете – это значит, что вы избегаете человека, и никакой любви нет. Если вы любите жизнь, вы отбросите болтовню, потому что каждое мгновение настолько наполнено жизнью, что для болтовни нет места. Каждое мгновение поток наполняет вас жизнью – когда тут болтать и сплетничать? Каждое мгновение, прожитое во всей его полноте, заставляет ум умолкнуть. Ешьте, и станьте настолько этим поглощены – через еду вы насыщаетесь жизнью – чтобы ум умолк. Пейте, и станьте поглощены этим: вода наполняет вас жизнью; она утолит вашу жажду, – следуйте за ней, почувствуйте, как она прикасается к вашей жажде, как жажда исчезает. Будьте молчаливы и смотрите. Разве вы можете болтать, когда пьете чай? В вас разливается теплая жизнь. Наполнитесь ей! Будьте ей благодарны!

Именно поэтому в Японии существуют чайные церемонии, и в каждом уважающем себя доме есть чайная комната, которая напоминает храм. Такая обычная вещь, как чай – и они возвели ее в священный статус. Они входят в чайную комнату в полной тишине, как если бы входили в храм. Они тихо садятся. Потом чайник начинает петь, и все молча слушают, точно так, как вы слушаете меня: в такой же тишине. Чайник поет миллионы песен, звуков, он поет Омкар – саму мантру жизни – а они молча слушают. Потом наливают чай. Они прикасаются к своим чашкам и блюдцам. Они благодарны за то, что им снова дано пережить это мгновение. Кто знает, наступит ли оно еще раз? Они вдыхают запах чая, аромат и наполняются благодарностью. Потом они начинают потягивать чай. И вкус... и тепло... и поток... и слияние их собственной энергии с энергией чая... это становится медитацией.

Медитацией может стать все что угодно, если вы переживаете это интенсивно и тотально. Тогда ваша жизнь становится целостной.

Слушая те же самые слова, Зенген внезапно осознал: «Мой Мастер был прав, а я ошибался. Я ошибался, потому что думал: “Он не отвечает; он не обращает внимания на мой вопрос; ему безразличен я и то, что меня интересует”. Мое эго было задето, но я был неправ. Он не целился в мое эго. Я был совершенно вне вопроса. Просто такова сама природа смерти...» Внезапно он был пробужден.

Это называют сатори. Это особое просветление. У слова сатори нет соответствия ни в одном языке. Оно принадлежит исключительно дзен. Это не самадхи; и это самадхи. Это не самадхи, потому что это может произойти в самый обычный момент: вы пьете чай, проглатываете, смотрите на цветок, слушаете лягушку на пруду. Это

может произойти в самое обычное мгновение – поэтому это не одно и то же, что самадхи, о котором говорит Патанджали.

Патанджали был бы сильно удивлен тому, чтобы кто-нибудь, услышав, как лягушка ныряет в пруд, просветлел. Патанджали не смог бы поверить в такое: чтобы сухой листок оторвался от дерева, сделал несколько витков в воздухе, и покружившись по ветру, упал на землю и уснул – и кто-нибудь, сидящий под этим деревом, просветлел. Нет, Патанджали не поверил бы в это; это невозможно, скажет он, потому что самадхи – это нечто исключительное; самадхи приходит после множества усилий, после миллионов жизней. И даже тогда оно приходит лишь в особом положении тела – Сиддхасане. Оно случается в особом состоянии тела и ума.

Сатори – это самадхи и одновременно не самадхи. Это проблеск, проблеск исключительного среди повседневного; самадхи случается среди обычного. К тому же оно молниеносно – оно не происходит постепенно; вы не можете измерить его степень. Это подобно тому, как вода достигает точки кипения, температуры ста градусов – и потом скачок, и вода превращается в пар, испаряется в воздух, и след ее простыл. Вплоть до девяноста девяти градусов она кипит, но не испаряется. С девяноста девяти градусов она еще может остыть, она всего лишь была горячей. Но если она переходит предел ста, тогда происходит внезапный скачок.

В этой истории ситуация та же самая. С Дого Зенген нагрелся, но не смог испариться. Этого было недостаточно, ему нужна была еще одна ситуация, или, возможно, еще много ситуаций. Потом с Секисо – та же самая ситуация, и вдруг что-то срабатывает. Неожиданно меняется фокус, меняется поведение. До этого самого времени он думал только о том, что Дого оставил без ответа его вопрос. Он был эгоцентричен. Он думал: «Мой Мастер пренебрег мной. Ему не было дела до меня и моих расспросов. Он уделял недостаточно внимания мне и моим вопросам».

Внезапно он понимает: «Это не мной пренебрегли, и дело не в том, что Мастер был безразличен, и не в том, что он уделял мало внимания. Нет, дело было не во мне – а в самом вопросе. На него невозможно ответить. Перед тайнами жизни и смерти должно быть молчаливым». Поведение изменилось. Он видит целую картину. Следовательно, он достигает проблеска.

Когда изменяется поведение, вы достигаете проблеска. Этот проблеск – сатори. Он не навсегда. Вы неизбежно его утратите. Сатори не сделает вас Буддой, поэтому я говорю, что сатори – это самадхи, и все же не самадхи. Это океан в стакане. Да, это океан, но не весь океан – это самадхи в капсуле. Это дает вам проблеск, приоткрывает тайну, как будто вы идете темной ночью по лесу: вы заблудились,

вы не знаете ни куда идете, ни где дорожка, ни то, в правильном вы идете направлении или нет – и тут вдруг сверкает молния. На одно мгновение вы видите все! Потом свет исчезает. При свете молнии нельзя читать, потому что она длится всего мгновение. Вы не можете сесть под небом и при свете молнии начать читать. Нет, это не постоянный поток.

Самадхи таково, что при его свете можно читать. Сатори – как молния: вы можете увидеть проблеск Единого, всего, что только существует, и потом оно исчезает. Но вы уже больше не будете такими, как прежде. Это не окончательное просветление, но большой шаг к нему. Теперь вы знаете. Вы видели проблеск, теперь вы знаете, как выглядит то, что вы ищете. Вы попробовали это, теперь Будды будут для вас более понятны.

Теперь, если Зенген снова встретит Дого, он не ударит его, он упадет ему в ноги и будет просить прощения. Он прольет море слез, он будет говорить: «Каким же соперничеством обладал Дого, что позволил мне себя ударить, что сказал мне: “Ну что ж, давай, бей!”» Если Зенген снова встретит Дого, он уже не будет прежним. Он вкусил нечто, что изменило его. Он не достиг высшего – это еще впереди; но он узнал, что это такое.

Сатори – это проба самадхи, о котором говорит Патанджали. И это прекрасно, что попробовать это возможно, потому что как можно стремиться к чему-либо, прежде не попробовав его? Как можете вы быть влекомы к чему-либо, если вы даже ни разу не ощутили его запаха? Этот проблеск станет притягивающей силой. Вы уже больше никогда не будете прежними. Вы будете знать, что существует нечто, а уже найдете вы это или нет – зависит от вас. Но появится вера. Сатори дает веру и побуждает к движению, жизненно важному движению внутри вас, движению к окончательному просветлению, которое и есть самадхи.

ИСКУССТВО СТРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА

Беседа 6. 5 ноября 1974 года

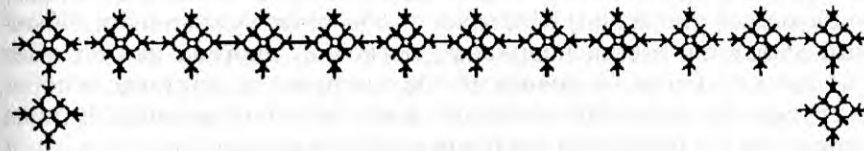
Ли-цзы демонстрировал свое мастерство стрелка По-Хун Ву-Чжену. Когда тетива была натянута до предела, на локоть стрелку поставили чашку с водой, и он начал стрелять. Как только была пущена первая стрела, на тетиву легла вторая, а следом за ней третья. Все это время стрелок стоял неподвижно, как статуя.

По-Хун Ву-Чжен сказал: «Ты прекрасно владеешь техникой стрельбы, но не техникой не-стрельбы. Давай поднимемся на высокую гору, встанем на уступ над обрывом, и ты попробуешь выстрелить оттуда».

Они взошли на гору. Стоя на краю обрыва высотой десять тысяч футов, По-Хун Ву-Чжен отступил назад, так что его пятки висели в воздухе над пропастью. Тогда По-Хун Ву-Чжен подозвал Ли-цзы к себе.

Ли-цзы упал на землю. Пот струился по его телу.

И сказал тогда По-Хун Ву-Чжен: «Совершенный человек вознесется над синим небом, погрузится в глубины вод, обойдет восемь сторон света – и при этом его дух не выдаст ни единого признака перемены. Но ты предательски дрожишь, на твоих глазах пелена. Как же ты надеешься поразить цель?»

Действие требует умения. Но и не-действие также требует умения. Умение действовать лежит на поверхности. Умение к недействию находится в самом сердце твоего существа.

Навык действия приобрести легко, его можно позаимствовать, ему можно обучиться, поскольку он – всего лишь техника. Он не является твоей сущностью, он только искусство. Но техника, или умение, не-действия отнюдь не просто техника.

Ей невозможно научиться у кого-либо другого. Ей нельзя научить. Она растет вместе с тобой. Она следует твоему внутреннему росту, это – цветение. На нее не повлиять извне, ее источник внутри.

Мастерство действия приобретается извне и становится внутренним; мастерство не-действия приходит изнутри и течет наружу. Их измерения полностью отличны, они диаметрально противоположны. Постарайтесь это понять, прежде чем читать мою историю дальше.

Например, ты можешь стать художником, научившись этому искусству, освоив *все*, чему учат в художественных школах. Овладев техникой живописи, ты можешь создавать красивые произведения и даже стать известной фигурой в этом мире – никто не узнает, что это всего лишь техника, разве что встретится тебе Мастер, но сам ты всегда будешь знать, что это просто техника.

Твои руки стали искусными, твой ум владеет технологией, но твоя душа не поет. Ты пишешь картины, но ты не живописец. Ты

создаешь произведения искусства, но ты не художник. Ты делаешь это, не находясь в этом. Ты делаешь это так, как делаешь любые другие вещи – ты не влюблен. Ты не погружен в это полностью. Твое внутреннее существо стоит в стороне, отчужденное и безразличное. Пока твоя голова и руки работают, тебя самого в это время нет. Картина не будет хранить твоего присутствия, она не будет нести *тебя*. На ней останется твой след в виде подписи, но не след своей души.

Мастеру это сразу будет видно, потому что картина будет красива, но мертва. Красива! Но можно украсить также и труп! Можно его раскрасить! Даже нарисовать губы помадой – они будут красными. Вот только никакая помада не заменит тепла крови, текущей в живом теле. Эти губы – накрашены. Но в них нет жизни.

Можно создать *красивое* полотно, но оно не будет живым. Оно может быть живым, только если будет полно тобой. Вот в чем разница между рисующим Мастером и обычным художником. Обычный художник всегда подражает, поскольку картина не созревает внутри него. Он не беременен ей. Он повторяет за другими, он собирает идеи, он подражает природе – и это ничего не меняет. Глядя на дерево, он его рисует, но внутри него дерево не выросло.

Посмотрите на деревья Ван Гога – они совершенно другие, таких не существует в живой природе. Они уникальны, они творения Ван Гога, он живет через них. Это не те обычные деревья, что нас окружают, он не скопировал их у природы, не скопировал их ни у кого другого. Будь он богом, он создал бы такие деревья в природе. Он и есть бог в своем искусстве, он творец. Будучи самим собой, он не пытается играть в Создателя. Его деревья растут до звезд и задевают ветвями луну.

Ван Гога однажды спросили: «Что это за деревья? Откуда у вас эти образы?»

Ван Гог ответил: «Я никуда не хожу за идеями, деревья эти – мои деревья! Если бы я был Создателем, мои деревья доставали бы до звезд, потому что мои деревья – это мечты земли, желания земли – достать до звезд; земля тянется к звездам деревьями-руками, деревьями-мечтами и желаниями земли».

Эти деревья не копия. Это деревья Ван Гога.

У Создателя есть что дать этому миру, он вынашивает свое творение. Разумеется, даже Ван Гогу нужна техника, потому что даже он не мог бы рисовать без помощи рук. Отрезать ему руки – и что он будет делать? Ему также нужна техника, но это лишь способ общения. Техника не является самым посланием, она нужна только как средство его передачи. Главное, у него есть *что* сказать. Каждый художник – пророк, должен им быть! Каждый художник – творец,

должен им быть. Ему есть чем поделиться, и, конечно, для этого нужны определенные средства передачи.

Если я хочу что-то тебе сказать, мне нужны слова, но если я говорю только слова, в них нет содержания. Получается просто болтовня, и я выбрасываю этот словесный мусор на окружающих. Но если мои слова несут мою тишину, мое послание без слов тебе, только тогда они действительно сказаны.

Если что-то должно быть сказано, оно будет сказано словами, но оно само не есть слова. Если что-то будет нарисовано, оно будет нарисовано красками и кистью на холсте с помощью определенной техники, но сама техника не есть содержание картины.

Сообщение передается с помощью средства, но средства самого по себе недостаточно.

Искусный исполнитель владеет средством, пусть даже самым совершенным средством, но ему нечего сказать или передать другим. Его сердце не переполнено. Он работает головой, которая помнит технологию, и руками, которые помнят навык. Руки и голова действуют заодно, но сердце при этом остается безучастным, незатронутым. Выйдет картина без души, в ней не будет биения, не будет пульса жизни. Эту разницу заметить нелегко, ее нужно почувствовать внутри.

Возьмем другой пример, который проще понять. Вы любите кого-то: вы его целуете, держите его руку в своей руке, обнимаете, занимаетесь с ним любовью. Все то же самое вы можете делать с человеком, которого не любите – тот же поцелуй, те же объятия, то же пожатие рук, те же движения в любви – но вы не любите его. В чем же разница? – поскольку в том, что касается действия, разницы не будет никакой: вы целуете, и целуете его точно так же, по крайней мере, стараетесь.

Способ связи есть, но послания нет. Вы искусны, но ваше сердце не участвует. Поцелуй мертв. Он подобен, скорее, мертвому камню, чем парящей птице.

Занимаясь любовью, вы можете выполнять те же движения, но они будут больше напоминать упражнения по йоге. Они не будут любовью. Пойди к проститутке – она знает технику лучше твоей любимой. Она обязана ее знать – это ее профессия, но она не даст тебе любви. Если вы встретитесь с ней на улице на другой день, она тебя даже не узнает. Она даже не поздоровается, потому что вы чужие друг другу. Не было *контакта*, другого человека *не было*. Занимаясь любовью с тобой, она, возможно, думала о своем возлюбленном. Ее в тот момент не было! Это и невозможно: проституткам приходится учиться мысленно отсутствовать при всем происходящем – ведь все это так отвратительно.

Нельзя продать любовь, можно продать тело. Нельзя продать душу, можно продать мастерство. Для проститутки занятие любовью – работа. Она делает это за деньги, поэтому должна научиться мысленно отвлекаться от происходящего, например, думать о своем настоящем любовнике. В ее голове пронесется за время вашей встречи тысяча мыслей, но ни одна из них не будет о вас – человеке, который действительно находится рядом, потому что мысли о том, кто рядом, принесут ей одно беспокойство. Поэтому душой она далеко. Ее здесь нет! Она будет совершать движения – это она умеет – технично, но без души.

Вот в чем суть этой истории. Вы можете стать настолько безупречны, что обманете весь мир, но себя не проведешь. И если невозможно обмануть себя, тем более невозможно сделать это с просветленным Мастером. Он видит тебя насквозь, невзирая на все уловки, которыми ты себя окружил. Он увидит, что в своем деле ты не присутствуешь: к примеру, если ты стрелок, ты попадаешь в мишень без промаха, но суть не в этом; даже проститутка способна привести тебя к оргазму, она также попадает в цель без промаха, и, возможно, делает это лучше твоей любимой, но суть все равно не в этом – поскольку человек остается нецелостным, пусть даже техника совершенна.

Человек достигает целостности лишь тогда, когда становится просветленным. Нельзя ждать совершенства от человека прежде просветления, он может достичь совершенства лишь в своем мастерстве. Невозможно требовать совершенства в бытии, но возможно – в действии, ведь это несложно. Можно стать таким метким стрелком, что ни разу не выстрелить мимо цели – и все же душой не пребывать в этом. Тогда становишься механизмом, в который заложена программа, роботом. Все делается лишь с помощью головы и рук.

Теперь попытаемся проникнуть в смысл этой истории: *Искусство стрельбы из лука*. В Китае и Японии обучают медитации через различные искусства – в этом состоит отличие индийской традиции медитации от китайской, японской и буддийской. В Индии медитация отделена от какого бы то ни было действия в реальной жизни. Она сама по себе целостность. Это создало определенные трудности, поэтому в Индии религия постепенно умерла. Трудности заключались в том, что, сделав медитацию для себя всем, человек становился обузой для общества. Он уже не может ходить в магазин, на работу в офис или на завод – он живет только медитацией, просто медитирует все время. В Индии миллионы людей жили только в медитации; они стали обузой для общества, и когда эта ноша оказалась обществу непосильна, ему так или иначе пришлось ее бросить.

Даже сейчас в Индии живет почти десять миллионов саньясинов. Теперь их не почитают, из всех десяти миллионов не более десяти человек можно назвать уважаемыми. Все они стали просто бродягами. По причине такого отношения – что когда ты практикуешь медитацию, когда религия становится всей твоей жизнью, тогда ты отбрасываешь всю остальную жизнь, ты отрекаешься – в Индии медитация превратилась в своего рода антижизнь. Да, можно смириться, если только несколько человек живут так, но нельзя смириться с миллионами, и что делать, если все население страны станет медитаторами? Тогда, если медитация не может быть доступна всем и каждому, другими словами, если религия существует только для нескольких избранных и если даже в религии есть классы, получается, Бог не для всех? Нет, это невозможно; Бог доступен *всем*.

В Индии, стране своего зарождения, буддизм умер, потому что буддийские монахи превратились в обузу. Миллионы буддийских монахов! Страна оказалась не в состоянии терпеть, содержать их всех, и им пришлось исчезнуть. Буддизм прекратил свое существование, величайший расцвет индийского сознания – он погиб. Потому что нельзя жить паразитом; пару дней – ладно, пару лет – пусть; Индия терпела это, страна великого терпения терпит все. Но всякому терпению есть предел. Тысячи монастырей, а в них тысячи монахов – эта бедная страна была более не в силах их содержать, и им пришлось исчезнуть. В Китае и в Японии буддизм выжил, потому что он изменился, преобразился: он отказался от идеи отречения от жизни. Скорее, напротив, он сделал саму жизнь объектом медитации.

Таким образом, чем бы вы ни занимались, вы можете делать это медитативно – нет необходимости бросать занятие. Произошел новый рост, на котором основан дзен-буддизм: жизнь не следует отрицать.

Дзенский монах будет заниматься своим делом: работать в саду, на ферме, живя своим собственным трудом, а не паразитируя. Он приятный человек, он не беспокоится об обществе и более свободен от него, чем тот, кто отрекся. Разве ты можешь быть свободным от общества, от которого отрекся? Ведь тогда ты становишься паразитом, а паразит не может быть свободным. *Таково и мое послание: быть в обществе и одновременно быть саньясином*. Не становитесь паразитами, не будьте ни от кого зависимыми, потому что любая зависимость рано или поздно сделает вас рабами; она никогда не сделает вас муктой; она не сможет сделать тебя полностью свободным.

В Китае и Японии использовались различные виды искусства и мастерства для поддержки медитации. Стрельба из лука – одно из

этих искусств, красота которого в его тонкости, и оно требует большой сосредоточенности.

Ли-цзы демонстрировал По-Хун Ву-Чжену свое мастерство стрельбы из лука.

По-Хун Ву-Чжен был просветленным Мастером. Ли-цзы впоследствии и сам стал просветленным – эта история принадлежит к дням его исканий. Ли-цзы стал Мастером сам по себе, но в этой истории рассказывается о нем до просветления.

Ли-цзы демонстрировал...

Желание выставлять напоказ – желание невежественного ума. Почему вы хотите показывать? Почему вы хотите стать известным другим людям? В чем причина этого? И почему так много места в вашей жизни занимает демонстрация, почему вы хотите, чтобы другие считали вас значительным, важным, выдающимся – *почему?*

Потому что у вас нет своего Я. У вас есть только эго – заместитель Я.

Эго не существенно. Я существенно, но вам этого не известно, а человек не может жить без ощущения своего «Я», по крайней мере, это трудно. Из какого же центра вы будете работать и действовать? Вам нужно «Я», хотя бы ложное – это уже будет полезно. Без своего «Я» вы просто распадетесь на части. Кто будет источником действия и объединения внутри вас? Кто сделает вас целостным? Из какого центра вы будете действовать?

Если вам незнакомо Я, вам придется жить с эго – заместителем Я, ложным Я. Вы не знаете настоящего Я, поэтому создаете собственное. Эго – это производное вашего ума. Всему ложному нужна поддержка, а демонстрация себя дает эго эту поддержку.

Если кто-то скажет вам «Вы красивы», вы сразу почувствуете себя красивым; если никто не говорит вам этого, вам трудно чувствовать себя красивым; вы начинаете сомневаться и подозревать обратное. Если некрасивому человеку постоянно говорить «Ты красив», то некрасивость уйдет из его сознания, и он станет считать, что он хорош собой. Поскольку ум зависит от мнения других, он их накапливает, становясь все более зависимым от них.

Эго зависит от того, что вы слышите о себе из уст других людей: эго счастливо, если другие одобряют вас, оно несчастно, если другие вас не признают. Если вам не оказывают внимания, эго ослабляется, если вы находитесь в центре внимания, эго получает подпитку – и постоянно требует ее все больше.

Даже маленький ребенок требует внимания. Он может часами играть себе тихо, но стоит прийти гостю... а ведь мама говорила ему, чтобы при гостях он вел себя тихо: «Ты не должен шуметь, и не вздумай шалить» – но именно при госте ребенок *должен* что-то сделать, чтобы обратить на себя внимание. Внимание ему нужно все больше и больше – ведь его эго растет и требует пищи, а ему велют молчать – это невозможно! Он *должен* что-то сделать! Даже если придется сделать себе *больно*, упасть. Боль можно стерпеть, но он должен добиться к себе внимания, внимания всех, *должен* стать центром внимания!

Как-то раз я гостил у одной семьи. Ребенку в этой семье, должно быть, велели в моем присутствии не шалить и быть тише воды, ниже травы. Но ребенок не мог сидеть тихо, он тоже хотел моего внимания и начал шуметь, бегать туда-сюда, разбрасывать вещи. Мать рассердилась и говорила ему много раз, одергивала его: «Послушай, если ты не перестанешь, мне придется тебя отшлепать». Но он не слушался. Тогда в конце концов мать сказала ребенку: «Пойди и сядь вон на тот стул – *сейчас же!*»

Ребенок понял с полуслова: «Ну все, это уже слишком, и сейчас мне от нее попадет», подошел к стулу, сел на него и, сердито глядя на мать, многозначительно произнес: «Ладно, я сел – на стул, но внутри я стою!»

С самого детства до последнего дня своей жизни человек требует внимания. Даже умирая, он не расстается с мыслью о внимании: «Что скажут люди, когда я умру? Сколько народу придет проститься со мной? Напишут ли что-нибудь в газетах? Опубликуют ли хотя бы в одной из них некролог?»

Вот такие мысли. От начала до самого конца мы живем с оглядкой на чужое мнение. Должно быть, эта потребность в нас очень глубока.

Внимание – пища для эго, и только тот, кто достигает самости, не испытывает больше этой потребности. Когда у тебя есть центр, твой собственный, тебе не требуется внимание других. Тогда ты можешь жить один. Даже в толпе ты будешь один, в целом мире ты будешь один, будешь идти в толпе, но один.

Прямо сейчас ты не можешь жить так. Если ты прямо сейчас отправишься в Гималаи и в густом лесу сядешь под деревом, ты будешь ждать, чтобы кто-нибудь прошел мимо и потом возвестил миру о том, что ты стал великим отшельником. Будешь ждать, будешь то и дело присматриваться – не идет ли кто? Потому что ты наслаждался историй о том, что стоит кому-нибудь отречься от этого мира, как весь мир окажется вдруг у его ног, но до сих пор никого не было – ни журналистов, ни репортеров, ни фотографов – никого! Ты не

можешь уехать в Гималаи. *Когда пропадет потребность во внимании, ты будешь как в Гималаях, где бы ты ни был.*

Ли-цзы демонстрировал свое мастерство стрельбы из лука...

Почему «демонстрировал»? Он был все еще связан своим эго, искал внимания. Он показывал свою искусность в стрельбе По-Хун Ву-Чжену, просветленному Мастеру, который в то время был уже очень стар – в истории говорится, ему было под девяносто лет – он был очень, очень стар, когда Ли-цзы пришел к нему. Почему Ли-цзы пришел к По-Хуну? Потому что он был известным Мастером, и если бы он сказал: «Да, Ли-цзы, ты самый лучший в мире стрелок», это было бы такой мощной подпиткой, на которой эго бы питалось еще долго и долго.

Когда тетива была натянута до предела, на локоть стрелку поставили чашку с водой, и он начал стрелять

– и ни капли воды не пролилось из полной чашки, стоящей на его локте – а ведь он стрелял!

Как только была пущена первая стрела, на тетиву легла вторая, а следом за ней третья. Все это время стрелок стоял неподвижно, как статуя.

Это было сделано мастерски, но не впечатлило По-Хун Ву-Чжена – потому что в ту самую секунду, когда ты пожелал что-то продемонстрировать, ты уже упустил. Само стремление показать говорит о том, что ты еще не достиг самости, а если ты ее не достиг, снаружи ты можешь быть неподвижен, как статуя, но внутри ты мечешься из стороны в сторону, раздираем разными стремлениями, желаниями, мечтами. Снаружи ты можешь быть неподвижен; внутри происходят всевозможные движения, бегут все сразу, одновременно, в разных направлениях.

Снаружи ты можешь стать подобен статуе – суть не в этом. Рассказывают про Бокудзю: он пришел к своему Мастеру и сидел перед ним два года подряд, совсем как статуя, как мраморная статуя Будды. В начале третьего года Мастер пришел, ударил его своим посохом и сказал: «Глупец! У нас здесь тысяча статуй Будды, зачем нам еще одна?» (А Мастер жил в храме, где действительно было множество статуй Будды). Он сказал: «Их и так достаточно. Что ты здесь делаешь?»

Необходимо быть не статуей, а находиться в другом состоянии бытия. С внешней стороны, очень легко сидеть спокойно – что в этом сложного? Нужно лишь немного практики. Я видел в Индии человека, очень почитаемого, который провел, стоя десять лет подряд, даже спал стоя. Его ноги настолько отекали и растолстели, что он больше не может их согнуть. Народ его очень уважает, но когда я пришел к нему, он захотел увидеться со мной наедине и попросил меня: «Научи меня медитировать. Мой ум очень беспокоен».

Десять лет стоять, как статуя – он ни разу не присел, ни прилег, – но проблема остается прежней: как медитировать, как найти внутреннюю тишину?

Человек неподвижен вовне, но внутри него много движений. Их даже больше, чем можете испытывать в данный момент вы, потому что ваша энергия распределена: много энергии нужно для движения тела. Но у человека, стоящего неподвижно, вся энергия устремляется внутрь – в мысли, и внутри он *сходит с ума*, но он добился почитания других людей – на него приходят *посмотреть*. Эго довольно, но самости нет и в помине.

По-Хун Ву-Чжен сказал: «Ты прекрасно владеешь техникой стрельбы, – молодец, красивый выстрел! – но не техникой не-стрельбы».

Это может быть немного трудно для понимания, потому что в дзен говорят, что овладение техникой стрельбы – это только начало. научиться *стрелять* – это только начало; но научиться *не* стрелять, так чтобы стрела стреляла сама – значит прийти к вершине.

Постарайтесь понять: когда вы стреляете, присутствует эго, деятель. Что же тогда такое искусство *не-стрельбы*? В нем стрела тоже летит, тоже попадает в цель, но смысл не в самой цели. Стрела может и промахнуться – суть не в этом. Суть в том, что внутри не должно быть никакого деятеля. Суть в *источнике*. Когда вы прикладываете стрелу к луку, *вам* быть там не должно; вы должны быть в этот момент словно несуществующим, совершенно пустым. И стрела стреляет сама. Внутри нет деятеля – тогда не может быть и эго. Вы настолько *едины* со всем происходящим, что нет никакого разделения. Вы растворились в нем. Деятель и действие – не двое; нет даже малейшего разделения: «Я – это деятель, а это – мое действие». Чтобы достичь этого, требуются годы. И этого трудно достичь без понимания; поняв, вы даете этому шанс произойти.

Херригель, искатель из Германии, провел три года со своим Мастером в Японии. Он был лучником, приехав в Японию, он уже был

первоклассным стрелком – его стрела поражала сто мишеней из ста, в этом не было никакого сомнения. Он пришел к Мастеру, уже будучи стрелком, так же, как и Ли-цзы. Но Мастер лишь рассмеялся. Он сказал: «Да, ты меткий стрелок, но как насчет не-стрельбы?»

Херригель удивился: «Какой еще не-стрельбы? Первый раз об этом слышу». «Тогда я тебя научу», – сказал Мастер.

Прошло три года; он упражнялся в своем искусстве, и казалось, что цель уже близка. Он достиг полного совершенства. И он беспокоился, потому что... и здесь кроется трудность для западного ума: Восток кажется ему таинственным, нелогичным, и это на самом деле так. Херригель не мог понять своего Мастера: «Может, он сумасшедший?» – ведь он достиг полного совершенства, Мастеру было не к чему придрачаться, и все же он повторял свое «Нет!» Вот в чем проблема: в различии западного и восточного подходов к жизни. Мастер продолжает говорить *нет*, продолжает отвергать.

Херригеля это начинало раздражать; он сказал: «Но в чем моя ошибка? Укажите мне на ошибку, и я *смогу* ее преодолеть».

Мастер ответил: «Никакой ошибки нет. Ошибочен *ты*. Ошибки нет, ты стреляешь превосходно, но смысл не в этом. Ошибочен *ты*: когда ты стреляешь, в этом слишком много *тебя*, ты все время там. Стрела попадает в цель, верно! – но суть не в ней. Почему там так много тебя? К чему столько демонстрации? К чему эго? Почему ты не можешь не присутствовать в своем выстреле?»

Херригель, конечно, продолжал спорить: «Как я могу стрелять, если меня там нет? Тогда кто будет стрелять?» – очень рациональный подход: кто будет стрелять? – тогда Мастер отвечал: «Просто взгляни на меня». И Херригель чувствовал, что Мастер обладает неким таинственным качеством, которое трудно уловить. Он замечал это не один раз: Мастер действительно стреляет по-другому, он будто сам превращается в стрелу, в лук, будто его самого больше нет, *он един со всем этим – и неразделим*.

Тогда он стал расспрашивать Мастера, как у него это получается. Мастер сказал: «Это не техника. Ты должен понять, и должен впитать в себя это понимание, и погрузиться в него».

Три года потрачено впустую, и Херригель понял, что это невозможно: «Либо этот человек сумасшедший, либо его не-стрельба просто не для западного ума. Я и так потерял три года, пора уходить отсюда».

Он спросил Мастера прямо, и тот ответил: «Да, ты можешь уйти».

Херригель спросил: «Вы можете дать мне справку о том, что я три года учился у вас?»

Мастер сказал: «Нет, потому что ты ничему не научился. Ты провел со мной три года, но так ничему и не научился. Все, чему ты научился, ты мог бы с таким же успехом узнать и в Германии, не обязательно было приезжать сюда».

В день отъезда он пришел попрощаться с Мастером, и тот занимался с другими учениками, показывал им что-то... было раннее утро, солнце всходило, пели птицы, и Херригель был спокоен, потому что уже решил: ведь стоит принять решение, и беспокойство проходит; он не волновался. *Все эти три года его ум пребывал в напряжении – как этого добиться?* Как выполнить условия этого сумасшедшего? Но теперь беспокойство прошло, он решил, он уезжал, билеты заказаны, к вечеру его уже здесь не будет, и весь этот кошмар останется позади. Он просто ждал, когда Мастер освободится, чтобы поблагодарить его, попрощаться и уйти.

Он просто сидел на скамейке. Вдруг, впервые, он почувствовал что-то. Он посмотрел на Мастера. Мастер натягивал тетиву, и Херригель, будто это был не он, внезапно почувствовал, как встает со скамейки и идет к Мастеру. Он подошел к Мастеру, взял лук из его рук... стрела покинула лук, и Мастер сказал: «Отлично, у тебя получилось! Теперь я могу дать тебе справку».

Херригель говорит: «Да, в тот день это свершилось. Теперь я знаю разницу. В тот день это случилось само по себе – я не был стрелком, меня там не было. Я просто спокойно сидел на скамейке. Не было ни напряжения, ни волнения, ни мыслей об этом. Как будто это было не со мной».

Запомните это, потому что вы тоже близки к сумасшествию. Мои условия выполнить трудно. Практически невозможно. Но – также и возможно. И это произойдет только тогда, когда вы, кажется, сделали все, что могли, и вы уже на пороге, чтобы сказать «до свидания» и уйти, оставить меня. Это придет к вам в тот самый момент, когда вы дойдете до точки, где подумаете: «Надо бросить все эти медитации. Это один сплошной кошмар». Тогда беспокойство пройдет. Но не забудьте прийти ко мне попрощаться, иначе вы можете уйти, так и не познав.

Все начинается именно тогда, когда покончено с усилиями, когда все возможные усилия были приложены – как раз Херригель выкладывался как мог, поэтому ему для завершения хватило трех лет. Если вы совершаете усилие не полностью, время от времени, если оно не тотально, вам может не хватить и трех жизней. Если вы прохладны в своем усилии, вы никогда не достигнете точки, где отпадет необходимость во всяком усилии.

Отдайтесь усилию полностью. Овладейте всей техникой медитации, какой только возможно. Сделайте все, что можете! Не упускай-

те ничего. Не пытайтесь увильнуть ни от единой мелочи, делайте это от всего сердца. Тогда однажды настанет момент, пик, когда больше уже ничего не может быть сделано. Когда вы дойдете до точки, в которой большего сделать уже нельзя, когда вы сделали все и я продолжаю говорить «Нет, этого мало!», это «нет» нужно для того, чтобы окончательно привести вас к максимуму, к вершине, откуда дальнейшее действие невозможно.

А ведь вы даже не представляете, на что вы способны. Из всего невероятного запаса энергии, которым вы обладаете, вы используете лишь малую часть. А если вы используете лишь часть, вы никогда не достигнете точки, которую достиг Херригель – я назову ее *точкой Херригеля*.

Но он постарался. Он сделал все, что от него зависело; что касалось его, он не жалел сил.

Затем наступает точка кипения. Эта точка кипения есть дверь. Всякое усилие становится бесполезным, тщетным, оно ни к чему не приводит – и вы оставляете усилие. Внезапное расслабление... и дверь открывается.

Теперь вы можете медитировать, не будучи медитатором. Теперь вы можете медитировать, не медитируя. Теперь вы можете медитировать при отсутствии эго. Теперь *вы* стали медитацией, а медитатора больше нет. Деятель стал действием, медитатор стал медитацией, лучник стал стрелой и луком – *и цель не снаружи, не висит где-то на дереве*. Цель – это *вы*, внутри вас. Тот самый *Источник*.

Именно это сказал По-Хун Ву-Чжен. Он сказал:

Ты прекрасно владеешь техникой стрельбы, но не техникой нестрельбы, – разумеется, Ли-цзы был метким стрелком. – Давай поднимемся на высокую гору, встанем на уступ над обрывом, и ты попробуешь выстрелить оттуда».

Перед чем он ставит Ли-цзы? Внешняя сторона отточена, но источник дрожит. Действие безупречно, но существо трепещет. Внутри него страх, внутри него смерть; он еще не познал себя. Он не знающий; что бы он ни делал, происходит лишь от головы и рук: третьего участника до сих пор нет. Всегда помните, чтобы участие принимали все трое: руки, сердце, голова. Помните об этой троице и не поддавайтесь уловкам ума, который попытается усыпить вашу бдительность: «Все в порядке, все трое присутствуют», потому что по мере того, как вы совершенствуете технику, становясь все более искусным, ум спрашивает: «Ну что еще нужно?»

Ум – это Запад, сердце – Восток. Ум говорит: «Все идет как надо». Херригель в данном случае – ум; Мастер – сердце, и Мастер

ведет себя как сумасшедший; и запомните: с точки зрения ума сердце всегда похоже на сумасшедшего. Ум говорит сердцу: «Не лезь. Не вмешивайся, иначе ты только все запутаешь. Дай мне самому со всем разобраться, я все умею, я знаю правила, я знаю, как с этим обращаться». И с технической точки зрения ум всегда прав, а сердце нет, потому что оно не признает никакой техники, ему знакомо только чувство, только поэзия бытия. Сердце не знает ни техники, ни грамматики, оно принадлежит к поэзии.

«Давай поднимемся на высокую гору, – сказал старый Мастер – очень, очень старый, девяносто лет, – встанем на уступ над обрывом, и ты попробуешь выстрелить оттуда». Вот и посмотрим. *Они взошли на гору. Стоя на краю обрыва высотой десять тысяч футов...*

– и запомните, в этом разница между умом и сердцем: на высоте десять тысяч футов живет сердце, на скале, что возвышается над долиной глубиной десять тысяч футов...

Когда вы приближаетесь к сердцу, у вас кружится голова. С умом все происходит на земном уровне, это прямая дорога. С сердцем вы попадаете в лесную чащу: никаких прямых дорог, взлеты и падения, повсюду тайна, неизвестность, дымка; все неясно, это не шоссе, а лабиринт, скорее, похожий на головоломку. На высоте десять тысяч футов!

Ницше вспоминал, как однажды с ним произошло нечто: что он вдруг почувствовал себя на высоте десять тысяч футов, на огромной высоте над временем – как будто время было долиной, на которую он смотрел с высоты десяти тысяч футов. Эту запись в своем дневнике он сделал в тот день, когда сошел с ума.

Это головокружительная точка, точка, в которой можно сойти с ума. Чем вы ближе к сердцу, тем ближе кажется безумие. «Что со мной?» Все плывет перед глазами. Все прежде известное покидает ваш ум, и приходит неизвестное. Никакие карты больше не помогут, потому что для сердца их не существует; карты придуманы для рационального ума: в них все четко и ясно, с ними вы чувствуете себя в безопасности. Вот почему вас пугает любовь, пугает смерть, пугает медитация. Когда вы приближаетесь к центру, вас охватывает страх.

Они взошли на гору. По-Хун Ву-Чжен отступил назад,

– не вперед; на обрыве высотой десять тысяч футов он отступил назад,

– так что его пятки висели в воздухе над пропастью. – Назад! – Тогда По-Хун Ву-Чжен подозвал Ли-цзы к себе.

Этот девяностолетний согбенный старец, который даже не мог стоять выпрямившись, встал, свесив пятки над пропастью и даже не глядя в ту сторону, назад.

Тогда он подозвал Ли-цзы к себе.

Вот и я стою так же и призываю вас сделать шаг вперед.

Ли-цзы упал на землю.

– он не смог шагнуть вперед. Где бы он ни стоял в тот момент – далеко от уступа над пропастью – *Ли-цзы упал на землю*: от одной мысли о том, чтобы приблизиться к этому сумасшедшему старику, стоящему на грани смерти: в любой момент он может сорваться, навсегда – *он был весь в поту*.

Ли-цзы упал на землю, пот струился по его телу с головы до пят.

Помните, первым делом пот выступает на голове. Когда вы испытываете страх, первой покрывается потом голова, последними – стопы. Когда страх настолько глубок, что вспотели даже стопы, тогда все ваше существо пронизано страхом и дрожью. Ли-цзы не мог стоять – не мог устоять при одной мысли приблизиться к старому Мастеру.

И сказал тогда По-Хун Ву-Чжен: «Совершенный человек вознесется над синим небом, погрузится в глубины вод, обойдет восемь сторон света – и при этом его дух не выдаст ни единого признака перемены».

«Ли-цзы, отчего ты весь вспотел? До самых пят? И почему ты упал наземь, пораженный? Откуда такая перемена духа? Отчего ты весь дрожишь? Откуда этот трепет? Что за страх? – ведь совершенный человек не знает страха!»

Совершенство – это отсутствие страха, потому что совершенному человеку известно, что смерти нет. Даже если старый По-Хун Ву-Чжен упадет, он знает, что не может по-настоящему упасть; даже если его тело разлетится на тысячи кусочков и никто не сможет его найти, он знает, что он бессмертен. Он останется таким, как есть.

Только что-то на поверхности перестанет существовать; сердцевина же останется, останется навсегда такой, как есть.

Смерть не для сердцевины. Циклон лишь на поверхности, он никогда не затронет центра. Ничто никогда не затронет центра. Совершенный человек центрирован, укоренен в своем существе. В нем нет страха. Нельзя сказать, что он не боится – нет! Нельзя назвать его храбрецом – нет! В нем просто *нет* страха. Храбрец – это тот, кто, испытывая страх, способен побороть его; трус – это тот, кто, испытывая страх, идет у него на поводу. Они не отличаются, храбрецы и трусы, они не отличаются в принципе: и те, и другие испытывают страх. Только храбрые идут вперед назло страху, а трусливые потакают ему. Но совершенный человек ни то, ни другое; в нем просто нет страха. Он ни храбрец, ни трус. Он просто знает, что смерть – это миф, что смерть – это ложь, самая большая ложь из всех; смерти не существует.

Помните, для совершенного человека смерти не существует – существует только жизнь, или Бог. В тот момент, когда вы почувствуете бессмертие, вы почувствуете Божественное. В тот момент, когда вы почувствуете бессмертие, вы почувствуете самый источник жизни.

«Совершенный человек вознесется над синим небом, погрузится в глубины вод, обойдет восемь сторон света – и при этом его дух не выдаст ни единого признака перемены».

Перемена может происходить на поверхности, но дух неизменен. Внутри он остается спокойным. Внутри он остается неизменным навечно.

«Но ты предательски дрожишь, на твоих глазах пелена. Как же ты надеешься поразить цель?»

Потому что если ты дрожишь внутри, насколько бы точно ты ни попал в цель, абсолютная точность недостижима, потому что внутренняя дрожь передается твоей руке; она может быть невидимой, но она все же будет. С внешней стороны, возможно, цель поражена, но, с внутренней, ты промахнулся. Можно ли тогда считать, что ты попал в цель?

Итак, главный смысл не в том, чтобы попасть в цель, а в том, чтобы перестать испытывать внутренний трепет. Тогда вопрос меткости становится второстепенным. Это всего лишь детская игра – пусть она и будет детской заботой.

В этом вся разница между искусством стрельбы и искусством не-стрельбы. Вполне возможно, что Мастер, старый Мастер, однажды промахнется, это не исключено; но все же – ему знакомо искусство не-стрельбы. Ли-цзы никогда не выстрелит мимо цели, но он упустил настоящую цель: он упустил себя.

Итак, есть две точки: та, из которой стрела пущена, и та, в которую стрела попадает. Религия всегда связана с источником, из которого летят все стрелы. Куда они попадают, не так важно, самое главное – откуда они пущены: если они исходят из спокойного существа, они попадут в цель; на самом деле, они изначально попали, потому что в источнике есть конец; в начале заложен конец, в семени – древо, в альфе – омега.

Итак, главное – не беспокоиться о результате; самое важное – думать, медитировать об источнике. Будет ли мое движение в любви безупречным, не так уж и важно. Важно, есть ли поток любви. Если любовь есть, она найдет для себя способ выразиться, найдет свое искусство; но если нет любви, то, как бы вы ни были искусны в технике, она не сможет найти себе любви – помните это.

Центр всегда обретет периферию, но периферия не сможет найти себе центр. Существо непременно обретет свой нрав, свой характер, но характер не найдет себе существа. Движение извне вовнутрь невозможно; есть только один путь: энергия течет изнутри наружу. Река не сможет течь, если у нее нет истока. В таком случае она может быть лишь искусственной. Если же есть исток, будет и течение, и река в конце концов впадёт в океан – без проблем. Какое бы она ни взяла направление, она достигнет цели. Если источник переполнен, у вас все получится; а если вы просто балуетесь техниками и игрушками, вы упустите.

На Западе в особенности, технология занимает такое большое место, что уже проникла в человеческие отношения. Уделяя слишком много внимания техникам, вы пытаетесь все превратить в технологию. Вот почему ежегодно публикуется столько книг, тысячи книг о любви – о технике занятия любовью, достижения оргазма. Даже любовь превратилась в технологическую задачу, а оргазм стал делом техники: специалисты разрабатывают методики его достижения. Если уже *любовь* стала технологией, что осталось? Тогда не осталось ничего, вся жизнь стала сплошной технологией. Тогда вам приходится изучать технологию, но все равно вы упускаете; вы упускаете главную цель, которая есть источник.

В самой технике нет ничего плохого, но она вторична. Она несущественна. Существенным является источник, поэтому сначала *нужно найти* источник – тогда и техника придет. Хорошо, что вы изучаете технику, это хорошо! Я замечаю, что люди, которые при-

ходят ко мне, всегда очень озабочены техникой. Они интересуются, как медитировать. Они не спрашивают: «Что есть медитация?» – «Как?» Они спрашивают: «Как обрести мир?» Они никогда не спросят: «Что такое мир?» Как если бы это было им уже известно.

Мулла Насреддин убил свою жену, и над ним был суд. Судья сказал Насреддину: «Насреддин, ты продолжаешь настаивать на том, что ты миролюбивый человек. Какой же ты миролюбивый? Ты убил свою жену!»

Насреддин ответил: «Да. Я повторяю еще раз, что я миролюбивый человек. Вы даже себе не представляете, какое умиротворение снизошло на ее лицо, когда я ее убил, и впервые за все время в доме воцарился покой. Я продолжаю настаивать, что я миролюбивый человек».

Техника убивает. Покой, который она может вам дать, принадлежит не жизни, а смерти. Опасность всех методик в том, что вы можете оказаться настолько ими поглощены, что полностью забудете источник. Методика хороша в том случае, если вы бдительны и осознаете, что она не цель, а только лишь средство. Чрезмерная одержимость средствами очень опасна, *потому что вы можете полностью забыть источник.*

В этом вся суть. По-Хун Ву-Чжен, старый Мастер, показал Ли-цзы один из секретов. Ли-цзы и сам стал просветленным, он стал тем, кем был в тот момент старый Мастер: отступавшим назад, к обрыву высотой десять тысяч футов, свесившим пятки над пропастью – и все же в этом старом, девяностолетнем теле не появилось ни малейшей дрожи; ни малейшей перемены, ни даже трепета! Должно быть, внутри него совсем не было страха. Должно быть, внутри он был глубоко укорененным в самом себе, центрированным. Помните это всегда, потому что всегда есть опасность стать жертвой техник и методик.

Высшее придет к вам только тогда, когда все техники будут отброшены. Высшее случится с вами только тогда, когда для вас больше не будет существовать методик, потому что именно тогда вы станете по-настоящему открыты. Высшее постучится в вашу дверь именно тогда, когда вас не будет. Когда *вас* нет, вы готовы; потому что только при отсутствии вас внутри появляется пространство, чтобы впустить Высшее. Тогда вы станете чревом. Если вы есть, то вас слишком много, для Высшего не найдется даже уголка, даже маленькой лазейки, чтобы проникнуть внутрь вас – а Высшее обширно. Вы должны стать беспредельно пусты, бесконечно пусты – только тогда есть шанс на встречу с ним.

Вот почему я все время повторяю, что такие, как вы есть, вы никогда не сможете встретить Бога, потому что когда Бог придет к

вам, вас не будет. А пока вы есть, Он не может прийти. Вы и есть препятствие.

ПОЖАР В ХРАМЕ

Беседа 7. 6 ноября 1974 года

Когда Токай гостил в одном из храмов, на кухне его возник пожар.

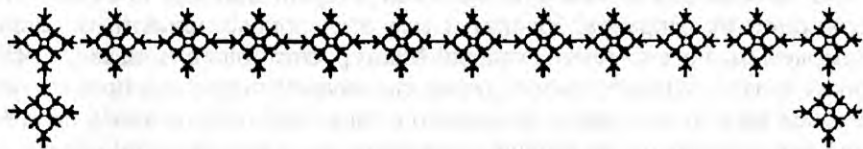
В спальню Токая вбежал какой-то монах с криками: «Пожар. Мастер, пожар!»

«А? – сказал Токай, приподнявшись с постели. – Где?»

«Где? – воскликнул монах. – На кухне, под полом – вставайте же!»

«На кухне, говоришь? – сонно спросил Мастер. – Знаешь что, когда огонь достигнет коридора, вернись и скажи мне».

И через считанные минуты Токай уже похрапывал.

Ум невежествен, в основном, потому, что не умеет быть в настоящем. Ум постоянно движется: то в будущее, то в прошлое! Ум никогда не бывает здесь и сейчас. Он не может этого. Сама природа ума такова, что он не может пребывать в настоящем мгновении, потому что ум должен думать, а в настоящем нет возможности думать. Вы должны видеть, слушать, присутствовать, но вы не можете думать.

Настоящее мгновение так узко, что в нем не находится места для обдумывания. Вы можете *быть*, но мысли *не могут* быть. Каким образом вы думаете? Когда вы думаете, то мгновение уже в прошлом, оно ушло. Или вы можете думать о мгновении, которое еще не наступило, оно пока в будущем.

Для того чтобы думать, требуется пространство, потому что думать – все равно что гулять: это подобно прогулке для ума, подобно путешествию. Необходимо пространство. Можно прогуляться в прошлое, можно прогуляться в будущее, но где гулять в настоящем? Настоящее всегда так близко... нет, скорее, даже не близко, а на-

стоящее – это вы. Прошлое и будущее – это две половины времени; настоящее – это вы, это не часть времени. Это не время: это не отрезок времени, оно вообще времени не принадлежит. Настоящее – это вы, прошлое и будущее – вне вас.

Ум не может существовать в настоящем. Если вы сможете быть здесь, полностью присутствовать, то ум исчезнет. Ум умеет желать, умеет мечтать – мечтать о тысяче и одной вещи! – он может перенестись на самый край света, и может перенестись к самому истоку мира, но не может быть здесь и сейчас – для него это невозможно. Невежество целиком состоит из незнания этого. А вы все беспокоитесь о прошлом, которого больше нет – совершенная глупость! С прошлым ничего не поделаешь. Как можно изменить что-то в прошлом, которого больше нет? Ничего не поделаешь, оно ушло; но вы все равно заботитесь о прошлом, и тем самым вы напрасно тратите себя.

Возможно же, вы, наоборот, думаете о будущем, желаете и мечтаете. Вы когда-нибудь замечали? – будущее никогда не приходит. Оно не может прийти. Приходит только настоящее, и настоящее сильно отличается от ваших желаний и грез. Вот почему все то, о чем ваши мечты, желания, фантазии и планы, никогда не случается, – но на это вы растрчиваете себя. Вы слабеете. Вы умираете. Энергия уходит в пустоту, не достигает никакой цели и просто рассеивается по ветру. А потом смерть постучится к вам в дверь. И помните! – смерть никогда не приходит ни в прошлом, ни в будущем; смерть приходит в настоящем.

Вы не можете сказать смерти «Приходи завтра!» Смерть постучится к вам в настоящем! И жизнь также стучится к вам в настоящем. И Бог стучится к вам в настоящем. Все реально существующее всегда приходит в настоящем, а все несуществующее принадлежит к прошлому или будущему.

Ваш ум – ложная сущность, потому что он никогда не приходит в настоящем. Пусть это будет критерием реальности: все, что действительно есть, есть здесь и сейчас; все, чего нет, не принадлежит к настоящему. Отбросьте все, чего нет в настоящем! И если вы живете в настоящем мгновении, *открывается новое измерение* – измерение вечности.

Прошлое и будущее движутся по горизонтали: от А к В, от В к С, от С к D, по прямой. Вечность движется вертикально: из А глубже в А, или выше в А, но не к В; А движется вверх и вглубь, в обоих направлениях. Это вертикаль. Настоящий миг перемещается по вертикали, время – по горизонтали. Время и настоящее никогда не пересекаются. Вы – настоящее: вся ваша сущность движется по

вертикали. Глубины открыты, высоты открыты, но вы же движетесь по горизонтали вслед за умом. Вот так вы и упускаете Бога.

Люди приходят ко мне и спрашивают, как им встретить Бога, как увидеть, осознать его. Смысл не в этом. Смысл вот в чем: как же вы упускаете Его? – ведь Он здесь и сейчас, стучится к вам в дверь. По-другому и быть не может. Если Он есть, реален, он должен быть здесь и сейчас. Только нереального нет здесь и сейчас. Он уже стоит у вашей двери – только вас нет дома. Вас никогда нет дома. Вы блуждаете среди миллионов слов, но вас никогда нет дома. Там вас никогда не застать. А Бог приходит, чтобы встретиться с вами тут, реальность окружает вас тут, но никогда не застает вас. Настоящий вопрос не в том, как встретить Бога, а в том, как оказаться дома, чтобы, придя, Бог застал вас там. Это не вы находите Его, а Он находит вас.

Это и есть настоящая медитация. Понимающий человек не озабочен Богом и подобными вещами, потому что он не философ. Он просто пытается быть дома, медитирует над тем, как перестать волноваться о будущем и прошлом, думать о будущем и о прошлом; он медитирует над тем, как обосноваться здесь и сейчас, как не покидать настоящее мгновение. Как только вы оказываетесь в этом мгновении, дверь открывается. Этот мгновение и есть дверь!

Однажды я остановился в семье католического священника. В один из вечеров мы сидели все вместе: священник, его жена и маленький ребенок, который играл в уголке с кубиками, строил что-то. Вдруг ребенок сказал: «Теперь все должны замолчать, потому что я построил церковь. Церковь готова, теперь перестаньте разговаривать».

Отец был очень доволен, что ребенок понял, что в церкви нужно вести себя тихо. Чтобы одобрить его, он спросил: «А почему в церкви нужно вести себя тихо?»

«А потому, – сказал мальчик, – что все люди спят».

Люди спят – и не только в церкви, но и на всей земле, повсюду. Они засыпают в церкви, потому что входят в нее спящими. Покидая ее, они идут как во сне – все они лунатики, сомнамбулы. Такова природа сна: вас нет здесь и сейчас, потому что, если бы вы были здесь и сейчас, вы бы не спали!

Сон уносит вас в прошлое, сон уносит вас в будущее; ум есть сон, ум – это глубокий гипноз: сон без задних ног. И вы пробуете множество способов, но ничего не помогает – потому что любые действия во сне практически бесполезны; что бы вы ни делали – это не более, чем сон.

Мне рассказывали, как один человек обратился к психоаналитику, причем очень рассеянному – все мы рассеянны, потому что ум

сам по себе предполагает отсутствие вас здесь и сейчас: вы рассеяны, вас нет дома – вот что означает рассеянность. Человек обратился к этому рассеянному психоаналитику с жалобой: «У меня серьезная проблема. К каким только докторам я ни обращался, никто не смог мне помочь; они говорят, что все в порядке, но я плохо себя чувствую. Я так громко храплю во сне, что сам просыпаюсь от своего храпа. И так не один раз за ночь: просыпаюсь от собственного храпа».

Похоже, так и не выслушав пациента, психоаналитик сказал: «Это пустяки. Достаточно простого средства. Попробуйте спать в другой комнате».

Вы понимаете?

Все именно это и делают. Вы переходите из одной комнаты в другую, но сон продолжается, и храп не покидает вас, вы не можете оставить его в другой комнате; это не что-то отдельное от вас, это вы, это ваш ум, это все ваше накопленное прошлое, ваша память, ваши знания – то, что индуисты называют самскарй: то есть обусловленности, из которых состоит ваш ум. Вы уходите в другую комнату – они следуют за вами.

Вы можете поменять религию: с индуизма на христианство, с христианства на индуизм: вы лишь меняете комнаты. Из этого ничего не выйдет. Вы можете ходить от одного Мастера к другому, из одного ашрама в другой: пользы будет мало. Вы меняете комнаты; менять нужно не комнаты, а вас. Комната не имеет никакого отношения к вашему храпу; причина не в комнате, а в вас. Это первое, что нужно понять для того, чтобы вы смогли проникнуть в смысл этой прекрасной истории.

Ваш ум, как он есть, спит. Но вы не чувствуете, что он спит, потому что выглядите вы вполне бодрствующим, ваши глаза открыты. Но видели ли вы хоть что-нибудь? У вас есть уши, но слышали ли вы хоть что-нибудь?

Вы слушаете меня, поэтому скажете «Да, слышал». Но кого вы слушаете: меня или внутренний голос своего ума? Ваш ум постоянно комментирует. Я здесь и говорю с вами, но вы не здесь и не слушаете меня. Ваш ум комментирует все: «Да, это правильно, я согласен»; «Я не согласен, это полная ложь»; ваш ум все время стоит рядом и комментирует. Сквозь этот туман комментариев я не могу проникнуть к вам. Понимание приходит тогда, когда вы просто слушаете, не интерпретируя.

На уроке в одной маленькой школе учительница заметила, что один ребенок ее не слушает. Он был ленивым и непоседливым, ерзал на месте. Она спросила его: «Что с тобой? Тебе меня плохо слышно?»

Мальчик ответил: «Слышно хорошо, но слушать трудно».

Он показал очень тонкое отличие. Он сказал: «Слышно хорошо, я слышу вас; но я не могу слушать» – потому что слушать – это больше, чем слышать; слушать значит слышать и осознавать. Просто слышать могут все, вас окружают звуки – и вы их слышите! Но вы не слушаете. Вам приходится слышать, потому что звуки ударяются в вашу барабанную перепонку; вам приходится слышать. Но вы не слушаете, потому что слушание требует глубокого внимания, контакта – вместо постоянного внутреннего комментирования, постоянного «да» и «нет», «согласен» и «не согласен», потому что, выбирая между согласием и несогласием, как вы можете одновременно слушать меня?

Когда вы согласились, то, что я сказал, уже в прошлом; когда вы не согласились, то, что я сказал, уже ушло. В тот момент, когда вы мысленно киваете, говорите «да» или «нет», вы упускаете – и так происходит постоянно внутри вас.

Вы не умеете слушать. И чем больше вы знаете, тем труднее вам слушать. Слушать означает невинно внимать: вы *просто слушаете!* Нет необходимости в том, чтобы соглашаться или не соглашаться. Я не жду от вас ни того, ни другого. Я не прошу вас голосовать, я не ищу вашей поддержки, я не пытаюсь каким-либо образом убедить вас.

Как вы реагируете, когда слышите, как птица громко чирикает в листве? Вы это как-нибудь комментируете? Да, и в этом случае вы говорите про себя: «Раздражает». Вы не можете слушать даже птичку. Когда дует ветер и слышен шелест листвы на деревьях, слушаете ли вы его? Иногда, возможно, когда он застает вас врасплох. Но и тогда вы комментируете: «Да, приятно».

Теперь смотрите: как только вы начинаете комментировать, вы попадаете в сон. Вмешивается ум, и вместе с ним – прошлое и будущее. Вертикаль утрачивается – вы становитесь горизонтальными. Вмешательство ума делает вас горизонтальными. И вы упускаете вечное.

Просто слушайте. Не нужно говорить «да» или «нет». Не нужно верить или не верить. Просто слушайте, и Истина откроется вам.

Или не-истина! Если кто-то говорит ерунду, то, просто слушая, вы поймете, что это ерунда – без каких-либо комментариев ума. Если кто-то говорит Истину, она откроется вам. Истина и не-истина не есть вопрос согласия и несогласия, это вопрос ощущения; находясь в полном контакте, вы чувствуете, вы просто чувствуете, истина это или нет – вот и все! Никаких сомнений по поводу этого! Никаких мыслей! Чем здесь могут помочь мысли?

Если вы были воспитаны в определенной традиции, например, христианской, индуистской или мусульманской, и то, что я говорю, каким-то образом согласуется с вашим воспитанием, вы скажете «да». Если не согласуется, вы скажете «нет». Так кто здесь – вы или ваше воспитание? К тому же, воспитание – это лишь случайность.

Ум не способен выяснить, что истинно; ум не способен узнать, что неистинно; ум может рассуждать об этом, но любое рассуждение основано на социальных установках. Рассуждения индуиста одни, рассуждения мусульманина – другие. Каждый тип обуславливания отличается рационализацией. Вы не просто рассуждаете – вы объясняете!

Мулла Насреддин состарился; он дожил до ста лет. К нему приехал журналист как к самому старому гражданину в той округе. Журналист сказал: «Насреддин, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Первый такой: как вы думаете, сможете ли вы прожить еще сто лет?»

Насреддин сказал: «Конечно, ведь сто лет назад я не был так силен, как сейчас».

Сто лет назад он был ребенком, только родился, поэтому он сказал: «Сто лет назад я не был так силен, как сейчас, и если маленький ребенок, беспомощный, слабый, смог прожить сто лет, так почему же я не смогу?»

Это пример объяснения. Все вроде бы выглядит логичным, но чего-то не хватает. Это называется «мечтать не вредно».

Вам бы хотелось прожить дольше, и вы придумываете этому логическое обоснование: вы верите в бессмертие души. Вы были воспитаны в культуре, которая считает душу вечной. Если кто-то говорит «Душа живет вечно», вы киваете и соглашаетесь: «Да, это правда». Но это не правда – и не ложь. Вы соглашаетесь, потому что в вас говорит глубоко укоренившаяся установка. И вы не одиноки в этом: половина человечества верит в это – индуисты, буддисты и джайны верят в то, что душа живет вечно и много раз перерождается; другая половина человечества – христиане, мусульмане, иудеи – верят, что душа смертна и не может переродиться; прожив одну жизнь, душа растворяется во Всевышнем.

Половина людей верит в одно, половина в другое, у тех и у других есть свои аргументы, свои обоснования. Если вы хотите во что-то верить, вы будете в это верить, и в глубине души причиной вашей веры будет не здравый смысл, а желание. Ум кажется рациональным, но это не так. Это процесс объяснения: ум соглашается со всем, во что вам хочется верить. А откуда берется это желание? Оно приходит из воспитания.

Слушание – это особенный процесс, у него совершенно другое качество. Когда вы слушаете, вы не можете при этом быть индуистом, мусульманином, джайном или христианином; когда вы слушаете, вы не можете быть верующим или атеистом; когда вы слушаете, вы не можете слушать сквозь фильтр ваших «измов» и священных книг – вы должны отложить их в сторону; просто слушайте.

Не бойтесь, я не прошу вас соглашаться! Просто слушайте, не задумываясь о согласии и несогласии. Тогда случается контакт.

Если перед вами Истина, вас к ней тянет: все ваше существо притягивается будто магнитом, вы растворяетесь и сливаетесь с ней, и ваше сердце подсказывает «Это истинно» безо всяких причин, без аргументов, без логики. Вот почему во всех религиях говорится, что здравый смысл не ведет к Божественному. К нему ведет вера, доверие.

Что такое доверие? Это убеждение? Нет, убеждение относится к уму. Доверие – это контакт. Вы просто отказываетесь от своих оборонительных мер, снимаете доспехи, становитесь уязвимыми. Вы слушаете что-то, и вы настолько полностью погружены в это, что чувство, истинно это или нет, возникает само по себе. Если это не истинно, вы это чувствуете. Почему так происходит? Если это истинно, вы это чувствуете. Почему так происходит?

Так происходит потому, что Истина обитает внутри вас. Когда вы полностью свободны от мыслей, ваша Внутренняя Истина может узнать Истину вокруг – потому что подобное тянется к подобному: они подходят друг другу. Тогда все вдруг встает на свои места, складывается в определенный узор, и хаос превращается в космос. Слова складываются в строки... и рождается поэзия. ТОГДА ВСЕ ПРОСТО ВСТАЕТ НА СВОИ МЕСТА.

Если вы находитесь в контакте и перед вами Истина, ваша внутренняя сущность просто согласуется с ней – но это не означает, что вы соглашались с чем-то. Вы настраиваетесь на одну волну. Вы сливаетесь в одно. Это и есть доверие! Если что-то ложно, оно просто отходит от вас – вам даже не нужно задумываться об этом, не нужно даже обращать внимание: в этом нет смысла. Вы не говорите «Это ложно», просто это вам не подходит, и вы идете дальше! Если что-то вам подходит, оно становится вам домом. Если не подходит, вы двигаетесь дальше.

Через слушание приходит доверие. Но слушание складывается из слуха и внимания. Но вы же крепко спите – как вы можете быть внимательны? Но даже в состоянии глубокого сна где-то внутри вас присутствует немного внимания, иначе не было бы выхода. Вы можете сидеть в тюрьме, но всегда находятся способы – и вы можете

выйти. Возможны трудности, но шанс освободиться есть: известен не один случай побега из-под стражи. Будды совершают побег. Они тоже раньше были узниками, как вы. Махавиры совершают побег. Иисусы совершают побег. Узникам удавались побег и прежде – они им удавались всегда: всегда где-то есть дверь, есть выход – просто нужно его поискать.

Если это невозможно, если нет ни единого шанса, тогда не было бы и проблемы. Проблема возникает именно потому, что возможность есть – и вы что-то о ней знаете. Если бы вы о ней совсем не знали, то жили бы спокойно. Если бы вы лежали в коме, то у вас бы не было проблем. Но вы не в коме; вы спите – но не полностью. Есть где-то щель, лазейка, и вы должны найти внутри себя эту способность быть внимательным.

Иногда вы бываете внимательны. Если кто-то собирается вас ударить, вы становитесь внимательным. Если вы в опасности, если вы идете ночью через лес и вокруг темно, то вы проявляете другую степень внимательности. Вы все внимание, думать некогда. Вы в полном контакте с ситуацией, со всем, что происходит. Стоит шелхнуться листочку, и вы услышите. Вы похожи на зайца или на оленя – они всегда начеку. У вас выросли уши, глаза широко раскрыты, вы чувствуете все, что происходит вокруг, потому что вероятно опасность. В опасности вы становитесь менее сонным и более осознанным, образ действий меняется. Если кто-то приставил вам клинок к груди и собирается его вонзить, в этот момент вы уже ни о чем не думаете. Прошлого нет, будущего нет, вы здесь и сейчас.

Шанс есть. Если вы постараетесь, то сможете поймать тот единственный луч, что есть в вас, а когда вы поймали луч, солнце уже не так далеко; тогда с помощью луча вы сможете достичь солнца – луч станет дорогой.

Итак, запомните: найдите в себе внимание, и пусть оно станет непрерывным все двадцать четыре часа в сутки, что бы вы ни делали. Ешьте, и при этом старайтесь быть внимательным. Ходите, но ходите осознанно. Любите, но любите с полной осознанностью. Попробуйте!

Возможно, вам не удастся сделать это до конца всего за один день; но, поймав пусть даже один луч, вы испытаете глубокое удовлетворение – потому что качество не зависит от того, достигаете вы одного луча или целого солнца. Попробуете ли вы одну каплю воды из океана или весь океан – от этого вкус соленой воды не изменится, – и этот вкус станет вашим сатори, ПРОБЛЕСКОМ.

Сейчас, слушая меня, будьте бдительны. Если вы почувствуете, что снова погружаетесь в сон, разбудите себя: встряхнитесь слегка, чтобы проснуться. Если, идя по улице, вы почувствуете, что идете

как во сне, встряхнитесь, дайте легкую встряску всему телу; будьте бдительны. Эта бдительность сохраняется всего на несколько мгновений; вы утратите ее вновь, потому что вы прожили во сне так долго, что это стало привычкой, и вы не видите способа ее побороть.

Как-то раз я летел на самолете из Калькутты в Бомбей, и один ребенок на борту расшалился, бегал из одного конца прохода в другой, беспокоил людей – а тут стюардесса несла чай и кофе; мальчик налетел на нее, и в результате – кругом беспорядок. Тогда мать ребенка сказала ему: «Сколько раз я тебе говорила: шел бы ты лучше играть на улицу».

Все дело привычки. Она сидела рядом со мной и не понимала, что говорит. Я слышал все, что она говорила, и она ни на секунду не отдавала себе отчета в своих словах. И только ребенок вернул ее на землю. Он сказал: «Ты что, серьезно? Если я выйду, мне конец!»

Разумеется, ребенок более внимателен, потому что у него меньше привычек. Ребенок более бдителен, поскольку на нем меньше доспехов, он менее скован. Вот почему во всех религиях говорится, что когда человек становится святым, в нем появляется нечто от ребенка: невинность. Тогда привычки отпадают, потому что привычки – это ваша тюрьма, и сильнейшая привычка – сон.

Теперь следуйте за мной в эту притчу.

Когда Токай гостил в одном из храмов, на кухне его возник пожар.

В спальню Токая вбежал какой-то монах с криками: «Пожар, Мастер, пожар!»

«А? – сказал Токай, приподнявшись с постели. – Где?»

«Где? – воскликнул монах. – На кухне, под полом – вставайте же!».

«На кухне, говоришь? – сонно спросил Мастер. – Знаешь что, когда огонь достигнет коридора, вернись и скажи мне».

И через считанные минуты Токай уже похрапывал.

Токай был великим дзен-мастером, просветленным, живущим в полной осознанности, а тот, кто живет в полной осознанности, живет от одного мгновения к другому. Строить планы невозможно, нельзя планировать даже следующее мгновение, потому что кто знает? – следующего мгновения может и не быть. Как же вы можете планировать заранее, если никто не знает, что случится в следующий миг? И если вы слишком много планируете, вы можете упустить мгновение, упустить его свежесть.

Жизнь – это поток, ничто не стоит на месте, все движется. Гераклит сказал, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды – какие тут

могут быть планы? К тому времени, как вы войдете в нее снова, много воды утечет, и это будет уже не прежняя река. Планирование возможно при условии, что прошлое повторяется; но прошлое никогда не повторяется, повторений не бывает – и даже если вам кажется, что вы видите повторение чего-либо, это происходит потому, что вы не видите целого.

И снова Гераклит: каждый день восходит новое солнце. Конечно, вы скажете, что это то же самое солнце, но оно не может быть прежним солнцем, на то нет ни малейшего шанса. Многое изменилось: все небо стало другим, изменилось расположение звезд, само солнце стало старше. Современные ученые говорят, что в течение четырех миллионов лет солнце умрет, его смерть уже близка. Поскольку солнце живое, и очень старое – оно рано или поздно умрет.

Солнца рождаются, живут и умирают. Для нас четыре миллиона лет – это очень долго, для солнца это ничтожно мало, это все равно, что оно умерло бы через секунду. Когда не станет солнца, исчезнет и вся солнечная система, потому что солнце – ее источник! Каждый день солнце умирает, становясь все старше и старше – оно не может быть прежним! Каждый день теряется энергия – огромное количество энергии выбрасывается в виде лучей. Солнца меньше с каждым днем, оно истощается. Оно уже не прежнее, не может быть прежним.

И когда солнце восходит, оно восходит каждый раз над новым миром, меняется и тот, кто на него смотрит. Возможно, вчера вы были наполнены любовью: тогда вы смотрели другими глазами, и солнце казалось вам другим. Вы были настолько полны любви, что вас окружало облако поэтичности, и вы смотрели сквозь него – возможно, солнце казалось вам тогда богом, каким его видели свидетели из Вед: они называли солнце богом, настолько они были полны поэтичности. Они были поэтами, влюбленными в существование; они не были учеными. Они не были в поисках сути материи, они были в поисках сути настроения. Они поклонялись солнцу, должно быть, они были счастливыми и блаженными людьми, потому что поклоняться можно только в состоянии блаженства; только тогда можно поклоняться, когда вся ваша жизнь – сплошное блаженство.

Возможно, вчера вы были поэтом. Сегодня вы, возможно, уже совсем не поэт, потому что внутри вас также течет река; вы тоже меняетесь. Вчера все прекрасно сочеталось, сегодня все превратилось в хаос: вы сердитесь, вы подавлены, вы печальны. Может ли солнце быть прежним, если смотрящий на него изменился? Все меняется, поэтому понимающий человек никогда не загадывает на будущее, он не умеет. **НО ОН БОЛЕЕ ГОТОВ К ВСТРЕЧЕ С БУДУЩИМ, ЧЕМ ВЫ.**

В этом и есть парадокс. Вы планируете, но в итоге вы менее подготовлены. На самом деле, само планирование означает, что вы чувствуете себя неуверенно, поэтому вы планируете – иначе зачем?

Вы ждете гостя и придумываете заранее, что вы ему скажете. Какая глупость! Неужели, встречая гостя, вы не можете быть непосредственными? Но вы боитесь, вы не верите в себя, не доверяете; вы планируете, репетируете. Ваша жизнь – игра на сцене, она не настоящая, потому что репетиции нужны только актерам. И запомните; если вы репетируете заранее, то, что бы ни случилось потом, будет лишь игрой, а не реальностью: гостя еще нет, а вы уже планируете! – что вы скажете, как примете его, что будете ему отвечать; вы уже говорите речь. Гость, в вашем уме, уже пришел – и вы разговариваете с ним. К тому времени, когда гость придет на самом деле, он уже успеет наскучить вам. Получается, что к тому времени, когда гость пришел, он уже пробыл у вас слишком долго – вам скучно. И что бы вы ни говорили, уже не будет правдивым и искренним. Это будет идти не от вас, а из вашей памяти. Это не возникнет спонтанно из вашей сущности, это будет продолжением вашей репетиции. Это будет фальшиво – и встреча не состоится. Потому что способен ли фальшивый человек встретить? – и то же самое с вашим гостем: он тоже планировал, он уже тоже сыт вами по горло. Он уже все сказал про себя и теперь хотел бы просто помолчать. Все, что он вам скажет, он отрепетировал заранее.

Итак, когда встречаются два человека, на самом деле, встречается четыре – самое меньшее; может быть и больше. Двое из них, настоящие, остаются на заднем плане, а двое фальшивых встречаются и общаются. *Фальшиво здесь все*, потому что было спланировано заранее. Даже если вы кого-нибудь любите, вы все планируете, репетируете – все свои движения, поцелуи, жесты – и все превращается в фальшь!

Почему вы не доверяете себе? Когда наступает момент, почему вы не доверяете своей непосредственности? Почему вы не можете быть настоящими?

Ум не умеет доверять моменту, он вечно боится. Вот почему он планирует – планы означают страх. Именно страх все планирует, и, планируя, вы упускаете все: все, что красиво и истинно, все, что Божественно; вы упускаете. Никому еще план не помог найти Бога, это невозможно.

Когда Токай гостил в одном из храмов, на кухне его возник пожар.

Во-первых: огонь порождает страх, потому что он есть смерть. И если даже огонь не способен посеять страх, то ничто не способно. Но даже огонь не в силах поселить в вас страх, если вы встречались со смертью и знаете, что смерти не существует. Иначе, стоит вам услышать одно лишь слово «Пожар!», и вы уже в панике. Может, никакого пожара и нет, просто кто-то бежит с криками «Пожар!» – и вы уже в панике. Кто-то может попытаться спастись, выпрыгнув из окна, и погибнет – а никакого пожара не было. Одно слово «пожар» может навести на вас панику.

Вы живете словами. Кто-то скажет «лимон», и у вас выделяется слюна. Кто-то скажет «Пожар!», и вот вас уже и след простыл; вы сбежали. Вы живете словами, а не реальностью. Вы живете символами, а не реальностью. Все же эти символы придуманные, они не настоящие.

Однажды я слышал, точнее, подслушал, как пожилая женщина учила молодую что-то готовить. Она что-то объясняла, и потом сказала: «Шесть бульков патоки». Молодая женщина спросила: «Шесть чего?» Пожилая ответила: «Шесть бульков».

Молодая женщина не знала, что и думать, и спросила: «Что это за бульк? Первый раз о нем слышу».

Пожилая женщине сказала: «Боже мой! Ты не знаешь даже такой простой вещи? Да, сложно будет научить тебя готовить!»

Молодая женщина сказала: «Будь так добра, просто скажи мне, что значит “бульк”».

Старая женщина сказала: «Наклоняешь кувшин; когда он сделает «бульк» – это будет раз. Потом еще пять раз так же – и будет шесть бульков!»

И так со всем остальным языком. Ни одно слово, на самом деле, ничего не обозначает. Значение вкладываем мы сами путем взаимной договоренности. Вот почему в мире существует три тысячи языков, но при этом не существует трех тысяч разных реальностей. Весь язык похож на этот «бульк».

Вы можете придумать свой собственный тайный язык, нет проблем! Влюбленные часто придумывают свой тайный язык: они произносят слова, и никто не понимает, что они говорят, кроме них самих. Слова символичны! Значение лишь вкладывается, самого значения не существует. Когда кто-то говорит «Пожар!», в самом слове нет пожара, его не может там быть. Когда кто-то говорит «Бог», в самом слове «Бог» нет Бога – не может быть. Когда кто-то говорит «люблю», слово «люблю» еще не есть любовь.

Когда вам говорят «Я люблю тебя», не позволяйте словам вас обмануть. Но вы все же будете им верить, потому что никто не смотрит правде в глаза; люди смотрят лишь на слова. Когда вам го-

ворят: «Я люблю тебя», вы думаете: «Да, он любит меня»; или: «Да, она любит меня». Вы попадаете в ловушку, и потом вам будет трудно. Просто посмотрите, каков этот мужчина или эта женщина на самом деле. Не слушайте слов, прислушайтесь к реальности. Войдите в контакт с реальностью этого человека, и тогда вы поймете: все, что он говорит – это лишь слова – или за ними стоит какое-то содержание. И полагайтесь на это содержание, никогда не полагайтесь на слова, иначе рано или поздно вы будете разочарованы.

В мире столько разочаровавшихся влюбленных – девяносто процентов! А все дело в словах. Они верят словам и не обращают внимания на реальность.

Не поддавайтесь обманчивости слов. Не позволяйте им затуманить ваш взор. Не позволяйте словам осесть на ваших глазах и ушах, иначе вы будете жить в фальшивом мире. Слова сами по себе фальшивы; они приобретают смысл лишь в том случае, если в сердце, от которого они исходят, есть хоть немного истины.

Когда Токай гостил в одном из храмов, на кухне его возник пожар.

В спальню Токая вбежал какой-то монах с криками: «Пожар, Мастер, пожар!»

«А? – сказал Токай, приподнявшись с постели. – Где?»

Мастера невозможно ничем взволновать, даже смертью, потому что взволнованность – это часть ума. И Мастера ничем не удивить, даже смертью, потому что удивление – это тоже часть ума. Почему нельзя удивить Мастера? Потому что он никогда ничего не ждет. Как можно удивить человека, который вообще ничего не ждет? Вы ожидаете одного, а происходит другое, вот почему вы удивляетесь. Вот идете вы по улице, навстречу вам – человек, и вдруг он превращается в лошадь – вы удивлены, даже потрясены: что происходит? Но даже этому не удивился бы такой человек, как Токай, ведь он знает, что жизнь – это поток, и возможно все: человек может обернуться лошадью, а лошадь – человеком. Такое уже было, и не раз: лошади становились людьми, люди становились лошадьми. Жизнь продолжается!

У Мастера нет никаких ожиданий, его ничем не удивить. Для него возможно все. И он открыт любой возможности. Он живет в настоящем мгновении, полностью открытый; случилось – значит случилось. Он не планирует встречи с реальностью и не защищается. Он принимает.

Ожидая чего-либо, вы теряете способность принимать. Если вы готовы принять все, вы не можете ожидать. Если вы принимаете и

не ожидаете – вас нельзя удивить, нельзя взволновать. Взволнованность подобна лихорадке, это болезнь; когда вы взволнованы, вас лихорадит, вас бросает в жар. Возможно, иногда вам это приятно, потому что бывает два вида жара: один – от удовольствия, другой – от боли. Тот, что вам приятен, вы называете удовольствием, но он тоже форма лихорадки, возбуждения; тот, что вам неприятен, вы называете болью, болезнью, недомоганием – но и то, и другое – следствие возбуждения. Попробуйте понаблюдать: эти состояния сменяют одно другое.

Например, вы любите женщину; вы волнуетесь и испытываете определенное удовольствие, или вы интерпретируете это как удовольствие – но побудьте с этой женщиной вместе, и рано или поздно взволнованность пройдет, возникнет обратное: вам скучно, вы пресыщены, вы бы с радостью ушли, побыли в одиночестве; и если женщина продолжает быть рядом, появляется отрицательная сторона: вам плохо, вас тошнит.

Посмотрите! Ваша жизнь похожа на радугу. В ней есть все цвета – и вы перебираете их один за другим. Она несет в себе все крайности, все противоположности: удовольствие приходит на смену боли, боль – на смену удовольствию. Если боль не проходит слишком долго, вы можете даже начать получать от нее определенное удовольствие. Если удовольствие длится слишком долго, оно начинает причинять вам страдание. Оба этих состояния – состояния возбуждения. Эти состояния лихорадочны. Понимающий человек не впадает в горячку. Его не взволновать, его не удивить. Если даже рядом смерть, он спокойно спросит: «Где?» Этот прекрасный вопрос – «Где?», ведь просветленного человека всегда интересует здесь. Его не интересует там, не интересует тогда, его интересует только сейчас. СЕЙЧАС, ЗДЕСЬ – это его реальность; тогда, там – это ваша реальность.

«Пожар, Мастер, пожар!»

«А? – сказал Токай, приподнявшись с постели. – Где?»

– он хочет узнать, здесь или там.

«Где?»

– воскликнул монах: он не мог поверить, что во время пожара можно задавать такие глупые вопросы. Надо просто сразу выпрыгнуть из окна, выбежать из дома; не время обсуждать детали –

«Где? – воскликнул монах. – На кухне, под полом – вставляйте же!».

«На кухне, говоришь? – сонно спросил Мастер. – Знаешь что, когда огонь достигнет коридора, вернись и скажи мне».

И через считанные минуты Токай уже похрапывал.

«Когда он будет здесь, вернись и скажи мне. Если он еще там, это меня не касается».

Эта история очень поучительна. Все, что там, не стоит беспокойства. Только когда оно здесь, оно становится реальным. Мастер не может планировать на будущее. КОНЕЧНО, ОН ГОТОВ. Что бы ни произошло, он откликнется на это – но он не умеет репетировать, не умеет планировать... и он не может опережать реальность. Он скажет: «Пусть реальность придет, пусть постучится в мою дверь, тогда и посмотрим». Не обремененный репетициями, планами, он всегда спонтанен – и что бы он ни делал со своей спонтанностью, это будет правильно.

Помните всегда об этом критерии: правильно то, что идет от вашей непосредственности. Другого критерия правильности и ошибочности нет. Все, что идет от настоящего момента, ваш живой отклик на него – это хорошо. Ничто другое не хорошо – это единственный критерий хорошего и плохого.

Но вы боитесь. Из-за своего страха вы придумали нравственность. Из-за своего страха вы создали различия между хорошим и плохим. Но разве вы не видите, что порой ситуация меняется, и хорошее становится плохим, а плохое – хорошим? Вы же остаетесь мертвы. Вы не смотрите на ситуацию. Вы просто продолжаете следовать своим представлениям о том, что хорошо и что плохо. Вот почему вы везде чувствуете себя лишним. Даже деревья мудрее вас – они не лишние! Даже животные лучше вас – они не лишние! Даже облака более ценны, чем вы – они не лишние! Все в существовании идеально сочетается – и только человек лишний. В чем же его ошибка?

Его ошибка – в его умственных разграничениях: это хорошо, а это плохо; а в жизни такие установки не могут пригодиться. Сейчас, возможно, это плохо, а через мгновение это станет хорошим. Сейчас это правильно, а через мгновение уже может быть неправильным. Как вам поступить? Вы будете постоянно бояться и беспокоиться, пребывать в состоянии внутреннего напряжения.

Итак, основополагающее учение всех, кто когда либо знал, заключается в следующем: будьте спонтанны и бдительны; и что бы ни произошло из вашей спонтанной бдительности, это будет правильно; а все, что происходит из вашей спячки и бессознательности

– неправильно. Все, что вы делаете бессознательно, плохо, все, что вы делаете осознанно, хорошо. Хорошо или плохо – различие не предметное, это различие в сознании.

К примеру, в Индии существует одна джайнистская секта – Терапант. Махавира говорил: «Не вмешивайся в карму другого – позволь ему ее исполнить» – прекрасные слова. Он говорит то же самое, что говорят на Западе хиппи: «Занимайся Своим Делом». Если взглянуть на это с другой стороны, Махавира имеет в виду то же самое: «Не вмешивайся в дела другого. Пусть он проживет свою карму, пусть он исполнит ее. Не вмешивайся. Вмешательство есть насилие: вмешиваясь в карму другого, вы совершаете насилие, мешая человеку идти своим собственным путем – не вмешивайтесь!». Прекрасная мысль!

Но ведь как все может искажаться, даже прекрасные мысли! Терапант, одна из сект джайнизма, пришла к выводу, что если человек умирает на обочине дороги, вы должны просто пройти мимо, не трогать его, не оказывать ему помощь, не давать ему пить, если он кричит: «Воды!» Не давайте ему пить, потому что – не вмешивайтесь в карму другого.

Логично! Поскольку, если он страдает за свои прошлые кармы, кто вы такой, чтобы вмешиваться? Возможно, он заработал определенную карму страдать от жажды в этой жизни и умереть от нее – кто вы такой, чтобы давать ему пить? Не обращайтесь на него внимания, идите своей дорогой.

Я беседовал с одним из лидеров секты Терапант и спросил его: «А рассматривали ли вы такую возможность, что дать ему воды может быть вашей кармой?»

Вы не вмешиваетесь в его карму, но вмешиваетесь в свою. Если у вас возникает желание помочь ему, как вы поступите? Желание говорит о том, что ваша карма в том, чтобы дать ему воды. Если вы воспротивитесь этому желанию и принципиально пойдете дальше, вы не будете спонтанны. Что же делать? Если вы забываете себе голову мертвыми принципами, в жизни вам придется трудно, потому что жизнь не разделяет ваши принципы; у жизни свои законы! И они не имеют ничего общего с вашими принципами и учениями.

Будьте спонтанны! Если вам хочется помочь, не беспокойтесь о том, что сказал Махавира. Если вам хочется помочь – помогите. Делайте СВОЕ дело. Если вам не хочется помогать, не помогайте: что бы ни говорил Иисус, что «помогая людям, ты помогаешь мне» – не беспокойтесь, ведь иногда помочь может быть опасно. Человек собирается кого-то убить и просит вас: «Дай мне попить, не то я умру от жажды и не смогу догнать и убить одного человека» – и что вы сделаете? Дав ему воды, вы поможете ему совершить убийство. Ре-

шайте! Но никогда не решайте прежде, чем наступит момент – потому что все такие решения будут неправильными: никогда не знаешь, в какой ситуации окажешься.

В древних индийских писаниях есть такая история: Один убийца, в погоне за своей жертвой, подошел к перекрестку дорог, у которого сидел монах и медитировал. Убийца уже успел сильно ранить человека, но тот сбежал, и теперь убийца гнался за ним. Дойдя до перекрестка, он задумался, куда идти дальше, и спросил монаха, который медитировал под деревом: «Ты не видел, не проходил ли мимо человек, раненый, у него кровь? Если да, то в какую сторону он пошел?» – ведь это был перекресток.

Как поступить монаху? Если он скажет правду, что человек пошел на север, он станет соучастником убийства. Если он скажет, что человек пошел не на север, а на юг, он солжет. Как ему быть? Сказать правду и допустить убийство или солгать и предотвратить его? Как ему поступить?

Много на это было дано ответов. У меня нет ни одного.

Джайны говорят, что даже если ему придется солгать, пусть солжет, потому что насилие – величайший грех. У них есть своя шкала оценки: самый большой грех – насилие; за ним следует ложь. Индуисты же говорят: «Нет, высший грех – ложь, так что пусть он скажет правду; он должен сказать правду, а там – будь, что будет». Ганди сказал – у Ганди был свой ответ на это – он сказал: «Я не могу сделать выбор, потому что обе эти ценности – высшие, и нельзя выбирать между ними. Я сказал бы ему правду и встал на его пути, я сказал бы ему: «Ты пойдешь за ним только через мой труп».

Ответ Ганди по-своему привлекателен, он кажется лучше, чем ответы индуистов и джайнов – но взгляните на происходящее в целом: человек намерен совершить одно убийство, а Ганди подталкивает его совершить два. Так как насчет его кармы?

Так как поступить? У меня нет ответа. Точнее, мой ответ таков: не принимайте решения заранее, пусть мгновение наступит и решит; потому что, кто знает?.. может быть, жертва убийцы заслуживает смерти. Кто знает?.. Возможно, жертва и сам – преступник, и, если выживет, убьет многих. Никто не может знать, какой окажется ситуация на самом деле, ведь ситуации не повторяются – и невозможно ничего знать заранее.

Не принимайте решений. Хотя вашему уму будет беспокойно без готового решения, потому что ему всегда нужны четкие ответы. Можно быть уверенным только в одном: будьте спонтанны, бдительны и осознанны, не следуйте никаким правилам, просто будьте спонтанны – и пусть случится то, что случится. Если мгновение подскажет вам рискнуть потерей правды, рискуйте. Если в это мгно-

вение вам покажется, что жертва не стоит того, тогда позвольте случиться насилию, или, если вы почувствуете: «Тот человек значит больше меня», встаньте на пути убийцы.

У вас будет миллион вариантов. Не определяйтесь с выбором заранее. Просто будьте осознанны и бдительны и позвольте событиям развиваться. Возможно, вам вообще не захочется ничего отвечать. Почему бы не промолчать? Не говорить неправды, не способствовать насилию, не подталкивать убийцу на два убийства – почему бы просто не промолчать? Кто вас заставляет говорить?

Но – позвольте решать этому мигу: об этом говорили все пробужденные.

Но если вы слушаете обычных моралистов, они вам скажут, что жизнь полна опасностей, что нужно идти с готовым решением – иначе вы можете ошибиться. Но я скажу вам, что все, что вы сделаете согласно предварительному решению, будет ошибочно, потому что все Существование не следует вашим решениям; оно движется своим путем. Вы лишь часть его – как вы можете решать за целое?

Вы должны просто присутствовать, чувствовать ситуацию и делать все, что вы можете, со смирением, понимая возможную ошибочность этого.

Не будьте настолько эгоистичны, чтобы думать: «Все, что я делаю, правильно». Тогда кто будет делать неправильно? Не будьте настолько эгоистичны, чтобы думать: «Я нравственный, а другой безнравственный». Другой – это тоже вы. Вы – это тоже другой. МЫ ВСЕ ОДНО! Убийца и жертва – не двое.

Но не принимайте решений. Просто присутствуйте; почувствуйте всю ситуацию, будьте в контакте с ней и позвольте вашему внутреннему сознанию действовать по ситуации. Вы не должны быть деятелем, вы должны быть просто свидетелем. Деятели должны принимать решение заранее, свидетелю это ни к чему.

В этом вся суть слов Кришны и Гиты. Кришна говорит: «Взгляните на ситуацию в целом и не следуйте мертвым правилам моралистов. Смотрите на ситуацию и ведите себя как свидетель, не будьте деятелем. И не беспокойтесь о результате. Никто не знает, каким он будет». На самом деле, результата нет и быть не может, потому что все есть бесконечность.

К примеру: родился Гитлер. Если бы мать убила этого ребенка, любой суд мира признал бы ее убийцей. Она понесла бы наказание. Но теперь мы знаем, что Гитлера лучше было бы убить, чем оставить жить, потому что по его вине погибли миллионы. Так была ли мать Гитлера права, оставив жить этого ребенка? Права или неправва? Кому решать? И откуда было бедной матери знать, что от руки ее мальчика погибнет столько людей?

Кому решать? И как решать?.. и эта последовательность бесконечна. Гитлер погубил многих, но кто способен решить, правильнее было бы их убить или не убивать? Кому дано это решать, кому дано это знать? Никому.

Кто знает? – быть может, Бог посылает людей, подобных Гитлеру, для того, чтобы убить плохих, потому что так или иначе Бог присутствует во всем! Он и в хорошем, он и в плохом.

Человек, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму – он был прав или неправ? Из-за этой бомбы прекратилась вторая мировая война. Конечно, сотысячный город был в одно мгновение стерт с лица земли. Но если бы атомная бомба не была сброшена на Хиросиму, война бы продолжалась, и погибло бы еще много сотен тысяч людей. И если бы японцы продержались всего лишь еще один год, они сами изобрели бы атомную бомбу и сбросили бы ее на Нью-Йорк, на Лондон. Кому дано решать, и как решать, был ли прав или не прав тот, кто сбросил бомбу?

Жизнь настолько запутана, переплетена, каждое событие влечет за собой другие, и что бы вы ни делали, вы исчезнете, – но последствия того, что вы сделали, останутся навсегда! Им нет конца!

Даже маленькое действие: вы улыбнулись кому-то – и этим вы изменили все качество Существования, потому что эта улыбка многое решает. Был такой случай – я прочел о нем в биографии Греты Гарбо; она была обычной девушкой, помощницей цирюльника, намыливала людям бороду – и так прошла бы вся жизнь, ведь ей уже было двадцать два. Однажды в эту парикмахерскую случайно заглянул один американский кинорежиссер – в городе было не меньше двадцати парикмахерских – и когда она намыливала ему лицо, он улыбнулся, глядя на девушку в зеркало, и сказал: «Какая красавица!» Это изменило все.

Он был первым мужчиной, кто сказал Грете Гарбо «Красавица!» – никто ей не говорил этого раньше, и она не считала себя красивой – потому что как можно считать себя красивым, если никто об этом не говорит?

Всю ночь она не могла уснуть. Наутро она отыскала этого режиссера там, где он остановился, и спросила: «Вы правда считаете, что я красивая?»

Возможно, режиссер сделал это замечание мимоходом, кто знает? Но когда девушка специально отыскивает вас, чтобы спросить: «Правда? То, что вы сказали, вы правда так думаете?» – и режиссер ответил: «Да, вы действительно красивы!»

Тогда Грета Гарбо сказала: «Тогда почему бы вам не дать мне роль в каком-нибудь из своих фильмов?» Так все и началось. И Грета Гарбо стала одной из самых знаменитых актрис.

Происходит множество малых событий – подобно камешку, брошенному в озеро. Камешек такой маленький! А круги на воде все расходятся – и так до самого конца! К тому времени, когда они достигнут берега, даже задолго до этого, камешек опустится на дно и потеряется там.

Этот камешек изменит все качество Существования, потому что все это – одна сеть, как сеть паука: стоит прикоснуться к ней в любом месте, слегка дотронуться, и она вся дрожит; и это чувствуется повсюду. Вы улыбнетесь кому-то – а весь мир как паутина – и эта улыбка изменит весь мир.

Но как принять решение? Кришна говорит, что не стоит беспокоиться о решении, потому что в условиях такой бесконечности его невозможно принять. Поэтому не задумывайтесь о результате, просто откликайтесь на ситуацию; будьте спонтанны, бдительны, будьте свидетелем, а не деятелем.

В спальню Токая вбежал какой-то монах с криками: «Пожар, Мастер, пожар!»

«А? – сказал Токай, приподнявшись с постели. – Где?»

«Где? – воскликнул монах. – На кухне, под полом – вставайте же!»

«На кухне, говоришь? – сонно спросил Мастер. – Знаешь что, когда огонь достигнет коридора, вернись и скажи мне.»

– «когда это станет частью настоящего, тогда и скажешь мне. Пока это все еще в будущем – не беспокой меня». Не прошло и секунды, как Токай снова похрапывал.

Это качество просветленного: он настолько расслаблен, что даже когда на кухне пожар, дом горит, все волнуются и суетятся, никто не знает, что будет дальше, кругом беспорядок, – он может расслабиться и снова уснуть: через секунду он уже храпел.

Должно быть, эта ненапряженность исходит не иначе как из глубокого доверия, что все, что ни делается, к лучшему. Он не волнуется – даже если ему придется умереть; даже если он сгорит в огне, он не волнуется, потому что его больше нет. Эго нет, иначе был бы страх, беспокойство, было бы будущее, планирование, желание убежать, спастись. Он не волнуется; расслабленный, он засыпает снова.

Расслабление невозможно, если у вас есть ум и эго: эго – это центр ума. Вы будете напряжены, будете продолжать напрягаться – как же здесь расслабиться? Есть ли способ расслабиться? Нет другого способа, кроме как понимание. Если вы понимаете природу мира,

природу Существования, тогда кто вы, чтобы волноваться и вечно пребывать в состоянии беспокойства?

Никто не спрашивал вашего мнения, когда вам родиться, никто не спросит вас, когда придет время вам уйти. Тогда зачем волноваться? Рождение случилось с вами, смерть случится с вами, — кто вы, чтобы вмешиваться?

Вещи случаются. Вы чувствуете голод, любовь, гнев — все это случается с вами, вы не деятель. Природа заботится обо всем. Вы едите, а природа переваривает — вам не надо волноваться об этом — о том, как работает желудок, о том, как пища превращается в кровь. Если вы будете слишком много об этом думать, то заработаете язвы — и не простые, а огромные. Не надо волноваться!

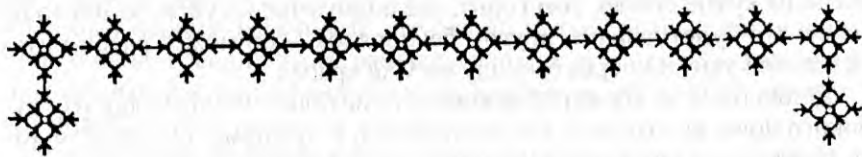
Целое движется. Безграничный океан, Бесконечное движется — вы в нем лишь одна волна. Расслабьтесь и отпустите все.

Если научитесь отпускать, считайте, что вы познали все, что стоит знать. Если вы не умеете отпускать, то все ваши знания никчемны, они лишь сор.

ПЯТЬ ФУНТОВ ТОЗАНА

Беседа 8. 7 ноября 1974 года

*Мастер Тозан взвешивал в кладовой лен.
К нему подошел монах и спросил: «Что есть Будда?»
Тозан сказал: «Здесь льна на пять фунтов».*

Религия не связана не интересуется философскими вопросами и ответами. Продолжать так считать — глупо, это напрасная трата жизни, времени, энергии и сознания, потому что можно долго спрашивать и получать ответы — но эти ответы приведут к множеству других вопросов. Если вначале был один вопрос, то в конце, благодаря множеству ответов, их появится миллион.

Философия не решает ничего. Она дает обещания, но ничего не решает — все эти обещания остаются невыполненными. Несмотря на это, философия не перестает давать обещания. Но тот опыт, кото-

рый помогает решить загадки ума, невозможно приобрести путем философствования.

Будда был совершенным противником философии — у философии никогда не было большего противника, чем Будда. Благодаря собственному горькому опыту он понял, что все эти философские глубины, на самом деле, поверхностны. Даже самый великий философ ничем не отличается от обычного человека. Ни одна проблема не была не то что решена, а даже затронута им. Он хранитель больших знаний, множества ответов, но к старости он ничуть не меняется: ничего нового в его жизнь не приходит. И суть дела в том, что ум существует для того, чтобы задавать вопросы: он может придумать любой вопрос, а затем обмануть себя же ответом. Но задаете вопрос вы, и вы же на него отвечаете.

Невежество порождает вопросы, и невежество же порождает ответы — обе половины создаются одним и тем же умом. Как может ум, который привык спрашивать, прийти к ответу? По сути, ум сам по себе есть вопрос.

Итак, философия пытается найти ответы на вопросы ума, а религию интересуют основы. Ум — это вопрос, и до тех пор, пока он не будет отброшен, истина не откроется вам: ум не допустит этого, ум — это препятствие, стена. Когда ума нет, вы живете опытом; когда есть ум, вы живете словами.

В одной маленькой школе был такой случай: учился очень глупый ребенок — он никогда не задавал вопросов, да и учительница не замечала его, но однажды он очень оживился, когда учительница объясняла задачу по арифметике, писала на доске какие-то цифры, — и этот ребенок не мог успокоиться, все тянул и тянул руку; он хотел что-то спросить. Когда с задачей было покончено, учительница стерла с доски. Она очень обрадовалась, что этот ребенок наконец захотел что-то спросить, и сказала: «Я очень рада, что у тебя появился вопрос. Не стесняйся — спрашивай!»

Ребенок встал и сказал: «Я очень волнуюсь, этот вопрос возникал у меня не раз, но мне не хватало смелости его задать. Сегодня я решил спросить: куда деваются цифры, когда вы их стираете?»

Очень философский вопрос. Все вопросы таковы. Многие спрашивают, куда уходит Будда, когда он умирает — смысл вопроса тот же. Где Бог? — вопрос тот же. Где истина? — вопрос тот же. Но глупости, скрытой в этих вопросах, вы не замечаете, потому что, на первый взгляд, они очень глубоки, и у них долгая история: люди издавна задавались ими, и те, кого считают великими, занимались ими: теоретизировали, находили ответы, строили системы... но все их усилия бесполезны, потому что только опыт может дать вам ответ, а не размышления. И если вы будете продолжать размышлять,

вы будете все больше и больше сходить с ума, а к ответу так и не приблизитесь – наоборот, он будет все больше удаляться от вас.

Будда говорит: «Когда ум перестает спрашивать, приходит ответ». Именно потому, что вы настолько озабочены вопросом, ответ не может в вас войти. Вы настолько озабочены, обеспокоены, напряжены, что Реальность не может в вас войти: внутри вы так сильно колеблетесь, дрожите от страха, от невроза, от глупых вопросов и ответов, от систем, учений, теорий; вы полны до краев.

Однажды Мулла Насреддин проезжал на машине через деревню. Повсюду он видел людей, столпившихся то тут, то там, и он забеспокоился: в чем дело? Улицы были пусты, люди собирались небольшими группами. Потом он увидел полицейского и остановился, чтобы спросить: «В чем дело? Случилось несчастье? Что происходит? Нигде нет людей – ни на работе, ни на улице, ни в магазинах... они столпились маленькими группами!»

Полицейский не мог поверить своим ушам; он сказал: «Вы еще спрашиваете! Сейчас только что было землетрясение! Много домов разрушено, люди погибли!» Потом он добавил: «Не могу поверить, что вы не почувствовали землетрясения!»

Насреддин сказал: «Из-за пьянства меня постоянно трясет, а руки так дрожат, что я его не почувствовал».

Если внутри вас не прекращается землетрясение, то настоящее землетрясение не способно в вас войти. Когда вы молчаливы и спокойны, лишь тогда Реальность приходит к вам.

Задавать вопросы означает дрожать внутри. Вопрос означает сомнение, сомнение означает дрожь. Если вы задаете вопросы, значит, вы ничему не доверяете: все превратилось в вопрос, а когда все вопросительно, то очень много беспокойства.

Понаблюдайте за собой. Вы все превращаете в вопрос. Если вы несчастны, это вопрос: «Почему?» Даже когда вы счастливы, это вопрос: «Почему?» Вы не можете поверить своему счастью.

Люди приходят ко мне, когда медитация становится глубже и у них появляются проблески; они приходят ко мне в растерянности, потому что, как они говорят, происходит нечто, и им не верится, что это происходит с ними, что блаженство возможно – должно быть, это обман. Мне не раз говорили: «Вы что, гипнотизируете меня? – потому что я чувствую, что-то происходит!» Они не верят, что могут быть счастливы: должно быть, кто-то их загипнотизировал. Они не верят, что могут быть молчаливыми – это невозможно! «Почему? Почему я молчалив? Это чьи-то фокусы!»

Вопрошающий ум не способен доверять. Как только появляется опыт, ум тут же задает вопрос: «Почему?» Возьмем цветок – если

вы доверяете, вы почувствуете красоту, красоту во всем ее расцвете; но ум спросит: «Почему, почему этот цветок называют красивым? Что есть красота?» Вы сошли с проторенного. Вы влюблены – ум спрашивает; «Почему, что такое любовь?»

Говорят, Святой Августин однажды сказал: «Я знаю, что такое время, но когда меня спрашивают – все теряется. Я не могу ответить. Я знаю, что такое любовь, но спросите меня: “Что есть любовь?” – и я растеряюсь, я не смогу ответить. Я знаю, что такое Бог, но спросите меня – и я не найду, что сказать».

И Августин прав, потому что о глубоком не спрашивают, в нем не сомневаются. Нельзя поставить знак вопроса перед тайной – потому что тогда знак вопроса станет важнее самой тайны и затмит ее собой. И если вы думаете, что, ответив на вопрос, вы разгадаете эту тайну – вам ее никогда не разгадать.

В религии вопросы неуместны. Уместно доверие. Доверие означает движение навстречу опыту, навстречу неизвестному, без лишних вопросов; *пройти через это, чтобы познать это*.

Я описываю вам прекрасное утро за окном, а вы начинаете расспрашивать меня о нем, находясь здесь, в четырех стенах, взаперти; и вы хотите получить ответ на все свои вопросы, прежде чем делаете хоть шаг за порог. Как мне объяснить вам, что такое «утро», если вы никогда не видели его? Как мне вам объяснить? Описать словами можно только то, что вы уже знаете. Как мне описать вам свет, прекрасный свет, льющийся сквозь ветви деревьев, небо, залитое светом, солнце взошло, если вы всю жизнь провели во тьме? Если ваши глаза привычны лишь к темноте, как мне передать вам, что солнце взошло?

Вы спросите: «Что это значит? Вы пытаетесь нас обмануть? Мы прожили всю жизнь и ни разу не слышали ни о каком свете. Сначала ответьте на наши вопросы, и тогда, если ответы покажутся нам убедительными, мы сможем выйти с вами на свет; иначе покажется, что вы сбиваете нас с пути, с пути нашей защищенной жизни».

Но как можно передать словами, что такое свет, если вы никогда его не видели? Но ведь это именно то, о чем вы просите: «Заставьте нас поверить в Бога, тогда мы будем медитировать, молиться, искать. Как мы можем искать что-то без уверенности в этом? Как мы можем отправиться на поиски, не зная, куда мы идем?»

Это называется недоверием – оно мешает вам двигаться в сторону неизвестного. Привычное держится за вас, и вы держитесь за него – но это лишь мертвое прошлое. Оно может казаться вам уютным, потому что вы привыкли к нему, но оно умерло, оно уже не живое. Живое то, что неизвестно, что стучится к вам в дверь – идите

с ним; но как вы можете идти с кем-то, не доверяя? И даже те, кто сомневается, считают, что они доверяют.

Был такой случай: однажды Мулла Насреддин сказал мне, что подумывает развестись с женой. Я спросил: «Почему? Почему так вдруг?» Насреддин сказал: «Сомневаюсь, что она мне верна». Я сказал: «Подожди, я сам у нее спрошу».

Тогда я спросил у его жены: «Насреддин рассказывает на каждом углу и распускает слухи о твоей неверности, и он подумывает о разводе, так в чем дело?»

Жена сказала: «Ну, это уж слишком! Меня еще никто так не оскорблял – и вот что я вам скажу: я была верна ему тысячу раз!»

Это не вопрос «тысячи раз». Вы тоже доверяете – «тысячу раз». Такое доверие не бывает глубоким, оно прагматично: вы доверяете, когда чувствуете, что это выгодно. Но когда к вам в дверь стучится неизвестное, вы никогда не доверяете, потому что не знаете, выгодно это или нет. Вера и доверие – не вопрос выгоды, это не те блага, которые можно использовать; при попытке использовать их они гибнут. Их нельзя использовать! Вы можете ими наслаждаться, радоваться им – но они не приносят выгоды!

Они не выгодны в понятиях этого мира – напротив, весь мир назовет вас глупцом, потому что этот мир считает мудрыми тех, кто сомневается, тех, кто задает вопросы, тех, кто не сделает ни шагу, не будучи уверенным. В этом находчивость и ум этого мира – и таких людей зовут мудрецами!

В том, что касается Будды, они глупцы, потому что из-за своей так называемой мудрости они упускают самое главное, а самое главное невозможно использовать.

Можно слиться с ним, но нельзя использовать его. Оно не обладает полезностью, это не товар, это опыт, это восторг. Его нельзя продать, нельзя сделать из него бизнес: вы полностью в нем растворяетесь. Вы уже никогда не станете прежним. Вы уже не сможете вернуться назад – оттуда не возвращаются; если вы пошли – вы не вернетесь.

Вернуться невозможно, возврата нет.

Это опасно. Только очень смелые могут вступить на этот путь – религия не для трусов; но в церквях, храмах, мечетях вы встретите трусов: они разрушили все. Религия лишь для самых смелых, для тех, кто способен решиться на самый опасный шаг – шаг в неизвестность; самый опасный шаг – от ума к не-уму, от вопрошания к невопрошанию, от сомнения к вере.

Прежде, чем мы перейдем к нашей короткой, но прекрасной истории – она как бриллиант: мала, но бесценна – нужно понять еще кое-что. Во-первых: вы сможете ее понять, только когда совершите

своего рода скачок, когда построите мост между известным и неизвестным, мост от ума к не-уму. Во-вторых: религия – вообще не способ мышления; это не вопрос правильного мышления, как будто, думая правильно, вы станете религиозными – нет! Думаете вы правильно или неправильно – вы все равно остаетесь нерелигиозными. Люди привыкли считать, что тот, у кого правильный образ мыслей, становится религиозным; тот, у кого мысли неправильные, собьется с пути истинного.

Но вот что я скажу вам: если вы вообще думаете, вы собьетесь с пути; правильно или неправильно – не играет роли. Если вы не думаете, только тогда вы на пути.

Думайте – и вы упустите: на своем длинном пути вы уже сбились с дороги, вы больше не здесь и не сейчас; вы упускаете настоящее – а реальность существует только в настоящем. Ум способствует тому, что вы упускаете; ум устроен так, что движется по кругу, порочному кругу. Попробуйте вспомнить путь своего собственного ума: на что он больше похож – на путешествие или на круг? Вы повторяете одно и то же, снова и снова. Вы злились позавчера, вы злились вчера, вы злитесь сегодня – и есть все шансы на то, что и завтра вы будете злиться; кажется ли вам, что ваш гнев каким-то образом меняется? Нет, он был одним и тем же и позавчера, и вчера, и сегодня: гнев остается прежним; могут меняться ситуации, могут меняться внешние причины, но гнев остается прежним! Разве вы движетесь? Разве вы идете куда-то? Продвигаетесь в чем-то? Достигаете какой-то цели или хотя бы приближаетесь к ней? Вы ходите по кругу, не приходя никуда. Круг может быть сколь угодно большим, но если вы ходите по кругу, как вы можете куда-то прийти?

Однажды днем на прогулке я случайно услышал слова, доносящиеся из чьего-то дома – это хныкал ребенок: «Мам, я устал ходить кругами». Мать сказала: «Если ты не замолчишь, я и второй твой ботинок прибью к полу».

Но вам еще не надоело ходить кругами. Одна ваша нога привязана к земле, и вы, подобно этому ребенку, ходите кругами. Вы как заезженная пластинка: одна и та же мелодия все повторяется и повторяется. Вслушайтесь! – это похоже на трансцендентальную медитацию: вы повторяете одно и то же – Рам, Рам, Рам, Рам... все повторяете и повторяете. Вам становится скучно, от скуки клонит в сон; сон – это полезно. Сон освежает – но совсем не приближает к Истине, вы просто хорошенько выспались с помощью небольшого ухищрения. Вы будто занимаетесь этой трансцендентальной медитацией постоянно, вся ваша жизнь – одно сплошное повторение, движение по одной и той же колее.

Куда вы идете? Как только вы задумаетесь об этом, у вас возникнет вопрос: что же происходило все это время? Вы будете удивлены и даже потрясены тем, насколько бездарно потратили свою жизнь. Вы не сдвинулись с места ни на шаг!

Чем раньше вы поймете это, тем лучше, потому что это понимание дает вам шанс.

Откуда это повторение? Ум соткан из повторов, он как заезженная пластинка, по самой своей природе он как заезженная пластинка. Его не изменить. Сломанную пластинку можно починить; ум не починишь, потому что он изначально такой, что повторяет; повторение – природа ума. В лучшем случае, можно увеличить размер кругов, которыми вы ходите, и таким способом создать иллюзию большей свободы; большие круги помогают вам поверить, что ничего не повторяется.

Кто-то проходит свой круг за двадцать четыре часа. Если вы умны, ваш круг может составить тридцать дней; если вы еще умнее, вы можете растянуть его до одного года; если вы еще умнее, вы можете растянуть свой круг до целой жизни – но круг при этом остается кругом; не имеет значения, большой он или маленький – вы движетесь по одной и той же колее, вы возвращаетесь туда, откуда начали.

Исходя из этого понимания жизни, индуисты называют жизнь колесом – вашу жизнь, разумеется, а не жизнь Будды: Будда как раз тот, кто выпрыгнул из этого колеса. Вы держитесь этого колеса, оно дает вам чувство защищенности – и оно крутится, оно совершает круг от рождения к смерти. Снова рождение, снова смерть. Слово «сансара», который индуисты используют для обозначения этого мира, означает «колесо». Вы движетесь по одной и той же колее. Вы ходите туда-сюда, многое делаете – но безрезультатно. В чем же ваша ошибка? Она в самом первом шаге.

Природа ума – повторение, природа жизни – неповторимость. Жизнь всегда нова, всегда. Новизна – природа жизни, Дао; ничто не старо, жизнь никогда не повторяется, она просто каждый день новая, каждый миг она новая, – а ум стар; вот почему ум и жизнь никогда не встречаются. Ум просто повторяет, жизнь не повторяется никогда – как же они могут встретиться? Вот почему философии никогда не понять жизни.

Все усилия религии направлены на то, чтобы отбросить ум и вступить в жизнь, чтобы отбросить механизм повторения и вступить в вечно новое, вечно цветущее Существование. В этом вся суть этой прекрасной истории.

Мастер Тозан взвешивал в кладовой лен.

К нему подошел монах и спросил: «Что есть Будда?»

Тозан сказал: «Здесь льна на пять фунтов».

В этих словах многое. Во-первых, Мастер дзен не отшельник, он не отрекся от жизни; скорее, наоборот, он отрекся от ума и вступил в жизнь.

Саньясины бывают двух видов: одни отрекаются от жизни и целиком отдаются миру ума – они отрицают жизнь, скрываясь от мира где-нибудь в Гималаях или в Тибете. Они отвергают жизнь ради того, чтобы полностью погрузиться в ум – и таких большинство, потому что отказаться от жизни легко, вот от ума отказаться трудно.

В чем же трудность? Если вы хотите сбежать оттуда, где вы находитесь, это возможно! Вы можете бросить жену, детей, дом, работу – и вы почувствуете облегчение, потому что жена стала вам обузой, дети стали вам в тягость, вся эта каждодневная работа, зарабатывание денег... вы сыты по горло! Вам сразу станет легко.

А что вы будете делать в Гималаях? Вся энергия устремится в ум: вы будете повторять Рам, Рам, Рам, читать Упанишады и Веды, думать о глубоких истинах, задумаетесь о происхождении мира, о его будущем, о том, кто его создал, о том, почему Он его создал, о том, что есть добро, а что – зло; вы будете размышлять, думать – великое дело! Вся ваша жизненная энергия, которая прежде тратилась на другие занятия, освободится от них и будет поглощена умом; вы превратитесь в ум.

Люди станут отдавать вам дань уважения, ведь вы отреклись от жизни – вы великий! Глупцы признают вас великим: они признают великим того, кто лучший среди них; они будут почитать вас и бросаться вам в ноги: вы сотворили великое чудо!

Но что произошло на самом деле? Вы отреклись от жизни лишь затем, чтобы стать умом. Вы отвергли тело, чтобы быть одной головой – а проблема как раз была в голове! Вы спасли свою болезнь, потеряв при этом все.

Теперь ум превратится в раковую опухоль. Он будет заниматься мантрой, вести аскетичную жизнь – делать все, что с этим связано; в конце концов это станет ритуалом, – поэтому религиозные люди совершают ритуалы. Ритуал означает повторение определенного действия: каждое утро, каждый день они должны молиться. Мусульманин молится пять раз в день: где бы он ни находился, он должен прочитать свою молитву пять раз; индуист совершает свой обряд каждый день на протяжении всей жизни; христиане должны ходить... таков ритуал. Ум любит повторения – вот он и создал ритуалы.

И ваша повседневная жизнь также наполнена ритуалами. Вы любите, заводите друзей, развлекаетесь... все это ритуалы, которые

должны выполняться и повторяться. Вся неделя у вас распланирована, и планы не должны меняться – и так было всегда! Вы превратились в роботов – вы не живые!

Ум сам по себе есть робот. Если вы уделяете уму слишком много внимания, он будет поглощать всю вашу энергию; это опухоль, которая разрастется и поразит все.

Но Мастер дзен относится к другой категории саньясинов. Он относится к моей категории саньясинов. Мастер дзен всегда был нео-саньясином – вот почему я так люблю говорить о Мастерах дзен; у нас с ними глубинная связь. Они отвергают ум и живут обычной жизнью. Они просто отказываются от ума из-за его повторяемости и живут обычной жизнью. Бывает, они живут жизнью хозяина дома: у них есть жена и дети; они работают на ферме, в саду, копают землю, взвешивают лен в кладовой...

Индуисту невдомек, почему просветленный человек вдруг станет взвешивать лен – зачем? Зачем заниматься таким обыденным делом? Но Мастер дзен, отвергая ум, проживает жизнь во всей ее полноте. Он отбрасывает ум и становится простым Существованием.

Итак, первое, что нужно запомнить: если вы отрываетесь от ума и живете обычной жизнью, вы истинный саньясин; если вы отрываетесь от жизни и живете умом, вы неистинный саньясин, вы псевдо-саньясин, и запомните как следует: быть «псевдо» всегда легче; быть настоящим всегда труднее. Жить с женой и быть счастливым действительно трудно; воспитывать детей и радоваться действительно трудно. Работать в магазине, в офисе, на заводе и испытывать восторг – в этом и есть настоящая трудность.

Бросить все, просто сидеть под деревом и быть счастливым несложно: это может каждый. Нечего делать – вы легко отстраняетесь; много дел – вы привязываетесь. Но когда вы делаете все и при этом не привязываетесь, когда вы идете в толпе, но идете один, тогда вы переживаете нечто истинное.

Если вы не испытываете гнева наедине с самим собой, это еще не все. Когда вы один, вы не испытываете гнева, потому что гнев – это отношение, необходим человек, на которого оно будет направлено. В одиночестве вы не будете испытывать гнева, если, конечно, вы не сумасшедший; это может быть внутри, но не будет проявляться. Когда же рядом есть кто-то другой, вот тогда не испытывать гнев – проблема.

Когда у вас совсем нет денег, имущества, дома, вы не привязаны, что в этом сложного? Но когда у вас есть все, оставаться при этом непривязанным – как нищий во дворце – значит достичь чего-то очень глубокого.

И запомните, и всегда носите это с собой в сердце: истина, любовь, жизнь, медитация, восторг, блаженство – все, что истинно, прекрасно и хорошо, всегда существует в виде парадокса: в мире, но не от мира; с людьми, но – один; делать все, но – быть неактивным; двигаться и не двигаться; жить простой жизнью, но не отождествляться с ней; работать, как все, но в глубине души оставаться отчужденным; быть в мире, но не от мира, – вот в чем парадокс. И когда вы достигаете этого парадокса, вы достигаете самой вершины, пикового переживания.

Перейти к простому существованию легко – что привязанное к этому миру, что не привязанное к нему; и то, и другое просто, но нечто более великое происходит лишь тогда, когда они переплетаются. Если вы уезжаете в Гималаи – и вы не привязаны, то вы лишь одна нота мелодии; но когда вы живете в мире и одновременно вне его, и вы носите свои Гималаи в своем сердце, вы – гармония, а не просто одна нота. Тогда звучит аккорд, включая все диссонансные ноты, слияние противоположностей, мост между двух берегов. Высшее возможно лишь тогда, когда жизнь максимально сложна; высшее происходит лишь посреди многообразия.

Если вам хочется простоты, вы можете выбрать одну из альтернатив, но в этом случае вы упустите многообразие. Если вы не можете оставаться простым в условиях многообразия, тогда вы уподобитесь животному, животному или одному из жителей Гималаев, которые отреклись от жизни: они не делают покупок, не работают на заводах, не женятся, не имеют детей...

Я повидал много людей, которые отреклись от жизни, я жил с ними, внимательно наблюдал за ними: они становятся похожими на животных. В них не наблюдается ничего от высшего; скорее, наоборот, они деградируют. Конечно, их жизнь менее напряженна, какой и бывает жизнь животного, у них, как у любого животного, отсутствуют какие бы то ни было беспокойства; они постепенно деградируют, они ведут растительный образ жизни. Повстречавшись с ними, вы заметите, что они простые, у них нет комплексов – но верните их обратно в мир, и вы убедитесь, что им еще сложнее, чем вам, потому что любая возникшая ситуация вызовет у них затруднения: тогда все, что до сих пор подавлялось, выйдет наружу. Не деградируйте, не идите назад – идите вперед.

Дети тоже просты, но не становитесь ребенком – станьте зрелым. Конечно, когда вы достигнете полной зрелости, у вас наступит новое детство, но это будет детство другого качества. Мудрец – тоже ребенок, но он не ребячлив. Мудрец – это цветение, аромат, новизна детства, но здесь присутствует глубокая разница: в ребенке многое подавлено и при малейшей возможности выйдет наружу: секс выйдет наружу, гнев выйдет наружу – он войдет в этот мир, станет при-

взванным и в конце концов потеряется – в нем заложены семена этого; в мудреце не заложено семян, он не может потеряться. Он не может потеряться, потому что его больше нет! Он не несет ничего внутри.

Мастера дзен всегда жили очень простой жизнью; не от мира сего – но в мире. Эти люди прекраснее любого индуистского саньясина, прекраснее любого католического священника; на самом деле, в мире нет ничего, подобного дзен, потому что они достигли высшего парадокса.

Мастер Тозан взвешивал лен в кладовой.

Просветленный человек, будда – и взвешивает лен? Вы отворачиваетесь... Что возьмешь с человека, который взвешивает лен? – знай он хоть что-нибудь, он не стал бы взвешивать лен: у вас сложился определенный образ святого, мудреца как чего-то экстраординарного, превыше вас, сидящего на небесах на золотом троне. Вам не достать до него, он совершенно другой: каким бы ни были вы, он – полная противоположность.

Мастер дзен не такой. В нем нет ничего экстраординарного – и все же он особенный. Он ведет такой же обычный образ жизни, как и вы, но, тем не менее, он – не вы. Он не витает в облаках, он здесь, но, тем не менее, далеко от вас. Взвешивает лен – но ничем не отличается от Будды, сидящего под деревом Бодхи. В Индии никто не смог бы даже представить Махавиру или Будду взвешивающими лен – это невозможно! Это выглядело бы просто позорно: что это Будда делает в кладовой?

Тогда в чем разница между ним и вами? И вы взвешиваете лен, и он взвешивает лен – так в чем разница?

Разница не на поверхности – поверхностная разница не имеет значения: вы можете пойти и сесть под деревом Бодхи, но ничего не произойдет. А когда меняется внутреннее, к чему беспокоиться о внешнем? Продолжайте заниматься своими делами. Продолжайте делать то, что вам дано. Делайте то, что желает Целое.

Мастер Тозан взвешивал в кладовой лен.

К нему подошел монах и спросил: «Что есть Будда?»

В буддизме этот вопрос считается самым важным: это все равно что «Что есть Истина?» или «Что есть Бог?» – потому что в буддизме Бог – не понятие, Бог – это Будда, другого бога нет. Будда – это высшая реальность, это самая вершина; нет ничего превыше него: Истина, Бог, Абсолютное, Брахма – какое бы имя вы ни выбрали, это и есть Будда.

Спрашивая, что есть Будда, монах, на самом деле, спрашивает, что есть Истина, что есть Дао, что есть Брахма, что есть один среди многих, что есть основная реальность, что есть самое сердце существования, – его вопрос об этом.

Тозан сказал: «Здесь льна на пять фунтов».

Абсурд. Причем здесь это? Это кажется совершенно лишенным смысла, ведь человек спросил: «Что есть Будда?», а Тозан похож на сумасшедшего: он говорит совсем не о Будде, он вообще не отвечает на вопрос – и все же он на него ответил. И в этом парадокс. Если вы станете жить этим парадоксом, ваша жизнь превратится в симфонию, она будет становится все более высшим синтезом противоположностей; и в вас противоположности сольются.

Тозан сказал: «Здесь льна на пять фунтов».

Первое, что он сказал этим: эта самая обычная жизнь есть Будда; эта простая жизнь есть Истина; эта простая жизнь есть Брахма, царствие Божие. Нет иной жизни, кроме этой; и смерти нет, есть только эта жизнь.

Индуисты говорят: «Существует лишь то, это – иллюзия»; Тозан говорит: «Истинно это, то – иллюзия; ЭТО САМОЕ МГНОВЕНИЕ и есть истина, и не просите ничего необычного».

Искателям всегда хочется чего-то сверхъестественного, потому что это невозможно удовлетворить меньшим. Вы приходите к Мастеру с вопросами, и если услышите от него подобные вещи, то сочтете его сумасшедшим, либо решите, что он шутит, либо что такого человека бесполезно о чем-либо спрашивать – и вы просто повернетесь и уйдете! Почему? Потому что он полностью подрывает ваше эго: вам хотелось Будды, вы желали Будды, вы бы сами хотели быть буддой, отсюда и ваши вопросы; а этот человек отвечает: «Что за бессмысленный вопрос? Он даже не заслуживает ответа! Здесь льна на пять фунтов. И это важнее любого будды! Это самое мгновение, этот лен и есть само существование! В этих пяти фунтах льна сосредоточена вся суть мира – здесь и сейчас! Не отвлекайтесь; не задавайте философских вопросов. Смотрите на это мгновение».

Тозан сделал чудесную вещь. Тозан – это будда. Тозан, взвешивающий лен – это будда, взвешивающий лен: действительность едина! Тозан – это будда, и лен – тоже будда, и в тот момент он весил пять фунтов. Такова была правда момента. Но если вас переполняет философия, вы решите, что перед вами сумасшедший, и уйдете.

Это случилось с Артуром Кёстлером – одним из самых острых умов Запада. Он полностью упустил всю суть. Приехав в Японию

изучать дзен, он решил: «Да они здесь просто сумасшедшие! Либо же они шутят, этого не может быть всерьез». Он написал книгу «Против дзен»: это кажется абсурдом. Это и есть абсурд! Он ошибается, и все же он прав. Это и есть абсурд; это кажется абсурдным, если вы не знаете языка дзен; это кажется абсурдным, если вы слишком привержены логическому мышлению. Это нелогично: попробуйте найти хоть что-нибудь более нелогичное, чем вопрос: «Что есть Будда?» – и в ответ на него: «Здесь льна на пять фунтов».

Вы спрашиваете о небе, а я отвечаю о земле; вы спрашиваете о Боге, а я отвечаю о камне – никакой связи! И тем не менее, связь существует – но нужен внимательный взгляд, не высокоинтеллектуальный, а чувственно восприимчивый, не ищущий объяснений, а ожидающий увидеть, наблюдающий, присутствующий при том, что происходит; не предвзятый, а открытый. Кёстлер предвзят. Острый интеллект способен выстроить логическую цепочку в духе Аристотеля – но он ничего не знает, ничего не знает о существовании целого другого мира – мира дзен, где два плюс два обязательно равно четырем; иногда это равно пяти, иногда трем – возможно все. Ни одна из возможностей не исключается, каждая из них открыта, бесконечно открыта. И каждый раз, когда встречаются два и два, происходит что-то новое.

Мир остается открытым, неизвестным, его невозможно предсказать.

Смотрите: на поверхности этот человек выглядит сумасшедшим, но глубоко внутри нет никого более в здравом уме, чем этот Тозан; но Кёстлер упустит, несмотря на свой острый ум, с которым мало кто может сравниться по силе; и все же он упускает.

В этом мире интеллект – средство, в том мире интеллект – препятствие. Не становитесь чересчур мудры, иначе вы упустите настоящую мудрость.

Взгляните на Тозана непредвзято, отбросьте привычные мерки своего ума – просто посмотрите, как на явление, что происходит. Ученик спрашивает: «Что есть Будда?» – а Мастер дзен живет в настоящем мгновении, он все время здесь и сейчас, он всегда дома – когда бы вы ни пришли, вы всегда застанете его там, он никуда отсюда не уходит – он живет в этом мгновении: деревья, небо, солнце, горы, птицы, люди – весь мир сосредоточен в этом мгновении! Это мгновение беспредельно! Оно не просто секунда, которую отмеряют часы – это мгновение бесконечно, потому что в нем – все. Миллионы звезд, новые звезды рождаются, старые угасают, весь безграничный простор пространства и времени уместился в этом мгновении – так как обозначить это мгновение? Тозан в этот момент взвешивал лен – как вернуть этого ученика в настоящий момент? Как положить

конец этому философствованию? Как потрясти его, чтобы он пробудился в этом моменте, чтобы открыл глаза?

Это для него потрясение – ведь в своих размышлениях о Будде он, должно быть, задавался вопросами: «Что такое реальность Будды? Что есть Истина?» И, должно быть, он ожидал услышать глубокомысленный ответ, что-нибудь из высших сфер: «Ведь это просветленный Мастер, сейчас он скажет что-нибудь ценное». Он не мог и предположить, что услышит настолько обыденную вещь, не ожидал настолько обыденного и нелепого ответа; он был потрясен.

Этим потрясением он мог быть пробужден – на мгновение, на долю мгновения: в состоянии потрясения вы теряете способность мыслить. Если полученный ответ соответствует вопросу, мышление не прерывается, потому что именно этого требует ум – соответствия: если ответ имеет прямое отношение к вопросу, то дальнейшим размышлениям ничего не мешает; если же сказанное в ответ абсурдно, бессвязно, если оно не имеет отношения к делу, то мышление останавливается. Ум потрясен, деятельность нарушена. Вскоре ум придет в себя, потому что у него есть ответ: «Это абсурд!»

Мулла Насреддин проходил наблюдение у психиатра. После долгих месяцев психоанализа, после множества сеансов психиатр сказал: «Это мое личное ощущение и это мое заключение: вам нужно влюбиться; вам необходим красивый женственный объект любви. У вас потребность в любви».

Мулла сказал: «Между нами, неужели любовь не кажется вам глупостью?»

Психиатр сказал: «Между нами? – это было бы абсурдом!»

На одно мгновение он испытал потрясение, но лишь на мгновение. Если ум не может установить связь, у него на все найдется ответ: «Это абсурд». Если связь установлена, последовательность мыслей продолжается. Если встречается что-то нелепое – на долю секунды деятельность останавливается, ум не справляется с тем, что было сказано; но он немедленно приходит в себя, назвав услышанное абсурдом; его работа возобновляется.

Но потрясение и утверждение ума о том, что оно абсурдно, происходят не одновременно; есть пауза. Во время нее может случиться *сатори*. Вы можете пробудиться, можете пережить проблеск. Было бы замечательно, если бы эта возможность была использована. Ну разве Тозан не молодец? Он неподражаем! Другого такого не найти! И какой спонтанный ответ! Никтоим образом не подготовленный заранее; никто не говорил этого прежде, и нет никакого смысла повторять эти слова сейчас. Никто и никогда на вопрос «Что есть Будда?» не отвечал «Здесь льна на пять фунтов».

Не будь Тозан спонтанным, он отвечал бы по памяти – поскольку, прежде чем стать просветленным, он был большим ученым, был

знаком со священными книгами, знал наизусть слова Будды и не раз их произносил, он занимался философией много лет; он прекрасно понимает, о чем спрашивает монах, он знает, что тот ожидает услышать – но он просто ведет себя непосредственно, взвешивает лен.

Подключите свое воображение и представьте Тозана взвешивающим лен. Что могло в то мгновение отразить более спонтанно его суть, показать существование именно таким, каким оно было в тот миг? – он просто сказал: *«Здесь льна на пять фунтов»* – и все! Он ничего не говорит о Будде, это излишне: вот оно, состояние Будды! Эта спонтанность и есть состояние Будды. Это доверие к мгновению и есть состояние Будды.

То, что он говорит, – лишь малая часть, то, что осталось недосказанным – Целое. Очнувшись в этом мгновении, вы увидите Будду взвешивающим лен – и лен будет весить пять фунтов. Что он этим показывает?

Он показывает больше, чем говорит, и эта немногословность рождает для вас возможность: в одно мгновение вы можете осознать целое существование, сосредоточенное здесь в Тозане.

Там, где в мире появляется будда, сосредоточивается все Существование. Тогда все реки впадают в него, все горы упираются в него, и все звезды вращаются вокруг него. Когда человек становится просветленным, все Существование сосредоточивается на нем. Он становится центром.

Тозан, взвешивающий лен в кладовой, был буддой: все Существование сосредоточилось и наполнило Тозана, а Тозан взвешивал лен – и лен весил пять фунтов. Это мгновение настолько реально – если вы только очнетесь, если откроете глаза, вы можете испытать сатори. Тозан непосредствен; у него нет готовых ответов, он откликается на каждое мгновение.

Если кто-то придет к Тозану в другой раз, он уже не сможет услышать и не услышит такого ответа, потому что Тозан, возможно, не будет ничего взвешивать или будет взвешивать что-то другое, или будет взвешивать лен, но тот не будет весить пять фунтов. В следующий раз ответ будет другим. Каждый раз, когда бы вы ни пришли, ответ будет новым – и в этом разница между ученым и человеком знания: у ученого на все есть готовые ответы. Если вы придете, когда бы это ни случилось, он даст вам готовый ответ; спросите – и он вам ответит, и ответ будет всегда одним и тем же, так что этот человек покажется вам очень последовательным. И он действительно таков.

Однажды Мулла Насреддин предстал по делу перед судом, и судья спросил его возраст. Он сказал: «Сорок лет».

Судья удивленно произнес: «Насреддин, ты был здесь четыре года тому назад, и тогда на мой вопрос, сколько тебе лет, ты тоже от-

ветил “Сорок”. Это же совершенно непоследовательно – как тебе может до сих пор быть сорок лет?»

Насреддин сказал: «Я человек последовательный. Раз мне сорок, значит, мне всегда сорок. Ответив однажды, я ответил навсегда! Меня не проведешь. Мне сорок, и когда бы вы об этом ни спросили, вы получите один и тот же ответ. Я человек во всем последовательный».

Последовательный человек мертв. Вы можете оставаться всегда сорокалетним только в том случае, если вы мертвы, и тогда не нужно что-либо менять. Мертвый человек перестает расти – и нет более мертвых людей, чем ученые мужи и люди знаний. Просветленный человек живет в настоящем мгновении: спросите, и он ответит – но у него нет заготовленных ответов; он сам и есть ответ. Итак, что бы ни произошло в этот миг, это происходит, он не пытается на это повлиять, не думает об этом: вы просто спрашиваете то, что спрашиваете, и все его существо вам отвечает. В тот момент случилось так, что Тозан взвешивал лен, и случилось так, что лен весил пять фунтов, и когда монах спросил: «Что есть Будда?», реальностью Тозана в тот момент были пять фунтов льна, которые он взвешивал; для него в тот момент пять фунтов были фактом. Так он и сказал: «Пять фунтов льна».

На поверхности это выглядит абсурдом. Но если заглянуть глубже, и еще глубже, можно обнаружить связь, но связь не логическую: можно заметить последовательность, идущую не от ума, но от жизни. Поймите, попытайтесь понять разницу. Если в следующий раз, придя к Тозану, вы застанете его за вскапыванием земли, на ваш вопрос «Что есть Будда?» он ответит: «Посмотри на эту ямку. Она готова, можно посадить дерево». В другой раз, когда вы придете, он, допустим, будет прогуливаться с посохом, и тогда он ответит: «Вот этот посох».

Ответом станет то, что будет происходить в данный момент, потому что Будда живет от одного мгновения к другому – и вы тоже, если станете жить от мгновения к мгновению, станете буддой.

Вот вам ответ: живите от одного мгновения к другому – и вы станете буддой. Будда – это тот, кто живет от мгновения к мгновению, кто живет не в прошлом и не в будущем, а здесь и сейчас. **СОСТОЯНИЕ БУДДЫ – ЭТО СВОЙСТВО БЫТЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС** – и это состояние не цель, достижения которой приходится ждать: можно просто быть здесь и сейчас.

Когда я говорю, я будда, потому что ничего, кроме разговора, в этот момент не происходит. *Если вы, со своей стороны, в данный момент только слушаете*, то вы – будда в этом слушании. Старайтесь уловить проблеск мгновения, этого мгновения. В это самое мгновение Тозан не взвешивает лен, он разговаривает с вами. Вы не

спросили сейчас, что есть будда, но этот вопрос витает вокруг, задаете вы его или нет. Вопрос не покидает вашего ума: что есть Будда? что есть Истина? что есть Дао? – вопрос существует, задаете вы его или нет. Вы и есть вопрос. В это мгновение вы можете пробудиться. Вы можете взглянуть, слегка встряхнуть свой ум, нарушить его деятельность, и вдруг вы поймете то, что упускает Артур Кёстлер. Если вы тоже слишком умны, вы упустите. Не будьте слишком умными, не нужно лишней учености, ведь существует мудрость, которая открывается глупцам; есть мудрость, которая открывается сумасшедшим; есть мудрость, которая приходит лишь тогда, когда вы теряете рассудок.

Тозан прекрасен: если вы способны это увидеть и если вам понятно, что ответ его не абсурден, считайте, что вы увидели, что вы поняли. Но если понимание остается лишь на интеллектуальном уровне, от него мало пользы. Я объяснил вам, вы поняли, но если ваше понимание умственно – если вы поняли умом – опять вы упускаете. Кёстлер может быть против дзен, а вы – за, но оба вы упускаете. Дело не в «за» и «против», а в не-ментальном понимании.

Если это возникает в вашем сердце, если вы так чувствуете, а не думаете, если это затрагивает все ваше существо, если вы проникаетесь, если это не просто слова, не просто философия, если это становится переживанием, тогда это изменит вас.

Я рассказываю вам все эти истории лишь затем, чтобы выбить вас из ума, чтобы заставить вас спуститься к сердцу – а потом, когда вы будете готовы, еще ниже – к пупку.

Чем ниже вы спускаетесь, тем глубже проникаете... и в конце концов глубина и высота становятся одним.

ГЛУХОЙ, НЕМОЙ И СЛЕПОЙ

Беседа 9. 8 ноября 1974 года

Как-то раз Генши пожаловался своим ученикам: «Многие Мастера постоянно говорят о необходимости спасать каждого – но вы только представьте, что встретится вам слепоглухонемой: он не сможет увидеть ваших жестов, не сможет услышать ваших проповедей, не сможет задать вам вопросов. Не в силах спасти его, вы подтвердите свою никчемность как буддист».

Обеспокоенный этими словами, один из учеников Генши пошел посоветоваться с Мастером Уммоном, который, как и Генши, был учеником Сеппо.

«Поклонись, пожалуйста», – сказал Уммон.

Монах, несмотря на свое удивление, сделал то, что велел Мастер, – и снова выпрямился в ожидании ответа на свой вопрос.

Но вместо ответа его огрели посохом. Он отскочил.

«Ну что ж, – сказал Уммон, – ты не слепой. Теперь подойди ближе».

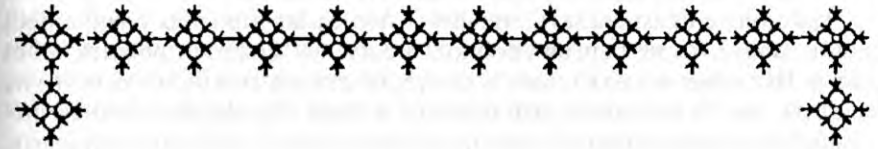
Монах сделал то, что ему велели.

«Хорошо, – сказал Уммон, – и глухим тебя не назовешь. Теперь понял?»

«Понял что, господин?» – спросил монах.

«Ну вот, ты и не немой» – сказал Уммон.

Услышав эти слова, монах пробудился, как от глубокого сна.

Иисус, бывало, говорил своим ученикам, и говорил не один, а много раз: «Имеющий глаза да увидит! Имеющий уши да услышит!»

Как и у вас, у них были и глаза, и уши. Тогда, должно быть, Иисус имел в виду что-то другое – не эти глаза, не эти уши.

Когда вы приобретаете особое видение, Бог становится виден; когда вы приобретаете особенный слух, Бог становится слышен; когда вы достигаете особенного бытия, вы сами становитесь Богом.

Такие, как вы сейчас, вы глухи, немые, слепы – почти что мертвы. Глухи к Богу, немые, слепы, мертвы перед Богом.

Ницше объявил, что Бог умер. На самом деле, если мертвы вы сами, как может Бог быть жив для вас? Бог мертв, потому что мертвы вы. Вы можете познать Бога лишь тогда, когда вы живете полной жизнью, когда ваша жизнь переполняется, когда она становится наводнением. Тогда, в этом переполняющемся мгновении блаженства, жизни и энергии, вы впервые узнаете, что такое Бог, потому что Бог – самое роскошное переполняющее явление.

В этом мире Бог не является необходимостью. Необходимостью в этом мире являются научные законы – без них мир не может существовать. Бог, в этом смысле, не является необходимостью. Без Него мир сможет существовать, но будет бессмысленным. Вы можете существовать и без Него, но в этом случае ваша жизнь будет подобна жизни растения. Без Него вы можете жить жизнью растения, но не можете быть по-настоящему живы.

Бог не первая необходимость, вы можете существовать и так, но при этом в вашем существовании не будет никакого смысла, оно не будет нести в себе никакого значения, в нем не будет поэзии, не бу-

дет музыки, в нем не будет ничего от танца. Оно не будет тайной. Оно может быть арифметикой, может быть бизнесом, но оно никогда не будет влюбленностью.

Когда нет Бога, исчезает все, что прекрасно, потому что прекрасное случается лишь как переполнение – это роскошь. Понаблюдайте за деревом: если вы плохо его поливаете, если дерево не получает достаточно питания из почвы, оно будет жить, но не будет цвести. Существование будет, но тщетно! Лучше бы его совсем не было, потому что оно – лишь постоянное разочарование. Дерево расцветает лишь тогда, когда ему есть чем делиться, когда дерево так хорошо насыщается, что может цвести, ведь цветение – это роскошь! Дерево настолько наполнено, что может себе это позволить.

И я должен вам сказать, что Бог – это самая большая в мире роскошь. Бог – это не первая необходимость: вы можете прожить и без Него. Вы можете жить очень хорошо, но все же вам будет чего-то не хватать, вы будете ощущать пустоту в душе. Вы будете больше похожи на открытую рану, чем на живую силу. Вы будете страдать: восторг в вашей жизни будет невозможен.

Но как найти этот смысл, этот восторг? Понадобится особенное видение. В настоящий момент вы слепы. Вашему зрению доступно лишь материальное, но материальное – это первая необходимость. Вы можете хорошо разглядеть дерево, но вы упускаете цветы; и даже если вы можете увидеть цветы, вы упускаете аромат. Ваши глаза видят лишь то, что на поверхности – вы упускаете центр, упускаете самую сердцевину. Поэтому Иисус говорил, что вы глухи и слепы – и вы не можете не быть немой, потому что, если вы никогда не видели Его, о чем вам говорить? Если вы никогда не слышали Его, чем вам делиться с другими? Если эта поэзия никогда не случалась с вами, о чем вам петь? Вы можете шевелить губами, но из этого ничего не выйдет, потому что внутри вас изначально пусто.

Когда говорит такой человек, как Иисус, им кто-то водит; нечто более великое, чем он сам, говорит его устами. Когда говорит такой человек, как Будда, он не Гаутама Сиддхартха, рожденный сыном короля; нет, он уже нечто большее. Он перестает быть просто телом, которое можно увидеть и потрогать, перестает быть просто умом, который можно понять и постичь. Появляется нечто запредельное, нечто не от пространства и времени входит в пространство и время. Происходит чудо. С вами говорит не он, он лишь проводник; нечто другое течет сквозь него, он лишь среда. Он приносит вам что-то с Незвестных Берегов. Только тогда вы можете петь – когда случился восторг. В обратном случае, вы можете петь, но это будет не более чем поверхностно. Вы можете создавать вокруг себя много шума, но шум ни о чем не говорит. Вы можете произнести множество

слов, но они будут пустыми. Вы можете быть очень многословны, но, по правде – как можете вы *говорить*?

Когда это случилось с Магометом, в тот день, когда он впервые соприкоснулся с Божественным, он упал наземь, дрожа, в поту – и то утро было таким же прохладным, как сегодня. Он был один, и он вспотел до самых кончиков пальцев; ему было страшно. Что-то неведомое коснулось его, и он был напуган до смерти. Он бегом прибежал домой и лег в постель. Его жена тоже испугалась. Магомета укрыли одеялами, но дрожь не унималась, и жена спросила его: «Что случилось? У тебя затуманенный взгляд – и почему ты молчишь? Почему ты онемел?» Говорят, Магомет ответил так: «Впервые за все время мне есть что сказать. До сих пор я был нем; говорить было нечего, я лишь шевелил губами. Я говорил, но шевелились только губы, сказать было нечего. Теперь есть то, что я должен сказать – вот почему я так дрожу. Я беременен Незвестным, Божественным. Я чувствую, грядет рождение».

И, как известно каждой матери, это приносит страдания. Прежде чем дать жизнь ребенку, вам придется пройти через долгие дни боли и страдать даже в сам момент рождения. Когда начинается новая жизнь, это борьба.

Как утверждают источники, Магомет провел в постели три дня в полном молчании. Затем постепенно, как ребенок, который учится говорить, он начал говорить. Так родился Коран.

Вы немые. Вы можете быть очень многословны, но помните: этим многословием вы лишь прикрываете свою немоту. Вы говорите, но не для того, чтобы общаться, а для того, чтобы скрыть – скрыть то, что вы немые. В следующий раз, когда заговорите с кем-нибудь, обратите внимание: почему вы заговорили? Почему вы так многословны? Какая потребность стоит за этим? Внезапно вы осознаете этот страх: если я буду молчать, люди могут подумать, что я немой. Поэтому вы говорите лишь для того, чтобы это скрыть – и даже зная, что сказать вам нечего, вы продолжаете говорить.

Однажды я гостил в семье, и, когда мы сидели с хозяином дома, вошел его маленький сын и попросил отца ответить ему на несколько вопросов. Отец сказал: «Я занят; походи и спроси у мамы».

Мальчик сказал: «Но я не хочу слушать так долго. Если она начнет говорить, ее не остановишь, а мне нужно делать уроки – я не хочу слушать так долго!»

Люди все говорят и говорят, не зная, зачем они это делают. Для чего? Что им сообщать? Все это лишь для того, чтобы скрыть свою немоту.

Люди все переезжают, из одного города в другой; они путешествуют, едут в отпуск в Гималаи и в Швейцарию – к чему все эти путешествия, переезды? Они хотят чувствовать, что живы.

Но передвижение – это не жизнь. Конечно, в жизни присутствует глубинное движение, но перемещение – это не жизнь. Вы можете бесконечно переезжать из одного города в другой и объездить весь земной шар, но это передвижение – не жизнь. Жизнь – это движение тонкое: от одного состояния сознания к другому.

Когда человек оказывается во внутреннем тупике, он начинает суетиться на внешнем уровне. Современный американец – это истый путешественник; он путешествует из одного уголка земного шара в другой – потому что американское сознание зашло в такой тупик, что, сидя на месте, человек чувствует, что он мертв. Нужно двигаться! От одной жены к другой, от одной работы к другой, из одного района в другой, из одного города в другой – никогда прежде история не знала такого. В Америке средняя длительность проживания человека в одном городе – три года; люди переезжают раз в три года – и это в среднем. Есть такие, кто переезжает каждый месяц, они постоянно все меняют: платья, машины, дома, жен, мужей – все.

Мне рассказывали, как одна голливудская актриса знакомила ребенка со своим новым мужем. Она сказала: «Познакомься, это твой новый папа».

Ребенок сказал: «Здравствуйте, приятно с вами познакомиться! Хотите расписаться в моей гостевой книге?» Он уже перевидал столько новых отцов.

Вы стремитесь к постоянным переменам, чтобы чувствовать, что живете. Вы жадно ищете жизни.

Несомненно, жизнь – это движение, но не из одного места в другое; это движение от одного состояния к другому. Это глубокое внутреннее движение от одного сознания к другому сознанию, к высшим обителям. Иначе – вы мертвы. Такие, как вы сейчас, вы мертвы.

Поэтому Иисус говорит: «Да услышит! – имеющий глаза. Да увидит! – имеющий уши». Если понять это, смысл притчи станет яснее.

Есть и еще один момент: почему вы настолько мертвы? Почему вы настолько немые, слепы, глухи? Вероятно, в этом что-то есть, вероятно, это по-своему выгодно – иначе в этом состоянии не находилось бы столько людей, миллионы людей. Должно быть, это приносит вам какую-то выгоду, должно быть, вы чего-то этим добиваетесь, иначе как возможно то, что и Будда, и Кришна, и Иисус говорят: «Не будьте слепы, не будьте глухи, не будьте немые, не будьте мертвы! Будьте живы! Будьте бдительны, не спите!» – и никто их не слушает? Даже если они убедительны для вас на интеллектуальном уровне, вы никогда их не слушаете. Даже если в определенные возвышенные мгновения своей жизни вы чувствуете, что они правы, вы никогда не следуете им. И даже если однажды вы

решите им последовать, вы отложите это на завтра – а завтра не наступает никогда. Так какая от этого выгода?

Не далее как позавчера я разговаривал с другом. Он очень образованный, культурный человек, объездил весь мир; жил и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах, и в Великобритании; был и в Китае – где только не был! Слушая его, я почувствовал: он совершенно мертвый! Потом он спросил меня: «Что делать? В жизни столько страданий и несчастья, столько несправедливости, столько боли. Как жить так, чтобы не чувствовать боли, чтобы жизнь не наносила тебе столько ран – что делать?»

Я сказал ему, что есть два пути: первый – он проще, но обходится дорогой ценой. Первый – это стать мертвым, стать как можно более бесчувственным. Потому что бесчувственный человек обрастает толстой кожей, как панцирем, и его ничего не тревожит, никто не может причинить ему боль. Кто-то оскорбляет вас, но панцирь защищает вас от обиды. Случается несправедливость, но вы ее даже не замечаете.

Так действует механизм вашей безжизненности. Если вы более чувствительны, вам больнее. Каждая мелочь становится болью, горем, и так жить невозможно – но жить нужно. На земле есть проблемы, на земле миллионы людей – и повсюду насилие, повсюду несчастья. Вы идете по улице и видите нищих; вы должны быть бесчувственными, иначе это ляжет на вас душевным грузом. Почему есть нищие? Чем они заслужили такие страдания? И где-то в глубине души вы почувствуете: «Я тоже причастен к этому». Поэтому вы проходите мимо нищих, как будто вы ничего не видите и не слышите – вы стараетесь не смотреть.

Вы когда-нибудь смотрели на нищего? Вы, скорее всего, видели нищих, но никогда не смотрели на них. Вы никогда не знакомились с нищим, никогда не сидели с ним рядом, никогда не держали его руки в своих – это было бы слишком.

Быть открытым – опасно. У вас есть жена, о которой нужно думать, а не об этом нищем; вы должны думать о собственных детях – вам нет до него дела! Когда вы видите нищего, наблюдайте за собой: вы ускоряете шаг, вы торопитесь пройти мимо, вы стараетесь не смотреть на него. Если вы действительно посмотрите на нищего, вы почувствуете всю несправедливость этой жизни, вы проникнетесь этим горем – и это будет уже слишком! Это будет для вас невыносимо, вы захотите что-то сделать, но что вы можете сделать? Вы почувствуете себя беспомощным: у вас есть и свои проблемы, которые нужно решать.

Вы видите умирающего человека, но что вы можете сделать? Вы видите ребенка-инвалида – что вы можете сделать? Недавно ко мне пришел один саньясин и рассказал, что душа у него не на месте с

тех пор, как, переходя дорогу, он увидел, как грузовик сбил собаку. Собака и так уже была больной, похоже, попадала под машину и раньше. Всего с двумя здоровыми лапами собака пыталась жить, а тут этот грузовик снова ее сбил. Саньясину стало жаль собаку; он взял ее на руки и увидел на ее спине рану, кишашую червями. Он хотел помочь, но чем здесь сможешь? Он так расстроился, что не мог спать; ему снились кошмары, его преследовало это впечатление: «Я ничего не сделал – я должен был что-то сделать». Но что можно сделать? Потом ему пришла в голову мысль убить собаку, потому что теперь это было единственное, что можно было сделать. С червями внутри собака не выживет. Она будет только мучиться, так что лучше убить ее. Но убить – разве это не будет насилием? Не будет преступлением? Не будет кармой? Тогда что делать? Ты беспомощен! Тогда лучший выход – быть бесчувственным.

Сколько таких собак и грузовиков! Столько всего происходит, а вы идете своей дорогой, не оглядываясь. Смотреть опасно, поэтому вы никогда не используете свои глаза на сто процентов – ученые говорят, что только на два процента. На девяносто восемь процентов ваши глаза закрыты. На девяносто восемь процентов закрыты ваши уши – вы не слушаете все, что происходит вокруг. На девяносто восемь процентов вы не живете.

Замечали ли вы когда-нибудь, что всякий раз, когда завязываются любовные отношения, вы испытываете страх? Страх охватывает вас, потому что любить человека – значит сдать ему. А сдать другому человеку опасно, потому что он может сделать вам больно. Ваша защита ослаблена. Вы безоружны. Когда вы любите, вы открыты и уязвимы, а кто знает? Как поверить в другого человека, если он – незнакомец? Вы можете быть знакомы много лет, но это ничего не меняет. Вы не знаете даже самого себя – как вы можете знать другого? Другой человек – незнакомец. И впустить другого человека в свою личную жизнь означает позволить ему причинить вам боль.

Люди стали бояться любви; лучше ходить к проститутке, чем иметь возлюбленную. Лучше иметь жену, чем иметь возлюбленную, потому что жена – это общественный институт. Ваша жена не может сделать вам больно, потому что вы никогда не любили ее. Все устроили без вас: ваши родители и астролог... участвовали все, кроме вас самих. Это договоренность, общественная договоренность. Требуется не так уж и много. Вы заботитесь о ней, обеспечиваете питанием и крышей над головой. Она заботится о своем: следит за домом, готовит, воспитывает детей – это взаимная договоренность, все по-деловому. Любовь опасна, это не бизнес, это не сделка. Вы даете другому человеку власть, полную власть над собой – страшно. Дру-

гой человек – незнакомец, – кто знает? Когда вы вверяете себя кому-то, вас охватывает страх.

Люди приходят ко мне и говорят: «Мы сдаемся тебе», но я знаю, что они не могут этого сделать. Это практически невозможно. Они никогда не любили – как они могут сдать? Они практически спят. Они говорят во сне, не осознавая своих слов, потому что сдать означает, что, если я скажу: «Ступай на вершину горы и прыгни оттуда», вы не сможете сказать «нет». Сдаться означает дать другому человеку полную власть над собой, а как вы можете дать это?

Сдача подобна любви – поэтому я всегда говорю, что только любящие могут стать саньясинами, потому что им знакомо, что значит отдаваться другому.

Любовь – это первый шаг к Божественному. Сдача – последний. Из этих двух шагов и состоит путь.

Но вы боитесь. Вам хочется самому контролировать свою жизнь; даже более того: вы хотели бы контролировать жизнь других людей тоже. Отсюда бесконечные ссоры между женами и мужьями – постоянные споры, конфликты. В чем этот конфликт? Конфликт в следующем: «Кто над кем будет доминировать? Кто кому будет принадлежать?» Это должно быть определено в первую очередь.

Отдаваться и доминировать – вещи полностью противоположные. Когда вы доминируете над кем-то, страха нет. Когда вы любите кого-то, появляется страх, потому что в любви вы отдаетесь другому, даете ему полную власть над собой. Он волен причинить вам боль, волен отвергнуть, волен сказать «нет». Вот почему вам удобнее жить на два процента, а не на сто процентов. На девяносто восемь процентов вы мертвы, бесчувственны. А бесчувственность, черствость у общества в большой цене. Чем более вы бесчувственны, тем более уважаемы в обществе.

Известен такой случай из жизни Локмани Тилака – одного из крупных политических лидеров Индии, предшественника Ганди. Он жил в Пунае и был главным лицом Индии, – так вот, о нем говорят как о человеке высокой дисциплины, а дисциплинированные люди всегда мертвы, потому что дисциплина – не что иное, как добровольная черствость. Однажды, когда он сидел в офисе, где издавалась его газета «Кесари», ему доложили: «Ваша жена умерла, приезжайте домой!» Услышав это, он взглянул на часы за спиной и сказал: «Но еще рано. Мой рабочий день заканчивается в пять».

Подумайте об этом. Какая здесь может быть близость, какая любовь, какая забота и участие? Этого человека интересует его работа, интересует время, а не любовь. В это невозможно поверить: чтобы человек, узнав, что умерла его жена, посмотрел на часы и сказал: «Еще рано. Мой рабочий день заканчивается в пять». И чудо из чудес в том, что именно этот эпизод из его жизни очень ценят биогра-

фы. Они говорят: «Какая преданность стране! Вот каким должен быть дисциплинированный человек». Они считают это отсутствием привязанности. Это не отсутствие привязанности. Это не преданность чему бы то ни было. Это просто черствость, бесчувственность. И как может тот, кто равнодушен к собственной жене, быть неравнодушным к целой стране? Это исключено.

Помните, если вы не можете любить одного человека, вы не можете любить человечество. И это может быть ловушкой. Те, кто не способен любить людей – ведь любить кого-нибудь опасно – считают, что они любят человечество. А где это человечество? Где на него можно посмотреть? Это не более чем слово. Человечества не существует в природе. Куда бы вы ни пошли, вы встретите живых людей. Жизнь – это люди, а не человечество. Жизнь всегда воплощается в человеке, в личности. Общество, страна, человечество – всего лишь слова. Где общество? Где страна, родина? Вы не можете любить мать – и утверждаете, что любите родину? Одно из двух – неправда. Но какое красивое слово – родина. Не волнуйтесь за родину, потому что родина – это ничто, это лишь плод вашего ума. Это ваше собственное эго.

Вы можете любить человечество, родину, общество – и при этом быть неспособными любить человека. Потому что человек создает трудности. Общество не создает трудностей, потому что оно – всего лишь слово. Ему не нужно отдавать себя. Вы можете повелевать словом, вымыслом, но невозможно повелевать человеком. Невозможно повелевать даже маленьким ребенком, потому что у него есть собственное эго, собственный ум, он делает все по-своему. Практически невозможно повелевать жизнью, но легко повелевать словами – потому что с ними вы наедине.

Тот, кто не способен любить человека, начинает любить Бога. Он даже не понимает, что делает.

Говорить с человеком, общаться с человеком – непросто. Для этого необходимо умение, необходимо любящее сердце, знающее сердце, чуткое. Только тогда можно соприкоснуться с человеком, потому что соприкоснуться с человеком означает вступить на очень опасную арену: там пульсирует жизнь. И каждый человек настолько неповторим, что это нельзя делать механически. Нужно быть очень бдительным и внимательным. Если вы любите кого-то, вы должны стать более восприимчивым, только в этом случае возникает понимание.

Но любовь к богу, который сидит где-то на небесах, может быть только монологом. Пойдите в любую церковь – люди там обращаются в никуда. Они такие же сумасшедшие, как и пациенты психбольниц, разница лишь в том, что один вид сумасшествия признается обществом, а другой – нет. Пойдите в психбольницу – вы увидите

людей, которые разговаривают сами с собой. Они не только говорят, они еще и отвечают что-то. Они имитируют диалог; на самом деле, это монолог. Потом пойдите в церковь или в храм – люди там обращаются к Богу. Это тоже монолог, но когда они окончательно сходят с ума, они начинают играть обе роли: они что-то говорят – и сами же отвечают, воображая, что им ответил Бог.

Вы не сможете это делать, если не научитесь любить человека. Если вы любите человека, постепенно один человек становится двурью в Целое. Но начинать нужно с человека, с малого, с одной частицы. Невозможно сразу совершить скачок. Река Ганг не может просто впасть в океан. Она должна брать начало в Ганготри, маленьком ручейке; потом она становится все шире и шире, больше и больше и, наконец, сливается с океаном.

Ганг любви тоже должен начинаться с ручейка, с любви к людям, и становиться все больше и больше. Когда вы познаете, как это прекрасно, как прекрасно отдаваться, как прекрасно быть незащищенным, как прекрасно быть открытым для всего, что приносит жизнь – как для блаженства, так и для мук, – тогда вы становитесь все больше и больше, вы расширяетесь, и рано или поздно ваше сознание превращается в океан. Тогда вы вливаетесь в Бога, в Божественное.

Но страх делает вас бесчувственными – и обществу это нравится. Обществу не хотелось бы, чтобы вы были чересчур живыми, потому что живые люди – бунтари.

Посмотрите на маленького ребенка: если он по-настоящему живой, он будет непослушным. Он будет пытаться сделать все по-своему, но если он бессловесный имбецил, идиот, остановившийся в своем развитии, он будет сидеть в уголке как образец воспитания. Велите ему идти – он пойдет; велите ему подойти – он подойдет. Скажете ему сесть – он сядет; скажете ему встать – он встанет. Он образец послушания, потому что собственная личность у него отсутствует. Общество, семья, родители будут довольны таким ребенком. Они будут говорить: «Посмотрите, какой послушный».

Я слышал такую историю: Мулла Насреддин разговаривал с сыном, который принес школьный табель с оценками. Мулла ожидал, что сын получит «пять», а он получил «два». На самом деле, он учился хуже всех в классе. Насреддин сказал ему: «Вот видишь, ты никогда меня не слушаешься; что бы я ни сказал, ты делаешь наоборот; и вот – результат. Посмотри на соседского мальчика: он всегда учится на отлично, всегда первый в классе». Ребенок посмотрел на Насреддина и сказал: «Но это совсем другое дело – у него одаренные родители». Этот ребенок очень живой, но делает все по-своему.

Послушание ассоциируется с определенной тупостью, непослушание – с острым умом. Но послушание ценится, потому что доставляет меньше неудобств. Этого и следует ожидать: непослушание

создает неудобства. Неживой ребенок вам больше по душе, потому что с ним нет проблем. Другое дело живой ребенок: чем более живой, тем больше риска.

Родители, школа, общество навязывают послушание, они оуплюют детей – и этих людей потом уважают. Поэтому те, кто были первыми в школе, в университете, никогда не заметны в жизни; в жизни они просто теряются. В жизни они не становятся видными. В школе они показывают себя очень способными, но почему-то в жизни они теряются.

Похоже, школьные порядки противоречат законам жизни. Почему-то жизнь любит людей живых, по натуре бунтарей, людей со своим собственным сознанием, бытием и личностью, людей с собственной миссией, которую нужно выполнить – людей не мертвых. Школы предпочитают как раз обратное.

Всеми своими силами общество помогает вам стать немым, глухим, слепым, мертвым.

В монастырях вы можете видеть, как безжизненным людям поклоняются, будто святым. Поезжайте в Бенарес: там вы увидите людей, лежащих на ложе из гвоздей и шипов, они почитаемы, как боги. А чего они достигли? Посмотрите на их лица – более тупых лиц вы не найдете нигде. Человек, лежащий на гвоздях и шипах, не может не быть тупым.

Для того чтобы выбрать подобный образ жизни, нужно изначально быть тупым. И что он будет делать потом, что он может сделать, лежа на гвоздях? Ему придется сделать все свое тело нечувствительным. Это единственный способ, чтобы ничего не чувствовать. Постепенно его кожа грубеет, и потом ему уже все нипочем. В итоге он превращается в камень, совершенно мертвый. А общество поклоняется ему: он святой, он достиг чего-то. Чего он достиг? Он достиг еще большей бесчувственности, чем вы. Тело настолько мертво, что не чувствует даже гвоздей.

Возможно, вы этого не знаете, но, если спросите физиологов, они вам скажут, что на теле человека и так есть много нечувствительных мест, они называются мертвыми зонами. Таких мест много на спине. Пусть кто-нибудь из ваших близких возьмет иголку и попробует уколоть вас в несколько мест на спине. В некоторых местах вы это почувствуете, а в некоторых – нет. Эти места уже мертвы, так что даже если их уколоть иголкой, вы ничего не почувствуете.

Те люди добились одного: они превратили свое тело в одну сплошную мертвую зону. Но это не рост, а путь назад. Они становятся более материальными, скорее чем более духовными, потому что быть духовным означает быть полностью восприимчивым, полностью живым.

Итак, я сказал тому человеку, что есть первый путь, самый простой: стать мертвым. Так делают все. Каждый в разной степени, но, так или иначе, все делают именно это.

Вы приходите домой, боитесь своей жены – вы становитесь глухим, чтобы не слышать, что она говорит. Вы беретесь читать газету и держите ее так, чтобы закрыться от жены. Чтобы она ни говорила, вы пропускаете мимо ушей, иначе вы стали бы думать: «Как жить дальше, если все время слушать ее?» Если она заплачет, вы даже не узнаете. Только когда она становится совсем невыносимой, вы бросите взгляд в ее сторону – и взгляд тоже будет злым.

Вы едете на работу, двигаетесь в потоке машин, и повсюду вам приходится окружать себя непроницаемостью – вы думаете, это вас защищает. Ничего подобного, это только убивает.

Конечно, в вашей жизни меньше страдания, но меньше и радости, меньше блаженства.

Когда вы становитесь черствым, страдание уменьшается, потому что вы его не чувствуете; блаженство тоже уменьшается, потому что вы его не чувствуете. Тот, кто ищет высшего блаженства, должен быть готов к страданию. Вам это может показаться парадоксальным: человек, достигший состояния будды, пробужденный, пребывает в абсолютном блаженстве... – и одновременно в абсолютном страдании. Блаженство у него внутри, там цветут цветы, но он страдает за всех вокруг. Это неизбежно, потому что, став восприимчивыми к блаженству, вы становитесь также восприимчивыми к страданию. Нужно делать выбор. Если вы выбираете не страдать, если вы не хотите страдать, тогда вы не достигнете и блаженства, потому что они входят в одну и ту же дверь.

В этом вся трудность. Вы можете закрыть свою дверь, опасаясь врага, но через ту же дверь входит друг. И если вы запретите ее окончательно, чтобы не впустить врага, то войти не сможет и друг. Бог не приходит к вам, ваши двери закрыты. Возможно, вы заперли их от дьявола, но если двери закрыты, они закрыты для всех. И тому, кто стремится, жаждет встретить Божественное, придется встретить и дьявола. Вы не можете выбрать только одно. Вам придется встретиться и то, и другое.

Если вы по-настоящему живы, смерть будет для вас великим явлением. Если вы живете полной жизнью, вы так же и умрете. Если вы живете на два процента, вы и умрете на два процента. Какова жизнь, такой будет и смерть. Если дверь открыта для Бога, она также открыта и для дьявола.

Вы слышали много притч, но я не уверен, что вы поняли: когда приходит Бог, дьявол приходит тоже, прямо перед Ним, потому что, когда дверь открывается, дьявол врывается первым. Он всегда спешит. Бог никогда не спешит. Так было с Иисусом: когда он дос-

тиг окончательного просветления, дьявол искушал его сорок дней. Когда он медитировал, постился наедине с самим собой, когда Иисус исчезал и готовился к тому, чтобы пришел Христос, дьявол искушал его.

Все те сорок дней дьявол не покидал его. И он искушал очень красиво, как настоящий политик; дьявол – величайший политик, все остальные политики учились у него. Очень дипломатично он произнес: «Итак, теперь ты стал пророком, и, знаешь, в священных книгах сказано, что человек, избранный Богом, ставший мессией, пророком, наделен безграничной силой. Ты можешь все. Если хочешь, ты можешь прыгнуть с вершины горы, и ангелы поймают тебя в долине. И если ты вправду мессия, ты должен выполнить то, что сказано в Писании, – прыгни!»

Искушение было велико: он даже цитировал писание. Дьявол всегда цитирует, призывая в союзники священное писание, чтобы убедить вас. Дьявол знает все писания наизусть.

Иисус рассмеялся и сказал: «Ты прав, но в том же Писании сказано, что не следует испытывать Бога».

В другой раз, когда Иисус был сильно голоден – после тридцатидневного поста... дьявол постоянно был рядом – дьявол приходит прежде Бога: как только вы открываете дверь, он тут как тут, первый в очереди... Бог всегда отстаёт, потому что он не торопится... помните, у Бога работы на целую вечность, а у дьявола – на какие-то секунды... если он проигрывает, значит, проигрывает, и как только человек достигает Божественного, дьявол ему больше не страшен... поэтому дьявол выжидает мгновений слабости, когда Иисус исчезает, а Христос еще не появился – в этот промежуток он может прийти... тогда дьявол сказал: «Но в Писании сказано, что Богом избранный человек может обращать в хлеб даже камни. Так зачем ты страдаешь? Докажи это, ведь этим ты принесешь пользу всему миру».

Вот это дипломатия. Он сказал: «Этим ты принесешь пользу всему миру».

Кажется, именно этим дьявол убедил Сатъя Саи Бабу. Это принесет пользу всему миру, потому что, когда ты превратишь камни в хлеб, люди поверят, что ты сын Божий. Они бегом прибегут, и тогда ты сможешь им помочь. Иначе кто станет тебя слушать?

Иисус сказал: «Ты прав. Я могу превратить камни в хлеб; но не я, а Бог может превратить камни в хлеб. Но когда ему будет нужно, он даст мне знать, так что тебе не стоит беспокоиться. Откуда такая забота?»

Когда вы войдете в медитацию, первым человеком, кого вы встретите у ворот, будет дьявол, потому что именно из-за боязни его

вы заперли дверь. И помните... Хотя нет, сначала я расскажу вам анекдот, тогда вы поймете.

В одном магазине объявили о рождественских скидках, в особенности на женскую одежду, и собралась толпа женщин. Пришел и один мужчина, потому что его жена заболела и заставила его пойти, ведь такую возможность грех упускать. Целый час он простоял, как истинный джентльмен, но так и не смог подойти к прилавку. Вы знаете женщин, какие они: визжат, кричат друг на друга, суетятся, никакой очереди; а мужчина дождался своей очереди и так и стоял. Прошел час, но он ни на сколько не приблизился к прилавку. Тогда он стал силой прокладывать себе дорогу, кричать и расталкивать толпу. Одна пожилая дама закричала на него: «Что такое?! Что вы делаете? Будьте же джентльменом!»

Мужчина ответил: «Я уже был им целый час. Теперь я буду как леди. Надоело!»

Помните, дьявол никогда не ведет себя как джентльмен, он ведет себя как леди. Он всегда первый в очереди. А Бог – джентльмен. Ему трудно пробиваться вперед очереди, поэтому, как только вы открываете дверь, входит дьявол. Боясь его, вы всегда держали дверь закрытой. Но если не пускать дьявола, Бог тоже не сможет войти.

Когда вы открываетесь, вы открываетесь равно для Бога и для дьявола – для света и тени, для жизни и смерти, для любви и ненависти – вы становитесь доступны для обеих противоположностей. Вы же выбрали не страдать, поэтому вы закрыты.

Возможно, вы не страдаете, но ваша жизнь – сплошная скука, потому что, хотя вы и не страдаете столько, сколько страдали бы, если бы были открыты, блаженства вы тоже не испытываете. Дверь закрыта – нет ни утра, ни солнца, ни луны, ни неба, ни свежего воздуха, все зачерствело. И в страхе вы прячетесь там. То место, где вы живете, не назовешь домом – вы заранее превратили его в могилу. Ваши города – это кладбища, ваши дома – могилы. Весь ваш образ жизни – как у мертвеца.

Для того чтобы открыться, требуется смелость – смелость страдать, потому что лишь тогда блаженство становится возможным.

Теперь давайте попытаемся понять эту чудесную притчу под названием *Слепоглухонемой*.

Как-то раз Гениш пожаловался своим ученикам: «Многие Мастера постоянно говорят о необходимости спасать каждого – но вы только представьте, что встретится вам слепоглухонемой: он не сможет увидеть ваших жестов, не сможет услышать ваших проповедей, не сможет задать вам вопросов. Не в силах спасти его, вы подтвердите свою никчемность как буддист».

Как правило, Мастера не жалуются, но если уж они жалуются, это действительно что-то значит. Это жалоба не одного Генши, это жалоба всех Мастеров. Но это их собственный опыт, и везде, где бы вы ни оказались, вы встретите глухих, немых и слепых людей, потому что этим страдает все человечество. Как же их спасти? Они ничего не видят, не слышат, не чувствуют, не понимают смысла поступков. Если вы слишком усердны в своем стремлении их спасти, они просто сбегут, подумав: «Этому человеку что-то от меня нужно, он хочет использовать меня в своих замыслах». Если же вы мало делаете для них, они подумают: «Этот человек не для меня, потому что он равнодушен». Что бы вы ни делали, они этого не поймут.

Это не жалоба Генши, потому что просветленные люди никогда не жалуются ради самих себя. Это жалоба обобщенная; это констатация факта. Такие же чувства испытывает каждый Иисус, каждый будда.

Где бы вы ни оказались, вы неизбежно встретите людей, которые глухи, немые, слепы. Вы совершаете жесты – они их не видят; или, что еще хуже, видят что-то другое. Вы разговариваете с ними – они вас не понимают, хуже того: они понимают неправильно. Вы говорите другими словами, они все равно понимают неправильно, потому что смысл невозможно передать словами. Передать можно только слова, смысл должен придавать тот, кто слушает.

Я говорю слово. Я имею в виду одну единственную вещь, но если меня услышат десять тысяч людей, возникнет десять тысяч смыслов, потому что каждый будет воспринимать сквозь призму своего ума, своих предубеждений, своих понятий, воззрений, своей религии. Каждый будет воспринимать сквозь призму своей обусловленности, и эта обусловленность будет диктовать смысл. Это очень сложно, практически невыносимо. Это все равно, что обращаться к пациентам психбольницы. Подумайте, как бы вы при этом себя чувствовали? То же самое чувствует Генша, и об этом его жалоба.

И я жалуясь на то же самое.

Работая с вами, я всегда чувствую сопротивление. Закрыты либо ваши глаза, либо уши, либо нос, либо сердце; в каком-то месте появляется блок, будто я натыкаюсь на каменную стену. Сквозь нее трудно проникнуть, и если я буду слишком стараться это сделать, у вас возникнут подозрения: зачем мне это нужно? Если я, наоборот, не слишком стараюсь, вам кажется, что вами пренебрегают. Такова логика невежественного ума. Сделай одно – он поймет неправильно, сделай другое – и он все равно поймет неправильно.

Как-то раз Генша пожаловался своим ученикам: «Многие Мастера постоянно говорят о необходимости спасать каждого».

Будда говорил, что когда вы спасетесь, единственное, что останется делать – это спасти других. Когда достигаете вы сами, единственное, что остается делать – это делиться этим с другими, потому что борется каждый. Каждый спотыкается на Пути, движется осознанно или же неосознанно, а *вы уже достигли*. Помогите другим.

Это даже становится потребностью, внутренней энергетической потребностью, потому что человек, ставший просветленным, продолжает жить дальше, потому что просветление – это не судьба, оно не предопределено, его невозможно вызвать. Оно необязательно случается одновременно со смертью тела. Нет никакой необходимости в том, чтобы эти события совпали. На самом деле, это практически невозможно, потому что просветление – это внезапное, беспричинное явление. Вы работаете для того, чтобы его достичь, но оно никогда не будет результатом вашей работы. Ваши старания помогают создать нужную ситуацию, но это происходит благодаря чему-то еще – и это что-то называется божьей милостью. Это дар Бога, а не побочный продукт ваших усилий; они не служат ему причиной.

Разумеется, они создают ситуацию: я открываю дверь, и проникает свет. Открывание двери не создает света, но закрывание препятствует ему. Свет – это дар солнца. Я не могу создать свет, просто открыв дверь. Открытая дверь не может быть *причиной* света. Закрытая дверь – это препятствие для света, но, открыв дверь, невозможно его вызвать.

Если вы откроете дверь ночью, света не будет. Открыть дверь не значит создать свет, но держать ее закрытой значит препятствовать свету. Итак, все ваши усилия направлены на то, чтобы открыть дверь. Свет приходит тогда, когда приходит. Вы должны держать дверь открытой, чтобы, когда он придет, когда постучится к вам, он застал вас и смог войти через открытую дверь. Это всегда *дар* – И ТАК ДОЛЖНО БЫТЬ, потому что, если бы Высшего можно было достичь одними усилиями, это было бы абсурдом. Ограниченный ум, прилагающий усилия – как он может найти бесконечное? Ограниченный ум, прилагающий усилия – все усилия также будут ограниченными. Как может бесконечное прийти через ограниченные усилия? Невежественный ум прилагает усилия – эти усилия прилагаются в неведении: как они могут превратиться, преобразиться в просветление? Нет, это невозможно.

Вы прикладываете усилия, они необходимы, они готовят вас, они открывают дверь – но то, что должно случиться, случится, когда случится.

Просто оставайтесь доступным. Бог стучится к вам в дверь множество раз, солнце восходит каждый день.

Помните: то, что я хотел бы вам сказать, не написано ни в одной книге, несмотря на то, что это было бы полезно. Об этом не пишут.

потому что в случае, если вы поймете неправильно, это замедлит ваше продвижение. Для Бога есть день, но есть также и ночь. Если вы откроете дверь ночью, то она останется открытой, но Бог не придет. Есть и *день* – если вы откроете дверь в правильный момент, Бог войдет немедленно.

И так должно быть, потому что все существование состоит из противоположностей. И у Бога бывают периоды отдыха, когда он спит. Если вы откроете дверь в это время, Он не придет. Бывает и время, когда Он бодрствует, когда Он в движении – так должно быть, потому что каждая энергия проявляет себя в двух противоположностях, отдыхе и активности, а Бог – это бесконечная энергия! Бывает, он активен, бывает, он отдыхает. Именно поэтому ученику необходим Мастер.

Если вы делаете это сами по себе, вы можете очень стараться, но ничего не произойдет, потому что вы неправильно выбираете время. Вы начинаете работать ночью, открываете дверь, но к вам входит лишь темнота! В страхе вы снова ее закрываете.

Вы открываете дверь, а вокруг – ничего, кроме бесконечной пустоты. Вы пугаетесь, закрываете дверь. И, увидев эту пустоту лишь однажды, вы больше никогда ее не забудете – и из-за этого страха вам потребуется много лет, чтобы набраться терпения и вновь открыть дверь. Потому что, стоит вам однажды увидеть эту бездну, когда Бог спит, когда он отдыхает, стоит вам застать это мгновение бесконечной негативности, бездонности и темноты, вас охватит страх; и он будет таким сильным, что вы еще много лет не сможете решиться на новую попытку.

И я чувствую, что многие люди боятся, боятся идти в медитацию – и я знаю, что когда-то в своей прошлой жизни они уже делали попытку, но, выбрав неподходящее время, они увидели мгновение бездны. Они могут этого не осознавать, но где-то в бессознательном это есть, поэтому как только они подходят к двери, берутся за ручку и могут открыть дверь, страх останавливает их. Из этой самой точки они возвращаются, бегут назад – они не открывают дверь. Их охватывает бессознательный страх. Это неизбежно, потому что вы столько жизней провели в борьбе и стараниях.

Поэтому нужен Мастер, который знает, который достиг, и который знает, когда наступит правильный момент. Он велит вам работать над собой во время ночи Бога. И он не велит вам открывать дверь. Он скажет вам, чтобы за время ночи вы подготовились, настолько, насколько возможно, чтобы вы были готовы, и, когда наступит утро и появятся первые солнечные лучи, он скажет вам открыть дверь. Внезапное озарение! Тогда все будет по-другому, потому что, когда есть свет, все совершенно по-другому.

Когда Бог бодрствует, пустоты нет. Наоборот, есть наполненность; это абсолютная наполненность. Все наполненно, даже более того: это переполняющееся совершенство. Это вершина всего, а не бездна.

Если вы откроете дверь в неподходящий момент, будет бездна. Вам станет тошно, так тошно, что потом еще долгие жизни вы не рискнете это повторить. Но лишь тот, кто знает, лишь тот, кто стал един с Богом, лишь тот, кто знает, когда ночь, а когда день – лишь он может помочь, потому что теперь смена дня и ночи происходит и в нем самом: у него бывает ночь, и у него бывает день.

Индусы это почувствовали и придумали красивую гипотезу. Они назвали это днем Брахмы, днем Бога: период творения они называют днем Бога, но у этого периода есть предел во времени, и творение прекращается, и наступает ночь Брахмы, ночь Бога. Творение, или день Брахмы, длится двенадцать часов. Потом, уставшее, существование погружается в небытие. Следующие двенадцать часов длится ночь Брахмы. Для нас это миллионы и миллионы лет, для Бога это – двенадцать часов, Его день.

У христиан была собственная теория, или гипотеза, на этот счет (я называю все религии теориями, гипотезами, потому что ничто не доказано, ничто не доказуемо по самой природе вещей)... они говорят, что Бог сотворил мир за шесть дней, а на седьмой день он отдыхал. Поэтому воскресенье – выходной день, день для отдыха. Шесть дней он творил, а на седьмой день он отдыхал. Они почувствовали, что даже Бог должен отдыхать.

И то, и другое – лишь гипотезы, обе прекрасны, но вы должны отыскать их суть. Суть в том, что каждый день у Бога случается и день, и ночь. И каждый день бывает подходящее время для того, чтобы войти, но бывает и неподходящее время; войдя не вовремя, вы натолкнетесь на стену, войдя вовремя, вы просто войдете. Именно поэтому те, кто постучался в дверь не вовремя, говорят, что просветление достигается постепенно, что к нему идут ступень за ступенью; а те, кто подошел к двери в подходящий момент, говорят, что просветление внезапно и мгновенно.

Мастер нужен для того, чтобы решить, когда наступит подходящий момент.

Рассказывают, как Вивекананда, встав на путь искания, однажды достиг первого проблеска. В дзен его называют сатори, потому что это лишь проблеск самадхи, это временно. Это как если бы облака рассеялись, небо прояснилось, и с расстояния тысячи миль вашему взору на мгновение предстал Эверест во всей своей красоте, но потом небо вновь заволочло, и видение пропало. Это не достижение, вы не достигли Эвереста, не достигли вершины, вы лишь мельком

увидели его с расстояния тысячи миль – это и есть сатори. Сатори – это проблеск самадхи. У Вивекананды было сатори.

В ашраме Рамакришны было много людей, все они работали. Один из них, по имени Карло, человек очень простой и невинный, тоже работал, по-своему – а Рамакришна признавал любой путь. Он был редкий человек: он признавал любой метод, любую технику, он говорил, что каждый должен найти свой собственный Путь, что нет одного Сверхпути. И это хорошо, иначе на Пути были бы заторы, это хорошо; вы можете идти по своему собственному Пути. Никто не помешает вам и не преградит дорогу.

Тот Карло был очень простым человеком. У него было, по меньшей мере, сто богов – индусы любят, чтобы было много богов, одного им недостаточно. Они ставят на свой алтарь одного бога, другого, любого, которого могут найти, даже календари ставят. В этом нет ничего плохого: если вы это любите, то все в порядке. Но Вивекананда был логиком, обладателем острого ума. Он вечно спорил с этим невинным человеком, а тот не мог ничего ответить. Вивекананда говорил: «К чему вся эта чепуха? И одного было бы достаточно, ведь в Писании сказано, что Он Един, так зачем тебе этот сто и один бог?» Боги у Карло были всевозможных форм и размеров, и ему приходилось работать с ними по три часа утром и вечером – и так проходил весь день, потому что нужно было работать с каждым богом, и, как бы быстро он ни работал, это занимало не меньше трех часов утром и трех вечером. Но он был человеком очень молчаливым, и Рамакришна любил его.

Вивекананда постоянно настаивал: «Брось ты этих богов!» Когда у него был проблеск сатори, он почувствовал себя очень могущественным. Внезапно его осенило, что, если сейчас, обладая этой силой, он пошлет Карло телепатический приказ – в это время Карло как раз должен был заниматься практикой в своей комнате – если он скажет Карло собрать всех своих богов и выбросить в Ганг, то так и произойдет.

И он просто послал приказ. Карло был действительно простым человеком. Он собрал всех своих богов, завернул в простыню и понес их на берег Ганга.

С Ганга же возвращался Рамакришна, он сказал: «Подожди! Тот, кто собирается выбросить их – это не ты. Ступай обратно в свою комнату и поставь их на место». Но Карло сказал: «Хватит! Довольно!»

Рамакришна сказал: «Не торопись, пойдем со мной!»

Он постучал в дверь к Вивекананде. Вивекананда отворил дверь, и Рамакришна сказал: «Что ты наделал? Это нехорошо, и для тебя это неподходящий момент. Вот что, я заберу твой ключ от медитации и буду держать его у себя. Когда подходящий момент наступит,

я отдам его тебе». И потом всю свою жизнь Вивекананда пробовал миллионы способов, чтобы достичь, но так и не смог достичь еще одного проблеска.

Прямо перед смертью, за три дня до нее, Рамакришна пришел к нему во сне и отдал ключ со словами: «Теперь можешь взять ключ. Теперь подходящий момент наступил, и ты можешь открыть дверь». И на следующее утро он снова увидел проблеск.

Мастер знает, когда наступает подходящий момент. Он помогает вам, готовит вас к этому моменту, и, когда он наступит, Мастер даст вам ключ; тогда вы просто откроете двери, и Божественное войдет – потому что, если вы откроете дверь и войдет темнота, это будет похоже на смерть, а не на жизнь.

В этом нет ничего плохого, но вы будете напуганы, напуганы настолько, что будете носить в себе этот страх вечно.

Будда говорит, чтобы, как только вы достигнете, вы начали помогать другим, потому что прежде вся ваша энергия тратилась на желания – теперь этот канал закрыт, этот путь закончен. Теперь позвольте всей своей энергии, которая была направлена на желание, *васану*, стать сопереживанием, *каруной*. И сопереживание может проявляться только в одном: в помощи другим в достижении Высшего, потому что больше достигать нечего. Все остальное – мусор. Только Божественное стоит того, чтобы его достигать. Если вы достигаете его, считайте, что вы достигли всего; если вы упускаете его, вы упустили все.

Когда человек становится просветленным, он продолжает жить до тех пор, пока тело не завершит свой цикл. Будда жил после этого еще сорок лет, потому что продолжительность жизни передалась по наследственности через хромосомы, а также по кармической линии в виде жизненного цикла. Ему было предназначено прожить восемьдесят лет – просветленным или нет. Даже если бы просветление стало невозможным, или если бы оно произошло, – независимо от этого он прожил бы восемьдесят лет. Это случилось, когда ему было около сорока, после он прожил еще сорок лет.

Что делать с энергией? Больше нет ни желаний, ни амбиций. А в вас течет бесконечная энергия. Что делать с этой энергией? Ее можно направить в русло сопереживания. Теперь даже в медитации нет необходимости: вы достигли, вы переполняетесь – вы можете делиться. Теперь вы можете делиться с миллионами, можете дать им это.

Будда сделал это частью своего основного учения. Он называет первую часть *дхьяна* – медитация, а вторую часть – *праджна*, мудрость, достижение. Путем медитации вы достигаете *праджны*. Это ваши внутренние процессы: две части – вы медитировали, теперь вы достигли.

Теперь необходимо уравновесить внутреннее с внешним, потому что в просветленном человеке все уравновешено. На внешнем уровне, когда внутри не было медитации, было желание. Теперь, когда внутри мудрость, на внешнем уровне должно быть сопереживание. Энергия, направленная вовне, должна стать сопереживанием; внутренняя энергия стала мудростью, просветлением. Просветление внутри, сопереживание вовне.

Совершенный человек всегда уравновешен.

Поэтому Будда говорит не останавливаться и помогать людям спасаться.

Генша жаловался: как это сделать, если перед тобой слепоглухонемой? – а таких людей встречается большинство, потому что других просто не бывает. Будды почему-то не встречаются – будда не нуждается в тебе. Тебе встречаются невежественные люди, не знающие, что делать, куда идти. Как им помочь?

Обеспокоенный этими словами, один из учеников Генши пошел посоветоваться с Мастером Уммоном...

Уммон и Генша были братьями по учебе: они учились у одного Мастера, Сеппо. Итак, что делать? Слова Генши настолько затронули этого человека – как помочь людям? Он пошел к Уммону.

Уммон был очень известным Мастером. Генша – очень молчаливым. Но у Уммона были тысячи учеников, и он знал множество приемов для работы с ними. В этом он был похож на Гурджиева: он умел создавать ситуации, потому что только ситуации помогают понять.

Если слова бесполезны, поскольку вы немые и глухи – слова не помогут. Если вы слепы, не помогут и жесты. Что делать? Помогут только ситуации.

Если вы слепы, я не могу указать вам на дверь жестом, потому что вы не увидите! Я не могу рассказать вам о двери, потому что вы глухи и ничего не услышите! На самом деле, вы не можете даже спросить: «Где дверь?» – потому что вы немые. Что мне делать? Я должен создать ситуацию.

Я могу взять вас за руку и подвести к двери. Никаких жестов, никаких слов. Я должен что-то сделать; я должен создать такую ситуацию, которая заставила бы глухого, немного и слепого двигаться.

Обеспокоенный этими словами, один из учеников Генши пошел посоветоваться с Мастером Уммоном

– потому что он знал, что Генша не станет много говорить; он был человеком немногословным и никогда не создавал никаких си-

туаций; он говорил что-то, а потом умолкал. Людям приходилось идти к другим Мастерам, чтобы узнать, что он имел в виду. Он был особенным человеком, молчаливым, подобно Рамане Махариши; он был немногословен. Уммон был такой, как Гурджиев. Он тоже не был многословен, но умел создавать ситуации и пользовался словами лишь для того, чтобы создавать ситуации.

Он пошел посоветоваться с Мастером Уммоном, который, как и Генша, был учеником Сеппо

– а Сеппо был не похож ни на одного из них. Говорят, он вообще никогда не разговаривал. Всегда молчал. Поэтому у него не было проблем: ему никогда не встречались слепоглухонемые, потому что он сам сидел на месте. Только настоящие искатели, те, чьи глаза понемногу открывались, те, кто были глухи, но могли слышать громкую речь, те, кто были немые, но в определенной ситуации могли что-то сказать... именно поэтому многие люди стали просветленными рядом с Сеппо, потому что к нему приходили лишь те, кому до просветления оставался последний шаг.

Уммон и Генша, эти двое учеников, стали просветленными рядом с Сеппо, человеком, хранившим полное молчание, – он просто сидел себе и ничего не делал. Тот, кто хотел учиться, мог оставаться рядом с ним, тот, кто не хотел, мог уйти. Он бы ни слова не сказал. Учиться должны вы, он не должен учить. Он не учил, но многие люди научились.

Ученик пошел к Уммону.

«Поклонись, пожалуйста», – сказал Уммон.

Он сразу перешел к делу, потому что просветленные не теряют времени даром, они просто тут же переходят к делу.

Монах, несмотря на свое удивление...

Потому что так не годится! Как можно приказывать кому-то поклониться? И в этом нет необходимости: если кто-то захочет поклониться, он поклонится; если он захочет отдать дань уважения, он сделает это. Если же нет, то нет. Что за человек этот Уммон? Он велит поклониться, прежде чем монах успел что-то спросить; он только что вошел, а Уммон говорит:

«Поклонись, пожалуйста».

Монах, несмотря на свое удивление, сделал то, что велел Мастер, – и снова выпрямился, в ожидании ответа на свой вопрос.

Но вместо ответа его огрели посохом. Он отскочил.

«Ну что ж, – сказал Уммон, – ты не слепой. Теперь подойди ближе».

Он имел в виду: «Ты видишь мой посох, значит, можно быть уверенным, что ты не слепой. Теперь подойди ближе».

Монах сделал то, что ему велели. «Хорошо, – сказал Уммон, – и глухим тебя не назовешь».

«Ты слышишь: я говорю “Подойти”, и тыходишь».

«Теперь понял?»

«Понял что, господин?» – спросил монах.

Что он говорит? Он говорит: «Ну? Теперь понял?»

«Понял что, господин?» – спросил монах.

«Ну вот, ты и не немой» – сказал Уммон.

Услышав эти слова, монах пробудился, как от глубокого сна.

Что произошло? Что Уммон хотел этим сказать? Во-первых, то, что если для вас лично это не проблема, к чему о ней беспокоиться? Ко мне иногда приходят такие люди... пришел однажды очень богатый человек, один из самых богатых в Индии, и сказал: «А как же бедняки? Как вы будете помогать беднякам?» И я сказал ему: «Если вы бедны, тогда и спрашивайте. Если же нет, пусть спрашивают сами бедные! Каким образом это касается вас? Вы не бедны, так зачем делать из этого проблему?»

Однажды сын Муллы Насреддина задал отцу вопрос – это было при мне, и ребенок усердно трудился, корпел над своим домашним заданием – и вдруг он посмотрел на Насреддина и сказал: «Слушай, пап, зачем вообще все это образование? Какая от нее польза, от этой учебы?»

Насреддин сказал: «Ну, нет ничего подобного образованию. Оно делает тебя способным беспокоиться обо всех людях в мире, кроме себя самого».

Образование не имеет себе равных. Все ваше образование лишь приучило вас беспокоиться о событиях по всему миру, обо всех остальных людях, кроме вас самих. Обо всех бедах, которые происходят в мире.

Они всегда были, они всегда будут. Не вы причина этих бед. Они были и до вашего появления; они будут и когда вас не станет. Они меняют цвет, но не исчезают. Сама Вселенная устроена так, что, ка-

жется, рост возможен лишь через беды и страдания. Должно быть, это неизбежные уроки, шаги, дисциплина.

Первое, что хочет показать Уммон: «Ты не слепой, не немой, не глухой – так почему тебя это волнует, почему ты встревожен? У тебя самого есть глаза – так к чему тратить время, думая о слепых? Почему бы вместо этого не посмотреть на своего Мастера? – ведь слепые будут всегда, а твой Мастер не вечен. И вы можете думать и беспокоиться о слепых и глухих, о том, как их спасти, в то время как человек, который может спасти вас, не будет жить вечно. Так подумайте лучше о самих себе».

Мой опыт показывает, что люди склонны жить чужими проблемами. Однажды ко мне пришел человек в точности с таким же вопросом. Он сказал: «Мы можем слушать вас, но как же те, кто не может прийти сюда, чтобы послушать? Что же делать? Мы можем почитать ваши книги, но как же те, кто не умеет читать?»

Эти вопросы кажутся разумными, но, на самом деле, они совершенно неразумны. Каким образом это касается лично вас? И если вы обеспокоены этим, вы никогда не сможете стать просветленным, потому что человек, который попусту растрчивает свою энергию на других, никогда не смотрит на самого себя. Это уловка ума с одной лишь целью: убежать от самого себя. Вы беспокоитесь о других людях, и от этого улучшается ваше самоощущение. Вы воображаете себя великим общественным реформатором, революционером или утопистом, великим служителем обществу – но что вы делаете на самом деле? Вы просто избегаете главной проблемы: измениться должны вы сами.

Забудьте о целом обществе, и только тогда что-то может произойти с вами; когда спасетесь вы сами, вы сможете начать спасать других.

Но прежде, чем вы спасетесь сами, спасти других невозможно, даже и не думайте. Вы не сможете никого исцелить, пока не исцелитесь сами. Пока вы сами не наполнитесь светом, вы не сможете помочь другому зажечь огонь в его сердце. Невозможно: только горящее пламя может помочь другим. Для начала станьте горящим пламенем – это первое. А второе: Уммон создал ситуацию. Он мог просто сказать словами, но он не делает этого; он создает ситуацию, потому что только в ситуации вы бываете полностью вовлечены. Если я говорю словами, участвует лишь ваш интеллект. Вы слушаете – участвует голова; но ваши ноги, сердце, почки, печень, ваша целостность остается незатронутой. Когда же монах получил удар посохом, он подпрыгнул весь. Этот прыжок был всеохватывающим; подпрыгнули не только его ноги, голова, почки, печень, подпрыгнул он весь.

В этом весь смысл моих медитационных техник: все в вас должно трястись, прыгать, все в вас должно танцевать, все в вас должно двигаться. Если вы просто сидите с закрытыми глазами, участвует только голова. Все происходит только у вас в голове – и много таких людей, которые годами сидят с закрытыми глазами, повторяя мантру. Но мантра повторяется в голове; ваша целостность не вовлечена – а ваша целостность вовлечена в существование!

Ваша голова ровно настолько в Боге, насколько и печень, и почки, и ступни ног. Вы весь в нем, и одной головы недостаточно, чтобы осознать это.

Поможет все, что связано с активным движением. Если вы неактивны, вы погружаетесь в плен мыслей. А им нет конца: мечтам, мыслям – им нет конца. Они могут продолжаться бесконечно.

Кабир однажды сказал: в мире есть две бесконечности: одна – невежество, другая – Бог. Эти две вещи бесконечны: Бог бесконечен – и невежество. Вы можете сколько угодно повторять мантру, но это поможет, только если вся ваша жизнь станет мантрой, если вы отдадитесь ей всем своим существом – без сопротивления, без разделения. Именно это сделал Уммон. Монах получил удар посохом.

Он отскочил.

«Ну что ж, – сказал Уммон, – ты не слепой. Теперь подойди ближе».

Монах сделал то, что ему велели. «Хорошо, – сказал Уммон, – и глухим тебя не назовешь».

Что он хочет этим сказать? Он хочет сказать следующее: «Ты способен понять – так зачем терять время?» Потом он спрашивает:

«Теперь понял?»

На этом Уммон закончил. Ситуация была завершена. Но ученик все еще не был готов, все еще не понимал. Он спросил:

«Понял что, господин?»

Больше сказать было нечего. Уммон сказал все, что должно было быть сказано. И он создал ситуацию, в которой не было места мыслям: когда вас бьют посохом, вы отскакиваете, не думая. Если вы будете думать, вы не сможете отпрыгнуть, потому что, пока вы будете принимать решение отпрыгнуть, посох уже достигнет вас. Времени на раздумывание нет.

Уму необходимо время, чтобы думать. Когда кто-то замахивается на вас посохом или когда на тропинке вы замечаете змею, вы от-

прыгаете. При этом вы не думаете, не строите логических схем: «Вот змея; змея опасна; опасность смертельна; я должен отпрыгнуть». В этом случае вы не действуете по Аристотелю. Вы просто забываете об Аристотеле – вы отпрыгаете! Вам все равно, что говорит Аристотель, вы иррациональны. Но только тогда, когда вы иррациональны, вы можете быть тотальны.

Именно это хотел показать Уммон. Вы отпрыгаете всем своим существом. Если вы можете отпрыгнуть всем своим существом, почему бы тогда не медитировать всем своим существом?

Когда вас бьют посохом, вы отпрыгаете, не задумываясь об остальном мире. Вы не задаетесь вопросом: «Ну хорошо, а как же слепой? Если замахнуться посохом на слепого, как это ему поможет?» Вы не задаете вопросов, вы просто отпрыгаете; вы просто уворачиваетесь. В это мгновение остального мира не существует, единственная проблема – это ВЫ. И эта проблема действительно стоит: вам предстоит решить ее и найти выход.

«Понял?» – спросил Уммон.

Его речь завершена.

«Понял что, господин?» – спросил монах.

Он все еще не понимал.

«Ну вот, ты и не немой»

– и говорить ты тоже можешь.

Услышав эти слова, монах пробудился, как от глубокого сна.

Вся эта ситуация – бессловесна, иррациональна, тотальна. Встряхнув, его пробудили ото сна. Он проснулся; на мгновение все стало ясным. На мгновение сверкнула молния, осветив темноту. Случилось сатори.

Теперь он знает этот вкус. Теперь ученик может следовать этому вкусу. Теперь, познав это, он никогда не забудет. Теперь его поиск будет совершенно другим. Прежде это был поиск чего-то неопределенного, а как можно искать неизвестно что? И как можно отдать этому всю жизнь? Но теперь это будет осознанным, это перестало быть неизвестным: ему был дан проблеск. Он попробовал на вкус океан, пусть даже из чашки, но вкус от этого не меняется. Теперь он знает. Это было коротким переживанием – всего лишь открылось окно, но в нем было видно все небо. Теперь он может выйти из до-

ма, ходить под небом, жить там. Теперь он знает, что этот вопрос стоит перед ним лично.

Не обобщайте. Вопрос в ВАС, и когда я говорю *вы*, я имею в виду вас, каждого в отдельности; не вас как группу, не вас как общество. Когда я говорю *вы*, я имею в виду именно вас, человека – а уловка ума в том, чтобы это обобщать. Ум склонен беспокоиться за других – тогда собственных проблем будто нет. Собственные проблемы вы откладываете на потом – именно так вы проживали свою жизнь впустую долгие-долгие жизни. Перестаньте тратить время.

Я много беседовал с вами, и о более тонких вещах, чем эта притча с Уммоном, но если вы не слушаете меня, возможно, мне придется найти более приземленные темы.

Не беспокойтесь за других. Сначала решите свои собственные проблемы, только тогда у вас появится ясность для того, чтобы помогать другим. И никто не может помогать другим, если он не просветлен.

ВИДЯ ДВАЖДЫ

Беседа 10. 9 ноября 1974 года

Любопытный монах спросил у Мастера: «Что есть Путь?»

«Он у тебя перед глазами», – сказал Мастер.

«Почему же тогда я не вижу его сам?» – спросил монах.

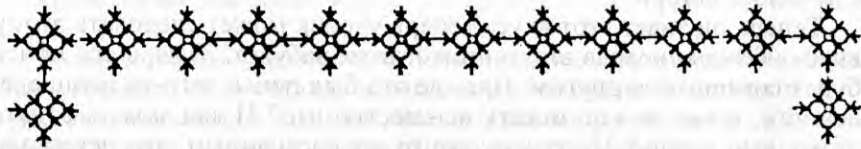
«Потому что ты думаешь о себе», – сказал Мастер.

«А ты? – спросил монах, – ты его видишь?»

Мастер ответил: «У тебя в глазах двоится оттого, что ты говоришь одно, а делаешь другое. Поэтому на твоих глазах пелена».

«А можно увидеть его, если не будет ни тебя, ни меня?» – спросил монах.

«Ни тебя, ни меня, ни того, кто хочет увидеть?» – ответил Мастер.

Да, Путь прямо у вас перед глазами.

Но глаза ваши не смотрят на Путь, они закрыты, но закрыты в очень тонком смысле.

Они затуманены. Их затмевает миллион мыслей, перед ними проплывает миллион снов: здесь все, что вы когда-либо видели; здесь все, что вы когда-либо думали.

И вы жили долго – многие жизни, и многое передумали за это время, и все это хранят ваши глаза.

Но поскольку мысли невидимы, вам кажется, что ваш взор ясен.

Ясности нет. На ваши глаза наслаиваются миллионы мыслей и мечтаний.

Путь прямо перед вами. Все, что только существует, прямо перед вами.

Но вас здесь нет. Вас нет в том безмятежном мгновении, где глаза были бы совершенно пусты, не затуманены, и вы бы видели, видели то, что есть.

Итак, первое, что нужно понять: как достичь незатуманенного взора, как сделать глаза пустыми, чтобы они могли отражать истину, как остановить сумасшедшую внутреннюю гонку, как перестать постоянно думать, как расслабить свои мысли.

Когда нет мыслей, происходит видение; когда мысли есть, вы постоянно интерпретируете их и постоянно упускаете.

Не будьте интерпретатором реальности, будьте видящим. Не думайте об этом, видьте это!

Что делать? Во-первых: каждый раз, когда вы смотрите, будьте просто взглядом. Попробуйте. Сначала будет сложно, сложно в силу старой привычки. Но попытайтесь. Это случается. Это случилось уже со многими – почему бы не с вами?

Вы не исключение. Универсальный закон настолько же доступен вам, насколько и Будде или кому угодно другому. Просто сделайте небольшое усилие.

Вы видите цветок – значит, просто увидите его, не говорите ничего. Река течет – сядьте на берегу и просто увидите реку, но не говорите ничего. Облака плывут по небу – лягте на землю, и увидите, и ничего не говорите. Просто забудьте о словах.

Это сильнейшая привычка – привычка давать всему имена, на этом построено все обучение: немедленно переключаться с реальности на слова, немедленно находить слова – «красивый цветок», «чудесный закат». Если он чудесен, позвольте ему быть чудесным! – зачем привносить сюда это слово? Если он прекрасен, неужели вы думаете, что от вашего слова «прекрасно» он станет еще прекраснее? Наоборот, вы упустили мгновение восторга. Вмешались слова.

Прежде, чем вы успели увидеть, вы сделали движение, сделали шаг в своем внутреннем блуждании; если вы зайдете слишком далеко в этом блуждании, вы сойдете с ума.

Кто такой сумасшедший? Это тот, кто уходит от реальности, кто вечно блуждает в своем мире слов – и он зашел так далеко, что его невозможно оттуда вернуть.

Он находится вне реальности, но находитесь ли в ней вы? Вы – тоже нет, отличие лишь в степени. Сумасшедший зашел далеко, вы никогда так далеко не уходили – вы где-то поблизости, – и вы снова и снова возвращаетесь и прикасаетесь к реальности – и снова уходите.

У вас есть слабая связь, слабый контакт; ваши корни вырваны, но все же какой-то один корешок соединяет вас с реальностью.

Но этот корешок очень слабый, в любой момент он может порваться, достаточно случая: умирает жена, уходит муж, вы терпите финансовый крах – и этот маленький корешок рвется. Тогда вы начинаете блуждать; возврата нет, теперь вы больше никогда не прикасаетесь к реальности. Это состояние сумасшедшего, и состояние нормального человека отличается от него лишь по степени.

А каково состояние будды, просветленного человека, человека Дао, человека понимания, осознанности? Он глубоко укоренен в реальности, он никогда не уходит от нее – в противоположность сумасшедшему.

Вы находитесь посередине. Из этой середины вы можете двигаться либо в сторону сумасшествия, либо в сторону состояния будды. Выбор за вами!

Не тратьте слишком много энергии на мысли – это подобно самоубийству; вы отравляете сами себя. Как только начинается процесс мышления, если в нем нет необходимости – а в девяноста девяти случаях из ста это именно так – немедленно верните себя к реальности. Помогает любой способ: даже ощущение стула, на котором вы сидите, или кровати, на которой вы лежите. Почувствуйте прикосновение – оно более реально, чем ваши мысли о Боге; оно божественнее любых мыслей о Боге, потому что оно настоящее!

Прикоснитесь, почувствуйте прикосновение, будьте прикосновением, будьте здесь и сейчас. Вы едите? Ощущайте вкус еды, аромат; вдыхайте запах, жуйте как следует то, что вы жуете: это сама реальность. Не уносите далеко в своих мыслях. Вы принимаете ванну? Наслаждайтесь ей! Вода струится на вас из душа? Чувствуйте это!

Становитесь все больше и больше чувствующим центром, чем мыслящим центром.

О да, Путь прямо у вас перед глазами. Но чувствование не очень приветствуется. Общество воспитывает вас как существо мыслящее, а не как существо чувствующее, потому что чувства непредсказуемы, никто не знает, куда они могут завести, а общество не может предоставить вас самому себе: оно внушает вам мысли. Все школы,

колледжи и университеты существуют для того, чтобы приучить вас думать и выражать все словами.

Чем больше слов вы знаете, тем более талантливым вас считают; чем вы красноречивее в словах, тем более образованным вас считают.

Это будет трудно из-за тридцати, сорока, пятидесяти, шестидесяти лет тренировки... но чем раньше вы начнете, тем лучше. Верните себя к реальности.

В этом смысл всех групп развития чувствительности. На Западе им придают большое значение, и все, кто интересуется сознательностью, развитием сознательности, должны заинтересоваться группами развития чувствительности, тренировкой способности чувствовать.

Для того чтобы этому научиться, не нужно никуда ходить! Вся жизнь состоит из ощущений. Двадцать четыре часа в день реальность перед вами, вокруг вас: она окружает вас, вы дышите ей, вы питаетесь ей, все, что вы делаете, вы делаете с реальностью!

Но ум стремится прочь. Между вашим бытием и вашим умом – пропасть: они не вместе, ум где-то далеко. Вы должны быть здесь, в реальности, потому что, когда вы едите, вы должны есть настоящий хлеб: мысли о хлебе не насытят вас! Когда вы принимаете ванну, вы должны принимать настоящую ванну: от мыслей о ней не будет пользы. Когда вы дышите, вы должны дышать настоящим воздухом: мысли о нем не смогут его заменить.

Реальность окружает вас со всех сторон, врзается в вас со всех сторон: куда бы вы ни пошли, вы найдете ее там.

В этом смысл слов: «Путь прямо у вас перед глазами». Он везде, потому что ничего другого не может быть – только реальное существует. Тогда в чем проблема? Почему тогда люди все ищут и ищут и так и не находят? В чем кроется проблема? В чем основная суть любой ошибки?

Ошибка в том, что ум может быть занят мыслями. Существует возможность для ума думать. Тело находится в реальности, а ум может пребывать в мыслях – в этом суть двойственности.

И все ваши религии всегда были на стороне ума, а не на стороне тела – и это сильнейший блок из всех, что существуют в мире. Они отравляют весь ум человечества: они на стороне ума, а не на стороне реальности.

Если я скажу вам: когда вы едите, ешьте со вкусом, и ешьте так глубоко, чтобы тот, кто ест, был забыт, просто станьте процессом еды – вы будете удивлены, потому что ни один религиозный человек никогда не скажет вам такого. Религиозные люди учат: ешьте без вкуса – асвад; они сделали из этого культ – это практика невкуса.

В ашраме Ганди было одиннадцать правил, и одно из них – асвад, не-вкус: ешьте, но без вкуса, убейте вкус полностью. Пейте – но без вкуса. Лишите свою жизнь ощущений настолько, насколько это возможно. Умертвите свое тело окончательно, чтобы вы превратились в чистый ум.

Вы можете добиться этого – но это прямой путь к сумасшествию.

Я учу вас полностью противоположному. Я не противник жизни, жизнь – это Путь. Я утверждаю жизнь во всей ее полноте. Я не нигилист, не отрицатель – и я хочу, чтобы вы вернули свой ум обратно к реальности.

Ваше тело более реально, чем ваш ум. Вы можете обмануть умом, но вы не можете обмануть телом. Тело более укоренено в мире, тело более экзистенциально, чем ум. Ум всего лишь ментален. Он думает, он слова, он создает системы – и все эти системы глупы.

Однажды Мулла Насреддин участвовал в ставках на скачках. Первый забег – он проиграл; второй забег – он проиграл; третий... он все проигрывал, – а две дамы, сидевшие рядом с ним в ложе, неизменно выигрывали каждый забег.

Наконец, в седьмой раз он не смог сдержать любопытства. Какой системе они следовали? Каждый забег, а на очереди уже был седьмой, они оказывались в победителях, а он – в проигравших, несмотря на все свои усилия. Тогда он набрался смелости, склонился в сторону дам и спросил: «Ну как, везет?» Они радостно ответили: «Да», они просто излучали счастье, и он шепотом спросил: «Можете поделиться секретом? Только намекните».

Одна из дам сказала с улыбкой: «У нас много систем! Но сегодня мы сделали ставку на длину хвостов».

Но все системы и философии такие: все дело в длине хвостов.

Ни одна система не отвечает реальности, потому что она в принципе не может ей отвечать. Я не говорю, что какая-то одна из них может быть исключением – нет! Никакая система не может соответствовать реальности, потому что система – это произведение ума, вербализация, ваша личная интерпретация, ваша личная проекция – все это работа ума над реальностью; именно так рождаются системы. *Все системы фальшивы!*

Реальности не нужны никакие системы! Реальности нужна ясность видения. Чтобы смотреть на нее, не требуется никакой философии, *она прямо здесь и сейчас*. Она здесь до того, как вы углубляетесь в философию; она будет здесь после того, как вы вернетесь, она есть и будет с вами всегда, а вы уходили думать о ней.

Думать о ней – это верный способ упустить ее.

Если вы индуист, вы упустите; если вы христианин, вы упустите; если вы мусульманин, вы упустите; любое «измство» – это путь упущения. Если у вас в голове Коран, вы упустите; если у вас в го-

лове Гита, вы упустите; каким бы ни было священное писание, которое вы носите в себе, писание – это ум, и реальность не совпадает с умом, реальности нет дела до вашего ума и ваших произведений.

До чего красивые теории вы придумываете! Красивые аргументы приводите! Какие логичные объяснения находите! Стараетесь! Дорабатываете свои теории, шлифуете их – но они все равно как кирпичи. Вы обтесываете их, полируете, но они никогда не станут зеркалом.

Но я скажу: кирпичи все же могут стать зеркалом, но вот уму никогда не стать зеркалом реальности.

Ум – это *разрушитель*. Стоит ему появиться, как все застилает пелена.

Пожалуйста, не будьте философом, не будьте приверженцем какой бы то ни было системы. Человека легко вывести из алкогольной зависимости; легко вывести его из наркотической зависимости; трудно вывести человека из зависимости от системы.

Для алкоголиков существуют различные организации анонимных алкоголиков, подобные организации существуют для наркоманов, но для тех, кто попал в зависимость от системы, нет организаций – да их и не может быть, потому что там, где есть организация, есть система.

Я не даю вам систему. Все мои усилия направлены на то, чтобы освободить вас от вашего систематизирующего ума.

Если вы можете снова стать ребенком, если вы можете взглянуть на реальность непредвзято, вы достигнете. Это просто, это обыденно, в этом нет ничего особенного. В реальности нет ничего особенного, и она невероятна – она *есть*; она *везде!*

Нереален только ваш ум. Ум создает иллюзии, майю; ум рождает мечты – и они затуманивают вас.

А вы пытаетесь сделать невозможное: вы пытаетесь найти реальное *с помощью* ума. Вы *теряете* реальное из-за ума, вы не можете обрести его с помощью ума. Вы должны полностью отбросить ум.

Да, Путь прямо у вас перед глазами – но вас здесь нет.

Во-первых: ум не поможет; попытайтесь это понять: *ум здесь не помощник*, он – препятствие. Во-вторых, самое большое препятствие – это ваша чрезмерная озабоченность собой.

Мне часто приходилось замечать, что люди упускают во время медитации потому, что они слишком озабочены собой. Они слишком эгоцентричны. Они могут изображать смиренность, возможно, им действительно хочется научиться отбрасывать эго, но это и есть самые эгоцентричные люди: они беспокоятся только о самих себе, они заняты только собой.

Беспокоиться о других глупо, беспокоиться о самом себе – еще более глупо – потому что беспокойство уже есть глупость; не имеет значения, на кого оно направлено.

Люди, которые беспокоятся о других, производят впечатление более здоровых; поэтому на Западе психоаналитики помогают людям перестать думать только о себе и начать думать о других. Психологи пытаются научить людей быть экстравертами и не быть интровертами, потому что интроверты заболевают, интроверты становятся извращенцами. Они постоянно думают о себе. Они замыкаются. Они остаются наедине со своими разочарованиями, беспокойствами, тревогами, страданиями, депрессиями, гневом, завистью, ненавистью и тому подобным – и они только и делают, что беспокоятся.

Вы только подумайте, какого рода страданиями наполнена их жизнь! – они постоянно обеспокоены: «Почему я злюсь? Как мне перестать злиться? Почему я ненавижу? Как мне это преодолеть? Почему я угнетен? Как достичь благодати?» – они постоянно беспокоятся, и именно их беспокойство порождает те ощущения, которые их беспокоят. Это становится порочным кругом.

Замечали ли вы когда-нибудь, что, когда вы пытаетесь выйти из депрессии, она становится еще глубже? Когда вы пытаетесь перестать злиться, вы злитесь еще больше? Когда вам грустно и хочется, чтобы так не было, еще большая грусть охватывает вас. Разве с вами такого не было? Это происходит по Закону Обратного Следствия.

Если вам грустно и вам хочется перестать грустить, что вы будете делать? Вы будете замечать свою грусть, будете пытаться подавить ее, будете обращать на нее внимание – а внимание – это пища.

Психоаналитики нашли выход; в конечном итоге, этот выход мало значим, он не может привести вас к реальности; в лучшем случае, он может вернуть вам *нормальное* нездоровье. Он может помочь вам приспособиться к окружающим людям. Они советуют: уделяйте внимание беспокойствам других. Помогайте людям. Служите людям.

Ротарианцы, члены Клуба Львов, и другие, всегда говорят: *Мы служим* – это и есть экстраверты. Вы можете заметить, что люди, которые занимаются общественной работой, которые заботятся о других и *меньше* заботятся о себе, счастливее тех, кто думает только о себе.

Слишком сильная озабоченность собой – это что-то вроде болезни. И потом, чем глубже вы двигаетесь внутрь – вы открываете Ящик Пандоры: многое выходит на поверхность, и, кажется, ему нет конца. Вас окружают ваши собственные тревоги, и вы постоянно играете со своими собственными ранами, вы трогаете их снова и

снова, чтобы проверить, зажили они или нет. Вы стали извращенцем.

Что делать? Выходов видится два: либо быть экстравертом – но, будучи экстравертом, вы никогда не станете буддой, потому что, если вы беспокоитесь о других, эта забота может стать бегством. Это так и есть. Если вы беспокоитесь о других, вы не можете видеть своих собственных проблем. Ваше внимание сосредоточено на других; вы сами в тени.

Но как, в таком случае, будет расти ваша внутренняя сущность? Да, у вас будет счастливый вид: вид человека, получающего от жизни удовольствие, но как вы собираетесь расти? Как ваша внутренняя сущность достигнет того состояния, когда она превратится в свет? Если вы совершенно не уделяете ей внимания, она не будет расти.

Быть экстравертом хорошо в том смысле, что это помогает вам оставаться здоровыми: вы не становитесь извращенцем. Быть интровертом опасно. Если вы двигаетесь не в том направлении, вы станете извращенцем, – и неправильное направление заключается в том, что вы слишком обеспокоены.

Что же делать теперь?

Относитесь к себе так, как если бы вы тоже были одним из окружающих; не будьте слишком озабочены. Вы и есть для самого себя другой человек. Ваше тело – тело другого, ваш ум – ум другого.

Вопрос лишь в расстоянии. Ваше тело находится в пяти футах от меня, мое собственное тело – немного ближе, только и всего. Ваш ум там, мой ум здесь – разница лишь в расстоянии. Но мой ум для меня такой же *другой*, как и ваш, и мое тело так же далеко от меня, как ваше тело.

И если весь этот мир не составляет для меня беспокойства, к чему делать поводом для беспокойства самого себя?

Почему бы не оставить и то, и другое и не быть ни экстравертом, ни интровертом? – вот смысл моих слов.

Если вы не можете следовать этому, тогда лучше следуйте психоаналитикам: будьте экстравертом, оставьте заботы. Вы не будете расти, но, по крайней мере, вы будете избавлены от страданий интроверта. Но не будьте интровертом и не носитесь со своими болячками.

Не будьте слишком озабоченными. Не будьте слишком эгоистичными – и не зацикливайтесь на самом себе. Смотрите на себя как будто на расстоянии; это расстояние есть, вам достаточно почувствовать его один раз; вы для себя самого другой человек.

Когда ваше тело больно, это все равно что больно тело другого человека: делайте все, что в ваших силах, но не придавайте этому слишком большого значения, потому что излишняя беспокойность – болезнь более серьезная, чем болезнь тела.

Если у вас жар, сходите к врачу, примите лекарство, заботьтесь о своем теле, и этого достаточно! К чему излишнее беспокойство? Зачем вам нужен еще один жар, который не вылечит врач? Жар тела поддается лечению, но если вы чересчур обеспокоены, возникает другой жар; этот жар глубже – и с ним вам не поможет ни один врач.

И вот в чем проблема: тело может выздороветь быстро, но тот, другой жар продолжается, и поскольку другой жар *может продолжаться* – у вас может возникать ощущение, что физически вы все еще больны. Такое случается ежедневно. Болезнь уходит из тела, но не из ума, и ум продолжает ее нести. Таких случаев было множество.

Однажды кто-то рассказал мне историю о своем друге, пьянице – он ходил на костылях, не мог обходиться без них. Он ходил на костылях много лет – после несчастного случая лет двадцать тому назад. Потом как-то раз он выпил лишнего; позабыв про костыли, он пошел гулять. Через час он прибегает обратно в панике: «Где мои костыли? Я же не могу без них! Наверное, я слишком много выпил!».

Но если вы можете ходить в пьяном виде, то почему не можете ходить в трезвом?

По всему миру подобное случается с парализованными людьми. Человек парализован, а тут в доме возникает пожар, и все выбегают на улицу – и человек, который был прикован к постели – тоже выбегает; потому что он забывает. Дом горит: *он совершенно забывает, что парализован*. В этой забывчивости он не парализован. И, увидев его на улице, родственники скажут: «Ты что? Ты же не можешь бегать!» – и он падает; память возвращается.

Вы можете вызвать множество болезней, но не потому, что тело больно, а потому, что ум несет в себе семя; стоит вам однажды заболеть – с тех пор ум будет нести в себе семя болезни и проецировать его снова и снова. Множество болезней, девяносто процентов, имеют свои корни в уме.

Самая серьезная болезнь, которая только возможна – это чрезмерная озабоченность самим собой. Вы не можете быть счастливы, не можете наслаждаться жизнью – о каком наслаждении может идти речь? У вас столько внутренних проблем! Сплошные проблемы, проблемы, проблемы – и ничего больше! Они кажутся нерешаемыми. Что делать? Вы сходите с ума! Каждый человек, в душе, сумасшедший.

Мне рассказывали – это случилось в Вашингтоне – какой-то человек ни с того, ни с сего влез на флагшток; вокруг собралась толпа, приехала полиция, и человек прокричал во весь голос какие-то ругательства, а потом спустился.

Полицейские его тут же задержали и стали спрашивать: «Что вы такое делаете?»

Человек сказал: «Не мешайте мне. Если я не буду время от времени делать такие безумные вещи, я сойду с ума! Я рехнусь. Говорю вам, не держите меня. Если я время от времени делаю что-нибудь подобное, все идет как по маслу. Я и не думал, что кто-нибудь обратит внимание, потому что когда вокруг творится столько безумия, кому какая разница?»

Вам тоже нужно время от времени сходить с ума – так случается гнев: гнев – это временное безумие. Если время от времени не выпускать пар, его накопится столько, что вы взорветесь, вы сойдете с ума.

Но если вы постоянно озабочены этим, вы уже сумасшедший.

Мне приходилось замечать, что люди, которые медитируют, молятся, занимаются духовными исканиями, поиском Истины, больше других людей подвержены неврозу. А причина такова: они слишком озабочены самими собой, слишком эгоцентричны, они постоянно о чем-то думают: тот блок, этот блок, эта злоба, та грусть, голова болит, спину ломит, живот, ноги... они постоянно копаются в себе, – у них никогда не бывает все в порядке, это невозможно, потому что тело устроено сложно, и внутри постоянно происходят какие-то процессы.

И даже если ничего не происходит, их это тоже волнует: почему это ничего не происходит? Им нужно срочно что-нибудь придумать, потому что это стало делом их жизни, без которого они чувствуют себя потерянными: «Что делать? Ничего не происходит! Как же это возможно, чтобы со мной было все в порядке?» Они чувствуют свое эго только тогда, когда с ними что-то происходит – будь то депрессия, грусть, злость или болезнь; главное, чтобы что-нибудь происходило, только тогда они могут чувствовать самих себя.

Помните, как дети иногда пытаются себя ущипнуть, чтобы почувствовать, что они *есть*. В вас жив ребенок – вам хочется себя ущипнуть, чтобы проверить, есть вы или нет.

Рассказывают, что однажды Марк Твен на одном из званых обедов внезапно забеспокоился и сказал: «Извините, но мне придется вас покинуть, и нужно послать за доктором. Мне кажется, моя правая нога парализована».

Дама, сидевшая с ним рядом, засмеялась и сказала: «Не волнуйтесь, та нога, которую вы пытались ущипнуть, была моей».

Тогда Марк Твен сказал: «Двадцать лет тому назад врач сказал мне, что рано или поздно мою правую сторону парализует. С тех пор я постоянно себя щипаю: я раз двадцать или тридцать в день проверяю, чувствую ли я ее. И вот я снова пытаюсь ущипнуть...» – и это оказалась чужая нога.

Но зачем постоянно щипать? Зачем постоянно думать о параличе? Гораздо больнее щипать себя за ногу по тридцать раз в день на протяжении двадцати лет – вы только *посчитайте*. Это хуже, чем паралич! Паралич случается однажды, это же случается тридцать раз в день, каждый день – и так целых двадцать лет.

Говорят, смелый человек умирает один раз, а трус – миллионы раз, потому что он постоянно щипает себя и проверяет, мертв он уже или еще нет.

Ваши болезни помогают вам сохранять эго. Вы чувствуете: что-то обеспечивает вас ощущениями. Конечно, это не блаженство, не восторг, а грусть и настроения вроде «Нет никого печальнее меня», «Никто так не зажат, как я», «Ни у кого не бывает таких мигреней, как у меня». Здесь вы чувствуете себя на высоте, в этом отношении все остальные уступают вам.

Помните, что если вы слишком озабочены самими собой, вы не достигнете. Эта чрезмерная озабоченность замкнет вас на самом себе, *а путь прямо у вас перед глазами*. Вы должны открыть глаза, а не закрывать их.

Теперь попытайтесь понять эту аллегорию.

Любопытный монах спросил у Мастера: «Что есть Путь?»

Во-первых, нужно понять, что монах – любопытствующий, а не искатель; если вы искатель, вы бы задали свой вопрос по-другому: вы спрашиваете всем своим существом, вы ставите на карту самого себя; вы становитесь азартным игроком.

Если вам просто любопытно, это напоминает зуд: вы ощущаете легкий зуд в уме, но это несерьезно, на самом деле, вас это совсем не интересует, вы не искренни в своем интересе – каким бы ни оказался ответ, вам он будет безразличен. Он не изменит вас. А любопытный человек – это поверхностный человек.

Такие вопросы не задают из любопытства, они должны быть следствием искреннего поиска.

Вы идете к Мастеру тогда, когда чувствуете, что у вас назрел вопрос, в противном случае, это просто глупо. Ко мне приходит много людей, и я знаю, откуда происходят их вопросы. Иногда эти вопросы – просто из любопытства: раз уж они пришли, они должны о чем-то спросить, иначе их сочтут за глупцов.

Но своими вопросами они как раз выставляют себя глупцами, потому что если вопрос не был действительно рожден в ваших глубинах, если вопрос не стал глубоким интересом, если от этого вопроса не зависит все, если это не вопрос жизни и смерти, если вы не готовы к тому, чтобы ответ вас преобразил, тогда с вашей стороны глупо его задавать.

И если ваш вопрос не идет от сердца, на него трудно найти ответ: и, даже если ответ найдется, вы поймете его неправильно.

Тот монах был любопытным – поэтому в притче он не пробуждается. Иначе... мы изучили множество притч; если в них говорится об истинном поиске, в конце происходит сатори, приходит определенное просветление, ученик вдруг становится бдительным, как будто кто-то пробудил его ото сна; наступает ясность, пусть даже на долю секунды, но облака рассеиваются, и взору открывается простор небес. Облака вернутся вновь – но это не страшно, ведь теперь вы знаете, что такое настоящее небо, и это семя будете носить в себе.

При хорошем уходе из этого семени вырастет дерево, и тысячи людей смогут найти приют в его тени.

Но если вам просто любопытно, ничего такого не произойдет. Если вы любопытны, ваш вопрос возник не в сердце, это просто интеллектуальный зуд – а ум не взрастит семян.

У Иисуса была притча, которую он часто рассказывал. Крестьянин отправился сеять – он разбрасывал семена там и тут. Часть из них упала на дорогу: эти зерна так и не проросли, потому что дорога была слишком твердой, и они не могли пробить ее, чтобы пустить корни глубже, в плодородную землю; ведь только там может зародиться жизнь. Бог приступает к творению лишь в глубокой темноте – это тайна, скрытая от глаз.

Несколько зерен упало на обочину дороги: побеги, которые они дали, вытоптали животные.

И только несколько семян упало на благодатную почву: они не только дали ростки, но и выросли в полный рост, расцвели и созрели; и одно зерно стало миллионом зерен.

Если вы задаете вопрос из любопытства, вы – дорога: ум – это дорога с непрерывным движением. Эта дорога должна быть очень твердой, почти как асфальт. На обычных дорогах – и на тех движение меньше, чем у вас в голове.

Такое множество мыслей снует туда-сюда на бешеной скорости! Человечество до сих пор не придумало средства передвижения, чья скорость превысила бы скорость мысли: все наши самые быстрые средства передвижения – ничто по сравнению с мыслью. Наши астронавты могут долететь до Луны, но они не могут перенестись туда со скоростью мысли, им потребуется время; в мыслях вы можете перенестись на Луну немедленно. Для мысли пространство все равно что не существует: сейчас вы здесь, через секунду – в Лондоне, еще через секунду – в Нью-Йорке, за секунду вы можете пронестись по всему земному шару. Движение настолько интенсивно, что его выдержит лишь твердая дорога. Бросьте на нее семена – и ничего не вырастет.

Любопытство идет из головы. Это все равно что спрашивать Мастера о чем-то, будто вы встретили его на рынке.

Я знаю таких людей. Я так много путешествовал, что избегать людей подобного рода становилось целой проблемой. Даже на вокзальной платформе – я собираюсь сесть в поезд, а они следуют за мной и спрашивают: «А как же Бог? Бог есть или нет?»

Они любопытны. И глупы! Никогда ничего не спрашивайте из любопытства – потому что это бесполезно! – потратите впустую и свое время, и чужое.

Если бы кто-то задал этому Мастеру вопрос от всего сердца, финал мог бы быть другим. Человек расцвел бы в сатори, произошло бы завершение. Но такой конец невозможен, если само начало было неправильным. Мастер отвечает вам из сострадания, прекрасно понимая, что вам любопытно – но, возможно – кто знает, всякое случается; иногда и те, кому сначала было просто любопытно, становятся вдруг искренне заинтересованными, никогда не знаешь.

Любопытный монах спросил у Мастера: «Что есть Путь?»

«Он у тебя перед глазами», – сказал Мастер.

Это абсурд, ведь если он и вправду у нас перед глазами, почему тогда люди его ищут, почему задают вопросы? И почему они сами не видят его?

Вы должны уяснить для себя кое-что. Первое: чем ближе что-либо, тем труднее это увидеть; вплотную – увидеть почти невозможно; для того чтобы увидеть, глазам требуется определенное расстояние, перспектива. Например, мне видно вас, но если я подойду ближе, и ближе, и ближе, все расплывется: ваше лицо расплывется, черты потеряют форму, и если я подойду настолько близко, что мои глаза окажутся на вашем лице, я не смогу увидеть ничего – ваше лицо будет выглядеть стеной. Но, несмотря на это, мне будет немного видно, потому что минимальное расстояние сохранится.

Между вами и реальностью нет даже такого маленького расстояния. Она касается ваших глаз. Она касается вашей кожи – более того, она проникает в вас через кожу. Она у вас в крови. Она бьется в вашем сердце. ОНА – ЭТО ВЫ.

В действительности, путник неотделим от Пути; они – одно целое.

Тогда как его увидеть? Нет ни перспективы, ни расстояния – ? Единственный способ увидеть – достичь ясности понимания. Вы сможете увидеть его, только если станете максимально осознанными.

Поскольку нет дистанции, то обычное зрение не поможет, необходима такая исключительная осознанность, такая исключительная бдительность, что уже ничто в вас не спит.

Тогда дверь вдруг открывается. Вот он, Путь – вы и есть этот Путь. Но вы упускаете, потому что его вообще не нужно искать. Он всегда был там – еще до вашего рождения: вы были рождены на Пути, в Пути, для Пути, от Пути – потому что Путь – это реальность.

Помните, этот Путь не ведет к цели – сам Путь и есть цель. Так что, на самом деле, не нужно никуда путешествовать, а просто оставаться бдительным, спокойным, молчаливым, не делать ничего. Просто превратитесь в ясность, в бдительность, в тихое прохладное понимание.

«Он у тебя перед глазами», – сказал Мастер.

«Почему же тогда я не вижу его сам?» – спросил монах.

Когда вы любопытны, каждый ответ будет порождать новый вопрос, потому что любопытство никогда не может быть удовлетворено. Поиск может быть удовлетворен, поиск может прийти к завершению, привести к выводу; любопытство – никогда, потому что вы приводите к ответу все тот же любопытный ум – из этого возникает новый вопрос. Удовлетворен может быть тот, кто действительно находится в поиске, но того, кто просто спрашивает: «Почему же тогда я не вижу его сам?», удовлетворить невозможно.

И еще одно: в глубине души любопытного человека не интересует реальность, его интересует только он сам. Он говорит: «Почему же тогда я не вижу его? Почему ты видишь его, а я – нет? Я не могу тебе верить, не могу доверять, и, если он прямо у меня перед глазами, то почему я его не вижу?»

«Потому что ты думаешь о себе», – сказал Мастер.

«Путь – вот он, а ты думаешь о себе: “Почему я его не вижу?”» Никто не может видеть, если он настолько полон собственным эго. Отложите эго в сторону, потому что эго означает все ваше прошлое, весь ваш опыт, все ваши установки, все, что вы когда-либо знали, изучали, собирали, копили: информацию, священные писания, знания, – все это и есть ваше эго, столько всего, и если вы заняты всем этим, вы не способны увидеть.

«А ты?» – спросил монах.

Что бы ни сказал Мастер – каждый его ответ может привести к сатори, если ученик правильный. Даже самые первые его слова –

«Он у тебя перед глазами» – могли бы стать просветлением, если бы их услышал правильный человек.

Но он упустил, иначе следующее высказывание было бы пониманием:

«Почему же тогда я не вижу его сам?» – спросил он.

«Потому что ты думаешь о себе».

Но нет. Любопытство не может быть удовлетворено, ему никогда не будет конца.

Когда вы внезапно задеваете чье-либо «Я», этот человек перебрасывается на вас. Монах спросил: «А ты, ты его видишь?»

Эго всегда думает: «Если я не могу это увидеть, как другие могут?» Эго не может почувствовать, что кто-то другой живет без эго. Это невозможно. И если вы можете почувствовать это, значит, ваше эго уже начало умирать. Если вы *можете* почувствовать это, значит, ваше эго уже начало умирать. Если вы можете почувствовать, что у кого-то другого эго отсутствует, значит, хватка понемногу ослабевает. Эго никогда не позволит вам почувствовать, что человек вообще способен быть без эго. И ваше собственное эго заставляет вас предполагать эго в других людях.

Много книг написано об Иисусе – больше, чем о ком-либо другом – и многие из них пытаются доказать, что Иисус, должно быть, был глубоко эгоистичен, потому что он постоянно говорил: «Я – Сын Божий», «Я и Отец мой суть одно». Он говорит: «Я Бог». Многие психоаналитики пытались доказать, что он страдал от невроза. Как ты можешь называть себя Богом? Ты, должно быть, эгоист.

Те же самые настроения посещали иудеев при жизни Иисуса. Они тоже думали: «Да он просто сошел с ума от своего эго! Что он говорит: что он Бог, или единственный сын Божий? Он слишком много о себе думает». Они насмехались.

Они насмехались, они смеялись. И когда они распяли Иисуса, их обращение с ним было просто непостижимым. Они одели ему на голову терновый венец и сказали: «Ты, Царь Иудеев, Сын Божий, Ты и Отец твой едины – вспомни нас, когда мы тоже войдем в твое Царствие Божие».

Они заставили его нести свой крест. Он был слаб, а крест – тяжел: они преднамеренно сделали его таким, и они заставили его нести свой крест, как преступника. Его мучила жажда, потому что место распятия было на вершине холма, известного как Голгофа; он тащил в гору свой огромный крест, тяжелый крест; он обливался потом и хотел пить, а люди потешались над ним и говорили: «Посмотрите – Царь Иудеев! Смотрите! Человек, который утверждает, что он Сын Божий».

Собралась толпа, чтобы на это поглазеть: для них это было развлечением, увеселением, весь город собрался там, чтобы закидать камнями этого человека. За что они так мстили?

За то, что этот человек задел их эго. Он утверждал, что он есть сам Бог. Они не могли понять, что у этого человека вообще не было эго – и потому он так утверждал!

Это утверждение происходило не от эго; это действительно было так. Все наши претензии на что-то происходят от эго, поэтому нам непонятно, как можно что-то заявлять без эго.

В Гите Кришна говорит Арджуне: «Упади к моим ногам. Все оставь и сдайся мне». Индуисты не такие смелые, и они очень учтивые; они не написали, что этот человек – эгоист. Но на Западе отношение у многих было такое же, как к Иисусу: Что это за человек, который говорит: «Упади к ногам моим!»?

Нашему эго недоступно понять, что, когда Кришна говорит Арджуне «Упади к моим ногам», внутри никого нет. Речь не о том, чтобы упасть кому-то в ноги. Но эго этого не понять.

Вы можете увидеть только то, чем являетесь вы сами, вы не можете видеть того, чем вы сами не являетесь.

Монах тут же спросил: «А ты?» Его задело слова Мастера: «Потому что ты думаешь о себе – вот почему ты упускаешь Путь; а ведь он прямо перед тобой». Теперь монах реагирует. Ему тоже хотелось бы задеть Мастера. Он говорит:

«А ты, ты видишь его?»

Он хотел, он ждал – из-за своего собственного эго – чтобы Мастер сказал: «Да, я вижу его», и тогда все стало бы просто. Он мог бы сказать: «В таком случае, ты тоже озабочен своим “Я”: как ты можешь видеть его? Ты тоже утверждаешь свое эго – как ты можешь его видеть? Ты такой же, как и я». И он бы удалился счастливым, потому что его счеты с этим человеком были бы сведены.

Но с Мастером невозможно свести счеты. Он никогда не оправдывает ваших ожиданий. Он просто непредсказуем. Вы не сможете поймать его в свою ловушку, потому что его поведение постоянно меняется. Ваш ум не сможет дать вам того ответа, который даст вам Мастер.

Мастер ответил: «У тебя в глазах двоится оттого, что ты говоришь одно, а делаешь другое. Поэтому на твоих глазах пелена».

Мастер не сказал ни слова о себе. Если бы на месте монаха был Арджуна, то мастер сказал бы: «Да, я вижу его – а ты, пожалуйста, перестань ходить кругами и упади к моим ногам». Но этот человек

был не Арджуна – это был просто любопытный человек, не заинтересованный по-настоящему. У него не вопрос, а проблема. Он не собирается никаким образом себя менять – в лучшем случае, он получит немного новой информации, станет немного более знающим.

Вот почему Мастер говорит: «До тех пор, пока у тебя в глазах двоится оттого, что ты говоришь одно, а делаешь другое, твой взгляд затуманен», – потому что взгляд монаха затуманивают *я* и *ты*. Но они – единое явление, поймите это. *Я* и *ты* – две стороны одной монеты: одна сторона – *я*, другая сторона – *ты*. Если отпадает *я*, отпадает и *ты*. Если исчезает *я*, исчезает и *ты*, потому что, когда монета падает, обе ее стороны падают одновременно.

Я – это один полюс, *ты* – другой полюс; либо они оба исчезают, либо они оба остаются.

ЕСЛИ ВЫ ЕСТЬ, то вокруг вас – толпа, мельтешение множества *я*, *ты*; если вас нет, толпа исчезает, как страшный сон – это и был страшный сон, – и остается просто тишина, в которой нет никакого деления, даже деления на *я* и *ты*.

По этой причине люди дзен никогда не говорят о Боге, потому что, как они объясняют: «Если мы говорим о Боге, мы должны говорить *Ты*». Будда никогда не говорил о Боге, и он сказал: «Не молись, потому что в вашей молитве будет продолжаться разделение, двойственность, двойственное видение – *Я* и *Ты*».

Даже на самой вершине вы будете все еще больны тем же самым, только в тонком смысле: вы все еще будете говорить *Я*, и будете говорить *Ты*. С какой бы любовью вы это ни сказали, разделение сохраняется, а при разделении любовь невозможна – этим образ мыслей Иисуса отличается от образа мыслей иудеев.

Мартин Бубер написал книгу «*Я и Ты*». Он – один из самых глубоких иудейских мыслителей, – но он мыслитель, и ничего более. Он может говорить о мистицизме, но это все равно слова мыслителя, потому что в самом конце он сохраняет разделение, *Я* и *Ты*. Теперь *Ты* не здесь, не в этом мире, но Бог превратился в *Ты*, старое разделение сохраняется.

Иудеи, магометане всегда отрицали, что человек может стать единым с Богом, из-за страха, что «*Я*» может заявить, что оно стало Богом. Они сохраняют это разделение. Они говорят, что можно приблизиться к нему, но, как бы близко вы ни подошли, вы останетесь вы, а Он по-прежнему будет Он. Вы останетесь одним из «*Я*», а к нему следует обращаться «*Ты*».

Поэтому всех растревожили слова Иисуса: «*Я* и Небесный Отец Мой суть одно». Он отверг разделение на *Я* и *Ты*.

Такое же непонимание постигло магометан в Индии: они не могли понять Упанишад, не могли понять индуистского учения о том, что вы – то же самое, что и Он. Отбросьте *Я*, и Он перестанет быть

для вас *Ты*. Внезапно полюса исчезнут, и энергия соединится. Здесь исчезаю я, там исчезает ты, и энергия становится одной.

Иногда, когда вы глубоко любите кого-то, случаются проблески, когда нет ни вас как «*Я*», ни вашего возлюбленного как «*ты*» – но такое случается только иногда; это бывает очень редко, когда две энергии просто встречаются, и вы не можете определить разделение, не можете определить, где кончается одна и начинается другая; они перемешиваются, встречаются, сливаются и становятся одним; вы не можете почувствовать границу между ними, внезапно граница исчезла – вот почему любовь порождает страх.

Сильная любовь рождает сильный страх. Она напоминает смерть, потому что исчезает «*Я*», исчезает «*ты*» – и это похоже на смерть.

Но когда умирает «*ты*», только тогда вы входите в Божественное.

Но тогда Божественное перестает быть Богом, вы не можете обратиться к Нему – отсюда в буддизме отсутствие молитв.

Именно поэтому христианам непонятна религиозная природа буддизма. Никаких молитв!

«Как можно молиться? – сказал Будда. – Ведь молитва возможна лишь при разделении: «*Я*» молится, «*Ты*» внимает. Как можно молиться?»

В буддизме существует лишь медитация. Попробуйте понять различие: молитва происходит при старом разделении на *Я* и *Ты*, медитация отбрасывает это разделение. Молитва в итоге должна привести к медитации. Молитва не может быть вершиной. Это прекрасно, но это еще не Высшее. Высшим может быть только это: когда исчезает и то, и другое, и существует только Единое.

Это огромно. Бесконечно! Вам страшно! Все уютные разделения на *Я* и *Ты* исчезли. Всякая относительность исчезает: вот откуда этот страх; вот чего боится Бубер. Он боится, что если перестанут существовать *Я* и *Ты*, все это станет таким огромным, таким ужасным, таким пугающим, ведь всякое сравнение перестанет быть возможным.

Относительность дает вам чувство дома; с ней вам уютно; она дает нечто, что не похоже на ужасное, что не вселяет страх. Медитация должна быть Высшим, потому что молитва никогда не может привести к недвойственности, и об этом говорит Мастер. Он говорит:

«У тебя в глазах двоится оттого, что ты говоришь одно, а делаешь другое. Поэтому на твоих глазах пелена».

Двойственность – это туман. От двойственности на глазах пелена, от двойственности в глазах пыль, от двойственности ваше видение затуманено, искажено.

Отбросьте двойственность – и будет Путь. Но любопытству ума нет конца. В то мгновение монах мог просветлеть, потому что просветление – не что иное, как ясность, осознание. Такие глубокие истины – а семена все не прорастают, потому что этот человек – как асфальтированная дорога, этот человек – неподходящая почва. И он снова говорит:

«А можно увидеть его, если не будет ни тебя, ни меня?»

Избегайте этой склонности к любопытству. Он вообще не слушает то, что ему говорят, он не понял ни единого слова, он ничего не почувствовал – и он остается все там же, не поверхности, на том же уровне, ни на дюйм глубже. Его вопросы – это уже не поиск, а, скорее, реакция: он реагирует на то, что говорит Мастер. Такая ситуация может означать только одно: когда Мастер говорит, он в этот момент придумывает очередной вопрос. Он не слушает.

«А можно увидеть его, если не будет ни тебя, ни меня?»

Он снова ожидает чего-то. Когда бы вы ни задали кому-то вопрос, вы заранее ожидаете определенного ответа. Если ответ человека совпадает с тем, которого вы ожидали, вы считаете, что он прав; если ответ не совпадает, вы решаете, что он говорит вздор.

Никогда не приходите ко мне, чтобы получить ожидаемые ответы, потому что, если ответ у вас уже есть, незачем спрашивать. И в этом все отличие: если, задав вопрос, вы не знаете, что вы хотите услышать, тогда вы сможете услышать ответ. Если же у вас есть хотя бы легкое предположение о том, каким будет ответ, если ваш ум уже дал вам ответ, вы не сможете услышать: вы будете слушать, просто чтобы убедиться, что были правы, или что этот человек неправ – но в любом случае вы убеждаетесь в своей правоте.

Никогда не задавайте вопрос с чувством собственной правоты: если вы считаете себя правым, нет необходимости спрашивать. Спрашивайте всегда с позиции незнания, с позиции «Я не знаю», так, чтобы вы не могли ожидать, не могли придумать никакого ответа. Прекрасно зная, что «Я не знаю», СПРАШИВАЙТЕ! – и вы будете благодатной почвой, в которую упадут семена, и, возможно, вырастет богатый урожай.

Человек снова спросил:

«А можно увидеть его, если не будет ни тебя, ни меня?»

Он пытается загнать Мастера в угол, что вообще свойственно уму; потому что сейчас ему придется ответить «да». Если он скажет

«да», любопытный ум снова спросит: «Тогда кто сможет увидеть его, если нет ни тебя, ни меня?» И если ответить ему: «Да, тогда можно увидеть Путь», вопрос возникнет сам собой: «Тогда кто сможет его увидеть? Ведь меня не будет, и тебя тоже не будет: кто тогда сможет увидеть?»

Но просветленного человека невозможно поставить в тупик. В тупик можно поставить другой ум, например, за игрой в шахматы, но человека, у которого нет ума, нельзя поставить в тупик, и его нельзя победить, потому что его нет. Его победа абсолютна.

С ним у вас есть два выхода: поражение или побег. Его победа абсолютна, потому что его больше нет – кого побеждать? Кого загнать в угол?

Это был прекрасный угол. Должно быть, этот человек был профессором, или логиком, или ученым. Он действительно загнал Мастера к углу своими тремя вопросами: если бы человек был там, он действительно был бы загнан в угол; но если Мастера нет, как загнать его в угол? Все небо – это он. Как можно загнать в угол целое небо? Все углы существуют в нем, но его самого не загнать в угол.

Мастер сказал:

«Ни тебя, ни меня, ни того, кто хочет увидеть?»

И действительно, когда вы видите, вы видите лишь тогда, когда вас нет. Когда вас нет, речь не идет о том, чтобы пытаться увидеть, хотеть увидеть, стремиться увидеть: кто будет хотеть? Когда вас нет, кому есть дело до Пути? ПУТЬ УЖЕ СЛУЧИЛСЯ. Кому есть дело до Бога? – это уже произошло!

Вы исчезаете здесь, а там все уже давно готово, все, что вы когда-либо искали; на каждый ваш вопрос найдется ответ. Вы растворяетесь здесь, и все ответы исчезают, и все вопросы рассеиваются. Внезапно Истина перед вами.

Ваше растворение и есть Истина. Ваше «не-бытие» и есть Путь. Ваше отсутствие есть присутствие Бога.

НЕ УМ, НЕ БУДДА, НЕ МИР

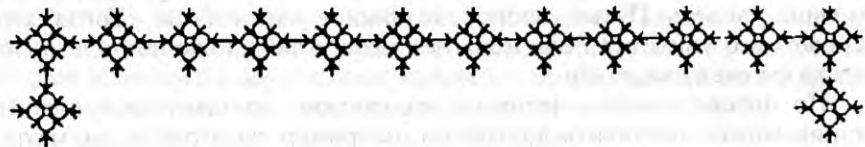
Беседа 11. 10 ноября 1974 года

Монах спросил Нансена: «Есть ли такое учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал?»

Нансен сказал: «Да, есть».

«О чем же оно?» – спросил монах.

Нансен ответил: «Оно не об уме, не о Будде, не о мире».

Так называемые «учения» просветленных – совсем не учения, потому что им невозможно научить: как тогда назвать их учениями?

Учение – это то, что можно преподавать, но никто не сможет преподавать вам Истину. Это невозможно. Истине можно научиться, но нельзя научить.

Истину необходимо постичь. Вы можете впитать ее, можете насытиться ей, вы можете жить с Мастером и позволить ей случиться, но никто не научит вас ей.

Это процесс косвенный. Обучение – это прямое воздействие: вам что-то говорят; познание – воздействие косвенное: вам не говорят, а лишь указывают; даже, скорее, показывают. Вам указывают пальцем на солнце, но дело не в самом пальце; вы должны отвлечься от пальца и посмотреть на солнце, или на луну. Мастер учит, но это учение подобно указующему пальцу: вы должны забыть о пальце и обратить свой взор туда, куда он указывает: другое измерение, направление, запредельное.

Учитель учит, Мастер живет: вы можете учиться по его жизни, по его движениям, взглядам, прикосновениям, по тому, какой он есть! Вы можете это впитывать, вы можете позволить этому происходить, вы можете оставаться доступным, вы можете оставаться открытым и восприимчивым.

Нет таких слов, чтобы выразить это напрямую, поэтому те, кто слишком интеллектуальны, упускают это, потому что им знаком лишь один способ познания – прямой. Они спрашивают: «Что есть Истина?» – и ожидают ответа. Так было, когда Понтий Пилат спросил Иисуса: «Что есть Истина?» – а Иисус лишь промолчал; ничего даже не шевельнулось – как будто вопрос и не был задан, как будто не было Понтия Пилата, стоящего перед ним; Иисус остался таким же, каким был до того, как вопрос был задан, ничего не изменилось.

Понтий Пилат, должно быть, решил, что этот человек слегка не в себе, ведь он прямо спросил: «Что есть Истина?», а он молчал в ответ, как будто ничего не слышал. Понтий Пилат был властителем, образованным, культурным, воспитанным человеком; Иисус был сыном плотника, необразованным, некультурным; будто встретились два полюса, две полные противоположности.

Понтий Пилат знал всю философию: он ее изучил, он знал все священные писания; Иисус же был совершенно необразованным; по правде говоря, он не знал вообще ничего – а точнее, он только и знал, что НИЧЕГО. Стоя перед Понтием Пилатом в полном молчании, он ответил – но ответ его был символическим: он поднял вверх палец. Та абсолютная тишина была пальцем, указывающим на Истину – но Понтий Пилат упустил. Он подумал: этот человек сумасшедший; либо он глухой, не слышит, либо он не знает, невежда – поэтому и молчит. Но молчание может быть пальцем, указывающим на Истину, которая непостижима для интеллектуального Понтия Пилата.

Он упустил! Величайшую возможность! Возможно, он до сих пор скитается в поиске того, что есть Истина. А в тот день Истина стояла прямо перед ним.

Мог ли он хоть мгновение помолчать? Мог ли он просто побыть в присутствии Иисуса, ничего не спрашивая? Просто смотреть на него, наблюдать, ожидать? Мог ли он хоть немного впитать Иисуса? Мог ли он позволить Иисусу подействовать на себя? Эта возможность была – и Иисус указал на нее. Но Понтий Пилат упустил.

Интеллект всегда упускает учение просветленных, потому что интеллект верит в прямой путь познания – но Истину невозможно найти таким способом. Истина – явление очень тонкое; очень хрупкое, насколько это только возможно: вы должны продвигаться к ней очень осторожно, не идти напрямую. Вы должны ее почувствовать – она приходит через сердце, она никогда не приходит через голову. Обучение происходит через голову, познание происходит через сердце.

Запомните то, что я хотел бы подчеркнуть: не Мастер учит, а ученик учится. Это зависит от вас – учиться или не учиться; это не зависит от меня – учить или не учить.

Мастер ничего не может с собой поделаться: он таков, что не перестает учить. Каждое его мгновение, каждый его вдох – это учение, все его существо несет в себе учение, послание. Послание, которое несет Мастер, неотделимо от него самого; если же оно отделимо, тогда это не Мастер, а просто учитель, повторяющий чужие слова. Тогда он сам не просветленный, его знание заимствовано: внутри он такой же невежественный, как и ученик, – по своему бытию они ничем не отличаются, они отличаются лишь объемом знаний.

Учитель и ученик находятся на одном уровне в том, что касается их бытия; в том, что касается знаний, они отличаются: учитель знает больше, ученик – меньше. Возможно, настанет время, когда ученик будет знать больше и сам станет учителем, возможно, он даже превзойдет в знаниях собственного учителя – потому что это лишь ко-

личественное накопление. Накопив побольше знаний, информации, вы можете стать учителем, но не Мастером.

Мастер – сама Истина. Он не *знает* об Истине, он *стал* ей, так что он ничего не может с собой поделаться! Он не стоит перед выбором: учить или не учить? Выбора нет. Он продолжает учить, *даже когда крепко спит*.

Будда крепко спит – просто сядьте рядом с ним! Вам может многое открыться, вы можете просветлеть, потому что даже спит он совсем по-другому. Все его проявления особенны – потому что особенно его существо. Будда ест – просто наблюдайте! И он излучает послание; его послание неотделимо от него самого – поэтому он ничего не может с собой поделаться. Он – это само послание.

Не нужно спрашивать: «Что есть Истина?» В любом случае, он не ответит вам прямо. Он может засмеяться, может предложить вам чашку чая, или может взять вас за руку и молча сидеть, или может отвести вас на прогулку в утренний лес, или может сказать: «Посмотри! Красивая гора!» Но, что бы он ни делал, это будет неуловимым намеком, указывающим на его собственное бытие.

Все, что прекрасно, истинно, хорошо, похоже на счастье – я говорю «похоже на счастье», потому что, возможно, вам это будет понятно. Вам должно быть хотя бы немного знакомо, что такое счастье. Возможно, вы прожили несчастную жизнь – как многие люди. Но иногда, вопреки вам самим, бывает так, что счастье приходит к вам – и вас наполняет неведомая тишина, неведомое блаженство; такие мгновения приходят неожиданно. Нет такого человека, у которого в жизни не было бы хотя бы нескольких мгновений счастья.

Но приходилось ли вам замечать? – когда такие мгновения приходят, они приходят ниоткуда; они происходят внезапно, они происходят неожиданно: вы их не ждете, вы заняты чем-то другим – и вдруг вы их осознаете. Если вы будете ждать, они никогда не придут. Если вы целенаправленно ищете, вы упустите.

Кто-то скажет вам: «Когда я плаваю в реке, я счастлив». Вам тоже хочется этого, и вы говорите: «Тогда я тоже пойду поплаваю» и идете с ним. Вы ищете счастья – само плавание вас не интересует, вас интересует непосредственно счастье; плавание для вас лишь средство. Вы плаваете часами – вы устали, вы ждете – и вы разочарованы: ничего не происходит, блаженство не наступает, – и вы говорите своему другу: «Ты обманул меня. Я плавал часами, изнемог, а счастья не было ни на мгновение».

Нет, так оно не может прийти. Когда вы настолько растворяетесь в плавании, что никого для вас не существует, лодка пуста, дом пуст, хозяин молчалив, плавание настолько глубоко, что пловец растворился в нем, и вы просто плывете, вы играете с рекой, и солнечный свет, и утренний бриз, и вы растворяетесь в нем – вот счастье!

Плавать у берега, плавать по всей реке, разливаясь по всему существованию, перескакивать с одного солнечного луча на другой – от малейшего ветерка. Но если вы чего-то ожидаете, вы упустите, потому что ожидание переносит вас в будущее, а счастье в настоящем. Счастье не может быть результатом какой бы то ни было деятельности, оно лишь последствие, побочный продукт. *Вы настолько глубоко вовлечены, и вот оно случается.*

Помните: счастье – лишь последствие, а не результат. Результата можно ожидать. Если вы к двум прибавите два, вы можете ожидать результата – четыре; этот результат уже заложен в сумме «два плюс два»; он и получится.

Результата можно ожидать, имея дело с чем-то механическим, математическим. Но последствие – явление не механическое, а органическое. Оно случается только тогда, когда вы не ожидаете. Гость приходит и стучит в вашу дверь именно тогда, когда вы даже не думаете о госте.

Счастье всегда приходит как незнакомец. Оно всегда удивляет вас. Вы сразу чувствуете, что что-то произошло – и если вы начнете думать о том, что происходит, вы тут же упустите. Если вы скажете: «Какое чудо! Какая красота!» – считайте, что это уже ушло; снова появился ум. Вы снова отброшены назад – и несчастны, как прежде.

Следует глубоко себе уяснить, что все, что прекрасно, неуловимо. Его нельзя захватить; нельзя вести себя с ним агрессивно; нельзя оторвать кусок от существования. Если вы напористы и агрессивны, вы не найдете счастья.

Двигайтесь в его сторону как пьяный, не зная, куда, не зная, зачем, как пьяный – совершенно потерянный – двигайтесь к нему.

Любая медитация – это тонкий способ опьянить вас, тонкий способ опьянить вас Неизвестным, Божественным: тогда больше нет вас с вашим сознательным умом, нет вас, ожидающих, нет вас, планирующих на будущее. *Вас нет.*

И когда вас нет, неожиданно на вас начинают осыпаться цветы; цветы благодати, как на Субхути, который был пуст.

Вы удивлены! Вы такого не ожидали, даже не подозревали! Вы никогда не считали себя достойным этого. Именно такие чувства это вызывает: это как божья милость, которая просто случилась, без вашего участия.

Итак, первое: Истине невозможно научить, блаженство невозможно дать, восторг не купить на рынке.

Но ваш ум мыслит только в категориях получения, покупки, накопления, приобретения, он не умеет мыслить в категории «происходит», потому что вы не можете контролировать происходящее – все остальное вы можете контролировать.

Я слышал такую историю: один человек внезапно разбогател. Разумеется, как только это случилось, он приобрел все те вещи, о которых всегда мечтал: огромный дом, автомобиль, бассейн и тому подобное; потом он отправил дочь учиться в колледж. Он всегда хотел иметь образование, но сам он уже не мог учиться. Теперь ему захотелось, чтобы все его желания были исполнены, и если не им самим, то его детьми. Через несколько дней он получил письмо от декана колледжа, в котором говорилось: «Честно говоря, мы не можем принять вашу дочь в колледж, потому что у нее нет способностей к обучению».

Отец сказал: «Нет способностей? Не волнуйтесь! Я куплю для нее самые лучшие способности, которые только есть в продаже».

Как можно купить способности? Но человек, который внезапно разбогател, рассуждает только в терминах покупки. Вы рассуждаете в терминах власти – власти, которая позволяет приобретать, получать что-то. Помните: Истину невозможно добыть путями власти; она приходит только к смиренным. Вам нечем заплатить за нее – ее невозможно купить, и это хорошо, иначе никто не смог бы заплатить ее цену. Это хорошо, что она просто случается, иначе как бы вы купили ее? Все, чем вы обладаете – лишь хлам.

Лишь благодаря тому, что это невозможно купить, это может в один прекрасный момент случиться. Это дар, которым Божественное делится с вами, – но делиться оно может лишь тогда, когда вы это *позволяете*.

Потому я говорю, что вы можете научиться, но никто не может вас научить.

На самом деле, в духовном мире присутствуют лишь ученики, а не Мастера. Мастера существуют, да! – но они представляют собой неактивную, пассивную силу. Они не могут ничего делать, они просто есть – как цветы! Даже если рядом никого нет, цветок будет продолжать наполнять своим ароматом пространство. Он не может иначе.

Все зависит только от ученика: как научиться? как научиться у цветка? – а цветок только показывает, но не говорит. Этого не сказать словами. Как может цветок описать красоту? Он сам и есть красота. Вы должны сами уловить, постичь своим внимательным взором, обонянием, слухом тот тонкий звук, которым цветок откликается на дуновение ветерка. Для того чтобы почувствовать, как пульсирует цветок, нужно сердце, потому что цветок тоже пульсирует – пульсирует все живое, все существование. Возможно, вы еще никогда этого не чувствовали, потому что, только войдя в глубокую медитацию, можно почувствовать, что вся Вселенная дышит. Так же, как и вы при вдохе и выдохе, вся Вселенная сокращается и расширяется.

Вы вдыхаете, и грудная клетка наполняется воздухом, потом вы выдыхаете воздух, и грудная клетка сокращается – такой же ритм существует во Вселенной.

Все существование дышит, расширяется, делает вдох, выдох – и если вы можете нащупать ритм существования и настроиться на него, значит, вы достигли.

Все искусство восторга, медитации, *самадхи* состоит в следующем: как слиться с ритмом Вселенной? Когда она делает выдох, и вы делаете выдох. Когда она делает вдох, и вы делаете вдох. Вы живете в ней, неотделимо от нее, едины с ней. Это трудно, ведь Вселенная беспредельна.

Мастер – это целая Вселенная в миниатюре. Если вы сможете научиться вдыхать и выдыхать вместе с Мастером, если вы научитесь только этому – вы научитесь всему.

Если бы в то мгновение, когда Понтий Пилат спросил «Что есть Истина?», он знал бы хоть что-нибудь, хотя бы азы ученичества, следующим его действием было бы закрыть глаза и дышать вместе с Иисусом: просто делать вдох и выдох вместе с Иисусом. Как он вдыхает, так и вы – в том же ритме; как он выдыхает, так и вы, в том же ритме – и возникает единение: ученика больше нет, Мастера больше нет.

В этом единении вы узнаете, что есть Истина, потому что в этом единении вы почувствуете Мастера. И теперь у вас будет ключ – который не был вам кем-то дан, помните: вы научились сами, никто вам его не дал. Его невозможно передать, настолько тонкая эта вещь!

Этот ключ открывает все замки. Это сверхключ, а не просто ключ: он открывает не один замок, а все замки. Теперь у вас есть ключ, и этот ключ подходит ко всей Вселенной.

Кабир как-то сказал: «Как же мне тяжело! Теперь Бог и мой гуру, вся Вселенная и мой Мастер стоят передо мной – кому же мне кланяться первому? Кому первому теперь упасть в ноги? Как же это тяжело!» И потом он говорит: «Прости меня, Боже. Первому я поклонюсь в ноги Мастеру, потому что он показал мне Тебя. Я пришел к Тебе через него. Так что пусть даже ты стоишь передо мной, прости, но сначала я должен припасть к ногам моего Мастера».

Прекрасно. Так и должно быть, потому что Мастер становится дверью в неизведанное, становится ключом ко всему существованию. Он – сама *истина*!

Научиться находиться в присутствии Мастера, дышать вместе с ним, позволить ему незаметно проникать в вас, незаметно сливаться с ним, потому что Мастер – не кто иной, как Бог, постучавшийся в вашу дверь.

Он – стук Вселенной. Не задавайте вопросов; *живите* с ним.

Теперь попытайтесь вникнуть в смысл этой притчи – короткой, но значащей очень много.

Монах спросил Нансена: «Есть ли такое учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал?»

Все, что проповедуется, не является учением; настоящее учение никто никогда не проповедовал, его не *передать словами!*

Будда говорил Махакашьяпе: «Всем остальным я говорил то, что можно выразить словами; тебе же я даю то, чего нельзя сказать, нельзя передать словами». Вот уже две тысячи лет последователи Будды задаются вопросом: «Что же он дал Махакашьяпе? Что же это было, что это было за учение, о котором Будда никогда никому не рассказывал, потому что, по его собственному мнению, слова неспособны это учение выразить?»

Слова настолько узки, что никогда не смогут вместить всю бесконечность Вселенной, и настолько поверхностны – как им нести в себе глубину? Если сравнить с океаном, то разве может одна волна на поверхности нести в себе его глубину? Не может. Это невозможно по самой природе вещей, потому что волна, по сути своей, существует на поверхности. Волна не может уйти в глубину, потому что, если она уйдет в глубину, то перестанет быть. Волны возникают от соприкосновения с ветрами – и это возможно только на поверхности, в глубине этого не бывает. И глубина не может встретиться с волной, потому что, поднявшись на поверхность, глубина перестанет быть глубиной.

В этом и заключается трудность. Истина – это центр, а слова обитают на поверхности, на периферии: там, где встречаются люди, там, где встречаются ветер и океан, там, где встречаются вопрос и ответ, там, где встречаются ученик и Мастер – только там, на поверхности, и существуют слова. Истина не может выйти на поверхность – она на самой глубине, а слова не могут достичь Истины – они на самой поверхности.

Что же делать? Все, что можно сказать словами, будет посредственным: это будет ни истиной, ни ложью, это будет чем-то средним – и в этом опасность, потому что, если ученик не был настроен в унисон с Мастером, он все поймет неправильно. Только в том случае, если он был настроен в унисон с Мастером, он поймет правильно, потому что между ними установился контакт.

Понимание зависит не от острого ума; понимание зависит от глубокого контакта. Понимание – не вопрос разума, интеллекта, логики; понимание – вопрос глубокого сопереживания, или даже глубокого вчувствования – отсюда центральная роль доверия, веры. Понимание приходит через веру, потому что в вере вы доверяете,

доверяя, вы становитесь центрированным, доверие делает возможным контакт – потому что вы перестаете обороняться, вы оставляете двери открытыми.

Тот монах спросил Нансена:

«Есть ли такое учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал?»

– да, есть такое учение; на самом деле, есть *всё* учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал.

Тогда почему Мастера не перестают проповедовать? Почему Будда говорил сорок лет подряд? И почему продолжаю говорить я, независимо от того, слушаете вы или нет? Почему они говорят? Если то, чему нужно научиться, не может быть передано словами, почему Мастера продолжают говорить?

Их беседы – всего лишь приманки. Беседа привлекает вас. Вы не воспринимаете ничего другого.

Беседы – все равно что сладости детям. И люди начинают тянуться к вам, пребывая в блаженном неведении, что беседы здесь ни при чем, в блаженном неведении приходят они за сладостями, за игрушками – игрушки их радуют. Но Мастеру известно, что, как только люди начинают тянуться, игрушки можно постепенно убирать, и постепенно они начинают любить Мастера без игрушек – и как только этот момент наступает, можно отказаться от слов.

Когда ученик созревает, слова могут быть отброшены: они были лишь способом приблизить вас, потому что вы не понимаете ничего, кроме слов.

Если кто-то говорит, вы понимаете; если кто-то молчит, вы ничего не можете понять: что здесь понимать? Молчание для вас все равно что стена, вы не можете найти в ней ход. Молчание несет также сильный страх, потому что оно подобно смерти. Слова напоминают о жизни, молчание напоминает о смерти. Если кто-то молчит, вам становится страшно: если это молчание затягивается, вы не можете этого выдержать и стремитесь поскорее уйти; молчание вас *тяготит*.

Почему? Потому что вы сами не умеете быть молчаливыми, а если вы сами не можете быть молчаливыми, вы не сможете понять молчания. Вы – болтовня; будто внутри вас обезьянка, которая без умолку болтает.

Кто-то дал человеку такое определение: обезьяна с метафизикой, со своей философией – вот и все; эта философия – лишь способ лучше болтать: более системно, более логично, но все равно болтать.

Мастер вынужден говорить, чтобы вы захотели приблизиться к нему. Чем ближе вы будете подходить, тем меньше он будет прибегать к словам. Когда же вас поглотит его молчание, пропадет необходимость говорить. Как только вы сами узнаете, что такое молчание, как только вы сами станете молчаливыми, возникнет новый контакт. Теперь можно будет говорить без слов, говорить, не произнося ни звука, – и слышать, не слыша ни звука. Это и есть свершившееся ученичество.

Ученичество – одно из самых прекрасных явлений на свете, потому что вы узнаете, что такое контакт. Теперь вы дышите, вдыхаете, выдыхаете вместе с Мастером; вы утратили собственные границы и слились с ним. Теперь нечто, льющееся из его сердца, наполняет вас; нечто от него появляется в вас.

Монах спросил Нансена: «Есть ли такое учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал?»

Нансен – один из самых известных дзенских Мастеров; с ним связано множество историй – одну из них я рассказывал вам много раз. Я повторю ее снова, потому что такие истории *должны* повторяться много раз, чтобы вы могли их впитать. Они как пища: вы должны принимать пищу каждый день; вы не станете говорить: «Вчера утром я завтракал, сегодня уже не нужно» или «Вчера я кушал, зачем еще сегодня?»

Эти истории – как пища. В Индии существует специальное слово, для которого не подобрать эквивалента. В английском языке есть слово reading (чтение): в Индии для обозначения этого используется два слова – одно из них означает «чтение», другое означает чтение одного и того же снова и снова – и это напоминает *путь*. Вы читаете одно и то же снова и снова. Каждое утро вы читаете Гиту – тогда это уже не чтение, ведь вы уже прочитали ее много раз; это становится своего рода питанием, вы не читаете, вы *питаетесь* ей каждый день.

Это еще и необыкновенный опыт, потому что каждый день вам будут открываться новые оттенки значений, каждый день – новые нюансы. Одна и та же книга, одни и те же слова, но каждый день вы будете чувствовать, что вам открылась новая глубина. Каждый день вы будете читать что-то новое, потому что в таких книгах, как Гита, есть глубина. Прочитав их один раз, вы пройдете по поверхности; второй раз – немного глубже; третий раз – еще глубже; тысячный раз – и тогда вы поймете, что эти книги неисчерпаемы; исчерпать их невозможно. Чем более осозанным и бдительным вы становитесь, тем глубже ваше понимание – и открывается новый смысл.

Я повторю эту историю о Нансене. К нему пришел профессор, профессор философии. Философия – это болезнь; против нее, как против рака, еще не найдено лекарства; приходится делать операцию – серьезное хирургическое вмешательство; и философия разрастается подобно раковой опухоли: стоит ей лишь оказаться внутри вас, она начинает расти сама по себе – и забирает у вас все силы. Она паразитирует. Вы становитесь все слабее и слабее, а она – все сильнее и сильнее. Каждое слово порождает новое слово – и это может продолжаться до бесконечности.

Итак, к Нансену пришел философ.

Нансен жил на невысоком холме, и, поднявшись на него, философ устал и взмок от пота. Едва войдя в хижину Нансена, он спросил: «Что есть Истина?»

Нансен сказал: «Истина может и подождать. Спешить некуда. Прямо сейчас вам больше нужна чашка чая, вы так устали!» Нансен зашел в дом и приготовил чаю.

Такое возможно только с дзенским Мастером. В Индии исключено, чтобы Шанкарачарья готовил вам чай. Вам! И чтобы Шанкарачарья готовил чай? Исключено! Или представьте, чтобы Махавира готовил вам чай... абсурд!

Но для дзенских Мастеров это возможно. У них совершенно другое отношение: они *любят* жизнь, они не против жизни; они *утверждают* жизнь, они не против нее – и они – обычные люди. И они говорят, что быть обычным человеком – самое необычное, что только может быть на свете; они живут очень простой жизнью – и когда я говорю «действительно простой жизнью», я имею в виду *не* показную простоту. В Индии таких притворщиков встретишь на каждом шагу; их простота показная! Они могут быть наги, совершенно наги, но и в этом они не просты; их нагота очень сложна.

Их нагота – не нагота ребенка; они культивировали ее в себе, а как может то, что специально культивировалось, быть простым? Они приучили себя к ней путем дисциплины, а как может то, что достигнуто путем дисциплины, быть простым? Это очень сложно. Даже ваша одежда не настолько сложна, как нагота джайна – монаха-дигамбара; он боролся за нее долгие годы.

У них существует пять ступеней: каждую нужно проходить постепенно, чтобы потом достичь наготы. Это рассматривается как достижение, а как может достижение быть простым? То, что просто, достижимо прямо здесь и сейчас, без необходимости над этим работать.

Нагота, когда она проста – великолепное явление. Вы просто *отбрасываете* одежду. Это случилось с Махавирой. Все было *просто*: он ушел из дома одетым; по дороге его одеяние зацепилось за шипы розового куста; и он подумал: «Уже вечер, и розовый куст готовится

ко сну, я потревожу его, если стану доставать одежду» – и он оторвал ту часть одежды, что запуталась, и оставил ее там. Был уже вечер, и это было прекрасным жестом по отношению к розовому кусту. Он сделал это не ради наготы, а ради розового куста. На следующее утро ему, полуодетому, встретился нищий и попросил дать ему что-нибудь – а у Махавиры больше ничего не было; но как отказать, если у тебя все еще есть что дать – та самая половина одеяния? И он отдал ее нищему.

Эта нагота – нечто великолепное, простое, обычное; это просто случилось, без практики. Но джайнский монах практикует это.

Дзенские монахи – очень простые люди! Они живут простой жизнью – как все. Они не делают различий, потому что любое различие делать эгоистично: и в эту игру можно играть по-разному, но суть ее неизменна – *Я Превыше Тебя*. Суть игры неизменна: у меня больше денег – я превыше тебя; я более образован – я превыше тебя; я более набожный – я превыше тебя; я более религиозный – я превыше тебя; я от большего отрекся – я превыше тебя.

Нансен зашел в дом, приготовил чаю, вышел, дал профессору чашку, налил в нее чая из чайника. Чашка была полна.

До этого самого момента профессор ждал, потому что до этого самого момента все было логичным: пришел усталый путник, вы сочувствуете ему и предлагаете чаю – это вполне естественно. Вы наливаете ему полную чашку чая – это тоже естественно. Но потом случилось нечто необъяснимое.

Нансен продолжал лить, чай полился через край. Профессор был слегка удивлен – «Что он делает? Он что, сумасшедший?» Но он, как человек дисциплинированный, мог стерпеть подобные мелочи и простить, возможно, легкую невменяемость и продолжал ждать. Но вот уже и блюдце было полным, а Нансен все *продолжал* лить.

Это было уже слишком. Нужно было срочно что-то сделать, сказать, и профессор сказал: «Остановитесь же!» – потому что чай уже лился на пол – «Что вы делаете? В эту чашку не войдет столько чая, неужели вы не видите такой простой вещи?! Вы что, сумасшедший?»

Нансен рассмеялся и сказал: «Вот и я тоже подумал: вы что, сумасшедший? Потому что вы видите, что чашка полна и не способна вместить больше ни капли – но вы не видите, что ваша голова полна и не способна вместить больше ни капли истины. В вашей голове наполнилась чашка, наполнилось блюдце, и все проливается на пол – посмотрите! По всей моей хижине ваша философия! И вы этого не видите? Но вы разумный человек; по крайней мере, вы увидели чай. Теперь постарайтесь увидеть другое».

Каждому человеку по-своему Нансен помогал пробудиться; создал множество ситуаций для того, чтобы люди пробудились.

Монах спросил Нансена: «Есть ли такое учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал?»

Нансен сказал: «Да, есть».

«О чем же оно?» – спросил монах.

Нансен ответил: «Оно не об уме, не о Будде, не о мире».

Если ни один Мастер прежде этого не говорил – как может это сказать Нансен? Спрашивающий глуп, и задал глупый вопрос. Если никто этого прежде не говорил, как может сказать Нансен? Если все будды молчали об этом, не проронили ни слова, просто не могли, тогда как может Нансен? Но Нансену хотелось помочь даже такому глупцу.

Вокруг одни глупцы, потому что, пока вы не станете просветленным, вы будете оставаться глупцом; поэтому глупость – это не оскорбление, это просто состояние, *факт*. Непросветленный человек неизбежно глуп – по другому быть не может; и он тем более глуп, если считает себя мудрецом. Если же он чувствует, что глуп, это начало мудрости, это означает, что он начал пробуждаться. Если вы чувствуете, что невежественны, значит, вы не глупы; если вам кажется, что вы знаете, значит, вы абсолютно глупы; и не просто глупы, но настолько в этом укоренены, что вытащить вас кажется практически невозможным.

Нансену хотелось помочь этому глупцу – потому что все они такие; вот почему он с ним разговаривает, отвечает. Но он говорит в отрицательной форме, а не в положительной.

Он произносит три отрицания. Он говорит:

«Оно не об уме, не о Будде, не о мире».

Об Истине невозможно рассказать, но можно сказать, чем она не является. Ее невозможно описать, но можно обозначить путем отрицания, *от противоположного*, то, чем она не является. Так всегда поступали Мастера. Если вы настаиваете, чтобы они что-нибудь сказали, они скажут что-нибудь в отрицательной форме.

Если вы способны понять их молчание, вы понимаете утвердительное. Если вы не способны понять их молчание и требуете слов, они скажут что-нибудь отрицательное.

Поймите это: слова могут возыметь отрицательное действие; молчание действует положительно.

Молчание – самое положительное, что только может быть, речь – самое отрицательное.

Когда вы говорите, вы находитесь в отрицательном мире; когда вы храните молчание, вы движетесь в сторону положительного.

Что есть Истина? – спросите у Упанишад, спросите у Корана, у Библии, у Гиты; в каждой из этих книг сказано лишь, чем она не является. Что есть Бог? – в каждой из книг сказано, чем Он не является.

Нансен отрицает три вещи: первая – это учение не о мире, не о материальном; не о вещах, которые вас окружают и которые можно увидеть. Не о вещах, которые ум способен воспринять, понять, – то есть не о предметах. Второе отрицание: оно не об уме, не о субъекте познания; ни о мире вокруг вас, ни об уме внутри вас – нет; эти две вещи не могут быть учением, не могут быть Истиной.

Но третье отрицали лишь будды, лишь самые совершенные Мастера, и это третье есть: Оно не о Будде.

А что есть Будда?

Материальный мир – ваша первая граница, вторая граница – ум, мир мыслей; вещи – первая граница, мысли – вторая граница, близкая к вам. Вы можете изобразить три концентрические окружности: первый круг – материальный мир; второй круг – мир мыслей; и остается третий – но Будда отрицает и его: самость, душа, сознание, Будда. Только Будда отрицает это.

Все остальные тоже это знали: и Иисус знал, и Кришна – но они не отрицали этого, потому что это было бы уже слишком для вашего понимания. Поэтому они отрицали только две вещи: иллюзорен мир вещей – и ум, который его воспринимает, также иллюзорен. Но третье – вашего внутреннего свидетеля, ваше глубинное сознание, в котором вы не думаете, а только созерцаете, в котором нет ни вещей, ни мыслей, а есть только вы – этого они не отрицали. Будда отрицал и это.

Он говорит: «Ни мира, ни ума, ни души». Это высшее учение, потому что, если нет предметов, откуда взяться мыслям? *Если нет мыслей, как вы можете быть им свидетелем?* Если мир иллюзорен, то ум, воспринимающий его, не может быть настоящим. Ум иллюзорен. Тогда свидетель, наблюдающий ум – как он может быть настоящим?

Будда доходит до самого центра существования. Он говорит: ВСЕ, чем вы являетесь, не существует – ваши вещи, ваши мысли и вы сами – всего этого не существует.

Это три отрицания. Путь Будды – путь отрицания; его утверждения отрицательны – поэтому индуисты называют его *настик*, что означает «атеист», «полный нигилист».

Но он не такой. Если отбросить все то, что отрицается, останется Истина. И то, что останется, освобождает; то, что останется, есть Нирвана, просветление.

Будда очень и очень глубок, ничьи слова еще не были столь же глубоки. Многие достигли глубины в своем бытии, но Будда попы-

тался достичь совершенства и в словах. Он никогда не делал положительных утверждений: если спросить его о чем-то положительном, он просто промолчит. Он никогда не говорит, что Бог есть, что душа есть; на самом деле, он вообще никогда не употребляет слово *есть*. Если спросить его, он ответит словом «нет» – это его ответ на все, и если вы способны понять, почувствовать контакт, вы поймете, что он *прав*.

Когда вы отрицаете все, это не означает, что этим вы все уничтожаете. Это лишь означает, что вы уничтожили мир, который создали сами. Настоящее остается, потому что настоящее неподвластно отрицанию. Но неподвластно и утверждению. Его можно узнать, но нельзя провозгласить.

Когда вы отрицаете все три вещи, когда вы превосходите их, вы становитесь Буддой. Вы просветленный. *Будда говорит, что вы пробуждаетесь только тогда, когда побеждаете эти три сна.*

Первый сон – это сон вещей. Многие люди пребывают в нем; это самый тяжелый сон. Миллионы людей, девяносто девять процентов человечества, спит этим сном – первым и самым тяжелым сном, сном вещей. Один думает об остатке средств на банковском счету, другой – о доме, об одежде, о том и о сём – и *живет* этим.

Есть люди, которые только и делают, что изучают каталоги товаров.

Мне рассказывали один случай. Как-то раз один верующий остался переночевать в семье. Наутро, как обычно, ему понадобилась Библия – чтобы немного почитать и помолиться. В этот момент мимо его комнаты проходил ребенок, и он попросил: «Принеси мне ту книгу...» – но подумал, что ребенок может не понять, что он имеет в виду Библию, он добавил – «Принеси мне книгу, которую твоя мама читает каждый день». Ребенок принес каталог «Весь мир», потому что именно это было ежедневным чтением мамы.

Девяносто девять процентов людей спит сном вещей. Постарайтесь определить, чем спите вы, потому что работа над собой начинается именно с этого. Если вы спите сном вещей, начните с него – сбросьте с себя этот сон вещей!

Почему люди постоянно думают о вещах? Однажды я гостил в одном доме в Калькутте – у его хозяйки было, похоже, более тысячи сари, и каждое утро мы с ее мужем ждали ее в машине, и муж нетерпеливо сигналил, а она кричала: «Уже иду!» – все потому, что она никак не могла решить, какое сари ей надеть. Тогда я спросил ее: «Почему каждый день такая проблема?»

И она повела меня посмотреть сари и сказала: «Вы бы тоже растерялись – у меня тысяча сари, и мне каждый раз трудно выбрать наиболее подходящее к случаю».

Наверное, вам приходилось видеть таких людей: с самого утра они моют свою машину, как будто это их Бог и их Библия. Вещи – это первый сон, и самый тяжелый. Если вы слишком привязаны к вещам и постоянно о них думаете, значит, вы спите этим сном. Вы должны из него выйти. Вы должны определить свои привязанности: к чему вы привязаны и почему? Что вам это дает?

Вы можете накопить имущество, создать обширную империю, но вы не возьмете это собой после смерти. Смерть разбудит вас от этого сна. Но лучше сделать это самому прежде смерти, тогда и смерть не будет болезненной – смерть так болезненна, потому что рушится первый сон, вы отрываетесь от материального мира.

Есть и второй сон: сон ума.

Есть люди, которых не волнуют вещи – таких людей один процент. Их не волнуют вещи, но зато волнует ум. Их не беспокоит, что на них надето – художники, писатели, поэты, живописцы – они живут умом. Они могут голодать, мерзнуть, жить в трущобах, но заниматься умственным трудом, например, писать роман... и они думают: «Я смертен, но роман, который я напишу, будет жить в веках; моя картина будет бессмертной».

Но если вы сами смертны, как может ваша картина быть бессмертной? Когда вас не станет, когда вы умрете, все созданное вами тоже умрет, потому что как может от смерти родиться что-то бессмертное?

Есть и другие люди, которые постоянно размышляют, философствуют, не придавая особого значения вещам. Был такой случай: Иммануил Кант шел на занятие – он был очень организованным, никогда не пропускал ни одной назначенной встречи и никогда не опаздывал, всегда появлялся точно в назначенное время. Он никогда особенно не заботился ни о своей одежде, ни о доме, ни о еде, ни о чем – его это не интересовало; он не был женат – ему было достаточно иметь слугу. Слуга готовил еду и занимался хозяйством – ему никогда не была нужна жена или близкий человек, друг – нет; слуга обеспечивал все, что касалось материальной стороны жизни.

Слуга был непревзойден – он успевал позаботиться обо всем: делал покупки, вел расходы, следил за домом.

Иммануил Кант жил в этом доме как чужой. Говорят, он никогда не смотрел на дом, не знал, сколько в нем комнат и как они обставлены; возможно, он даже не узнал бы предметов из собственной комнаты, простоявших там тридцать лет.

Но он был сильно озабочен мыслями – он жил в мире мыслей, и с ним связано много забавных историй, поскольку, как и все, живущие в мире мыслей, он был очень рассеянным. Нельзя жить в двух мирах одновременно.

Итак, он шел на занятие; дорога была грязной, и его ботинок застрял в грязи. Тогда он вытащил из него ногу и пошел на занятие в одном ботинке. Кто-то спросил его: «Где же ваш второй ботинок?» Он ответил: «Он застрял по дороге. Шел дождь, и было грязно».

Тогда человек, который задал вопрос, сказал: «Но вы могли его достать».

На что Иммануил Кант произнес: «У меня был определенный ход мыслей, и я решил не прерывать его. Если бы я занялся ботинком, я бы утратил ход мыслей – и это были такие красивые мысли, – что значит, по сравнению с ними, прийти на занятие в одном ботинке?»

Смеялся весь университет – но ему не было дела.

Был и еще один случай: он вернулся домой после вечерней прогулки – еще у него была трость – и он был настолько погружен в свои собственные мысли, что, проделав весь необходимый моцион, забыл одну вещь. Он был настолько рассеян, что вместо себя положил в постель трость, а сам встал в углу комнаты, куда он обычно ставил... в общем, немного перепутал!

Через два часа его слуга заметил, что в комнате горит свет – что случилось? Заглянув в окно, он увидел Канта, стоящего в углу с закрытыми глазами, и его трость, спящую на подушке.

Человек, спящий сном ума, обычно очень рассеян в физическом плане. Философы, поэты, писатели, художники, музыканты – все они спят сном ума.

Есть и третий сон: им спят монахи, которые отреклись и от мира, и от ума, которые остановили мыслительный процесс и медитировали долгие годы. На их внутреннем небосклоне нет ни одной мысли, для них не существует вещей; их не интересуют ни вещи, ни ум: но у них есть тонкое эго, «Я», которое они называют *атма* – «душа», Самость, Самость с большой буквы – это и есть их сон. Они спят этим сном.

Будда говорит, что сон должен быть побежден на всех трех уровнях, и *когда все сны будут сброшены*, того, кто пробудился, уже не будет – будет только Пробуждение. Никто не просветлен, есть только просветление – одно только явление осознания, у которого нет центра.

Просветленный человек никогда не скажет «Я»; и даже если ему приходится употреблять это слово, он никогда не имеет в виду то, что оно означает. Это лишь словесное правило, которому приходится следовать, играя в игру общества и языка – это лишь правило языка, которое совсем не совпадает с его ощущением.

Исчезает мир вещей – что же остается? Когда исчезает мир вещей, отпадает и ваша привязанность к нему, ваша одержимость. Вещи не исчезают, напротив: впервые за все время они предстанут перед вами такими, какие они есть *на самом деле*. Но вы перестали

быть зависимыми, одержимыми; вы больше не окрашиваете их в цвета своих желаний, своих надежд и разочарований. Нет, мир перестал быть экраном для проекции ваших желаний.

Когда ваши желания уходят, мир остается, но это уже новый мир. Такой свежий! Такой яркий! Такой красивый! Ум, привязанный к вещам, не мог этого видеть, потому что взгляд был затуманен привязанностью. А теперь возникает совершенно новый мир.

Когда исчезает ум, исчезают мысли. Вы становитесь не *безумным*, а, напротив, *полным* ума. Вы делаете все то же самое: двигаетесь, работаете, едите, спите – но вы всегда осознанны. *Ума нет, но есть полное присутствие ума.*

Что такое полное присутствие ума? Это полная осознанность.

А что происходит, когда исчезает Самость, эго, *атма*? Не то что-бы вы потерялись, и вас больше нет. Напротив, впервые вы есть! Но теперь вы неотделимы от существования, вы уже не остров, а целый материк. Вы слились с существованием.

Эти явления позитивны – и их невозможно описать. Поэтому Нансен говорит: «Да, есть учение, которое ни один Мастер еще не проповедовал, потому что его не передать словами. И оно, это учение, *не об уме, не о Будде, не о мире*».

Это учение – учение пустоты; абсолютного отсутствия чего бы то ни было; и когда вас нет, внезапно все существование расцветает для вас. Весь восторг существования обрушивается на вас – *когда вы перестаете быть*.

Когда вы перестаете быть, все существование испытывает восторг и празднует, цветы осыпают вас дождем. Вы еще этого не испытывали, потому что вы все еще есть, и цветы не станут осыпаться, пока вы не растворитесь. Когда вы станете пусты, перестанете быть, когда вы станете ничем, шуньятой, внезапно цветы посыплются на вас дождем. Эти цветы осыпали Будду, Субхути, Нансена; они могут осыпать и *вас* – они ждут этого! Они стучатся к вам в дверь! Они готовы! В то самое мгновение, когда вы станете пусты, они начнут осыпаться на вас.

Итак, запомните: окончательное освобождение – это не освобождение *вас*, а освобождение *от вас*.

Просветление не может быть *вашим*. Когда вас нет, оно случается. Отбросьте себя целиком: и мир вещей, и мир мыслей, и мир эго; все три слоя – отбросьте! Отбросьте эту троицу; сбросьте эти три лица, которые мешают вам быть едиными.

Позвольте исчезнуть всем троим – Отцу, Сыну и Святому Духу; Брахме, Вишну, Махеше – всем троим, позвольте им уйти! Отпустите их. Нет никого – и вот есть все.

Когда случается Ничто, случается Всё. Вы Ничто? Тогда *Всё* начинает сыпаться на вас дождем.

Озарение

Азы любви

Милый Ошо, я люблю тебя. Раньше я тоже любила, но мне было больно. Я боюсь. Сможешь ли ты помочь мне?

Мими Левинсон, любовь никому не причиняет боль. Тебе больно от чего-то другого, что ты называешь любовью. До тех пор пока ты не увидишь это, ты будешь снова и снова ходить по кругу. Под маской любви в тебе может скрываться множество вещей, которые не имеют никакого отношения к любви. Человек научился быть очень лукавым и хитрым, обманывать других людей, а также самого себя. Он вешает красивые ярлыки на уродливые вещи, покрывает раны цветами. Именно это тебе нужно исследовать в первую очередь.

По своей сути ваша любовь это вовсе никакая не любовь, а похоть. Именно похоть по своей природе причиняет боль, потому что желать другого человека как объект – значит обидеть его. Это оскорбление, насилие. Когда вы стремитесь к кому-то, одолеваемый похотью, как долго вы можете считать свое чувство любовью? Что-то поверхностное поначалу будет казаться вам любовью, но стоит немного подождать, и за этой личиной обнаружится чистая похоть. У похоти животное происхождение. Смотреть на кого-то похотливо, значит оскорблять и унижать этого человека, сводить его до уровня вещи, ради личного удобства. Ни одному человеку не нравится, когда его используют. Это худшее поведение, которого вы можете придерживаться в отношении других людей. Ни один человек не должен быть утилитарным средством, ни один человек не должен стать способом достижения некой цели.

В этом вся разница между любовью и похотью. Похоть использует другого человека для исполнения своих желаний. Другой человек это лишь средство. А когда цель достигнута, вы можете вычеркнуть этого человека из своей жизни. Он больше не представляет для вас никакой пользы, ведь он исполнил свое назначение. Использование других людей в качестве средства это самый безнравственный поступок в природе.

Любовь это прямая противоположность похоти. Это почитание других людей как самоцель. Если бы ты, Мими, любила мужчину просто так, тогда тебе бы не пришлось испытывать боль. Ты стала бы еще более богатой через свою любовь, так как любовь обогащает каждого человека.

К тому же, любовь истинна только в том случае, если за ней не скрывается эго. В противном случае любовь это только путь эго, тонкий путь, ведущий к господству. И нужно быть очень осознанным, потому что желание господствовать сидит в нас очень глубоко. Оно никогда не проявляется в своей чистоте, а всегда возникает, скрываясь за прекрасными одеждами и украшениями.

Родители никогда не признаются в том, что дети это их собственность. Они никогда не скажут вам, что желают господствовать над детьми, но на самом деле именно этим они и занимаются. Они говорят, что хотят помочь, хотят, чтобы их дети выросли умными, здоровыми, благополучными, но... Это «но» самое большое. Все должно происходить в соответствии с представлениями родителей. Даже счастье детей должно определяться их идеями, дети должны быть счастливы в соответствии с ожиданиями родителей. Они должны быть умными, но в то же время и послушными. Родители требуют невозможного.

Умный человек не может быть послушным, так как послушный человек утратил часть своего ума. Ум может сказать «да» только в том случае, если он находится в глубоком согласии с вами. Он не может сказать «да» только потому, что вы больше и сильнее, что вы отец, мать, священник или политик. Он не может согласиться с вами только из-за вашего авторитета. Ум мятежник, но ни один родитель не желает того, чтобы его ребенок был мятежником, ведь мятежник восстанет против их скрытого желания господствовать.

Мужья говорят, что они любят своих жен, но это тоже только желание господствовать. Они ревнивы, они собственники – как же они могут любить? Жены твердят, что они любят своих мужей, но двадцать четыре часа в сутки они создают в доме ад. Всевозможными способами жены превращают мужей во что-то уродливое.

Муж-подкаблучник это отвратительное явление. Но все дело в том, что жена первая унижает мужа, низводя его до такого состояния, а потом теряет к нему всякий интерес, потому что подкаблучник никому неинтересен. Он выглядит недостойным, он не похож на настоящего мужчину.

Сначала муж пытается обратить жену в собственность, а когда мужу это удастся, жена ему уже не интересна. В этом есть своя скрытая логика: весь его мужской интерес заключался в том, чтобы обладать женщиной. Теперь его цель достигнута, и ему хочется испытать свои силы на какой-нибудь другой женщине, чтобы совершить следующую попытку ее пленения.

Не забывайте об этих примерах эго, иначе вы будете испытывать боль, потому что человек, которым вы стремитесь обладать, будет

сопротивляться теми или иными способами. Он должен подрывать ваши маневры, стратегии, потому что для всех людей самым заветным и дорогим становится свобода. Даже любовь стоит на втором месте после свободы. А свобода обладает высочайшей ценностью. Ради свободы можно пожертвовать любовью, но никогда нельзя жертвовать свободой ради любви. А мы этим занимаемся столетиями, мы размениваем свободу на любовь. И это порождает антагонизм, конфликт, который заставляет нас причинять друг другу боль.

Мими, ты говоришь мне: «Я люблю тебя. Раньше я тоже любила, но мне было больно».

Если ты любишь меня так же, как ты любила прежде, тогда тебе будет очень больно. На самом деле, все твои муки в прошлом будут пылью по сравнению с этой болью. Она станет величайшей раной в твоей жизни. Тогда ты уже никогда не подумаешь о любви, потому что со мной невозможны отношения, построенные на похоти, берущие начало в эго, скрывающие за собой незаметные поползновения к господству. Со мной возможна только чистейшая любовь, только любовь-молитва. И тогда уже не будет стоять вопрос о боли.

Любовь это самая чистая форма щедрого излучения радости. Она не просит ничего взамен, ничего не ожидает, поэтому откуда тебе ждать боль? Когда ты ничего не ожидаешь, тогда нет причин чувствовать боль. Тогда все, что приходит, считается благом. Если ничего не приходит, это уже хорошо. Ваша радость в том, чтобы отдавать, а не брать. Тогда человек может любить, находясь от другого человека за тысячу миль. И его физическое присутствие не нужно.

Любовь это духовное явление, а похоть – физическое явление. Эго по своей природе психологично, а любовь духовна.

Мими, ты не знаешь, что такое любовь. Тебе нужно начать с самых азов любви. Тебе нужно начать с самого начала, иначе ты будешь снова и снова испытывать боль. И запомни, что никто не несет за это ответственность, кроме тебя самой. Даже в самом этом вопросе ты уже пытаешься свалить свою работу на меня! Ты говоришь: «Я боюсь. Сможешь ли ты помочь мне?»

Только ты сама можешь помочь себе. Как мне помочь тебе? Я не могу разрушить твое эго. Если ты цепляешься за него, тогда никто не в силах разрушить его. Я могу только поделиться своим пониманием с тобой. Будды могут только показать путь, но идти по нему должна ты, именно тебе нужно следовать этим путем. Я не могу вести тебя по нему за руку.

Тебе хочется поиграть: побыть зависимой от меня. Но помни, что человек, который играет в зависимость от других людей, затем

мстит им. Пройдет какое-то время, и он захочет, чтобы другие люди тоже зависели от него.

Если жена зависит от мужа в финансах, тогда она захочет, чтобы он зависел от нее в чем-то другом. Это взаимная договоренность. Они оба становятся неполноценными, оба становятся парализованными, ведь они не могут существовать друг без друга. Даже сама мысль о том, что муж может чувствовать радость без жены, причиняет ей боль. Жену ранит уже то, что он смеялся в клубе с друзьями. Ей не интересно его счастье, на самом деле она не может поверить: «Как он осмелился быть счастливым без меня? Мой муж должен зависеть от меня!»

Муж чувствует себя скверно, когда его супруга смеется с кем-то, радуется, наслаждается жизнью. Он хочет полностью обладать всей ее жизнерадостностью, это *его* собственность. Зависимый человек сделает все так, что и вы будете зависеть от него.

Мои саньясины не зависят от меня, а я не завишу от них. У нас абсолютно свободные взаимоотношения. Они здесь по своему выбору, как и я. Прекрасно, что каким-то образом благодаря совпадению мы собрались в этом месте, но здесь никто ни от кого не зависит.

Некоторые саньясины полагают, что зависят от меня. Как я догадался, что они так думают? Мне это известно из их вопросов и писем. Они пишут мне гневные письма, задают мне желчные вопросы. Тогда я понимаю, что они чувствуют зависимость от меня, и их письма это месть. В ином случае им не нужно было бы сердиться на меня. Я не обладаю вами, вы можете уехать в любой момент. Я вас не задержу ни на одно мгновение. Это абсолютно ваш выбор: уезжать или оставаться здесь, быть саньясином или не быть им. Я не обязываю вас быть саньясином, ни к чему не обязываю вас, когда даю вам посвящение. Мне это просто доставляет радость.

Помните, что я из радости делюсь своим видением с вами, а вы из радости приобщаетесь к нему. Поэтому между нами нет никакой зависимости.

Мими, даже в своем вопросе ты следуешь своему старому образцу. «Я боюсь», – говоришь ты.

В страхе нет любви, а в любви нет страха. Зачем любви бояться? Любовь только отдает. Это не бизнес, поэтому не стоит вопрос о прибыли и убытках. Любовь наслаждается щедростью, как цветы наслаждаются распространением своего аромата. Зачем им бояться? Запомни, что любовь и страх никогда не сосуществуют, они не могут быть вместе. Их сосуществование невозможно. Страх диаметрально противоположен любви.

Обычно люди полагают, что любви противоположна ненависть. Но это в корне неправильно. Любви противоположен страх. Ненависть это любовь, перевернутая с ног на голову, своеобразная *ширшасана*, стойка на голове, но не противоположность любви. Человек, который ненавидит, просто показывает, что он еще любит. Настоящей же противоположностью выступает как раз страх, который свидетельствует о том, что вся энергия любви исчезла.

Любовь стремится вовне, безбоязненно достигает других людей, с горячей надеждой верит в то, что ее примут, и ее всегда принимают. Страх это внутреннее засыхание, закрытость, запираение всех дверей и окон от солнца и ветра, чтобы дождь не омыл вас, ведь вам так страшно! Вы заживо погребаете себя в могиле.

Страх это могила, а любовь – храм. В любви жизнь достигает своего высшего пика. А в страхе жизнь низвергается до уровня смерти. Страх источает зловоние, а любовь распространяет аромат.

Зачем тебе бояться? Бойся своего эго, своей похоти, своей жадности, своего стяжательства, своей зависти, но зачем бояться любви? Любовь божественна! Она подобна свету! Когда лучится свет, тьма существовать не может. Когда есть любовь, страх исчезает.

Поэтому я не принимаю слова вроде «богобоязненность», потому что человек, в котором есть страх перед богом, абсолютно не религиозен, хотя такое слово существует почти во всех языках мира. Повсюду религиозный человек считается боящимся Бога. Это самая тупая идея, которую только можно представить себе. Религиозный человек любит Бога, а не боится его. Человек, испытывающий страх перед Богом, будет гневаться на него.

Ницше боялся Бога, поэтому в разгаре своего гнева заявил: «Бог умер». Вы слышали эти слова, но это только часть его фразы. Вся фраза достойна того, чтобы ее послушать, потому что до тех пор пока вы не узнаете все высказывание, вы не поймете смысл его первой части. А полное предложение звучит так: «Бог умер, и теперь человек свободен». Вторая часть высказывания указывает на то, что Ницше настолько боялся Бога, что даже его присутствие казалось для него противным свободе.

И не только Ницше убежден в том, что присутствие Бога вселяет страх. Были и другие мыслители, которые отрицали существование Бога. Чарваки в Индии, эпикурейцы в Греции отрицали Бога просто потому, что если бы Бог существовал, тогда человек не был бы свободен. Если вас создал Бог, тогда он может разрушить вас в любой миг. Вы просто марионетка, а какие права у марионетки? Концы веревочек находятся в руках Бога, а вы танцуете под его диктовку, хотя его замыслы не соотносятся с вашими интересами. Бог дергает то

в одну, то в другую сторону и заставляет вас танцевать. Он просто манипулирует вами. Отсюда страх. До тех пор пока Бог не умрет, человек не сможет освободиться от своего страха. Ницше производит впечатление по-настоящему религиозного человека, если следовать традиционной идее «богобоязненности».

Но божья любовь это совершенно иное явление. Иисус говорит: «Бог есть любовь». Если Бог есть любовь, то как его бояться?

Омар Хайям, один из суфийских мистиков, говорит: «Не беспокойтесь о своих маленьких грехах. Они так ничтожны, что Бог из своей любви даже не зачтет их вам. Бог сострадателен, он простит вас». Омар Хайям говорит: «Я обещаю вам, что вас простят, не беспокойтесь. Вы совершаете малозначительные поступки, и Бог не может заметить все ваши дела. Бог не злой, не ограниченный, не твердолобый!»

Омар Хайям прав. Бог означает любовь и прощение, в нем нет места для страха. Но люди боятся Бога просто потому, что их Бог – отражение их честолюбивых замыслов.

В ночь перед своим распятием Иисус собрал учеников на прощальную встречу, *Тайную Вечерю*. На следующий день ему предстояло умереть. И о чем же спрашивали его ученики? Они спросили Иисуса: «Господи, скажи нам кое-что, ибо это наша последняя возможность спросить тебя. Ты возвысишься в божественной славе и сядешь рядом с отцом своим на золотом троне. А что ты приготовил для нас?»

Эти двенадцать апостолов, двенадцать парней, которые пробыли так долго с Иисусом, оставались в крайней степени глухими и слепыми. Они не поняли не единого слова! Они слушали Иисуса, но не слышали его. Они спросили: «Что ты приготовил для нас? Кто будет сидеть рядом с тобой?» Здесь ревность, политика, амбиции, эго! И они волновались о том, кто будет сидеть рядом с ним, кого из них выберут самым любимым учеником Иисуса.

Это та же самая политика! И не важно, в раю она делается или на земле, ведь ум остается прежним. И тогда люди боятся... Кого же выберет Иисус? Все двенадцать апостолов не поместятся рядом с ним. Есть место только для одного из них. Кто же это?

Наверно, Иисус заплакал. До чего же тупой вопрос задали его ученики! И таковы были апостолы, основавшие христианство. Именно они почитаются столпами христианства!

Это же верно в отношении всех религий. Маленькие люди собираются вокруг просветленного мастера. Мастер говорит о своей вершине, залитом солнцем пике, а ученики слушают его из своих черных дыр, и все его слова искажается в их сознании.

Мими, ты говоришь: «Я боюсь. Сможешь ли ты помочь мне?»

Такова твоя стратегия. Я никому не помогаю, ты должна сама помочь себе. Я доступен, как река, но если тебя мучает жажда, ты должна сама помочь себе. Ты должна спуститься к реке, должна зачерпнуть воду из реки своей чашей, должна поднести эту чашку к своим губам, должна выпить воду.

Река доступна, и точно так же я доступен вам.

Ты можешь пить из меня столько, сколько тебе хочется. Я не ставлю никакие условия, но не могу помочь тебе. Этим своим желанием ты озвучиваешь свое застарелое мироощущение, свой прежний образец поведения: «Ты поможешь мне?» Затем ты начнешь жаловаться, что помощь не пришла, или же она не соответствует твоим нуждам, твоим ожиданиям, или же ее недостаточно. Ты начнешь жаловаться, станешь раздражительной. Именно так ты разрушила свой прежний любовный опыт. Пожалуйста, не повторяйся!

Я прошу тебя любить! Я доступен тебе. Пей вволю, бери сколько можешь. Сметай все препятствия, ведь в этом и заключается вся твоя ответственность. Я делаю свое дело, и в этом смысле я абсолютно открыт и доступен, но лишь этим я и могу ограничиться. Я подобен свету. Я могу указать тебе путь, но идти придется тебе.

Мими, мне кажется, ты в своей жизни не сделала ни одного зрелого шага. Ты осталась незрелой, совсем не выросла, ты продолжаешь вести себя как ребенок. Тебе хотелось бы сидеть при отце, но я не отец. Ступай к папе римскому! Итальянцы прямо называют его своим римским отцом. В английском языке это слово также означает отца. Это детские желание. Ты хочешь призвать Бога-Отца, затем его представителя в Ватикане, папу римского, призвать всех его представителей в местных церквях, то есть святых отцов. Все это заменители. Ты хочешь обрести отца, чтобы он заботился о тебе, и не хочешь брать на себя ответственность.

Прежде всего, мне нужно, чтобы люди, которые окружают меня, несли полную ответственность за себя. Никто больше не ответствен за них. Здесь вам не церковь. У нас нет святых отцов, нет яслей, нет никаких догм. Каждый человек приходит сюда из своей личной любви, из своего личного понимания.

Свобода это высочайшее явление, а начало свободы – абсолютная ответственность. С вершины свободы низвергаются водопады любви. Стремитесь к свободе, и любовь будет окружать вас естественно, спонтанно. И тогда любовь не причинит вам боль. Как она может причинить вам боль?

Нечто другое скрывается за любовью. Осознай это. Откройся хотя бы перед собой, а затем шаг за шагом открывайся перед своими

друзьями и любовниками. И ты удивишься тому, что очень радостно быть подлинной. Это благословение! Ничто не сравнится с ним.

Любовь может превратить вашу жизнь в праздник, но лишь любовь, а не похоть, эго, стяжательство, зависть, зависимость.

Милый Ошо, я убежден, что богатые эксплуатируют людские массы. Ты говоришь, что капитализм более всех предоставляет свободу. Я никогда не поддерживал советский тоталитаризм, но мне кажется, что Мао Цзэдун улучшил жизнь большей части населения Китая. Твое утверждение о том, что люди, противостоящие капиталистам, завидуют своим западным соседям, мне кажется правильным, но разве некоторые зажиточные капиталисты не используют свою силу для эксплуатации других людей посредством монополий, чтобы разрушить малый бизнес, через приобретение более значительных земельных площадей, чем им нужно? Таким образом, они отнимают у бедных людей возможность владеть землей и использовать ее. Несмотря на то, что страны социалистического лагеря ограничивали свободу, разве социалистические и капиталистические партии на Западе не отстаивают большую личную свободу, то есть свободу от могущественного, манипулирующего, зажиточного капитализма?

Дхьян Джон, ты прав, богатые люди действительно эксплуатируют людские массы, но власти СССР точно так же эксплуатируют массы, это же верно для властей Китая. Изменилось только название. Теперь капитализм в Советском Союзе или Китае больше не называется капитализмом. Ему на смену пришла компартия. И теперь там эксплуатируют люди, которые состоят в коммунистической партии, относятся к элите власти.

Поэтому вопрос не в том, кто эксплуатирует. До тех пор пока мы не станем производить столько, сколько нужно для исчезновения эксплуатации, это явление будет сохраняться. Будут меняться только названия, будут отличаться только структуры эксплуатации.

До появления в мире капитализма общественным строем был феодализм, с императором и императрицей во главе государства, а так же с визирями, которые занимались эксплуатацией. Капитализм принес новый образец эксплуатации. Феодализм исчез, но эксплуатация сохранилась. Затем структура сменилась на коммунистический строй, но эксплуатация осталась прежней.

Настала пора понять, что необходимы две вещи. Самое главное, чтобы земля производила больше богатств, чем необходимо. Только тогда эксплуатация исчезнет. Образованный человек будет эксплуа-

тировать неуча. Как это предотвратить? Такова эксплуатация в Индии. Образованный человек эксплуатирует неуча, брамины эксплуатируют шудр, неприкасаемых; политики эксплуатируют аполитичные массы.

Если вода будет всем доступна, тогда никто не станет собирать воду. Но если ее недостаточно, тогда люди начнут накапливать ее. Разумеется, люди, имеющие власть (всегда найдутся те, кто обладает большей властью, чем другие люди), будут накапливать гораздо больше воды в ожидании тех времен, когда воды станет так мало, что люди начнут умирать от жажды.

На сегодняшний день в слаборазвитых странах воздух не загрязнен. Никто об этом не волнуется. Но рано или поздно в таких городах как Нью-Йорк или Лос-Анджелес, богатые люди начнут искать способы дышать более чистым кислородом. От загрязнения экологии будут страдать бедные, а не богатые. Произнося фразу «богатый человек», я подразумеваю не только тех богатых, у которых больше капиталов, но и разносторонне богатых людей, то есть образованных, политиков, держащих в своих руках власть. В любом случае *право первого* будет за теми, у кого больше сил и власти.

В эпоху феодализма *право первого* касательно всего принадлежало королю. Красивая девушка сначала шла во дворец к королю. Если же он отвергал ее, тогда она могла уже достаться другому мужчине. Первые плоды и цветы доставались королю.

Все обречено попасть в руки к тем, кто обладает властью. Например, если земля станет слишком грязной, тогда первыми начнут совершать перелеты на Луну и Марс те люди, у которых есть деньги и власть. Разумеется, не все люди смогут попасть туда, им слишком дорого обойдется тамашняя жизнь. Лишь единицы смогли бы позволить себе такое предприятие, и они бы правили землей оттуда.

У этого вопроса две стороны. Одна внешняя, которая заключается в том, что земле нужно обеспечить больше благоприятных условий, чем доступно сейчас. Сегодня это можно реализовать с помощью науки, но трудность не в этом. Наука может произвести столько богатств, сколько нам требуется, и даже больше, поэтому это не такая уж и большая трудность. На самом деле, это не политическая задача. Я склоняюсь к тому, что это скорее задача науки и техники, промышленности в созвучии с экологией. Тогда земле не нужно будет страдать от эксплуатации.

Это внешняя сторона вопроса, внутренняя же сторона заключается в том, чтобы искоренить жадность, направленную на накопление больше благ, чем у других людей, потому что даже если земля будет приносить достаточно благ, все равно среди нас будут безумцы: хва-

стуны, эгоисты, которым нравится говорить о том, что у них всего больше, чем у других людей.

Говорят, у Кришны было шестнадцать тысяч жен. В те времена могущество и богатство человека определялось количеством его жен. Чем больше жен он мог позволить себе, тем богаче он был. Поэтому нет ничего удивительного в том, что бедный человек не мог позволить себе обладать шестнадцатью тысячами жен. Ему трудно прокормить даже одну жену!

И я не думаю, что это просто легенда. Возможно, что так все и было, потому что даже в начале двадцатого века Низам из Хидерабада имел пятьсот жен. Итак, если в двадцатом веке человек мог иметь пятьсот жен, тогда что удивительного в том, чтобы иметь в тридцать два раза больше жен? Это было пять тысяч лет назад, поэтому такая ситуация кажется довольно правдоподобной. В семье Низама было традицией иметь не менее пятисот жен, чтобы можно было заявить о том, что ты необычный человек.

Итак, внутри должна исчезнуть жадность, а вовне нужно больше науки. Внутри необходимо больше созерцательности. Это также можно назвать наукой и религией. Наука поможет больше производить, а религия поможет искоренить жадность. Именно это сочетание поможет разрешить трудность, а не коммунизм или социализм.

Для меня капитализм это такой строй, при котором мы можем экспериментировать, а в коммунистическом обществе это невозможно. В Советском Союзе около пятидесяти саньясинов, но они не могут носить оранжевые робы, не могут носить малу. Они не могут показать, что они саньясины. Они медитируют, но им приходится делать это подпольно, у друзей. Они не могут заниматься этим публично. Они не могут публиковать мои книги, хотя и желают издавать их в СССР. На русский язык переведено не меньше пяти моих книг, причем они вручную отпечатаны на машинке. Мои русские саньясины живут среди тысячи людей, но их саньяса тайна. Если хотя бы одна копия попадет в руки властей, тогда моим людям в Советском Союзе несдобровать.

Как в таком обществе можно браться за решение трудностей? Там нет даже свободомыслия. То же самое верно и в отношении политики Мао Цзэдуна в Китае. Подобно тому, как русские оскорбляли Сталина после его смерти... Когда он был еще жив, люди не могли позволить себе вымолвить против него ни единого слова, потому что в его руках была сосредоточена громадная власть. Одно лишь слово против Сталина означало только смерть. На следующий же день человек исчезал, и о нем никто больше ничего не слышал.

То же самое сейчас происходит и с Мао Цзэдуном. Сейчас его портреты снимают, разрушают его памятники, его имя перечеркивается. Скоро вы увидите, как имя Мао станет оскорблением в Китае, подобно тому, как имя Сталина стало оскорблением в СССР. С именем Мао Цзэдуна в Китае произойдет то же самое. Почему? Откуда такая мстительность? Если Мао Цзэдун провел такую великую работу и помог массам, тогда почему люди так агрессивно к нему настроены? На самом деле, он никому не помог, а навязывал им систему. Принуждая людей к чему-то, им не поможешь. Ни одно общество, которое создает рабство, не поможет человечеству.

«Твое утверждение о том, что люди, противостоящие капиталистам, завидуют своим западным соседям, мне кажется правильным, но разве некоторые зажиточные капиталисты не используют свою силу для эксплуатации других людей посредством монополий?»

Да они так поступают, но все равно, кто-то будет делать это.

Ты спрашиваешь: «Разве социалистические и капиталистические партии на Западе не отстаивают большую личную свободу?»

Пока они не находятся у власти, они будут отстаивать личную свободу. Советская коммунистическая партия тоже отстаивала личную свободу, а то, что получилось с их приходом к власти, больше напоминает абсолютное рабство. Советская коммунистическая партия отстаивала абсолютную свободу, но когда в ваши руки попадает власть, вы становитесь таким же человеком. Твои коммунисты и социалисты не созерцательные люди, не Будды.

Только Будда останется прежним независимо оттого, попадет в его руки власть или нет. Но твои так называемые социалисты и коммунисты, стоит им только получить власть, так они сразу же станут обычными людьми. Такое развитие ситуации можно предсказать с абсолютной точностью. Когда ты не наделен властью, все меняется.

Так и случилось в Индии. Последователи Махатмы Ганди были великими служителями народа. Они жили в бедности, прославляли бедность и даже стали называть бедняков *дхаридра нараян* – истинными людьми Бога, божьими людьми. А когда они пришли к власти, все изменилось. Мгновенно все их служение куда-то испарилось. Они стали хозяевами и правителями, стали эксплуатировать народ сильнее, чем прежние господа. Даже британцы так не эксплуатировали индийцев, как последователи Ганди. Никогда еще Индия не находилась в такой темной яме, как в наше время. Вся ответственность за это лежит на последователях Ганди, а когда они еще не пришли к власти, то были добрыми людьми.

Власть развращает, а неограниченная власть развращает неограниченно. Что представляют собой все эти коммунисты и социали-

сты? Они побочные продукты того же общества, с теми же амбициями, с теми же желаниями.

Однажды Диоген увидел человека, которого служители правосудия вели на виселицу. Преступник украл серебряную чашу из государственной сокровищницы. Какой-то зевака спросил, что происходит. «Ничего особенного, – ответил философ, – просто большие воры судят маленького вора».

Тот, кто становится у власти, превращается в большого вора и начинает мучить маленьких воров. Нам нужно изменить внешний мир с помощью науки, а внутренний мир – с помощью религии. Только в таком случае произойдет настоящая революция.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Из Италии в нирвану

Милый Ошо, я однажды не смог включить микрофон, и почувствовал, как из тебя изливаются потоки любви! Мои руки дрожали, и сердце выскакивало из груди. Я подумал, что мне нужно что-то сделать, и тут меня озарили твои огромные карие глаза. Я просто хотел сидеть рядом с тобой и раствориться в тебе. Тогда я пережил острое напряжение.

Ананд Пратик, именно об этом я постоянно говорил тебе. Нужно сидеть безмолвно и ничего не делать, и тогда микрофон начнет работать сам! Но ты не слушал меня, а продолжал заниматься разными делами, отсюда и весь беспорядок! Но это естественно, так бывает.

Однажды моя машина не заводилась, и я убеждал Хирена подождать минутку. Но он не хотел ждать, а продолжал свои попытки завести мотор. Я его просил подождать только одну минуту. Ровно через минуту я пересел в другую машину, и предыдущая машина вдруг завелась. Тогда Хирен понял, что бывают такие минуты, когда ты ничего не делаешь, но все само встает на свои места. Правда, все это довольно сложно...

Человек идет на вечеринку. Когда официант разносит лососевые рулеты, стоящая рядом женщина наклоняется над подносом, чтобы взять кусочек, но роняет в блюдо свой стеклянный глаз. Не успела она что-то сделать, как мужчина берет кусок лососевого рулета и съедает его вместе со стеклянным глазом.

Через неделю его мучает жуткий запор. Врачи не знают, как справиться с его недугом и решают отправить его в операционную, чтобы ввести в него зонд и выяснить, в чем трудность.

Врач смотрит в зонд, затем переводит взгляд на пациента и спрашивает: «Вы и в самом деле не доверяете мне?»

К тому же, Пратик, к чему торопиться? Мы все наслаждались! Анекдот был такой замечательный, что и без всякой развязки люди прямо умирали от смеха! Я получил много писем: «Что произошло в тот день? Даже когда ты рассказываешь смешные анекдоты, люди никогда не смеются так глубоко и простоудушно. Но в тот день ты не рассказывал анекдоты, и мы не слышали ничего смешного, но все равно смеялись!»

Недавно археологи обнаружили свитки, которые отличаются от свитков Уотергейта, проливших свет на историю Даниила в львином логове. Наверно, вы слышали притчу о святом Данииле, которого бросили в логово львов, потому что он отказался предать свою веру. Он вышел из пещеры целым и невредимым. Все решили, что это было великое чудо. Но последние открытия археологов показали, что в этой истории присутствовало кое-что еще. Свитки повествуют о том, что в определенный момент, когда лев собрался проглотить Даниила, этот парень быстро схватил одного льва за ухо и шепнул ему: «Не ешь меня! Помни, после обеда будет длинная речь!»

Поэтому не было никакой спешки, ведь речь должна была состояться после обеда. Даже если микрофон отказывался работать, это не причинило никому вреда. Мы бы просто посидели, получили удовольствие, посмеялись и попрощались друг с другом!

Учись ничего не делать!

«Что ты здесь делаешь? – спрашивает мышь подругу.

«В общем-то ничего, – отвечает подруга. – Я просто загораю».

«Ага! – восклицает первая мышь. – Так вот чем я занимаюсь!»

Именно этим и занимаются все люди в оранжевых робах: ничегонеделанием.

Пратик, ты упустил возможность, но в следующий раз помни, что подражание тебе не поможет! Лишь одна фраза, которую я произношу: «Ничего не делай!» ничего не даст тебе. Ты должен быть подлинным. Но я сказал это, и если ты последуешь моему совету, тогда микрофон все равно не начнет работать. Эта возможность упущена, по крайней мере в этой жизни!

Милый Ошо, мне кажется, что мир все больше сходит с ума. Никто не знает, что происходит, ведь все перепуталось. Об этом пишут в газетах. Но так ли все на самом деле? И если все так и есть, тогда есть ли в жизни внутреннее равновесие, поддерживающее порядок бытия?

Буддапрем, мир прежний. Он всегда был таким, перепутанным, сумасшедшим, нездоровым. На самом деле, в мире произошло только одно событие: мы осознали свое нездоровье. Мы поняли, что стоим на головах, что с нами что-то не так в самом нашем основании. И это осознание стало великим благословением. Разумеется, это лишь начало, только первые буквы алфавита, завязка длительного процесса, зерно. Но это зерно несет в себе огромный потенциал.

Никогда еще мир не был так уверен в своем сумасшествии, как в наше время. Он всегда был таким сумасшедшим. За три тысячелетия человечество устроило тысячу войн. И после этого вы скажете, что человечество находится в здравом рассудке? Невозможно припомнить такой период в человеческой истории, когда люди не убивали друг друга либо во имя религии, во имя Бога, во имя мира, гуманизма и всеобщего братства. Вот великие слова, скрывающие отвратительную действительность! Христиане убивают мусульман, мусульмане убивают христиан, мусульмане убивают индуистов, индуисты убивают мусульман. Мы видим политические, религиозные и философские идеологии... Все это только фасады, прикрывающие убийства, *праведные* убийства.

Все эти религии обещают людям: «Если вы погибните в религиозной войне, тогда вам гарантирован рай. Убийство во время войны это не грех. Быть убитым во время войны это великая добродетель». Вот тупость! Но десять тысяч лет обусловленности глубоко укоренились в плоти и крови человека, в самом его существе.

Каждая религия, каждая страна, каждая раса провозглашает: «Мы избранный народ божий. Мы превыше всех, а все остальные ниже нас». От этого безумия страдают все люди. Евреи страдают из-за своей единственной тупой идеи. «Мы избранный божий народ», – заявляют евреи. Но если вы приняли идею о том, что вы избранный божий народ, тогда вам уже этого не простят, потому что остальные народы тоже считают себя избранными. А кто вас рассудит? Не один аргумент не станет заключительным. Никто не знает, где скрывается Бог, поэтому у него вы тоже не можете спросить. Бога нельзя привести на суд в качестве свидетеля. Только тогда меч сможет рассудить вас. Правым станет сильнейший. Сила – вот залог истины.

Евреи действительно страдали веками, но страдание не исправило их. На самом деле, они укрепили свою идеологию: мол, они избранный божий народ. Люди, которые говорят им: «Вы избранный божий народ», также убеждают их в том, что избранному народу предстоит пережить множество испытаний, пройти через огонь и воду, чтобы доказать свое мужество.

Один старый раввин (должно быть, он был здравомыслящим человеком) молился Богу. Он продолжал молиться год за годом, но никогда ни о чем не просил. Молитва это что-то вроде хныканья. Вы хнычете перед образом Богом каждое утро, каждый полдень, каждый вечер, каждую ночь – несколько раз в день. Наверно, Бог очень устал. Ему эти молитвы смертельно наскучили.

Но раввин ни о чем не просил Бога, иначе тогда ему указали бы на дверь. Если бы он о чем-нибудь попросил Бога, тот дал бы ему это, а затем сказал: «Уходи с моих глаз долой!» Но раввин ни о чем не просил, а молился просто так.

В конце концов, Бог сказал: «Зачем ты мучаешь меня? Чего тебе от меня надо?»

И тогда старый раввин попросил: «Не пора ли тебе избрать какой-нибудь другой народ? Пожалуйста, сделай какой-нибудь еще своим избранным народом. Мы уже достаточно натерпелись!»

Так дело обстоит не только с христианами, иудеями, мусульманами и индуистами. Это же верно в отношении всех людей, живших до настоящего времени. Расистское эго, религиозное эго и духовное эго гораздо опаснее индивидуального эго, потому что индивидуальное эго жирное. Вы можете заметить его. Все люди могут заметить его, ведь оно очень хорошо видно. Но когда эго становится расистским... Например, «индуизм велик!», тогда вам кажется, что вы уже ни на что не претендуете лично. Но косвенно вы думаете: «Я велик, потому что я индуист, а индуизм велик». Это косвенный, незаметный, лукавый путь: «Я велик, потому что я японец, а японцы прямые потомки Бога», или: «Я китаец, а китайцы самые цивилизованные и культурные люди на земле».

Когда выходцы с Запада впервые прибыли в Китай, они смеялись при виде китайцев. Эти люди были похожи скорее на карикатуру, на героев комиксов, чем на настоящих людей. Всего лишь пять или шесть волосинок, торчащих из подбородка, составляли всю их бороду! Разве это люди? Первые европейцы написали в дневниках: «Мы нашли недостающее звено между обезьяной и человеком».

А что писали китайцы в дневниках? Даже китайский император заинтересовался европейцами, так как он слышал о них много историй. Он пригласил их во дворец не потому, что очень уважал их, а чтобы посмотреть на них. Ничего более смешного он еще не видел. Он не смог сдержать смех и стал хохотать при виде европейцев.

Это очень смутило европейцев: «Почему он смеется?» – переглядывались они. Им ответили: «Таким образом он выражает свою признательность вам. Наш император всегда весело смеется, оказывая гостеприимство». Но на самом деле император не мог поверить, что перед ним стоят люди! «Вы привели ко мне забавных зверюшек, – сказал он придворным. – Они похожи на обезьян!»

Так действует эго. Личность сводит до минимума остальные личности, а себя почитает выше всех.

Буддапрем, ты говоришь: «Мир все больше сходит с ума».

Это не так, мир всегда был одинаковым. Только одно происходит, но это благословение, а не проклятие. Впервые за всю историю человечества несколько человек осознали, что в нашем образе жизни до сих пор не хватало чего-то в самом основании. Кое-что не позволяет нам развиваться в здравомыслящих людей. И зерна этого сумасшествия заложены в нашей обусловленности.

Все дети рождаются здоровыми, а затем мало-помалу мы цивилизуем их. Мы называем этот процесс воспитанием. Мы готовим детей к тому, чтобы они стали частью нашей великой культуры, великой церкви, великой державы, которой мы принадлежим. Вся наша политика тупа, а затем и ребенок становится тупым. Все наше образование уродливо. Наша политика это не что иное, как честолюбие, амбициозное стремление к власти. И только самый низкий класс людей питает интерес к власти. Только те люди, которые страдают от заниженной самооценки, становятся политиками. Они хотят доказать, что они вовсе не ниже других людей. Такие люди хотят доказать окружающим и самим себе, что они не ниже, а выше вас.

Но зачем вам доказывать, если вы выше? Тот, кто находится выше, ничего не пытается доказывать. Он и так хорошо чувствует себя на вершине. Именно об этом говорит Лао-Цзы: тот, кто находится на вершине, даже не подозревает о том, что он стоит выше всех, ведь в этом нет никакой надобности. Только больной человек думает о здоровье, а здоровый человек никогда не думает о здоровье. Понятие о здоровье не проникает с сознание здорового человека, им заражено только сознание немощного, больного человека. Понятие о красоте не проникает в сознание красивого человека, по-настоящему прекрасного. Только уродливый человек постоянно беспокоится и предлагает усилия к тому, чтобы доказать, что он не урод.

На самом деле, пытаюсь доказать другим людям, что он не ниже их, что он не урод, такой человек пытается убедить в этом самого себя. Здесь также присутствует эффект зеркала. Если другой человек скажет: «Да, ты велик»... Но они скажут это только в том случае, если в ваших руках власть, если вы богаты. В противном случае люди не скажут ничего подобного. Кого интересует ваше эго? Людям интересно *собственное* эго, но если в ваших руках сосредоточена разрушающая власть, тогда им придется нехотя признать ваше эго.

Гитлер был безумен, но никто в Германии не осмеливался заявить об этом во всеуслышание. Многие чувствовали, что Гитлер был безумен. После того как он потерпел поражение и покончил с жизнью самоубийством, многие люди написали, что всегда чувствовали это. Даже его врачи, которые никогда не осмеливались открыто сказать ему правду (хотя бы они должны были говорить правду, так как давали клятву Гиппократу), но и они не говорили, что Гитлер был тяжело болен, причем не только физически, но и душевно.

По ночам его мучили кошмары, преследовали маниакальные страхи. Ему казалось, что его хотят убить. Гитлер был настолько одержим мыслью о том, что его убьют, что так и не женился. Он женился только тогда, когда принял решение убить себя, всего лишь за три часа до смерти. Он не женился, чтобы не находиться в одной комнате с женщиной, так как знал, что женщина может оказаться шпионкой, врагом, что она может убить его во сне, отравить. Он никогда не доверял даже той женщине, которую, как ему казалось, любил. У него не было друзей, потому что дружить с кем-то — значит доверять ему, а Гитлер был полон сомнений!

Политики безумны, но мы учим своих детей быть политиками. Мы учим детей той же культуре, которая мучила нас самих, тем же ценностям, которые были для нас тяжелой ношей, которые на поверку оказались лишь невидимыми цепями, прозрачной клеткой. Но мы продолжаем обуславливать своих детей. Мы продолжаем набивать их головы прежними знаниями, продолжаем навязывать им то же образование, которое когда-то отравило нашу благодать и лишило нас невинности. И мы продолжаем лгать детям, как наши родители когда-то обманывали нас.

Так продолжалось веками. Неужели человечество может быть здоровым, благополучным, ненапряженным? Оно обречено быть безумным. Обратите внимание на то, как вы лжете своим детям.

Маленький мальчик прибежал в комнату матери и сказал: «Мама, я давно хочу спросить тебя об этом, и сегодня мне срочно нужен твой ответ!»

Мама в этот момент переодевалась, чтобы пойти из дома куда-то, и тут сын спросил ее: «Что это за две такие штуки у тебя груди?»

Мать немного смутилась от такого вопроса. Как объяснить ребенку молочные железы?

Я скажу вам, что объяснить это проще простого, ведь дети очень понятливый народ. Можно было легко сказать, что груди предназначены для питания малышей, и с этим вопросом было бы покончено раз и навсегда. Но мы привыкли лгать, и мать немедленно придумала очередную небылицу.

Она ответила: «Это шары. Когда женщина умирает, Бог надувает эти шары. Они становятся все больше, а затем тело женщины возносится к небесам».

Ребенок сказал: «Теперь мне понятно, что там происходит».

«Что происходит?» — недоуменно спросила мать.

«Наша служанка умирает, — пояснил сын, — а бедный папа с трудом пытается не дать ей умереть. Он лежит на ней сверху, придавливая ее к полу и пытается высосать воздух из ее шаров».

Это тупая ложь, и неужели ты думаешь, что человечество будет пребывать в здравом рассудке? Оно всегда было сумасшедшим, всегда было перевернутым с ног на голову и смущенным, потому что вас воспитали на лжи.

Но у меня есть хорошая новость: появилось несколько умных молодых людей, которые осознают, что наше прошлое неправильно и требуют радикальных перемен: «Нам нужно оторваться от нашего прошлого. Мы хотим начать с нуля. Все наше прошлое оказалось абсолютно тщетным экспериментом!»

Буддапрем, когда человек принимает истину такой, какая она есть, он выздоравливает. Человек может быть здоровым. Он рождается в здоровье. Мы сами сводим его с ума. Когда мы понимаем, что нет наций и рас, то становимся очень спокойными и уравновешенными. Всякое насилие и агрессивность исчезают. Если мы принимаем человеческое тело, его сексуальность, естественность, тогда испаряется вся эта тупость, проповедуемая во имя религии. Девяносто девять процентов физиологических заболеваний вызваны подавленной сексуальностью.

Мы должны освободить человека от прошлого. В этом и заключается вся моя работа здесь: помочь вам освободиться от прошлого. Все, чем общество напичкало вас, следует выкорчевать. Ваше сознание нужно очистить, опустошить, чтобы вы стали чистым зеркалом, отражающим реальность. Быть способным отражать действитель-

тельность – значит познать Бога. Бог это синоним реальности: *того, что есть*. Если человек знает истину, тогда он здоров.

Истина приносит освобождение, приносит здоровый рассудок. Истина приносит разум, приносит невинность. Истина приносит блаженство, приносит праздник.

Мы должны превратить всю землю в огромный фестиваль радости. Это возможно, потому что человек приносит с собой все, что необходимо для того, чтобы превратить всю землю в рай.

Милый Ошо, ты и в самом деле настоящий итальянец?

Антар Витторио, не сейчас, но в какой-нибудь из своих прошлых жизней я, по всей вероятности, был итальянцем. Человек должен пройти через множество опытов. Ему нужно побыть и итальянцем. Если ты не был итальянцем, то не можешь достичь просветления, это абсолютно точно. Если кто-то достигает просветление, не побыв итальянцем, тогда ему придется вернуться. Он выпадет из своего просветления, поэтому ему просто необходимо родиться в Италии.

Быть итальянцем – значит быть противоположным просветлению. Вы когда-нибудь слышали о просветленном итальянце? И все же такой опыт помогает, ведь очень важно прикоснуться к противоположному полюсу. Только в этом случае начинается путешествие к истоку. Ты очень сильно сбился с пути, и теперь настало время блудному сыну вернуться. Тебе нужно возвратиться, дальше некуда идти. Если тебя угораздило родиться итальянцем, то тебе уже некуда идти. Что тебе еще делать? Ты зашел в тупик. Итак, быть итальянцем хорошо. И чем раньше случится эта оказия, тем лучше!

Быть итальянцем – значит встать с ног на голову, причем с энтузиазмом! Наверняка я был итальянцем, иначе я бы не смог стать тем, кого представляю собой сейчас. То же самое я могу сказать и про Гаутаму Будду, Лао-Цзы, Иисуса. Все эти люди наверняка были в одной из своих прошлых жизней итальянцами! Вы не можете упустить такую возможность. Если вы упускаете возможность родиться итальянцем, то делаете это на свой страх и риск, ведь вам придется вернуться. Опыт итальянца стоит получить. Это ни один человек не может позволить себе пропустить. Почему среди итальянцев такой низкий процент самоубийств? Трудно убить себя, выпрыгнув из окна с первого этажа!

Идет вторая мировая война. Немец, француз и итальянец попали в плен. Теперь они сидят в лагере для военнопленных.

«Сколько вам нужно пар нижнего белья?» – спрашивает их сержант-квартирмейстер.

«Семь, – отвечает немец, – по паре на каждый день недели».

«Четыре, – отвечает француз, – по паре на каждую неделю».

«А как вы, Луиджи, – интересуется сержант. – Сколько пар нижнего белья нужно *вам?*»

«Двенадцать», – отвечает итальянец.

«Но для чего вам так много белья?» – удивляется сержант.

«Одна пара на январь, другая на февраль, третья...», – принялся загибать пальцы итальянец.

Однажды Луиджи встречает на улице своего лучшего друга Антонио. «Привет, Антонио, что у тебя под пальто?»

«Ты же знаешь этого подлого фашиста Франческо, – объясняет Антонио. – Каждый раз, когда я прихожу в город, он говорит мне: “Привет, Антонио, как поживаешь?” Затем он бьет по моим карманам кулаком и ломает все мои сигареты. Поэтому сегодня я положил в карманы несколько кусков динамита. Стоит ему ударить меня по карману, и мои сигареты отмщены!»

Пьеро приходит домой из школы и спрашивает отца: «Папа, что означает слово “одновременно”?»

«Это значит в одно и то же время», – объясняет отец. Но Пьеро никак не может понять его, поэтому отец продолжает: «Если бы ты родился от связи твоей мамы с другим мужчиной, то кем бы я стал в таком случае?»

«Рогоносцем!» – восклицает малыш.

«Правильно! – отвечает отец. – И одновременно ты стал бы сукиным сыном!»

Для того чтобы духовно развиваться, необходимо получить опыт жизни по-итальянски. Если вы не родились итальянцем, то можете научиться быть им, это легко. Вам нужно лишь делать в точности то, что вы делаете во время медитации, разве что с небольшим отклонением. Во время медитации вы идете выше ума, а когда вы итальянец, то идете ниже ума. В обоих случаях вы выходите за пределы ума! Сначала лучше попытаться опуститься ниже ума, так вы получите опыт пребывания вне ума. После этого у вас уже не будет возможности вернуться в прежнее состояние.

Если вы научились быть итальянцем, то начнете молиться Богу так: «Хорошего помаленьку! Мне больше не нужны рождения и смерти. Я пресытился временем и хочу раствориться в вечности». Но если вы не были итальянцем, тогда в вас не возникнет это страстное желание.

Поэтому я так люблю итальянцев. С каждым мигом они приближаются к просветлению. Чем глубже они становятся итальянцами, тем ближе они к просветлению, и тогда скачок может произойти в любой миг.

Эти люди находятся прямо посередине: ни здесь, ни там. У них мало надежды. Например, у индийцев тоже мало надежды. Они ступают посередине дороги, причем очень осторожно, очень предусмотрительно. Индийцы никогда не впадают в крайности. Пребывая постоянно посередине, они упускают крайние точки как страдания, так и восторга.

Быть итальянцем — значит жить в крайней нужде. Единственная их надежда это спагетти, а все остальное погрязло в нищете. Если вы однажды испытали крайнюю нужду, тогда единственным путем для вас останется поиск высшего восторга. Крайнюю нужду может излечить только высшее блаженство.

Не случайно здесь присутствуют так много итальянцев. Они испытывали на родине нищету, повидали нужду. Если вы видели Италию, значит видели весь мир. Это мир в миниатюре, и если вы однажды пресытитесь Италией, это будет означать, что вы пресытились и миром. Тогда становится возможной нирвана. На самом деле, из Италии в нирвану пролегает прямой путь. Это самый простой, прямой, короткий путь.

Итальянцы ведут очень приземленную жизнь. Это земные люди. Именно это качество в них благостно. Итальянцы не очень интересуются небесами, раем. Они мало думают о таких вещах. Им достаточно и этой земли. Но земной жизни недостаточно, поэтому со временем они остро ощутят потребность искать что-то еще.

Индийцы живут на земле. Они тоже очень мирские, но постоянно болтают на духовные темы. Это держит их в иллюзии. Индийцы считают себя очень духовными из-за своей болтовни, из-за этих красивых слов, которые они научились повторять, из-за тысячелетий пения мантр. Им очень легко петь мантры, но это не главное. По сути, индийцы дурачат себя. Индийцы слышат, как они произносят красивые слова и они теряют голову от их прекрасного звучания. Слова обладают своим магнетизмом. Если вы используете значимые слова, то попадете под их влияние, а ваша действительность остается такой же, она не меняется. Слова не могут изменить реальность, в которой вы живете, но могут скрыть ее. Они могут сделать вас почти читаемым человеком.

Индийцы живут в уважении. Все их усилия направлены на то, чтобы оставаться уважаемыми, религиозными, духовными, чтобы показать другим людям свою святость. Они постоянно прилагают

сознательные и бессознательные усилия, чтобы создать видимость величия других миров. Они излучают вокруг себя зловонную, отвратительную ауру с установкой «святое тебя».

В этом отношении итальянцы прекрасны. Они простые, земные и здравомыслящие. Они не забивают свою голову духовным мусором. Хорошо быть земным человеком. Я могу сказать по своему опыту, что если вы никогда не были земными, если никогда не были настоящими материалистами, если никогда не были настоящими атеистами, то никогда в жизни не станете духовным человеком. Вашим основанием должен стать материализм, приземленность. Тогда на нем можно будет воздвигнуть храм, святыню духовности.

Сначала станьте Чарвакой, эпикурейцем, греком Зорбой, и только после этого вы сможете стать Гаутамой Буддой, Иисусом Христом, Багаудином, Нанакон, Кабиром... Если под вами нет основания, тогда вся ваша духовность это не более, чем трюк. Она существует лишь на словах.

Мне нравится приземленность итальянцев, потому что в ней может начаться работа. Сначала нужно принять тело, но не просто принять, но еще и начать относиться к нему с почтением. Если вы не исследовали свое тело, то не сможете исследовать и душу. Методика исследования такая же, но начните с тела, потому что тело это видимая часть вашей души. Начните с видимого, а затем вы начнете медленно двигаться к невидимому. Начните с известного, а затем двигайтесь к неизвестному. Начните с поверхности, а затем погружайтесь в центр.

Миллионы людей на земле живут исключительно словами, повторяя Библию, Коран, Бхагавадгиту, Дхаммападу, но они подобны попугаям. Такие люди механичны, как граммофоны. Они могут вы зубрить наизусть писания, и все же ничего не знают. Знание должно иметь корни в земле, как дерево. А ветви будут расти к небу, будут пытаться достичь звезд. Но в то же время корни должны все дальше углубляться в землю. Помните о том, что вам необходимо обрести равновесие: чем выше растет дерево, тем глубже его корни должны уйти в землю, в этом и заключается полное равновесие. Вы нигде не увидите огромное дерево с маленькими корнями. Оно не сможет устоять и упадет.

Так пала Индия... Это огромное дерево с очень маленькими корнями. Самое главное — отрастить корни. Но нельзя вырастить корни вверх, к небу, они должны углубляться в землю, в тело, в материю. Тогда и ваши ветви могут устремляться ввысь к небу, в духовный мир. Тогда они достигнут Бога.

Ницше правильно сказал: «Если дерево хочет коснуться стоп Бога, тогда оно должно достичь своими корнями самого центра ада». Корни должны спуститься к самому каменному основанию, только тогда дерево может положить свои ветви и цветы к стопам Бога.

Когда я говорю об итальянцах, то делаю из них символ. Точно так же и из индийцев я делаю некий символ. Индийцы символизируют лицемерие. Не имеет значение, где он родился, пусть даже в Италии. Но в любом лицемере вы найдете индийца. В любом реалисте, прагматике, практичном человеке вы найдете итальянца. Для меня это не географические, а метафорические понятия.

Моя коммуна будет самой богатой на земле. Я выбрал Дикшу, чтобы она заботилась о ваших телах. Итальянка идеальная мать! И она проявляет самую прекрасную заботу.

Моя коммуна состоит из самых разных людей. Они трудятся изо всех сил для того, чтобы сделать эту коммуна самой богатой в человеческой истории. Вокруг Будды собирались только индийцы, вокруг Иисуса – только евреи, вокруг Магомета – только арабы. Вокруг меня собрались самые разные люди: теисты, атеисты, материалисты, спиритуалисты, католики, коммунисты, джайны, евреи, итальянцы, индийцы, немцы – самые разные люди. И все они внесли свой вклад в развитие человечества. Ни одна страна не внесла свою лепту в развитие человечества, только отдельные люди.

Мы можем создать целостного человека, многосторонне развитого, необыкновенно богатого, укорененного в земле, и тем не менее стремящегося к звездам.

Милый Ошо, я покидаю это прекрасное поле Будды и отправляюсь в огромный мир, чтобы подготовиться для присоединения к нашей новой коммуне. Расскажи мне, пожалуйста, анекдот, который будет сопровождать меня в моих делах и напоминать мне о твоём вечном смехе.

Дева Даршан, этот анекдот для тебя:

Недавно женившийся коммивояжер вернулся домой из командировки чуть раньше положенного срока. Он приехал в час ночи и на цыпочках, чтобы не потревожить молодую жену, поднялся по лестнице в спальню. Открыв дверь, он в ужасе обнаружил, что рядом с его женой лежит какой-то незнакомый мужчина.

В порыве гнева коммивояжер схватил незнакомца за волосы и выволок его из постели. После нескольких ударов ногами он сбросил его с лестницы и вытолкнул через черный вход. Затем он вытащил его голого в сад и бросил в сарай. Там он схватил его половой

член, засунул его в тиски, закрутил ручку до упора и закрепил ее с помощью замка. Потом он достал с полки ножовку, извлек старое лезвие и установил на его месте новое лезвие.

Молодой человек в ужасе следил за его действиями.

«Вы хотите отпилить мне член?» – спросил он в ужасе.

«Нет, – зловеще улыбнулся обманутый муж, протягивая парню ножовку. – Я просто подожду сарай! А пилить ты будешь сам».

На сегодня достаточно.

Глава 3

Трава растет сама собой

Милый Ошо, последователи почти всех религий убеждают остальных людей следовать их почтенному учению. Но мне встречались много твоих последователей, которые не советовали мне принять путь, который ты проповедуешь. Почему так происходит?

Харриндер Сингх, во-первых, я учу не религии, а религиозности. Религия это вера, догма, идеология, она интеллектуальна. Религия пытается убедить вас: приводит аргументы, предлагает доказательства. А доказательство это что-то вроде насилия, но только очень тонкого насилия. Оно похоже на попытку манипулировать вами, контролировать вас и поработать. Все религии занимаются этим на протяжении тысячелетий. Это тонкий путь формирования душевного рабства.

То, чем занимаюсь здесь я, не имеет никакого отношения к религии. Это больше похоже на религиозность, ведь у нас нет верований, догмы, церкви. Это любовь, в ней нельзя убедить. Разве ты думаешь, что Меджнуна нужно было убеждать в красоте Лейлы? Это невозможно. Никто не может убедить другого человека в том, что касается любви. Любовь гораздо глубже интеллекта. Она находится в сердце, а сердце не признает аргументы и доказательства. Оно принимает только то, что есть. Человек может танцевать, петь, но не может доказать это. Он может восклицать от радости: «Аллилуйя!», но это не аргументы, такие восклицания никого не убеждают.

В притче о Меджнуне заложен глубокий смысл. Это суфийская притча, представляющая собой не обычную историю о любви, как полагают некоторые люди, а аллегорию.

Меджнун влюбился в девушку по имени Лейла, которая, по мнению многих людей, вовсе не была красавицей. В обществе она слы-

ла самой обычной, невзрачной девушкой, Мало того, ее считали даже дурнушкой. А Меджнун так помешался на ней, что само имя «Меджнун» стало синонимом понятия «безумие». Он постоянно молился Богу, постоянно бродил по городу и молил людей о помощи, потому что он был бедняком, а женщина, в которую он влюбился, происходила из аристократического рода. Даже издали увидеть Лейлу ему было нелегко. Дело происходило в стране, живущей по мусульманским законам, а из-за таких законов очень трудно увидеть лицо женщины.

Заметив его беспокойство, даже сам шах призадумался. Он позвал Меджнуна, так как чувствовал к нему большое сострадание. Шах сказал: «Я знаю эту женщину. Мне очень хорошо знакома ее семья. Если бы Лейла была красавицей, я давно бы забрал ее в свой гарем. Но я не взял ее, так как она не достойна этого. У меня есть все красивые женщины из всех стран. И я так тебе сочувствую, что предоставлю тебе возможность. Ты сможешь выбрать из моего гарема любую женщину, которая приглянется тебе. Она будет твоей!» Сказав это, шах вызвал самых красивых женщин.

Меджнун начал всматриваться в избранниц шаха, но каждый раз, отводя взгляд от очередной женщины, он повторял: «Нет, это не Лейла!» И так раз за разом... Он посмотрел на двенадцать женщин и столько же раз сказал: «Это не Лейла!»

«Должно быть, ты совсем помешался! – воскликнул шах. – Лейла серая мышь по сравнению с моими красавицами! Выбирай любую женщину! Я знаю твою Лейлу. Я познал самых красивых женщин мира. И мои женщины самые прекрасные на земле!»

«Но вы не понимаете меня, – отозвался Меджнун. – И я осознаю причину вашего недопонимания. Вопрос не в том, чтобы выбрать кого-то. Выбор не в моей власти. Он уже сделан. Выбрало мое сердце! Я никто, я не могу вмешиваться. Ум это только поверхность, а сердце – центр. Мой центр сделал выбор. Неужели поверхность может вмешаться?»

«Простите меня за мои слова, вы по-настоящему добры ко мне, – сказал Меджнун, – но я все же настаиваю на том, что никогда на свете не было и не будет женщины, подобной Лейле. Но для того чтобы увидеть красоту Лейлы, нужно иметь глаза Меджнуна, а у вас нет моих глаз, и ничего с этим не поделать. Вам нужно видеть Лейлу моими глазами, только тогда проявится великолепие ее естества».

Запомните эти слова: для того чтобы увидеть красоту Лейлы, нужно смотреть на нее глазами Меджнуна.

Это не религия. Люди, которые собрались вокруг меня, влюбленные. Они не убеждены интеллектуально в том, что я говорю, но инстинктивно знают, кто я есть. Здесь нет вопроса, который нужно решить умом, а есть то, что поддается лишь прямому переживанию.

Харриндер Сингх, поэтому мои люди не пытаются никого убедить. Я знаю, что ты не обладаешь глазами Меджнуна. Какой прок в этой тщетной мелочной логике? Они совершенно точно знают, что не ум сделал их частью моего поля Будды, их привело сердце. Какой-то колокольчик стал звенеть в их сердцах.

Их сердца испытали новую энергию, новый танец. Оно услышало новую мелодию, а не новый аргумент. Прежде их сердца спали, а теперь они пробудились. Их сердца были похожи на пустыню, теперь же в них открылся источник, в котором цветут розы и жужжат пчелы. Изменилась их внутренняя суть. Это и есть религиозность.

Религиозность возникает только тогда, когда Будда, Кришна, Махавира или Христос живые. Когда Христос умирает, наступает пора религии. Религия это труп религиозности. Человек только с виду кажется живым. Когда он умирает, то выглядит в точности таким же, как и раньше, еще при жизни. Не хватает только одной мелочи: он не дышит. А все остальное кажется просто совершенным! Вы можете нарисовать его лицо, можете сделать ему красивую прическу, нарядить его в прекрасные одежды, и он будет выглядеть очень молодым и бодрым, его щеки будут пылать – все можно сделать. На Западе стало целым искусством разукрашивание покойника, чтобы он выглядел живым. Но это лишь внешность, а настоящего человека уже нет. Это только клетка, пусть даже золотая. Но птица улетела.

Когда умирает религиозность, рождается религия. Религиозность дышит, а религия это всего лишь труп. Но многие людям уютно с религией. На самом деле, таких людей большинство. Девяносто девять целых и девять десятых всех людей чувствуют себя комфортно с религией, потому что им там совсем не опасно. Чем вам может навредить труп? Вы можете сделать с ним что угодно, а он с вами ничего не сделает. Труп полностью в ваших руках.

Но когда религия жива и дышит (что я и называю религиозностью), тогда она обладает вами, но вы не можете обладать ею. Вы не можете обладать Буддой, Лао-Цзы и Заратустрой. Вы не можете обладать Багуддином, Джалалуддином, Мансуром... Нет, это невозможно. Эти люди познали высшую свободу. Неужели вы можете обладать ими? Они не станут исполнить ваши ожидания, не станут подчиняться вашей воле, ведь у них собственный путь. Если он вас устраивает, тогда вы должны к ним присоединиться. Вы не можете заставить их присоединиться к вам, это невозможно.

Истина не может быть с вами, именно вы должны быть с истиной. Но ложь находится в ваших руках. Вы можете манипулировать ею, можете придать ей какой угодно вид, можете разукрасить ее, придать ей соответствующие размеры и форму, можете сделать ее подходящей для своей неосознанной жизни. Вы можете быть индустом, и это не нарушит спокойствие вашей бессознательности.

Вы можете быть мусульманином, и такое обстоятельство ничего не изменит в вас. Вы можете совершенно беспечно быть буддистом и не подвергаться никакой опасности, спать спокойно. Но быть с Буддой – значит ходить по горящим углям! Сгорит все, что вам не нужно, и останется только самое существенное, а этого-то как раз и очень мало в вас. В вас очень много лжи, и вся она должна умереть.

Пребывание с Буддой означает смерть. Потом приходит жизнь, но сначала должна состояться смерть. Сначала воскрешение невозможно, оно может произойти только вслед за распятием. Оно приходит после распятия. Быть с мастером – значит быть готовым умереть, быть готовым родиться заново. Религия это утешение, подчинение. Религиозность это революция, мятеж.

Аджай Кришна Лаканпал задал длинный вопрос о суфиях давно минувших дней: Мухинуддине Чисти, Ниджамуддине Аулии, Баба Джане и других. Он спрашивал об их маджалах, могилах. Есть ли в них какая-то сила? Он совершал обряды на этих маджалах, то есть поклонялся могилам! И он спросил меня: «Разве эти могилы не продолжают вибрировать энергией великих мистиков?»

У этого человека не хватает мужества приехать сюда, быть рядом со мной. Ему не хватает мужества быть саньясином. Но он ездит в Аджмер, чтобы воздать почести тому, кто жил несколько столетий назад. И я совершенно точно знаю, что если бы Мухинуддин Чисти жил в наше время, тогда Аджай Кришна Лаканпал даже и не подумал бы поехать к нему. И если бы он даже и поехал, то задал бы ему вопрос о Каабе, Бодхгае, могилах Будды, Махавиры и Христа... Задавать вопросы о могилах других просветленных людей очень глупо, но складывается такое впечатление, будто ты задаешь религиозный вопрос.

Если ты боишься рискнуть и остаться со мной, тогда тебе, конечно же, нужно поклоняться могилам. Но если ты не ощущаешь энергию здесь, тогда где еще ты сможешь ощутить ее? Вся твоя энергия это не более, чем проекция. Я не говорю, что нет никакой энергии. Но эту энергию может почувствовать только тот человек, который чувствовал ее рядом с живым человеком. Если ты можешь чувствовать энергию здесь, если можешь находиться в гармонии с этой энергией, тогда ты сможешь почувствовать ее у Мухинуддина Чис-

ти в Аджмере. Но если ты не можешь почувствовать ее здесь, то не сможешь почувствовать ее и там, это невозможно. Если ты не можешь разглядеть Бога в человеке, то неужели можешь разглядеть его в камнях? Сначала тебе нужно увидеть его в человеке, и только тогда твое внутреннее видение станет более глубоким, и ты сможешь увидеть Бога и в камнях.

Сначала тебе нужно соприкоснуться с живой религиозностью, тогда все религии станут истинными в новом смысле, а в ином случае все они останутся трупами. Но они удобны, ведь ты можешь преклонить перед ними колени, преподнести им цветы, и могила тебе ничего не сделает! Ты можешь пребывать в добром расположении духа: мол, ты совершил прекрасный поступок, а на самом деле ты остался таким же болваном, каким и был, так как с тобой ничего не произошло. В принципе, ты стал еще больше поглупел, потому что теперь ты религиозный болван. Когда-то ты был обычным болваном, а теперь у тебя появились некие претензии на религиозность. Ты вернешься домой с этой высокомерной установкой «святей тебя» и только благодаря тому, что побывал на могиле! Позволь мне напомнить тебе, что я не говорю, будто в этих могилах ничего нет. В них есть много всего, но это могут увидеть только те люди, у которых есть глаза. Если ты не можешь ничего разглядеть в живом суфийском мастере, значит ты слеп, и в могиле ты этого не увидишь!

Правда, в могилах для тебя нет ничего плохого, потому что ты тоже мертв, и в этом смысле вы подходите друг другу. Ты мертв, и могила мертва. В подходящей компании всегда чувствуешь себя хорошо. Ты призрак, и тебе очень хочется жить с призраками.

Харриндер Сингх, ты говоришь: «Последователи почти всех религий убеждают остальных людей следовать их почтенному учению. Почему так происходит?»

В твоём вопросе есть смысл. Может быть, ты удивишься. На самом деле, они не пытаются никого убеждать. Дело в том, что убеждая других людей, они пытаются убедить самих себя: «Мы не заблуждаемся». Когда им удается убедить кого-то, они чувствуют облегчение: «Моя религия права, я не заблуждаюсь. Смотрите, даже тот, кто раньше не принадлежал моей религии, теперь убежден в ее правоте!» Христиане до сих пор проповедуют свое учение по всему миру. И единственная причина заключается в том, что они сами еще не убеждены в правоте Христа.

Две самые древние религии мира не обращали других людей в свое учение. Я имею в виду иудаизм и индуизм. Иудеи никогда никого не обращали, настолько они были уверены в том, что нет необходимости вообще обращать кого-либо. И индуисты никогда не пы-

тались кого-либо обращать. Это самые древние религии в мире. По сути, остальные религии в некотором смысле представляют собой их ответвления. Христианство и ислам это ответвления иудаизма. Джайнизм, буддизм и сикхизм произошли от индуизма. Древнейшие традиции не нуждались в новообращенных. Почему? Потому что они сами были убеждены. Они были очень древними, и им не требовались новообращенные. Их многовековая традиция служила прочным основанием для уверенности в своей правоте. Дело не в том, что они были правы, просто они обладали иллюзией своей правоты, подпитываемой многовековым наследием, еще из доисторических времен. У них были самые древние писания, и для них этого было достаточно. Эти писания служили их целям.

Но христианство было новой религией, Христу пришлось начать с самых азов. Буддизм был новой религией, Будде тоже пришлось начать с самых азов. Ислам был новой религией, и Магомету пришлось начать с самых азов. За ним не стояло ничего, на что можно было бы опереться. Мусульманам оставалось лишь обращать других людей в свою веру. Они подменили традицию обращением людей и созданием огромной массы последователей. Так они убеждали себя.

Индуисты и иудеи убеждали себя иначе, но им не могли подражать христиане, мусульмане и буддисты, для них это было невозможно. Эта дорога была для них закрыта, им оставалось только устроить новую дверь. Они стали обращать людей. Самыми неуверенными из всех были христиане просто потому, что иудеи распяли Христа. С тех пор его последователи живут в страхе.

Когда Иисус оставил этот мир, его последователи находились в глубочайшей тьме. Их основателя распяли между двумя разбойниками, ворами, по правую и левую руку. С ним обращались как с преступником, а он не смог сотворить на кресте ни одного чуда. Основа сотрясалась. В христианах не были стержня, основания. Они сильно боялись: «Кто знает? Может быть, мы попались в ловушку. Может быть, Иисус был не тем миссией, которого мы ждали. Иудеи не признали его. Великие книжники, раввины, святые не признали Иисуса. Кто знает?» Такие мысли постоянно вертелись у них в голове. Единственным способом преодолеть сомнения было обратиться в новую религию как можно больше людей. «Если мы сможем обратить все население земли, тогда это станет доказательством того, что мы правы», — рассудили христиане.

Люди полагают, что количественные показатели могут указать на то, правы они или нет. А набрать достаточное количество можно двумя способами: либо сосчитав всех тех последователей, кто следовал учению ранее, либо сосчитав всех тех последователей, кото-

рые до сих пор живы. Если дверь традиций для вас закрыта, тогда остается лишь обращать современников.

Христиане стали великими миссионерами. Им удалось обратить в свою веру почти половину человечества, но все равно остаются некоторые раны, отдельные сомнения еще не исчезли, ведь обращением устранить их не получится. Сердце до сих пор не убеждено, но все еще присутствуют сомнения, видна тень прошлого.

Христиане до сих пор пишут книги, в которых доказывают, что Иисус был тем самым мессией. Зачем? Кого они пытаются убедить? Они не смогут убедить иудеев. Христиане пытались сделать это две тысячи лет, но все безрезультатно. Индуистам абсолютно неинтересно, был Иисус тем самым мессией или нет. И джайнам это неинтересно, как и буддистам. Кого пытаются убедить христиане? Они пытаются убедить самих себя.

Наверно, вам известно это явление человеческой психики... Когда вы идете в лес темной ночью, то начинаете насвистывать или петь, словно своей песней предупреждаете опасность, будто насвистывание поможет вам. Но в психологическом смысле это важное поведение. Когда вы начинаете свистеть, то совершенно забываете о своих страхах, потому что ум не может делать несколько дел одновременно. Итак, когда вы свистите, то забываете о своем страхе. Более того, когда вы свистите, то слышите свой свист. А когда вы слышите его, он снабжает вас ложным представлением о том, что рядом с вами есть другой человек, который свистит. И это обстоятельство позволяет вам почувствовать облегчение. Это то же самое.

Христиане до сих пор насвистывают, до сих пор сомневаются. Они и не могут не сомневаться, ведь они ответственны за свои сомнения. Для того чтобы доказать иудеям, что Иисус тот самый мессия, им приходится хвастаться и лгать. Например, они говорят, что Иисус родился от девственницы. Это чушь! Неужели вы способны поверить в такие сказки? Вы можете обратиться в христианство весь мир, но не избавитесь от сомнений. Любой человек, наделенный хотя бы каплей разума, способен осознать тупость этого мифа. Иисус не мог родиться от девственницы! А еще христиане утверждают, будто он воскрешал мертвых, исцелял слепых...

Но Иисус не смог ничего доказать на кресте, когда пришла самая пора настоящего испытания, когда на Голгофе собралась тысяча человек, чтобы увидеть чудо. Да, Иисус совершал незначительные чудеса, но только в присутствии своих учеников, а их было немного. У него было только двенадцать учеников, и все они были безграмотными сельскими жителями: рыбаками, плотниками, садовниками, земледельцами. Они были простыми людьми. Перед ними он ходил

по воде, воскрешал из мертвых, исцелял слепых. А когда собрались сто тысяч человек, самые образованные и ученые раввины и философы Иерусалима, он ничего не смог сделать.

Иисус страдал от жажды на кресте, но не смог материализовать для себя даже чашки воды. А прежде он умудрялся превращать воду в вино! Он томился жаждой, но выпрашивал воду. Иисус умирал. Даже в его уме возникло сильное сомнение. Действительно ли он был мессией, Сыном Божьим. Иисус спрашивал Бога: «Почему ты оставил меня? Неужели ты оставил меня одного в этот час, предал меня? Всю жизнь я доверял тебе. Почему же ты не пытаешься спасти меня?»

Но ничего так и не случилось. Небо осталось безучастным к его страданиям, не произошло никакого чуда. Наверно, люди смеялись по пути домой. По всей видимости, по городу еще несколько дней ходили слухи. Люди посмеивались, рассказывая друг другу о случившемся. Они сочли Иисуса болваном и притворщиком. Христиане все еще не забыли этот случай. Их рана глубока, но они пытаются тщательно скрывать ее.

Магомет родился еще позже. Он появился на свет всего лишь четырнадцать столетий назад. К этому времени человечество почти окончательно разделилось. Было очень сложно обращать людей. Разумеется, Иисус при жизни обратил много людей, но после смерти Иисуса его последователи с большим трудом обращали людей. Что касается аргументов, то мусульмане не могли тягаться с буддистами, которые достигли даже центральной Азии. К тому времени буддийские храмы были построены по всей территории Азии, особенно в ее центральной части. А спорить с буддистами, прибегая к логике, сложнее всего. Буддийские мыслители реализовали высочайшие способности ума. Невозможно также спорить и с джайнскими философами. Даже Пифагор поминает их. Он встречался с джайнами в Египте. Пифагор называет их гимнософистами, которые ходят в обнаженном виде и предъявляют весомые доводы, которые невозможно опровергнуть. Очень сложно опровергнуть аргументы буддистов и джайнов. Очень сложно доказать, что Магомет был более великим чудотворцем, чем Христос.

Поэтому мусульмане находились в затруднении, и единственным выходом из такого положения стал меч. Ум не приносил им пользу, поэтому мусульмане начали отрубать людям головы. Если вы не можете отсечь аргументы, тогда остается отсекать головы, потому что прав сильнейший! Мусульмане неистовствовали. Они убивали людей тысячами, проливали кровь, секли направо и налево, обращали людей в ислам насильно: «Все это мы делаем ради вас же, — гово-

рили они, — ради вашей же пользы, потому что если вы не мусульмане, то угодите в ад, а не попадете в рай». Мусульмане тяжким трудом пытались спасти людей, но на самом деле все их усилия были направлены на то, чтобы убедить себя в том, что Магомет столь хорош, как и Иисус, Махавира, Кришна.

Моим людям неинтересно кого-либо обращать, потому что их не мучают сомнения. Они здесь со мной не для того, чтобы убедиться в чем-то, а потому, что уже убеждены в своих сердцах. А если они не убеждены, то их здесь никто не удерживает. Им совсем не нужно находиться здесь.

Меня не интересуют людские массы. Мне интересна лишь группа избранных, мне интересна только духовная аристократия, несколько интеллигентов. Поэтому если твое сердце танцует со мной, хорошо. Если нет, тогда ты не туда попал и волен уйти в любой миг.

Мои люди никогда не будут стараться кого-то убедить, по крайней мере при моей жизни! Когда я уйду, то уже ничего не смогу поделать. Тогда я уже ничего не гарантирую. А пока я жив, они не будут никого убеждать.

Харриндер Синг, тебя никто не убеждал, но ты все же приехал сюда, и это гораздо важнее. Что-то из их радости откликнулось в тебе, какой-то мимолетный взгляд коснулся тебя. Что-то особое в их голосе привело тебя сюда... Это не случилось бы, если бы саньясины стали бы убеждать тебя. Аргументы слишком грубы, а действие настоящей энергии очень тонко.

Ко мне приходят тысячи писем со всего мира. «Твои люди в оранжевых робах довольно странные, — пишут люди. — Они не спорят, они совсем не похожи на свидетелей Иеговы. Твои саньясины не похожи на кришнаитов, которые ходят со своей Бхагавадгитой и пытаются задурить нам головы всякой чушью. Саньясинам же все равно, хочешь ты приобщиться к их вере или нет. Они не вмешиваются в чужую жизнь».

Но их невмешательство гораздо действеннее. Это качество свидетельствует о том, что они что-то нашли, что-то открыли. Все их существо вибрирует этим открытием. Они радостны, счастливы, веселы. Они живут как можно более творчески.

Я хочу сказать, что здесь реализуются всевозможные виды творчества. Здесь есть группы танца, музыкальные группы, театральные труппы, художественные кружки, а скоро появятся отделения скульптуры, архитектуры, науки, поэзии, литературы. Здесь все люди будут делиться своей радостью через творческую деятельность. Если их творчество сможет убедить тебя, тогда это будет уже совсем другое дело. Если вся их жизнь станет для тебя светом, это совсем

иное явление. Но они не будут никого заставлять. Я не поощряю принуждение людей.

Ты говоришь мне: «Последователи почти всех религий убеждают остальных людей следовать их почтенному учению».

Мои люди религиозны. И это только религиозность. По крайней мере, сейчас это лишь религиозность. Это всего лишь неопределенное, жидкое, текучее, динамическое качество. Оно еще не оформилось. Оно сможет оформиться только после моего ухода. А при жизни я буду постоянно все перемешивать и никогда не позволю вам устроиться на каком-то одном месте. Я буду постоянно звать вас к новым приключениям, буду бросать вам новые вызовы для новых исследований.

Харриндер Синг, ты также говоришь: «Но мне встречались много твоих последователей, которые не советовали мне принять путь, который ты проповедуешь».

Это не мои последователи, а просто мои друзья. Быть последователем некрасиво. Я не вождь. С какой стати вам быть моими последователями? Для того чтобы стать моим последователем, сначала мне нужно стать вождем, а само это слово звучит отвратительно.

Я не чей-то вождь. Я просто живу по-своему, занимаюсь своим делом. Моя дверь открыта для тех людей, которым нравится жить рядом со мной. Мы дружим. Мы просто попутчики. Может быть, между нами есть небольшое различие, ведь я пробужден, а все они еще спят, так что с того? Я тоже спал, а теперь пробудился. Сейчас они спят, а завтра пробудятся. Их сон доказывает только то, что они могут когда-нибудь проснуться.

И я не нарушаю преждевременно чей-либо сон! Когда я вижу, что человек вот-вот проснется сам, то просто слегка подталкиваю его. Я не ворчу на людей, не твержу им постоянно: «Просыпайтесь! Просыпайтесь!» Если вы будете постоянно толкать спящего человека в бок, чтобы он проснулся, тогда ему приснится, будто он уже пробудился. Тогда возникнут сложности, потому что ум может создавать любые сны. Он может даже навевать сон о том, что человек уже пробудился, уже достиг просветления. Даже здесь это бывает.

Сиддхартха приехал сюда из Германии. С ним произошел такой случай. Во сне он достиг просветления, или почти достиг его. Будьте уверены: если просветляется немец, он просветляется абсолютно!

Несколько дней назад я говорил о Пропере Сагаре, совершенном англичанине. Кто-то спросил меня: «А почему он совершенен?» Я знаю причину, но не скажу, потому что он очень обидится. Если вы пообещаете, что никому не скажете, тогда я поделюсь с вами. На самом деле он немец, претворяющийся англичанином. Но он даст

фору любому англичанину! Здесь сотни англичан, однако хватит ли у кого-нибудь смелости бросить вызов Проперу Сагару? Невозможно вообразить это! Когда немец пытается стать кем-то, он всегда делает это в совершенстве. Быть немцем – значит быть совершенным. Эти понятия синонимичны.

Итак, в Германии сейчас происходит следующее: Сиддхартхе снится, что он достиг просветления. Я подыгрываю ему. Я выделил ему одно из своих кресел и одну мою робу! Он сидит в моей одежде на моем кресле. А так как он немец, то делает все очень методично: по одну сторону от него сидит женщина по имени Мукта, а по другую сторону сидят две женщины, Вивек и Лакшми. А перед Лакшми сидит мужчина, которого зовут Шива. Немцы так педантичны!

Здесь присутствует еще один немец, Ганкар. Сиддхартха очень простой, приятный парень, а Ганкар адвокат, большой эксперт в юриспруденции, поэтому он подступает к делу методичнее, с оглядкой на законы. Он закрылся в комнате... Ганкар живет в комнате, как и я. Он не выходит, ничего не пишет... У него есть секретарь – женщина, конечно же. Он никому не разрешает касаться своего тела.

Причина, по которой я не позволяю людям прикасаться к своим стопам, не имеет никакого отношения к просветлению. Дело в том, что у меня нездоровы пальцы ног. Должно быть, Ганкар видел, что никому не разрешают прикасаться к моим стопам, поэтому и он не разрешает людям касаться своего тела, чтобы не обеспокоить его энергию! Оба этих человека присутствуют здесь!

Если вы попытаетесь разбудить человека во время его сна, то опасность заключается в том, что он проснется, но не на самом деле, а лишь во сне. Человеку может присниться, что он пробужден. И тогда во сне он начнет играть в просветление, духовность, религиозность. Поэтому нужно быть очень осторожным, чтобы не потревожить никого раньше времени.

Поэтому я соблазняю вас к просветлению. Но я не тороплюсь, ведь просветление не может произойти в спешке. Мне нужно ждать. Когда я вижу, что вы пробуждаетесь от своего сна, только тогда небольшая встряска может помочь вам полностью проснуться. Даже если эта встряска в последний миг не произойдет, все равно вы проснетесь. Может быть, это произойдет чуть позже. Вопрос лишь во времени. Мастер должен сохранять бдительность, чтобы не спешить, потому что иногда я вижу страдания людей и хочу тотчас же помочь им, но немедленная помощь может причинить им больше вреда, если они еще не готовы проснуться.

Итак, мои люди не последователи, а друзья. Они влюблены в меня. Как вы знаете, любовь слепа и нелогична – как они станут убеж-

дать вас? Они не связаны со мной логикой. Это нелогичный скачок. Они могут поделиться с вами только радостью, и если именно радость привела вас сюда, замечательно.

И разумеется, мои саньясины будут советовать вам не следовать за мной, потому что именно в этом и заключается мое учение: не следуйте за мной. Каждый человек уникален, и никто не должен становиться подражателем. Саньясины будут отговаривать вас от пути, который я проповедую. Они будут отговаривать вас для того, чтобы вы смогли найти свой путь самостоятельно. Люди очень падки на верования, которые даются запросто, поверить легко.

Мои люди будут отговаривать вас от верования, от следования, от принятия пути, которому я учу. Если вам интересно, тогда вам нужно приехать сюда и начать исследовать самому. Это исследование, путешествие в неведомое. Оно выходит за рамки обыденности, за пределы того, что можно воспринять, с чем можно иметь дело. Это путешествие по другую сторону. Оно очень хрупкое, гораздо слабее лепестков роз, поэтому вы можете легко разрушить его, любое принуждение может разрушить его. Саньясины приводят вас сюда без принуждения, не прибегая к логике. Они только приглашают вас, причем не прямо, а ненавязчиво. Они будут отговаривать вас от следования за мной, потому что дело не в подражании мне. Главное – идти за собственным светом.

Я могу лишь помочь вам выйти на путь, который приведет вас к вашему внутреннему свету. Я могу вам показать его. А когда вы найдете свой свет, то заживете по-своему, а не как христианин, индуст, мусульманин. У вас будет своя, а не чужая жизнь.

Милый Ошо, я слышал, что ты знаешь о золотых правилах Мёрфи. Поделись, пожалуйста, какими-нибудь правилами!

Премраджа, я знаю не так уж много о Мёрфи, равно как я не дока и в отношении всего остального!

Я не ученый человек. Я действую из состояния неведения и открыл для себя, что это самое прекрасное пространство, в котором можно действовать.

Я слышал несколько золотых правил Мёрфи и зачитаю вам некоторые из них.

1) Любой человек, у кого сокровищницы набиты золотом, учреждает законы.

2) Никогда не думай о будущем, все равно оно приходит слишком быстро.

3) Для правдоподобия необходимо столько же доверчивости.

4) Молодежь смотрит вперед, старики – назад, а те, что посередине, – с тревогой.

5) Молодость, это когда ты винишь в своих трудностях родителей, а зрелый возраст, это когда ты узнаешь о том, что всему виной молодое поколение.

6) Самым прекрасным в золотые времена бывает то обстоятельство, что его уже не вернешь.

7) Крушение надежд неприятно, но настоящее несчастье приходит, когда твои надежды сбываются.

8) После всякого решения трудности ты оказываешься в еще более затруднительном положении.

9) Почти относительно всего верно, что проще впутаться, чем выпутаться.

10) Красота проникает не далее кожи, а уродство пронзает нас до мозга костей.

11) Безбрачие не передается по наследству.

12) Друзья приходят и уходят, а враги накапливаются.

13) Если ты считаешь образование опытом, испытай невежество.

Милый Ошо, вчера на лекции ты сказал, что смеяться естественно. А еще ты сказал, что все естественное дается легко и просто. Почему же мне так тяжело смеяться даже твоим шуткам?

Ананд Кевала, смех естественен, но ты неестественна, поэтому эта встреча не может произойти. Тебе нужно быть естественной. Да, все естественное дается легко и просто, но из-за твоей неестественности тебе смех дается не легко и совсем не просто. Все твое воспитание заставляет тебя быть искусственной, деспотичной. Оно разрушает твою природу, навязывает тебе то, что хотят от тебя другие люди, навязывает тебе чужое мнение. Многим людям выгодно, чтобы ты соответствовала неким стандартам. Они не хотят, чтобы ты была естественной, так как боятся естественности.

В глубине человеке заложен страх перед природой. Этот страх вызвал множество трудностей. Он создал безобразную цивилизацию, прогнившую культуру, противоестественные технологии, противостоящую экологии науку, религию, которая не гармонирует с вашим сокровенным естеством. Пришла пора человеку взбунтоваться против всего, что произошло с человечеством в прошлом!

Почему человек боится природы? На то есть свои причины. Прежде всего, природа больше человеческого эго. И если дать свободу природе, тогда эго утратит контроль. Вами будет управлять природа. Тогда вы почувствуете, что лишились контроля, но вам нравится все

контролировать. Поэтому вы не станете естественным, а будете подавлять свое естество и выдаешь за себя только малую часть своей сущности. Эго может контролировать только десятую часть вашего существа. Тогда вы чувствуете себя хозяином. А над природой вы не хозяин. Вы никто, вас вообще нет. Эго создает мораль, которая направлена против природы.

Например, что вам делать, если вы влюбились в женщину, которая не жена вам? Влюбленность естественна, но вам нужно учитывать еще и брак, престиж, репутацию, общество, в котором вы живете, религию, которую исповедуете, свое будущее, зарплату, работу, деловые интересы, причем не только в этом мире, но и в мире ином. Вам придется отвечать перед Богом, почему вы влюбились. Поэтому вам выгоднее давить природу, полностью сковать ее, оградить себя правилами и законами своего общества, культуры и религии.

Вас учат честолюбию, но природа не честолюбива. В природе не заложено инстинктивное стремление стать президентом или премьер-министром. Природе больше нравится танцевать, петь, любить, есть, спать, купаться, загорать... Но природа не станет стремиться стать президентом страны, она не настолько глупа! Кто хочет стать президентом Рейганом? Третьеразрядный актер стал президентом Америки. Теперь все третьеразрядные люди почувствуют себя на высоте. Они решат, что и они могут добиться того же. Самые разные болваны, посредственные люди становятся такими выдающимися, поэтому вы должны опуститься до посредственного уровня для того, чтобы стать выдающимся.

Природа очень умна. Она не посредственна, не тупа, а очень ясна, чиста и прозрачна. А вам приходится разрушать ее прозрачность. Тогда вы, конечно, печалитесь. Тогда вы не можете смеяться. Смех становится невозможным, потому что смех естественное явление. Но вы можете печалиться, можете испытывать страдания, ведь это неестественно, такое поведение возвращается годами.

Кевала, ты не можешь смеяться, потому что ты неестественна. Расслабься и отрекись от всего неестественного в тебе: от всех претензий и масок. Будь просто обычным человеком. Быть обычным человеком – вот самая великая вещь в мире. Скажу так: обычный человек это самое необычное явление на свете. Почему же оно необычно? Потому что желание быть необычным человеком очень обычно. Поэтому быть необычным очень обычно. И следовательно, быть обычным действительно необычно. До сих пор не многим людям удавалось достичь этого.

Просто будь обычной, и смех придет к тебе, если, конечно, зажатость не укоренена глубоко в тебе, если тебя не воспитывали в духе

католицизма, джайнизма или каким-то другим противоестественным образом, если ты не монахиня в прошлом! Тогда дело обстоит сложнее, но все исправимо. Я освободил здесь множество монахинь! Даже если ты попытаешься найти их среди нас, то с удивлением узнаешь о том, что здесь нет ни одного монаха или монахини.

Если ты хочешь посмотреть на настоящую бывшую монахиню, тогда познакомься с Чинтаной. Она была убежденной монахиней. Когда она приехала сюда, то просто не смела смеяться. Сейчас же она смеется залихватей всех. Каждый раз, когда она среди других женщин приходит ко мне, я советую ей выполнять упражнение «джиббериш», то есть спонтанно болтать чепуху. Она лучше всех говорит на этом своеобразном языке. Она издает такие прекрасные и бессмысленные звуки, говорит на всевозможных языках, которых никто не понимает. Но она говорит со страстью и глубиной. Никто бы и не подумал, что монахиня способна на это!

– Как монахи и монахини занимаются сексом?

– По привычке.

Кевала, ты монахиня? Тогда откажись от привычек! Возможно, ты находишься в более опасной ситуации. Может быть, ты полька? Монахинями становятся спустя несколько лет обусловленности, но вот польками становятся спустя множество перерождений!

Вы слышали анекдот про польку-лесбиянку?

Она любила мужчин.

Поляк на операционном столе шепчет склонившемуся над ним хирургу в маске: «Доктор, можете снять маску, я узнал вас!»

В польской школе учитель спрашивает: «Кто-нибудь из вас спасал жизнь человека?»

Маленький мальчик тянет руку: «Да, я спас своего маленького племянника».

«Как это произошло? Расскажи нам!» – просит учитель.

Маленький поляк объясняет: «Я спрятал противозачаточные таблетки своей сестры!»

Незамужняя полька-уборщица родила ребенка. Когда соцработники задали ей вопрос об отце ребенка, она воскликнула: «Неужели я должна оборачиваться всякий раз, когда драю лестницу?»

В кабинете гинеколога звонит телефон. Врач снимает трубку и слышит взволнованный голос польки: «Здравствуйте, доктор! Я не оставила свои трусики в вашем кабинете после обследования?»

«Нет, — отвечает врач, — я не вижу их здесь».

Через полчаса снова звонит телефон. «Здравствуйте, доктор, это снова я, — говорит все тот же голос. — Можете не беспокоиться. Трусики нашлись в кабинете дантиста!»

Избавься от своей неестественности! Не будь полькой! Кевала, смех это одно из самых важных явлений на свете. Человек, который не умеет смеяться, упускает Бога!

Я с уверенностью говорю тебе, что Бог не потребует от тебя отвечать за совершенные прегрешения и накопленные добродетели. Он спросит: «Не расскажешь ли ты мне парочку новых анекдотов?» Бог всегда об этом спрашивает! Наверно, он смертельно устал, ведь целую вечность он сидит на небе и ничего не делает. Разумеется, трава растет сама собой, но что можно сделать с травой? Скучно постоянно смотришь, как трава растет сама собой!

Кевала, собери несколько забавных анекдотов перед тем, как оставить свое тело. Прислушайся к моему совету, это я говорю тебе совершенно серьезно!

На сегодня достаточно.

Глава 4

Забыто, но не потеряно

Милый Ошо, почему все люди считают просветление шуткой?

Так и есть, Шарито! Но только ребенок может задать такой замечательный вопрос, а Шарито всего лишь двенадцать лет! Просветление это шутка, потому что его не нужно достигать, хотя вы можете прилагать усилия к его достижению. Просветление уже есть у вас. Вы родились просветленными.

Слово «просветление» прекрасно. Мы исходим от высшего истока света. Мы маленькие лучи этого солнца. И как бы далеко мы ни зашли, наша природа все равно не меняется. Никто не может противостоять своей подлинной природе. Вы можете забыть о ней, но не можете утратить ее. Поэтому слово «достижение» неуместно. Просветление не достигается, а лишь вспоминается. Именно поэтому Будда назвал свой метод *саммасати*.

Саммасати означает правильное вспоминание того, что уже есть. Нанак, Кабир, Райдас — все они назвали это *сурати*. Сурати означает вспоминание того, что забыто, но не потеряно. Независимо оттого, помните вы об этой вещи или нет, она все равно есть, не меняется ни

на йоту. Вы можете закрыть глаза, но она есть! Вы можете открыть глаза, и вот она. Вы можете отвернуться от этой вещи, но она все равно существует. Вы можете снова повернуться и увидеть ее. Вот она! Эта вещь никогда не меняется.

Гурджиев назвал этот метод вспоминанием себя. Ничего не нужно достигать, абсолютно ничего. А нужно просто открыть. Открыть нужно, потому что мы постоянно собираем пыль на своих зеркалах. Наши зеркала покрыты пылью. Если вы сотрете пыль, тогда зеркало станет отражать звезды, потусторонний мир. Кришнамурти называет это явление осознанностью, бдительностью, внимательностью. Это разные выражения одного явления. Они нужны для того, чтобы напомнить вам о том, что не нужно идти куда-то, не нужно быть кем-то, а нужно только найти себя. Найти не сложно, потому что это сама ваша природа, и вам следует лишь навести в себе порядок.

Говорят, когда Бодхидхарма достиг просветления, он смеялся непрерывно семь дней. Друзья и ученики подумали, что он обезумел. Они спросили его: «Ты сошел с ума?»

«Я был сумасшедшим, — ответил Бодхидхарма, — а теперь я здоровел. Ко мне вернулся разум!»

«Тогда почему ты смеешься?» — поинтересовались люди.

«Я смеюсь, потому что на протяжении тысячи жизней искал то, что уже было во мне! — объяснил Бодхидхарма. — Искатель и был искомым. Я искал везде, кроме себя самого».

Однажды вечером, на закате дня, люди увидели, что известный суфийский мастер Рабия ищет что-то на улице у двери своего дома. Собрались несколько человек, они спросили ее: «Рабия, что ты потеряла. Мы можем чем-нибудь помочь тебе?»

Рабия была пожилой женщиной. Люди любили ее, потому что она была немного помешана, но это качество красило ее. Рабия ответила: «Я потеряла иголку. Я вышивала, и иголка выпала из моих рук. Я ищу ее, но у меня мало времени, потому что солнце заходит. Если вы хотите мне помочь, тогда нам нужно искать ее как можно быстрее, так как скоро солнце сядет, и землю охватит тьма. Тогда мы уже ничего найти не сможем».

Итак, все они начали лихорадочно искать иголку. Один из них подумал: «Иголка такая маленькая, а дорога такая большая. Солнце с каждой минутой все ниже, и света все меньше. Мы сможем найти иголку только в том случае, если нам укажут точное место ее падения». И он спросил Рабию: «Скажи нам, в какое место упала твоя иголка? Тогда мы сможем найти ее. Скоро сгустятся сумерки. Улица широка, а иголка очень мала».

Рабия засмеялась и ответила: «Пожалуйста, не спрашивай меня об этом, потому что твой вопрос смущает меня!»

И она пояснила: «Этот вопрос смущает меня потому, что я потеряла иголку в доме, но там нет света, поэтому я не могу найти ее в доме. А улица хотя бы как-то освещена заходящим солнцем».

И помощники ахнули: «Ты совсем обезумела. Мы всегда подозревали, что в тебе мало здравого разума, но теперь у нас есть неопровержимое доказательство твоего безумия!»

Рабия ответила: «Вы думаете, что я не в своем уме, но ведь вы сами постоянно делаете то же самое. И вы еще называете себя здоровыми? Подумайте, где вы потеряли себя и где снова пытаетесь обрести себя. Подумайте, где вы потеряли свое блаженство и где пытаетесь найти его? Вы потеряли его в своем внутреннем мире, а ищите его вовне!»

Повсюду люди мечутся по жизни с громадной скоростью. Времени мало, солнце садится, в любой миг на землю может опуститься тьма. Бегите как можно быстрее! Человек изобретает все более скоростные средства передвижения, но если вы спросите его, чего он хочешь достичь, он смутится, ведь ему не совсем ясно, чего он хочет достичь. Ясно только, что он хочет достичь очень быстро, так как жизнь коротка, и еще много предстоит найти. Душа, Бог, блаженство, истина, свобода – так много предстоит обнаружить, а его руки совсем пусты.

Шарито, в этом смысле просветление явно шутка. Если ты понимаешь это, тогда тебе не нужно бродить в поисках просветления, а нужно лишь закрыть глаза и найти его. Этот вопрос из уст ребенка прекрасен. Взрослые не способны задать такой здоровый вопрос. Они спросят: «Что такое просветление? Как найти его? Каковы правильные способы, методы и средства достижения просветления? Какие молитвы нужно читать?» Такие вопросы кажутся им уместными.

Шарито, твой вопрос выглядит не очень уместным, но именно он по-настоящему уместен. Он гораздо уместнее вопросов, задать которые способен любой взрослый. Они задают вопросы, которые звучат осмысленно, но на самом деле эти люди не заинтересованы задавать настоящие вопросы, потому что они боятся задавать подлинные вопросы.

По гостинной старинного шотландского замка проплывает привидение. Все люди напуганы до полусмерти, кроме маленького мальчика, который с любопытством смотрит на привидение.

«Эй! Мистер призрак! – кричит он к привидению, – вы обронили носовой платок!»

«Это не платок, а мой сын!» – отвечает привидение.

Только маленький мальчик мог крикнуть: «Эй! Мистер призрак!» Все взрослые были перепуганы. Наверное, они дрожали от страха, убежали от привидения или притворялись, будто ничего не видят.

Один маленький мальчик говорит приятелю: «Вчера вечером ты смотрел спектакль. У него был счастливый конец?»

«Мне кажется, все мы были счастливы, когда спектакль закончился», – отвечает малыш.

Христианский священник обращается к маленькому мальчику: «Джек, я хочу, чтобы ты помнил о том, что мы здесь для того, чтобы помогать другим людям».

«Ладно, – отвечает мальчик, – а для чего здесь другие люди?»

«Я не спала с мужчинами до тех пор, пока не вышла замуж за твоего отца! – с пафосом заявляет мать распущенной дочери. – А ты сможешь сказать то же самое своей дочери?»

«Разумеется, мама, – отвечает девушка, – но только не с таким угрюмым выражением лица!»

Мамочка и папочка говорят о соседях. «Скоро аист навестит их в четвертый раз», – говорит папа.

Маленький сын начинает рыдать. «У них рождается малыш за малышом, – плачет он. – А вы чем занимаетесь? Слоняетесь по дому и ничего не делаете!»

Дети очень восприимчивые! Их невозможно обмануть.

Дети обсуждают, как пожилые мужчины могут привлекать внимание молоденьких девушек.

«От моего деда девчонки сходили с ума», – заявляет мальчик.

«А он тоже сходил по ним с ума?» – спрашивают его.

«Конечно, – говорит мальчик. – Каждую свою победу он отмечал вырезом на своей трости. Именно это и погубило его».

«Как это случилось?» – восклицают дети.

«Однажды он по рассеянности оперся на свою трость», – объясняет мальчик.

Шарито, наверно, ты слышал, как маленькие дети в ашраме задаются вопросом: «Почему все люди считают просветление шуткой?» Должно быть, этот вопрос присущ маленьким мальчикам и

девочкам. По всей видимости, они рассуждают так: «Наверно, просветление это шутка. Зачем нужно просветление?» Если тебе нужен медвежонок, это еще можно понять. Если тебе нужен трехколесный велосипед, это еще можно понять. Если тебе нужен игрушечный автомат, это еще можно понять.

Несколько дней назад саньясины заметили, что у одного новичка был с собой большой игрушечный автомат. Охранники забеспокоились, ведь этот человек постоянно носил с собой автомат и даже пытался прятать его, но игрушка была слишком велика для того, чтобы ее можно было скрыть. Потом одна саньясинка тоже увидела его с автоматом в руках на базарной площади. Она спросила его: «Зачем ты носишь с собой эту пушку?»

Он ответил: «Я так неловко чувствую себя, но ничего не могу поделать. Я привез с собой сына, а он любит этот автомат! Он никуда не ездит без этой игрушки, но его автомат так велик, что ему самому его не унести, поэтому мне приходится таскать его вместо сына. Иначе он никуда не поедет, а я не могу оставить его одного! Жена не приехала. Я не знал, что мне придется носить эту штуку. Повсюду люди спрашивают меня: «Зачем ты носишь с собой автомат? А это всего лишь игрушка! Я смущаюсь, пытаюсь прятать его, но чем активнее я пытаюсь скрыть его, тем больше людей разбирает любопытство о причине моей скрытности.

У детей свои интересы, и они должны спрашивать: «Для чего вам это просветление? Почему так много людей интересуются им? Наверно, это шутка!»

На самом деле, это космическая шутка. Просто Бог ищет самого себя. Это игра в прятки: Бог сам прячется, а потом сам пытается отыскать себя! А что еще остается делать в одиночестве?

Когда я раньше путешествовал по Индии (целых двадцать лет), часто моим попутчиком в купе был только один человек. Мне было интересно разговаривать с этим пассажиром, поэтому он доставал карты и начинал раскладывать пасьянс. Это такая карточная игра, когда вы играете с собой, и вам не нужен партнер. Пассажир чувствует себя немного не в своей тарелке, но я не обращаю на него никакого внимания, поэтому он начинает играть.

Однажды один человек спросил меня: «Наверно, вы считаете меня безумцем, ведь я играю в карты с собой».

«Я не думаю, что вы сошли с ума, — ответил я, — ведь я тоже этим занимаюсь!»

«Что вы хотите этим сказать? — не понял он. — Вы тоже играете в пасьянс?»

«Нет, — ответил я, — но просветление похоже на пасьянс!»

Просветление — это диалог с самим собой, монолог. Вы задаете вопросы, и вы же отвечаете на них. Затем вы видите тщетность этого занятия и замолкаете. Именно так замолчал Будда! Тогда человек сидит под деревом «ничего не делая, а весна приходит, и трава зеленеет сама собой». А что остается делать? Когда трава подрастает, вам нужно подрезать ее и снова сидеть молча. Трава снова будет расти, поэтому вы снова будете подрезать ее. И так без конца.

Недавно я говорил о Ганкаре. Он просветлел уже в третий раз и просветлеет еще много раз. Теперь он унывает. Он вообще после каждого просветления переживает упадок духа. Ганкар делает нечто невозможное, никто до него этого не делал. После просветления люди больше никогда не испытывают уныние, но он после каждого просветления начинает грустить. На самом деле, одного просветления достаточно, более чем достаточно! А Ганкар становился просветленным три раза. Затем он снова теряет свое просветление, и его одолевает великая скорбь.

Но Ганкар не может управлять собой. Настоятельная потребность в быстром просветлении гложет его, поэтому через три или четыре месяца он снова забудет о предыдущем опыте и в очередной раз просветлеет. Может быть, просветление это шутка, но потерять просветление не так уж и смешно. На самом деле, это очень серьезно!

Поэтому, когда однажды вечером Ганкар пришел ко мне за благословением, он не мог даже поднять на меня глаза. Я пытался расшевелить его всевозможными способами, но он продолжал смотреть в пол, в потолок, по сторонам, но не осмеливался посмотреть на меня. Чего я только не делал с его третьим глазом! Но что тут поделаешь? У немцев нет третьего глаза! Сколько бы вы ни расталкивали немца, толку от этого не будет!

Милый Ошо, что в учении Моисея, которое он дал в синайской пустыне, могло вызвать череду страданий израильского народа?

Существует ли судьба народа?

Хотелось бы узнать, есть ли в иудейской традиции цепочка, по которой Тора передается от одного мастера к другому?

Адам Шапира, эти две религии (иудаизм и индуизм), самые древние в мире. И по этой же самой причине они и самые прогнившие! А что еще можно ожидать от гнили? Человеческий ум цепляется за старое. А религия не похожа на вино, которое чем старше, тем лучше. Чем свежее религия, тем она лучше. Религия это тебе не вино, а всего лишь чашка горячего чая. Старая, древняя чашка чая... Но ты-

сячи мух (пандитов и раввинов) плавают в этой чашке, в ней совсем не осталось чая! Иначе и быть не могло.

И индуисты, и иудеи попали под власть ученых книжников, богословов, раввинов. Они сбились с пути просветленных мастеров. Даже когда просветленные мастера появлялись вопреки прогнившим традициям, их все равно не принимали, а отвергали.

Индуизм отверг Будду, тогда как Будда был вершиной всего индуистского сознания, причем высочайшим пиком, настоящим Эверестом. Но индуисты отвергли его только потому, что если бы они приняли его, то погубили бы все свое мироустройство, в основании которого находилась эксплуатация, гнет священников. А священники очень заинтересованы в своем порядке.

То же самое произошло в иудаизме. Иисус был вершиной, но иудеи отвергли его. И самим этим поступком они отвергли свое цветение. Они остались деревом без цветов, а в действительности без листвы. Стоит просто сухое дерево без единого листка. Нет зелени, цветов, поющих в ветвях птиц, укрывающей путников тени.

Когда традиция отвергает своих просветленных мастеров, это признак того, что традиция мертва. Она больше не может впитать в себя ничего нового, не принимает свежего видение. А живая традиция способна впитать в себя свежее видение. И это понимание приходит постоянно, ведь Бог еще не закончил творить мир. Миф о том, что Бог сотворил мир за шесть дней, а в седьмой день стал отдыхать, это чистая глупость. Бог еще не закончил свою работу, и он никогда не закончит ее. Бог это не личность, а творчество. Бог это творчество, а не творец. Он никогда не останавливается. Бог продолжает свое дело. И у него нет выходных, потому что работа доставляет ему радость. Когда работа перестает быть радостью, требуется выходной. Если работа утомляет вас, значит вы не любите ее, и вам нужен выходной. Но если вы любите свою работу, тогда она сама становится выходным, расслаблением, отдыхом. Бог все еще работает, но священники не поймут это.

Индуистские священники утверждают, что Веды передал им Бог, что все его послание заключено в этих священных писаниях. Бог дал человеку все, что ему было нужно, и больше совсем ни в чем нужды нет. А иудеи полагают, что все закончилось на Ветхом Завете. Но это только начало, а не конец. Но помните, что начало не может быть великим, так как каждое начало обречено быть ребячливым.

Помните различие между детскостью и инфантильностью. Быть подобным ребенку – значит быть мудрым, а быть инфантильным – значит быть глупым. Если вы инфантильны, то и незрелы. Вы нуждаться в развитии, росте, зрелости.

Иудаизм и индуизм так и остались незрелыми. У них была возможность созреть. Будда мог преобразовать весь индуистский мир, мог поднять его на великую высоту, но его отвергли. Священники не дали ему возможности развиваться. Иудеи были бы самыми великими людьми на планете, если бы приняли Иисуса. Но люди странно живут, очень странно. Иудеи веками ждали приход Иисуса. Они ждали, когда же к ним придет мессия, но когда он пришел к ним, иудеи отвергли его, решительно и бесповоротно.

Священники это рак всякой религии. Жречество разрушает саму возможность религиозности, душит ее в зародыше. Оно отравляет сам источник религиозности. Адам Шапира, именно это тебе нужно понять в первую очередь. Священникам свойственно рассуждать о коммерции, ведь они дельцы. Они продают миру некие невидимые товары. Благодаря особенности этих товаров, а именно невидимости, их очень легко продавать. И вы не поймаете священника с поличным, ведь он торгует невидимыми товарами.

Один нью-йоркский магазин устроил распродажу невидимых заколок для волос, и за товаром выстроилась длинная очередь женщин. Разве вы упустите невидимые заколки? Их продавали как горячие пирожки.

В магазин вошла женщина и заглянула в коробку. Но заколки-то были невидимыми. Что она могла рассмотреть там? Перед ней стояла пустая коробка!

«Заколки и в самом деле лежат в коробке?» – недоверчиво протянула женщина.

«Мисс, это же *невидимые* заколки! – ответил продавец. – Вообще-то, мы распродали их еще три недели назад, но они до сих пор продаются! Какая разница? Если заколки невидимы, тогда не имеет никакого значения, есть они еще на складе или уже закончились!»

Есть Бог или нет, есть небеса или нет, есть ад или нет – все это не имеет никакого значения. Это невидимые удобства, а священники эти невидимые удобства продают.

Люди вроде Будды и Иисуса очень прагматичны, реалистичны. Они не продают невидимые удобства, а прилагают огромные усилия для того, чтобы сделать Бога видимым на земле. Они сами представляют собой видимое выражение Бога на земле. Поэтому священники не могут терпеть их. Что будет с их невидимыми товарами? У этих господ крупные деловые интересы.

Иудеями управляли раввины, а не мастера. А раввин это эквивалент пандита. Он знает писания, но он хитрый и лукавый. Раввин

теоретизирует, использует вашу нищету, утешает вас, позволяет вам чувствовать себя более уютно, но таков его бизнес. Иудеи не принимали просветленных мастеров, поэтому превратились в торговцев, утратили остальные свои качества.

Послушайте очень старую историю...

Бог хотел продать заповеди. Он спросил великого ведического пророка Ягнавалку: «Хочешь заполучить заповеди?»

Ягнавалк взглянул на заповеди и ответил: «Нет, потому что если ты запретишь нам убивать, тогда вся наша религия падет, ведь в наших *ягнах*, то есть священных ритуалах и обрядах нам непременно нужно убивать».

Вы удивитесь, когда узнаете о том, что в наше время индуисты много говорят о ненасилии, но они издревле одни из самых жестоких людей на земле. Мало того, они произвели насилие в ранг священного акта. Индуисты убивали не только коров, но даже людей. До сих пор порой маленьких детей закалывают во время проведения религиозных церемоний и ритуалов. И Индия еще называет себя ненасильственной!

Ягнавалка сказал: «Нет, нам не нужны заповеди. Стоит провозгласить «ни убивай!», и остается только догадываться о том, что станется с нашей религией».

Потом Бог обратился к французам. Они ответили: «Нет, без супружеской неверности мы утратим всю радость жизни! Разве можно жить без любовницы? Супружеская неверность составляет всю игру жизни. Эта игра украшает жизнь, придает ей смысл, несет в себе радости и восторги. Нет, нам заповеди не нужны».

Бог обращался ко всем народам, ко всем племенам, и наконец, он пришел к Моисею. «Не хочешь ли заполучить несколько заповедей?» – спросил Бог.

«А сколько они будут стоить мне?» – поинтересовался Моисей.

«Я отдаю их просто так», – ответил Бог.

Тогда Моисей воскликнул: «Давай десяток!» Он даже не взглянул на эти заповеди. Если их предлагают просто так, тогда почему бы ни взять сразу десять заповедей?

Так *десять заповедей* попали в священные книги иудеев! Эти люди стали общиной дельцов. И это обстоятельство вызвало сильную ненависть к евреям. Они стали хитрыми, лукавыми, и остальные народы начали завидовать им.

Ты спрашиваешь меня: «Что в учении Моисея, которое он дал в синайской пустыне, могло вызвать череду страданий израильского народа?»

Основная революция Моисея была произведена не на религиозной, а на политической почве. Он боролся против египетского рабства, поэтому окраска этой революции была скорее политического характера, нежели религиозного. Именно поэтому вы не найдете в иудаизме просветленных мастеров вроде Будды, Лао-Цзы и Кришны, но встретите там пророков.

Слово «пророк» совершенно не подходит восточному менталитету. Нельзя называть Будду пророком, ведь он не имеет никакого отношения к пророчеству. И Махавиру тоже нельзя называть пророком, как и Лао-Цзы. Это слово не подходит к ним. Но все религиозные лидеры иудеев пророки. Пророк это особое явление, свойственное иудаизму. Пророк это нечто среднее между религиозным мастером и политиком. Это гибрид. Такой человек одновременно религиозен и честолюбив.

Вдохновение Моисея в основном имело политический характер. В этом нет ничего плохого, ведь он боролся за свободу, сражался против рабства. Это хорошо, но такая борьба была внешней, а религиозная борьба происходит внутри. Такое начало направило евреев вовне, сделало их экстравертами. И эта экстраверсия превратила евреев в дельцов. Они утратили путь во внутренний мир. Да, изредка некоторым людям удавалось избежать этой участи. Иисус избежал ее, но его распяли. И остальные мастера поняли, что если ты хочешь избежать подобной участи, то лучше тихо сбежать. Так появились закрытые общества, тайные школы, скрывающиеся в пещерах и пустынях. Хасидизм это цветение всего иудаизма. Если всю иудейскую традицию разрушат, и удастся спасти только хасидизм, тогда удастся спасти все. Если мы спасем суфизм, а весь ислам будет стерт с лица земли, то мы все равно ничего не потеряем. Если нам удастся спасти дзен, то об остальном буддизме можно смело забыть, потому что дзен это суть буддизма.

Но хасиды поняли, что лучше жить в своей узкой общине. Нет никакой необходимости идти на крест. Из истории с Иисусом они извлекли один урок: не проповедуй. Иудеи не примут проповеди. Экстраверты в душе превращаются в пустыню, и поэтому люди ненавидят их.

Нищий просит у богатого еврея немного еды.

Еврей отвечает: «Ты выглядишь настоящим евреем, и сегодня я нахожусь в хорошем настроении. Если ты угадаешь, какой из моих глаз стеклянный, тогда я тебе что-нибудь дам».

Нищий бросает взгляд на лицо еврея и через секунду говорит: «У тебя стеклянный левый глаз».

«Правильно! Но, скажи мне, как ты узнал?» – спрашивает еврей.

«В нем светится сострадание», – объясняет нищий.

Иаков сходит с трапа самолета и подходит к таможенному посту с тремя сумками и одним попугаем. Таможенный офицер открывает первую сумку и видит, что она полна кофе.

«Для чего вам столько кофе?» – спрашивает офицер.

«Кормить попугая», – отвечает Иаков.

Таможенник открывает вторую сумку, заполненную магнитофонами, радиоприемниками и часами.

«А для кого предназначены эти вещи?» – спрашивает он.

«Кормить попугая!» – спокойно отвечает Иаков.

Открыв третью сумку, таможенник не может отвести удивленного взгляда от гор золотых слитков и драгоценностей.

«Вы кормите попугая драгоценностями?» – восклицает он.

«Да, – отвечает путешественник. – Это для прокорма попугая!»

«А если попугай не съест все это?» – со злой усмешкой спрашивает таможенник.

«Если попугай не съест все это? – недоуменно почесывает затылок Иаков. – Ну, тогда... Иаков все это продаст!»

Польский сержант Ковальский держит экзамен по окончании офицерских курсов.

«Как обращаться с раввинами?» – спрашивают его.

Ковальский явно озадачен. Он думает несколько минут, а потом его лицо расцветает.

«Раввины это иудейские священники, и я буду обращаться с ними с презрением!» – отвечает он.

В немецком концентрационном лагере комендант объявляет по громкоговорителю: «У меня для вас есть хорошие новости. Сегодня день спорта. Англичане будут играть в крикет на поле для крикета, американцы будут играть в баскетбол на поле для баскетбола, индусы будут играть в хоккей на поле для хоккея, а евреи будут играть в классики на минном поле!»

Великий завоеватель всех времен и народов Гитлер просит дьявола дать ему два выходных дня. После недолгого колебания его желание исполняется. Однако спустя сутки его снова видят в аду.

Он объясняет это так: «На земле все перепуталось. Теперь евреи воюют, а немцы зарабатывают деньги!»

Но времена меняются, Адам Шапира. Настала пора коренных перемен. Евреи много страдали, но по большому счету сами виноваты в своих страданиях. Основной причиной их страданий стало отвержение Иисуса. И они превратились в экстравертов, стали интересоваться только деньгами и властью, утратили внутренний мир. Любимый человек, который утратил свой внутренний мир, становится поверхностным, скорлупой, пустышкой.

Ты спрашиваешь меня: «Существует ли судьба народа?»

Нет, мы сами создаем свою судьбу, поэтому можем изменить ее в любой миг по своему желанию. Мы рождаемся в абсолютной свободе, а затем сами решаем, кем стать.

«Хотелось бы узнать, есть ли в иудейской традиции цепочка, по которой Тора передается от одного мастера к другому?»

Такая цепочка преемственности существовала только в традиции хасидов, а не в классическом иудаизме. Хасидов считали безумцами, но они несут истинный смысл, и этот смысл не имеет ничего общего с иудеями, мусульманами, христианами, джайнами и буддистами. В нем заключена религиозность, которую передавали от мастера к ученику. Но это не часть основной традиции, а ответвление. Это короткие закоулки, а не скоростное шоссе. Основное иудейское учение было направлено вовне, оно утратило религиозность. Но горстка людей осмелилась самостоятельно пойти в джунгли, и они самые прекрасные люди в истории мира.

Я люблю хасидов, суфиев, дзен-буддистов, тантриков, йогов и даосов. Эти люди неформальны. На самом деле, они не принадлежат ни одной традиции, церкви, расе, но это настоящие божьи люди.

Милый Ошо, во всем мире живут саньясины, которые чувствуют глубокую связь с тобой. И тем не менее в дни празднования всегда появляется сильное желание побыть в твоём безмолвном присутствии в зале Будды. Я прошу тебя огласить послание для тысяч саньясинов, которые будут праздновать во многих странах, но не рядом с тобой физически. Расскажи нам несколько анекдотов.

Прем Ваня, запомни, что каждый мой саньясин несет в себе что-то от меня, каждый мой саньясин есть часть меня – как духовно, так и физически. Мои саньясины не верующие, а возлюбленные. Это

безумие! Там, где собираются мои саньясины, и ощущается мое присутствие. Мое послание материализуется везде, где мои саньясины празднуют, потому что моя благая весть это праздник.

Радуйтесь! Пойте! Танцуйте!

Танцуйте настолько самозабвенно, чтобы ваше эго растворилось и исчезло. Танцуйте настолько самозабвенно, чтобы танцор исчез, и остался только танец. Тогда вы встретите меня везде где угодно.

Именно так можно узнать, что мое поле Будды не ограничивается маленьким уголком, где я живу с несколькими тысячами саньясинов. Любые маленькие коммуны, ашрамы, центры по всему миру станут маленькими полями Будды. Мы должны наполнить всю землю полями Будды! И у нас все получится, если вы возьмете с собой немного моей радости, немного моей любви и немного моего смеха. Таким образом, вы захватите с собой частицы поля Будды, которое находится здесь. Вы возьмете с собой семена.

Ученые уверяют, что в самом зарождении земной жизни на нашу планету случайно упало всего лишь одно семя – может быть, вследствие столкновения планет или их взрыва звезд. Одного семени оказалось достаточно для того, чтобы вся земля покрылась зеленым ковром. Одно семя способно превратить всю землю в сад.

Это же верно в отношении более высоких уровней. Лишь одного семени любви, осознанности и радости достаточно для того, чтобы создать поле Будды. Куда бы вы ни пошли, и где бы вы ни находились, никогда не забывайте, что вы находитесь рядом со мной.

Вопрос не в физическом расстоянии между мастером и учеником. Вы можете находиться здесь физически, но совсем не быть в гармонии со мной. Тогда вас здесь нет. Но вы можете находиться за тысячами миль отсюда, можете улететь на Луну или Марс, но это не суть важно. Если ваше сердце бьется в унисон с моим сердцем, если между нами есть сокровенная связь, значит вы находитесь в моем физическом присутствии. Ни время, ни пространство не играют здесь никакой роли. Имеет значение только любовь.

Ванья, в следующий раз, когда вы будете праздновать, делайте это с полным осознанием того, что я нахожусь среди вас. Нужно только признание, и тогда вы найдете меня.

Иисус сказал: «Где двое или трое соберутся во имя мое, там я посреди них». А ему не так повезло, как мне. Его ученики были самыми обычными людьми. Мне повезло гораздо больше, ведь мои ученики многосторонне одарены, умны, открыты любви и творчеству. Поэтому я могу сказать вам, что нужны даже не два или три человека, достаточно одного саньясина, чтобы другие люди смогли почувствовать мое присутствие.

Ванья, когда вы будете праздновать в следующий раз, то уверьтесь в том, что я нахожусь среди вас, и вы почувствуете мое присутствие. Нужно только признание. Если не будет признания, тогда даже если я случайно окажусь среди вас, вы меня не узнаете.

Об Иисусе рассказывают следующую историю. Когда он вышел из гробницы, в которой покоилось его тело, когда он воскрес через три дня, то первым делом попытался найти своих последователей. Он нашел двух своих учеников, которые прожили с ним три года. Иисус полагал, что они узнают его. Он прошел с ними несколько миль, потому что они направлялись в другой город. Они разговаривали об Иисусе, о распятии, о многом другом, но не признали в своем попутчике Иисуса Христа. Казалось, будто какая-то пелена не давала им узнать его. Этой пеленой была их уверенность в том, что Иисус мертв, поэтому было бессмысленно даже приглядываться к этому человеку. Они узнали его, только когда устроились на небольшом постоялом дворе, чтобы перекусить. Когда Иисус разлил вино, предложил своим ученикам хлеб и сладости, тогда они вдруг признали его. Именно так Иисус всегда служил им: разливал вино, хлеб, масло и сладости. Сами эти действия были настолько неповторимы и свойственны Иисусу, что пелена внезапно спала с их глаз, и они упали к его ногам.

Иисус спросил: «Почему вы не признали меня? Мы шли два часа и разговаривали о всякой всячине, но вы не признали меня?»

Они ответили: «Нам и в голову не могло это прийти, потому что пелена застлала наши глаза. Мы считали тебя мертвым».

Помните о том, что мы замечаем только то, что сознательно готовы заметить. Если вы сознательно не готовы что-то заметить, тогда вы не заметите даже прошедшего рядом с вами человека.

Ванья, в следующий раз, когда вы будете праздновать, извести всех саньясинов о том, что я нахожусь среди вас. И те саньясины, которые находятся в гармонии со мной, которые по-настоящему любят меня, тотчас же ощутят мое присутствие. Среди вас оно может чувствоваться даже яснее, чем здесь, потому что в ашраме вы принимаете мое присутствие как нечто само собой разумеющееся, здесь вам не нужно прилагать усилия. Но там вы будете сознательно прилагать усилия, чтобы почувствовать его. Именно ваши усилия делают мое присутствие более проникновенным.

А теперь посмейтесь, послушав анекдоты.

Продавщица говорит покупательнице: «Мадам, у нас есть бюстгальтеры четырех размеров: маленький, средний, большой и просто чудовищный!»

В публичном доме погас свет, поэтому Мими вошла в комнату и даже не посмотрела на тело мужчины, с которым должна была провести ночь. Повозившись с ним немного в постели, она вдруг замерла и спросила клиента: «Разве у тебя нет члена?»

«Вообще-то, есть, – ответил парень. – У меня нет одной ноги».

Два итальянца-лесоруба трудились в лесу. Один из них махнул топором, но промахнулся и враз отсек товарищу ногу.

В перерывах между криками и стонами товарищ вопил: «Если ты еще раз сделаешь это, я выпущу из тебя кишки!»

Недавно приехавшего в Нью-Йорк француза пригласили на золотой юбилей свадьбы. Он не мог вникнуть в суть праздника и попросил пояснений у своего американского друга.

«Видишь вон тех двух пожилых людей? – спрашивает друг. – Они прожили вместе пятьдесят лет и теперь празднуют золотой юбилей свадьбы».

«Ага! – восклицает француз. – Он прожил с этой дамой пятьдесят лет и теперь женится на ней. Как благородно!»

Женщина только встала с постели и еще не успела надеть халат. Она немного приоткрыла дверь она позвала молочника. Тот остановил лошадей.

«Простите, у вас есть время?» – спросила она.

«Есть, – ответил молочник, – но нет никакого желания».

Департамент польской полиции направил людей на сдачу экзаменов для получения новых чинов. Ковальский получил высокий бал. Начальник тепло принял его.

«Молодец! – кричит начальник. – Расскажи нам, как все было».

«Все мы отвечали одинаково, – рассказывает Ковальский. – Но тут нам попалось задание по математике. Нужно было сложить два и два. Я сказал, что будет пять!»

«Но два плюс два будет четыре!» – опешил начальник.

«Теперь-то я знаю, что так и будет, но тогда мой ответ был ближе всех к правильному варианту!» – усмехнулся Ковальский.

Ковальский отвечает на вопросы государственной программы социального обеспечения, которая предоставляет возможность выиграть деньги даже самым отъявленным тупицам.

«Господин Ковальский, скажите нам, какой известный французский генерал проиграл битву под Ватерлоо, и вы получите тысячу долларов!» – говорят члены комиссии.

Поляк затрудняется с ответом.

«Мы дадим вам подсказку, – улыбается чиновник и открывает дверцу огромного холодильника. На полке холодильника стоит бутылка бренди «Наполеон». Ковальский все еще не может сообразить и с глупым выражением лица чешет затылок.

«Просто прочтите имя, которое находится перед вашими глазами, и вы выиграете тысячу долларов, – шипит чиновник. – Так как же звали этого генерала?»

Ковальский какое-то время напряженно всматривается в холодильник, а потом расцветает: «Генерал Электрик!»

Итальянская лягушка путешествует в Америку. По дороге ей попадает прекрасное болото, в котором она встречает большую жирную американскую лягушку.

«Как дела?» – спрашивает итальянская лягушка.

«Великолепно! – отвечает американская лягушка. – В болоте и за его пределами полно еды!»

Итальянская лягушка прыгает дальше и встречает еще одну большую американскую лягушку.

«Как дела?» – спрашивает она.

«Как обычно, подруга, просто великолепно! – слышит она в ответ. – В болоте и за его пределами полно еды!»

Итальянская лягушка приходит в восторг от новой земли. Она прыгает дальше и натывается на тощую юную лягушку.

«Что с тобой стряслось?» – спрашивает она. – Две первые жирные лягушки сказали мне, что в болоте и за его пределами полно еды. Почему у тебя такой скверный вид?»

Худосочная лягушка шепчет: «Меня зовут Болото!»

«В медицинском университете Ошо есть замечательные курсы парапсихологии! – восклицает свами Франческо. – Мои способности стремительно развиваются!»

«В это трудно поверить, – пожимает плечами его приятель свами Джованни. – Докажи это».

«Я продемонстрирую тебе свои телепатические способности, – говорит Франческо. – Укажи на любую дверь, и я подробно опишу тебе человека, который войдет сюда».

«Ладно, вон та дверь, – указывает Джованни. – Скажи мне, что сейчас произойдет».

Франческо отвечает: «По моему мнению, сюда зайдет парень, у девушки которого сейчас месячные».

«Привет, друзья!» – кричит свами Марьяно, открывая дверь.

«У твоей подруги сейчас месячные?» – интересуется Джованни.

«Проклятье! – бледнеет Марьяно, отряхиваясь. – Это заметно?»

На сегодня достаточно.

Глава 5

Отсутствие вопросов это тоже ответ

Милый Ошо, мне лень придумывать вопрос. Что мне делать?

Ананд Чинмайя, не может быть, чтобы ты ленился, иначе ты не написал бы этот вопрос.

На кушетке очень известного психоаналитика лежит мужчина и без конца твердит о своих неудачах во всех сферах своей жизни. Он пытается доказать, что не было и не будет большего неудачника, чем он, что он самый отъявленный, самый безнадежный неудачник на всем земном шаре.

Психоаналитик слушает его, не перебивая, пока еще способен выносить его речь, затем прерывает его на полуслове и восклицает: «Прекратите нести всю чушь! Вы не можете быть неудачником!»

«Почему?» – удивляется пациент.

И врач поясняет: «Если бы вы были неудачником, то не смогли бы позволить себе оплачивать мои услуги! Если вы можете каждый год выкладывать крупную сумму мне, самому дорогому психоаналитику в мире, то неужели вы можете считать себя неудачником?»

Ты задал замечательный вопрос, но считаешь себя ленивым? И все равно ты спрашиваешь меня, что делать. Если ты действительно такой ленивый, тогда ты должен спросить, что тебе *не нужно* делать. Ты можешь быть ленивым, но будь хотя бы содержательно ленивым. Ты или философ, или поляк! Вообще-то, это синонимы! Если тебе нравятся громкие имена, красивые слова, тогда ты можешь считать себя философом.

В прошлые времена, особенно в средние века, многие мистики вместо слова «философ» пользовались словом «филодур», и они были правы. Если ты хочешь быть приземленным, тогда ты и в самом деле поляк. От философов всегда ждут, что они будут задавать подобные вопросы.

Минули века с тех пор, когда Гамлет задал этот вопрос: «Быть или не быть?» Теперь обычным вопросом считается высказывание на смертном одре Гертруды Штайн. Вспомни его, Чинмайя, когда будешь умирать! Незадолго перед тем как уйти, она открыла глаза и спросила: «И какой же ответ?»

Люди, окружавшие ее, переглянулись в недоумении. Разве можно неожиданно спрашивать об ответе, когда не было даже вопроса?

Кто-то набрался смелости и ответил на замечание Штайн: «Но нам неизвестен вопрос!»

Она мило улыбнулась и сказала: «Хорошо, тогда назовите мне вопрос?»

Неизвестен ни вопрос, ни ответ, и тебе ничего не нужно делать. Если совсем нет вопросов, значит они просто все исчерпаны! Зачем самим себе создавать трудности? К чему искать неприятности на свою голову? Если у тебя нет вопросов, значит ты нашла ответ! Отсутствие вопросов это тоже ответ.

Ты находишься здесь не для того, чтобы задавать вопросы. Ты находишься здесь для того, чтобы подготовиться к полному разрушению своих вопросов. Я здесь для того, чтобы разбить вдребезги твои вопросы, чтобы они разлетелись на куски. Я не дам тебе ни одного ответа, я буду только разрушать твои вопросы. И настанет миг, когда у тебя не останется ни одного вопроса, ни одного ответа, и возникнет состояние самадхи, состояние высшего сознания. Когда пропадают слова, мысли, знание, тогда исчезает невежество. И остается только чистое сознание, словно зеркало, отражающее то, что есть, словно этот миг... пауза тишины...

Вы слышите шум уличного движения. Он всегда слышен! Именно поэтому мистики говорят, что существование это великая гармония! Вы можете слышать птиц, ты можете слышать даже тишину... биение своего сердца. Как раз такое состояние мы и ищем – ни ради вопросов, ни ради ответов.

Философ предавался своему любимому занятию: загорал. Мухи плотно облепили его лицо и беспрестанно жужжали, но ему было лень отгонять их. Наконец, в гущу мух влетел шмель и ужалил философа в нос. Это он уже не потерпел. Философ медленно провел рукой перед лицом.

«Раз кое-кто из вас ведет себя неприлично, всем вам придется убраться отсюда!», – пробормотал он.

Вопросы не умеют вести себя прилично. Они похожи на шмелей, летающих среди мух. Твои ответы похожи на мух, а твои вопросы похожи на шмелей, летающих в гуще мух. Их нужно отгонять.

Ум нужно опустошить до дна. Пустой ум – вот ум Будды.

Но если ты не хочешь быть философом, если тебе не интересно отгонять все эти трудности, все эти вопросы, тогда ты можешь быть поляком. Это то же самое, только в более грубой форме. Философ тонок, а поляк груб, но они стоят на одной и той же лестнице. Возможно, поляк стоит на самой первой ступени, а философ – на самой последней степени, но лестница одна и та же.

Ковальский приходит на футбольное поле, чтобы потренироваться в команде.

«Кем ты хочешь быть?» – спрашивает тренер.

«Вратарем», – отвечает Ковальский.

Тренер ставит его в ворота и спрашивает: «Как ты думаешь, легко будет тебе пропустить этот мяч?»

«Если я смогу проглотить его, то смогу и пропустить!» – отвечает поляк.

Журналист посещает местную тюрьму в центре Польши, его сопровождает начальник тюрьмы. Когда они входят в корпус усиленного режима, журналист к своему удивлению слышит выкрик из камеры: «Двадцать два!». А далее слышен взрыв дикого хохота.

«Что происходит там?» – спрашивает растерянный журналист.

«Все очень просто, – отвечает начальник тюрьмы. – Эти ребята пробыли в заключении так долго, что выучили наизусть все анекдоты. Поэтому когда кто-нибудь хочет рассказать анекдот, он просто выкрикивает номер. Все вспоминают этот анекдот и хохочут».

«Неплохо придумано, – замечает журналист, когда до него доносится фраза «тридцать семь», а потом слышен истерический смех.

Затем слышится отчетливое «Семнадцать!», и все замолкают. Журналист не понимает, почему не последовала реакция на анекдот и спрашивает начальника, что произошло.

«А это Ковальский из восьмой камеры, – вздыхает начальник. – Он снова перепутал!»

Американец, немец и поляк отправились на охоту. Утром они пошли каждый своей дорогой, а вечером снова встретились. Они сидят у костра и рассказывают друг другу о своих приключениях.

Немец говорит: «Я подстрелил двух тигров, одного слона и несколько обезьян».

Американец хвалится: «А у меня добыча гораздо больше: шесть ворон, четыре тигра и три слона».

Оба смотрят на поляка, который молчит. «А как же ты, Полянский?», – спрашивают они.

«Я подстрелил шестьдесят семь нетнетов», – отвечает поляк.

Американец и немец получили опыт в джунглях, но о таком животном никогда не слышали.

«А что такое нетнет?» – интересуются они.

«Они примерно шести футов ростом, черные, кучерявые, с большими губами. А когда целишься в их сторону, они кричат: “Нет!!! Нет!!!”», – объясняет Полянский.

Ананд Чинмая, тебе не нужно быть философом, тебе не нужно быть поляком, будь просто саньясином! Если ты саньясин, значит не беспокоись о вопросах и ответах. Суть саньясы заключается в том, чтобы избавиться от ума. Ум состоит из вопросов и ответов. Только в тот миг, когда ты избавишься от ума, останется сознание во всей его чистоте, без ряби. Озеро такое же молчаливое, спокойное и тихое. Оно начнет отражать звезды, облака, луну, деревья, цветы, машущих крыльями птиц.

Одно высказывание дзен гласит, что у птицы нет желания отражаться в озере, а у озера нет желания отражать птицу, и все же отражение случается.

Саньясин должен расслабиться до такой степени, когда он сможет отпустить себя, когда все происходит, но ничего не делается усилием. Происходит много всего, случаются чудеса, но не спрашивай меня, что делать. Спроси меня только о том, как выбраться из этого привычного состояния ума, которое предполагает вопросы и ответы, которая и есть игра в вопрос-ответ.

Отбрось ум, как змея сбрасывает свою старую кожу. Ум всегда стар. Он принадлежит прошлому, не находится в настоящем, у него нет будущего. Ум похож на зеркало заднего обзора в автомобиле. Если ты будешь ехать и при этом постоянно смотреть в это зеркало, то не избежишь серьезной аварии! Машина должна ехать вперед, а ты будешь смотреть в зеркало заднего обзора на дорогу, которую уже миновал, на пыль этой дороги, которую ты поднял. Но это совсем другое направление. Ты не смотришь, куда едешь. И тогда авария неминуема

Это бывает в жизни каждого человека. Вы читаете Веды, а ведь это то же самое, что смотреть в зеркало заднего обзора. Прошло пять тысяч лет, а вы все еще заглядываете в Веды, продолжаете читать Библию, продолжаете распевать Коран, продолжаете обсуждать

Аристотеля, Платона, Конфуция, Ма-Цзы... Но вы только напрасно тратите время!

Посмотрите на настоящее. Именно в этот миг Бог находится внутри и вовне вас.

Если вы сможете ощутить Бога в полной безмятежности, в абсолютной гармонии, в совершенном унисоне, то познаете экстаз, о котором я говорю, его блаженство и благословение.

Милый Ошо, Бог знает о том, что я никогда не хотел противоречить своему мастеру, но на днях ты зашел слишком далеко! Ты заявил, что все просветленные люди в той или иной жизни были итальянцами. В тебе я не сомневаюсь, как и в Иисусе, Будде, Лао-Цзы или даже Нанаке или Рамане... А как же Кришнамурти?

Неужели ты можешь искренне заявлять о том, что такой расудочный и здравомыслящий человек, как Кришнамурти, когда-то был итальянцем? Надеюсь, ты извинишься.

Сватантра Сарджано, на самом деле, я сам, Иисус, Будда, Лао-Цзы, Нанак и Рамана – все мы и вовсе могли не родиться итальянцами, и все же нам свойственно их мироощущение. Я люблю итальянцев, что уже само по себе доказывает, что прежде я никогда не был итальянцем. А как же Кришнамурти? Он наверняка был итальянцем, причем не только в одной жизни, но и во многих рождениях. Иначе откуда бы взялась его расудочность и здравомыслие? Итальянцы так испортили его, что он до сих пор не восстановился. Кришнамурти все еще находится под их влиянием. Он боится смеяться, потому что тогда люди догадаются, что он итальянец! Его серьезность это просто другая крайность.

Сарджано, я понимаю твой вопрос, потому что Кришнамурти убийственно серьезен в отношении жизни, и это один из его недостатков. По-настоящему просветленный человек не может быть настолько серьезным.

Серьезность указывает на болезненное состояние ума. Когда ума больше нет, у серьезности исчезает фундамент. Но индийцы очень уважают серьезность, ведь она часть их долгой традиции. А Кришнамурти воспитали теософы, очень серьезные люди.

Теософы стремились показать всему миру, что они единственные духовные люди. Они все делали для того, чтобы доказать человечеству, что они пришли ради избавления людей от трудностей, недугов и болезней. Они не могли не быть серьезными. Если вы спаситель, то не можете источать шутки, вам приходится лишиться себя чувства юмора. Вы должны постоянно думать о несчастьях и горе-

стях людей. Неужели вы можете смеяться, когда людям так скверно? Неужели вы можете веселиться? Такое поведение будет жестоким.

Теософы так и представляли себе ситуацию. Это очень древнее представление затмило умы многих людей. И они загорелись желанием освободить весь земной шар. По сути, никому не нужно спасать человечество. У кого есть право спасать кого-либо? Если кому-то нравится смотреть свои сны, у вас нет никакого пава будить его. Вам нужно хотя бы получить от него разрешение. И вы должны держаться от него в стороне до тех пор, пока он сам не изъявит желание проснуться. Вы вмешиваетесь в чужую жизнь... и пусть даже ради чьего-то блага, но есть ли у вас право решать что-то за другого человека? Если другой человек выбрал ад, это его полное право. Вы можете сострадать ему, советовать ему не делать такой выбор, но тут поделаешь? У вас нет права мешать кому-либо.

Но спасители человечества неизбежно становятся серьезными людьми, иначе и быть не может. Они затолкают вас в рай независимо оттого, хотите вы попасть туда или нет. Они не оставят вас в покое. Теософы готовились к великому событию. Они собирались объявить о появлении великого учителя. Они выбрали Кришнамурти в качестве мессии. Разумеется, теософы обуславливали его всевозможными способами. Они долго навязывали ему дисциплину, режим, учения, что следы всего этого до сих пор видны в нем, его раны еще не затянулись. На протяжении двадцати пяти лет Кришнамурти все время находился в дурной компании.

Сарджано, обрати внимание на то, как учили Кришнамурти, и тебе станет понятно, почему он так серьезен. Ему никогда не разрешали дружить с обычными детьми. Он не мог играть с ними, смеяться, болтать, лазать по деревьям, плавать в реке, бить и быть битым. Его лишили детства. Его взяли у отца, когда ему было всего лишь девять лет. Его мать умерла, а отец был бедным конторским служащим. Ему не хватало денег для обучения своих детей. У него были два сына, Натьянанда и Кришнамурти.

Он понял, что теософы заинтересовались его сыновьями, и обрадовался, ведь перед его детьми открылись прекрасные перспективы. Теософы собирались учить Кришнамурти не в обычной школе. Они обещали дать ему образование в Оксфорде, в особой школе для особ королевской крови. Теософы возили мальчика по всему миру и нанимали для него лучших частных учителей. Мог ли их отец мечтать о чем-то более прекрасном? Он с радостью отдал сыновей теософам.

Потом между отцом Кришнамурти и теософским обществом началась судебная тяжба. Отец понял, как теософы обходятся с его детьми, и ужаснулся. Он и подумать не мог о том, что с ними станут

обращаться как с рабами. Их заставляли вставать в три часа утра и читать священные книги: тибетские, китайские, японские, санскритские. А дети очень хотели спать, они зубрили книги в полусне. Им даже спать не разрешали нормально. Они спали, а их наставник Ледбитер нашептывал им на ухо сутры и священные писания.

На этих детях поставили первый опыт по обучению людей в состоянии гипноза. Теперь это признанный научный метод, в СССР он получил широкое применение. Детей можно обучать даже без оператора у кровати. Одеваются наушники, включается магнитофон с небольшим уровнем звука, и в ушах человека звучит негромкая речь, чтобы не нарушить человека сон, и все же отправить послание в его подсознание. Даже во сне детям не давали свободу посмотреть какой угодно сон. Теософы контролировали даже их сновидения.

Вы удивитесь, узнав о том, что сновидения можно контролировать. Другие люди могут заставить вас видеть сны определенного рода. Например, вы заснули, но в ваше подсознание внедрена некая программа, которая всю ночь вызывает у вас некие сновидения. Этими сновидениями можно управлять извне. Например, вы спите, и наступает миг, когда вы уже не бодрствуете, но еще не спите. Вы находитесь в пограничном состоянии. Эта граница самая чувствительная часть вашего естества, так как вы все равно, как переходите с одной передачи на другую. Перед тем как поменять передачу, вы должны перевести рычаг в нейтральное положение, и как раз в это время в вашу голову можно внедрить что угодно. Весь секрет гипноза заключается в нейтральной передаче. В такое время вы абсолютно уязвимы. Вы не можете защищаться, не можете возражать.

Итак, Ледбитер, Анни Безант и прочие теософы сидели рядом с Кришнамурти, когда он спал, и выжидали удобный момент для указаний. Существуют очень простые методы, позволяющие определить, находится ребенок в таком промежуточном состоянии или нет. Например, ребенку можно сказать: «Смотри не мигая на крышу этого дома». Наступает миг, когда глаза стекленеют. Они направлены на объект, но ничего не воспринимают. В такой миг включается нейтральная передача. Это самая уязвимая и чувствительная пора. Если вы что-то скажете, ваши слова попадут прямо в сердце ребенка. Таким образом, вы обусловите его сильнейшим образом.

Теософы обуславливали ребенка даже в сновидениях. Теософы внушали Кришнамурти: «Тебе снится громадная пустыня. А многие мили вокруг тебя нет одной души. Тебя окружают одни лишь пески. Ты идешь вперед». Так вы управляете сновидением извне. Вы заложили в ребенка программу. Затем стоит лишь приблизить к его ступням огонь, и ему в самом деле приснится пустыня, поскольку

ему покажется, что он шагает по горячему песку. Стоит приблизить огонь к его голове, и он решит, что сверху печет жаркое солнце. Вы добились двойного эффекта: заложили мысль в подсознание и запустили процесс в теле. Ребенок непременно увидит пустыню, и конечно же, будет выполнять заложенную в него программу.

Итак, Кришнамурти обуславливали и во сне, и наяву. Его возили из одной страны в другую. Ему никогда не позволяли ни с кем дружить, у него не было друзей. Как он мог познать смех? Ему не разрешали влюбляться в женщин, он не ухаживал за девушками. Откуда ему знать, как смеяться?

И он жил среди странных людей. Ледбитер был гомосексуалистом. Его не интересовали женщины, поэтому он был женоненавистником. И его нередко заставляли в очень подозрительных позах с Кринамурти, маленьким мальчиком.

Когда отец узнал, как обращаются с его сыновьями, он подал на теософов в суд. Дело рассматривали много лет в высшем суде Мадраса. Отец доказывал, что Ледбитер гомосексуалист. Он представил свидетелей, которые уверяли, что Ледбитер совершал с детьми развратные действия. Но Ледбитер сбежал из Индии. И прежде чем суд успел вынести решение о передаче детей их отцу, Анни Безант тайно уехала из Индии вместе с Кришнамурти и Натьянандой. Отец так и не смог вернуть себе своих сыновей.

Старший брат Натьянанда умер оттого, что на него навалили чудовищный объем работы. Когда мальчик тяжело бредил, теософы полагали, что на него оказывают влияние великие духовные мастера: Кутуми, и прочие. Они думали, что Натьянанда переходит на следующую ступень духовной иерархии. Но все это вздор! Нет никакой духовной иерархии.

Даже Гунакар начал писать о духовной иерархии. Он послал письма в ООН. Наверно, чиновники этой организации сочли их автором меня, так как на них есть мое имя и мой портрет. Гунакар уверяет их в том, что в мире работает духовная иерархия. Сначала он называл меня мастером, а теперь – старшим братом. Со временем он напишет: «Дорогой младший брат». Он поднимает по иерархии все выше! Теперь я просто его старший брат. Я не удивлюсь, если однажды он напишет: «Дорогой сын».

Ледбитер был самым хитрым из людей, которые пытались манипулировать маленькими детьми во имя некой иерархии. Он писал книги, приписывая их авторству Кришнамурти. Ледбитер написал книгу «Прошлые жизни Алкаэни». Это выдуманное имя для всей череды жизней Кришнамурти. В каждой жизни появляется новая личность, и имя Алкаэни распространяется на все воплощения

Кришнамурти на протяжении тысячи его рождений. Ледбитер написал эти книги, и все они приписывались авторству Кришнамурти. Но теперь Кришнамурти говорит: «Я не помню, когда я написал эти книги, когда поставил на них свое имя. Я ничего не знаю о них». Все они написаны Ледбитером.

Вообще-то, ребенок десяти или двенадцати лет не может написать такие книги. У него еще нет подобных глупых представлений. Ни один ребенок не бывает настолько тупым. И весь этот духовный пафос... В конце концов, Ледбитер и сотоварищи сочинили знаменитую книгу, которая стала всемирно известным трактатом «У ног мастера». Эту книгу тоже опубликовали под именем Кришнамурти, и сам он говорит, что не имеет никакого понятия об этой книге.

Двадцать пять лет его зря мучили, не давали жить нормально. Кришнамурти не разрешали гулять в саду, где бывали и другие люди. Ему не разрешали ни с кем знакомиться, потому что он был «всемирным учителем». Как он мог смешаться с другими людьми? Разумеется, он утратил чувство юмора. Его жизнь пронизана печалью из-за мысли о своем духовном лидерстве. Кришнамурти отказался от этих замыслов, и это единственное его настоящее достижение в жизни. Он не стал называть себя всемирным учителем, но это отречение было лишь поверхностным, оно никогда не проникало в его сокровенную суть. В душе он до сих пор остается всемирным учителем. Поэтому он сердится, когда его не слушают. Он даже набрасывается на людей с кулаками. Он говорит с людьми, но если они не понимают его (Кришнамурти рассуждает монотонно, скучно, что интересно лишь тем, кто исследует явление скуки), тогда он начинает бить людей по головам. Он кричит, приходит в ярость. Но в душе он до сих пор хочет освободить весь мир.

Если вы не понимаете меня, мне до этого нет дела. Вы вольны поступать как угодно. Моя свобода проявляется в чтении лекции, а ваша свобода – в понимании или непонимании моей лекции. Как я могу решать за вас? Я не могу разгневаться. Даже если все вы уснете, я не смогу рассердиться. Я просто посмеюсь! Даже мысль о том, что множество людей сладко спит по утру, утешает меня, ведь я оказал им такую услугу!

Ты говоришь: «Неужели ты можешь искренне заявлять о том, что такой рассудочный и здравомыслящий человек, как Кришнамурти, когда-то был итальянцем?»

Для меня не важно, говорю я что-то искренне или неискренне. Все, что актуально в этот самый миг, пусть это искреннее, или неискреннее, правильное или неправильное, истинное или неистинное... Я верю в определение истины, которое дал Гаутама Будда: истина

это то, что работает. Если работает искренность, отлично. Я несерьезный человек, а все это серьезные вещи. Искренность? А с какой стати я должен быть искренним? Я живу играючи. Почему бы мне и не быть бесчестным иногда, просто ради разнообразия?

«Он такой рассудочный и здравомыслящий человек».

Если человек на сто процентов рассудочный и здравомыслящий, значит он безумен. Настоящему душевному благополучию свойственна некая сумасшедшинка.

Грек Зорба говорит своему хозяину: «Господин, в тебе все хорошо, не хватает лишь немного безумия».

Человек без сумасшедшинки скучен. В нем нет изюминки! А сумасшедшинка придает вашей жизни остроту. Вы получаете цвет, силу, страстность, танец, праздник.

Даже если Кришнамурти попадет в рай, он все равно останется рассудочным и здравомыслящим. Мне кажется, его встретят там бесраспростертых объятий. Он станет вести те же речи, что и здесь на земле в течение шестидесяти лет. Он будет кидаться на ангелов с кулаками, потому что те не слушают его! Ангелы не слушают духовные лекции. Они только и делают, что играют на своих арфах, сидят на облаках и кричат: «Аллилуйя!» Мне это подходит, но вы можете вообразить себе, чтобы ангелы пели: «Аллилуйя!», играли на арфах и танцевали вокруг Кришнамурти? Он покончит с жизнью самоубийством, потому что стремится переделать весь мир со всем его «Аллилуйя!». Все люди страдают, а эти болваны... Но я-то радуюсь! Я могу даже начать учиться играть на арфе. Я уже немного учился этому искусству, взял первый урок, поэтому в каком-то смысле разбираюсь в этом деле!

Но если Кришнамурти так рассудочен и здравомыслящ, значит он ест слишком много спагетти, и они уже висят на его ушах! Если вешать людям на уши макароны, они становятся абсолютно рассудочными и здравомыслящими.

Ты говоришь мне: «Надеюсь, ты извинишься».

Я никогда не извинялся и делать этого никогда не буду. Это не мой путь. Я никогда ни о чем не сожалею, никогда не прошу прощения. А за что? Я поступаю по-своему. Если кто-то сердится на меня, это его полное право. Он может кричать на меня, может осудить меня. Мне это все равно. На самом деле, я получаю удовольствие от всей этой возни. Главное – люди питают ко мне интерес, пусть даже через обиду, и мне это приятно. Между нами установилась связь. Она не очень хорошая, но все же какой-то мостик появился! Сегодня связь не очень хороша, а завтра она станет отличной.

Миссис Спагетти пришла на прием к врачу. Она жалуется на частые недомогания. Врач проводит обследование, а потом говорит, что она нуждается в отдыхе.

«Не могли бы вы перестать спать с мужем хотя бы три недели?» – спрашивает он.

«Конечно, – отвечает она. – У меня есть два любовника, которые с удовольствием подменяют его на этот период времени».

Вот за что я люблю итальянцев. Они так искренни и человечны!

Джованни говорит дочери: «Мне не нравится ирландец, с которым ты встречаешься. Он грубый и бесхитростный. Кроме того, он еще большой тупица!»

«Вовсе нет, папа. Он один из самых умных парней, которых я когда-либо встречала», – возражает дочь.

«Почему ты так решила?» – насторожился отец.

«Я встречаюсь с ним всего лишь два месяца, но он уже избавил меня от маленькой болезни, которую я подхватываю каждый месяц», – объясняет дочь.

Ветеринар приезжает на ферму Джузеппе, чтобы провести искусственное оплодотворение его коров. Ветеринар спешит, поэтому вручает Джузеппе шприц и быстро объясняет ему, как проводить операцию. Потом он прыгает в автомобиль и уезжает.

Немного погодя в дверь фермера стучится местный священник. Ему открывает дверь Пьеро.

«А где папа?» – спрашивает священник.

«Он в коровнике, – отвечает малыш. – Но вам лучше туда не ходить. Он уже в третий раз пытается оплодотворить корову и отчаянно ругается».

«О чем ты, мальчик? – бледнеет священник. – Святые угодники! А твоя мама знает, чем он занимается?»

«Конечно, – пожимает плечами Пьеро. – Она держит корову и кричит отцу, чтобы он не медлил, на этот раз ему повезет!»

Итальянцы замечательный народ. И зачем им просветление?

Учительница знакомится с учениками четвертого класса. Дети встают и рассказывают о своем лучшем опыте, который они получили на летних каникулах.

«А теперь очередь Джонни», – говорит учительница.

«Я занимался игрушечной железной дорогой», – отвечает он.

«А теперь очередь Глории», – говорит учительница.

«Мы все лето провели в горах», – отвечает она.

«А теперь очередь Лизы», – говорит учительница.

«Мне понравилось трахаться!» – отвечает Лиза.

«Лиза, как тебе не стыдно так говорить! – восклицает учительница. – Ступай домой и принеси в школу записку от мамы. Пусть она напишет, что ты предала ей то, что сказала в школе».

Спустя два дня Лиза, наконец, приходит в школу.

«Ты принесла записку от мамы?» – спрашивает учительница.

«Нет, – качает головой Лиза. – Мама сказал мне, что если вам не нравится трахаться, значит вам по нраву оральный секс, а моя мама не желает писать записки особам подобного рода!»

Милый Ошо, я прошу тебя рассказать нам еще несколько сутр Мёрфи и анекдотов.

Гандхарва, сутры Мёрфи поистине прекрасны!

1) Если бы жены были верными, тогда Бог был бы одинок.

2) Одни люди рождаются глупыми, другие глупеют по жизни, третьи влюбляются.

3) После мужчины появилась женщина, чтобы с тех пор всегда быть первой.

4) В молодости будь бережливой, чтобы в старости позволить себе радости, которые можно вкушать лишь в юности.

5) Никогда не упускай возможность осчастливить других людей, даже если вам придется оставить их в покое.

6) Люди верят в наследственность, если у них способные дети.

7) Когда попадешь в Рим, веди себя как римлянин: ешь спагетти.

8) Некоторые люди не могут найти решение ни одной трудности, но отыщут трудность для любого решения.

Если вы не верите в восьмую сутру, то расспросите Ашиша. Он живое воплощение этой сутры! Он не может найти решение ни одной трудности, он стоит ему дать такое решение, как он тотчас же находит для него трудность.

9) Нет лучшего времени, чем настоящее, для того, чтобы отложить то, что вы не хотите делать.

10) Трудно переоценить работу в команде, потому что так вы можете преложить свою ответственность на плечи коллег.

11) Вы можете все растолковать, но не можете заставить людей понять вас.

12) Глупее всего рассказывать лысому человеку историю, от которой у людей на головах встают волосы дыбом.

13) Кто может быть немее итальянца? Немой индеец.

14) Адам был счастливейшим мужчиной на земле. Его теща никогда не внушала Еве, что порядочные девушки так не поступают.

15) Вы не можете добраться отсюда туда, тем более, что идти, по сути, некуда.

А теперь послушайте несколько анекдотов о Мёрфи.

Я становлюсь все более рассеянным, – признался Мёрфи приятелям. – Иногда я прямо посреди предложения... это самое...».

«У этого Бобо такие грубые манеры, – говорит один прихожанин. – Сегодня он громко храпел на всю церковь».

«Это точно, – соглашается Мёрфи. – Он даже меня разбудил».

Мёрфи только что стал отцом тройняшек. Священник остановил его на улице, чтобы осыпать поздравлениями.

«Мне сообщили, что тебе улыбнулся аист», – говорит священник.

«Улыбнулся! – саркастически восклицает Мёрфи. – Он громко посмеялся надо мной!»

Некто встречает Мёрфи на железнодорожной станции.

«Мёрфи, куда ты собрался?» – интересуется он.

«Хочу провести в Париже медовый месяц», – отвечает Мёрфи.

«Без жены?» – удивляется человек.

«Неужели ты берешь с собой в пивную ящик пива?» – восклицает Мёрфи.

Однажды в воскресное утро священник заболел. Он не мог прийти в церковь, чтобы исполнить свой долг, поэтому поручил Мёрфи подменить его. Священник попросил его попеть с паствой.

«Пришла пора прихожанам с музыкальным голосом показать благодарность Господу, а безголосым прихожане показать ему свою страстность!» – закричал Мёрфи.

Мёрфи пришел домой на час раньше, чем обычно, и застал жену в постели в совершенно обнаженном виде. Когда же он поинтересовался причиной такой вольности, она ответила: «Я протестую против того, что мне нечего надеть».

Мёрфи не согласился с ней, открыл дверь шкафа и стал перечислять: «Но у тебя есть желтое платье, красное платье, бюстгальтер, трусики... Привет, Джек... зеленое платье, оранжевое платье...»

У смертного одра, на котором лежит Мёрфи, сидит его сын.

«Где ты хочешь быть погребенным?» – спрашивает сын. – На лесной лужайке или в мраморном склепе?»

Старик Мёрфи открывает глаза и отвечает: «А ты приготовь мне сюрприз».

На сегодня достаточно.

Издательство «Нирвана» выпустило 120 книг ОШО.

Самые популярные из них:

«Оранжевая книга»,

«Горчичное зерно»,

«Жизнь и смерть»,

«Мистический опыт»,

«Медитация – первая и последняя свобода»,

«Психология эзотерического»,

«Тантра» (4 книги).

Заказ книг по адресу: osho@list.ru

**Весь ассортимент книг продается в спорткомплексе
«Олимпийский», метро «Проспект мира»**

**и магазине «Белые облака», метро «Китай-город»,
ул. Покровка, д.4. Тел. 921-61-25.**

www.clouds.ru

**Центр духовного туризма «Према» поможет
паломникам и саньясинам в их странствиях
по Индии и Непалу.**

Адрес: Москва, ул. Красная Пресня, д.9, стр.3.

Тел.: 255-03-63, 252-52-03